

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2014

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

Приокские зори

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД**

**ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2014 — 1(34)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Опять осень: чиновник, литератор и народ..... 3

К 185-ЛЕТИЮ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

Людмила Авдеева. Лев Толстой, Иван Минаев и неварская литература..... 15

ПЬЕСА

Лариса Семенищенкова. Лесков (портрет писателя)..... 23

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Рудольф Артамонов. Смерть в Венеции (рассказ-сюита)..... 55

Александр Сорокин. Врата адомы: Зарисовка с натуры..... 68

Алексей Яшин. Философствования о совершенствовании идеи..... 70

Сергей Крестьянкин. Пробуждение..... 78

Ольга Соколова. Рассказы «Первый брак» и др..... 85

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валентина Маркина. Яблоки..... 88

Сергей Булгаков. Зимний вечер..... 91

Владимир Резцов. Песня о Гришке Отрепьеве (поэма)..... 96

Игорь Мельников. Слово..... 105

Игорь Лукьянов. Вашу спесь заводит — не унять..... 108

Виктор Иванов. Стихи..... 112

ПЕРСОНАЛИИ ТУЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Игорь Титков. Мой первый перевод..... 115

Александр Хадарцев. Наваждение..... 123

Владимир Сапожников. Небесный ангел..... 129

Сергей Галкин. Кружит лебедь у скалы..... 134

Виктор Пахомов. Мужик..... 140

ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Олег Яковлев. Увидеть море..... 143

Сергей Прохоров. Покуда нить жива..... 152

Сергей Лебедев «Отче наш...» (поэма)..... 157

Ольга Борисова. Среди камней на горном склоне.....	161
Владимир Корнилов. Новогодние стихи.....	165
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПЕРЕВОДЫ	
Ирина Денисова. Тема для янт(в)аря (глава из книги).....	168
Игорь Карлов. Африканская ночь.....	173
Ефим Гаммер. Стихотворения.....	174
Детелина Стефанова. Беспокойство (пер. А. Селичкина).....	178
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРИХ»	
Анастасия Чернова. Самолет пролетел.....	182
КРАЕВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
К Юбилею Тульского областного художественного музея (Марина Кузина, Елена Оленич, Марина Баланюк).....	187
Наталья Квасникова. Итоги всероссийской и международной дискуссии «Не хватит ли сбрасывать Пушкина...».....	216
Николай Струна. Визитная карточка нашей литературы.....	225
Нина Попова. Единение судеб — перекрестия строк (Гумилевские традиции в творчестве Владимира Федорова).....	238
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	247

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются (кроме поэзии).

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)
Зам. главного редактора Наталья КВАСНИКОВА (Москва)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск), зав. отделом международных связей
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики и литературоведения
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент Академии российской литературы
Яков ШАФРАН (Тула) — отв. секретарь

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Голос эпохи» (Москва)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)
— журнал «Золотая Ока» (Калуга)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

*Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
www.pz.tula.ru (в PDF формате)
См. также на сайте «Русское поле»:
priokskie.ruspole.info*

© «Приокские зори», 2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОПЯТЬ ОСЕНЬ: ЧИНОВНИК, ЛИТЕРАТОР И НАРОД

*Ибо для дерева есть надежда,
Что, и будучи срублено, снова вырастет,
И отрасль от него не прекратится;
Хоть и состарится в земле его корень...*

Книга Иова*, гл. 14, ст. 7—8

◆ Воспоминание конца восьмидесятых годов: на дворе горбачевщина в самый расцвет провокационной антиалкогольной кампании. Кстати, совершенно неверно в народе ее называли идиотизмом. Нет, это был один из ходов разрушения СССР, умело просчитанный на суперкомпьютерах западных спецслужб: сначала до предела ожесточить народ километровыми очередями на морозе за «талонной» водярой, а затем в момент полной сдачи верхами — агентами влияния всех государственных позиций до отказа опустить возжжи, вусмерть напоить народ пойлом из разведенного турецкого и польского спирта, тем самым лишить его бдительности...

Но это в качестве интермеццо исторического характера. Воспоминание же иного плана. Довелось в эти самые годы пару недель провести в Ленинграде — в сухой и достаточно теплый октябрь месяц. По рекомендации коллег-инженеров, опытных командированных, снял однокомнатную квартирку по приемлемой цене около станции метро «Академическая», а по вечерам, после окончания дневных дел отправлялся поближе к центру, к Неве, гулял по ее набережным, тем более, что Северная столица не была мне чужим городом: в мурманское детство и юность семья наша ездила в отпуск на калужскую отцову родину то через Москву, а то и через Ленинград. Потом и вовсе довелось учиться на матмехе ЛГУ. Так что было что вспомнить, прогуливаясь по набережным.

...И опять дело-то не в этом, хотя с некоторым огорчением отметил в первый же день ленинградской поездки: с началом ранних осенних сумерек даже в центре улицы быстро пустели, чего не было в мои студенческие годы. Даже на Невском некоторую степень оживленности придавали, в основном, яркое освещение улицы и витрин, а также группки прогуливающихся от ресторана до другого турмалайненов в модных тогда в Европе длинных плащах, то есть финнов, приехавших на выходные через Выборг от души по пьянствовать. Но и краснолицые лесорубы выглядели не очень веселыми: водку можно взять только в кабаках и в «Березке» за валюту — дорого, однако!

В один из ранних вечеров, гуляя в окрестностях Финляндского вокзала, забрел на набережную у Крестов. И охватило тоскливое чувство полного одиночества на белом свете. Дорога, опоясывающая плавный изгиб Невы, с одной стороны свинцовая вода, с другой — тюремная кирпичная стена. Поднявшийся, а скорее — всегда присутствующий в этой «аэродинамической трубе» (работал тогда инженером на

* Текст библейской книги в переводе автора исследования: Рижский М. И. Книга Иова: Из истории библейского текста. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — С. 46—47.

«оборонке», мыслил технически) колючий ветерок-поземка метет по стрезню дорожки хрустящую на зубах пыль... И ни звука, ни души, сколько видно на расстоянии в наступающих сумерках! А ведь — центр города, нерабочая суббота и время даже не совсем вечернее?

Такая вот и жизнь у нас наступила, размышлял горестно, миную казематные стены. Скука, серость во всем мире, люди по норам своим сидят, коротают день перед телевизором, на экране которого каиново-пятнистый генсек все талдычит да талдычит с южнорусским говором про перестройку, консенсус и социализм с человеческим лицом. И это в столичном городе? А у нас, в Туле, и того тоскливее: три фонарных столба на квартал, непролазная грязь. Тогда заводы еще работали, разминутся у проходных первая и вторая смены, разъедутся работники по домам — и пустота на улицах растеряевых... Словом, «сижусь я в Туле в туле» — по Маяковскому.

◆ Но тогда, исключая внедренный Западом в своих целях горбачевский водочный зажим, СССР был сверхдержавой с мощнейшей промышленностью, океанским военно-морским флотом, а авиация и танковые армии были в полной готовности к «обратному блицкригу» — до Лиссабона включительно. Хотя мы и мирные люди... Но самое существенное, что наступившая в горбачевщину внешняя скука и серость с лихвой компенсировалась еще не расплесканной на частнособственничество энергией народа-созидателя, конструктора больших и малых идей но далеко еще не квалифицированного потребителя и обитателя-обывателя сырьевого придатка мирового империализма... Заводы работали в две-три смены, окна громадных зданий научно-исследовательских и конструкторских предприятий и учреждений светились допоздна. Но не только их стены были «перегреты» мощным напряжением интеллекта. Музы Эрато, Евтерпа, Каллиопа, Мельпомена, Полигимния, Терпсихора и Талия, покровительницы изящного творчества, литературы и искусства, как мы говорим, воодушевленно парили над театрами и концертными залами, мастерскими художников и скульпторов.

А если говорить о предмете нашего интереса — литературы, то сень муз простиралась не только и не столько над полуноменклатурным Переделкиным и территорией, огражденной Садовым кольцом и несколько шире — МКАДом, но над всей территорией 1/6 части земной суши: от Бреста и Калининграда до островов Курильской гряды, если смотреть по горизонтали карты СССР, и от Земли Франца-Иосифа* до Кушки — по вертикали. А на литературных страницах многотиражных военных журналов и газет печатались очерки, рассказы и стихи наших друзей литературы, друзей — потому что они еще не стали настоящими писателями (это как тонко подмечено Пушкиным: «...И друг степей калмык» — в том смысле, что калмыки-то пришли совсем недавно с алтайских гор...), с советских военных баз во Вьетнаме, на Кубе, в Сирии и Ливии. Уже не говорим о полнокompлектных советских армиях в ГДР, Венгрии и Польше.

Подрастали до писательского уровня шахтеры треста «Арктикуголь» на Шпицбергене. Писали стихи в перерыве между боями в огненном Афганистане. Тогда молодой и неутомимый (впрочем, энергии его позавидуешь и сейчас), Александр Проханов слал в газеты и журналы свои очерки из всех горячих точек планеты. И на полукилометровой глубине всех земных океанов между вахтами на боевых постах затаившихся атомных подводных лодок, стратегических и ударных, склонялись головы матросов, старшин и офицеров над заветными тетрадками рукописей**...

...Имперская держава, огромная страна, соединившая в себе половину Европы и тож половину Азии, требовала художественного отображения своей кипучей жиз-

* Там в советское время базировалась дивизия первого удара по натовским базам в Исландии.

** См. в «Приокских зорях» повести, рассказы, стихи бывших моряков-подводников.

ни, но и предъявляла не менее высокие требования к мастерству профессиональных и (пока еще) самодельных литераторов. Метод соцреализма как дальнейшее развитие классического русского критического реализма давал широчайший простор для художественного самовыражения и оттачивания мастерства, что есть главный критерий перехода от ремесленничества к профессиональному писательству. Никакая пресловутая «литовская» цензура, если, конечно, не именуешь маразматиками членов Политбюро и не расписываешь тактико-технические данные новейшей крылатой ракеты или водородной бомб «Кузькина мать»*, не лютовала, как сейчас расписывают бывшие диссиденты. И вообще забывают, что книга сдавалась издательством в обллит уже после выхода ее тиража...

Так что писатель и в лицо знать не знал «грозного советского цензора». А это были обычные грамотные женщины-служащие, что по утвержденной инструкции, явно скучая, читали книгу и ставили одобрительную подпись в бланке, не найдя названных выше двух пунктов. Знал одну такую служащую — мать однокурсницы. Милейшая женщина, домашняя хлопотунья и изумительно готовила.

Другое дело, что не надо никогда — в исторической ретроспективе или перспективе — забывать об одном качестве доброго нашего народа: этнических русских и за многие века прикипевших к ним душой русскоязычных. Качество это именуется сквалыжничеством, что укрупненно включает в себя неиссякаемую зависть, среднюю степень *taniae grandiosae*, страсть к доносительству и абсолютное неприятие выделения из толпы, то есть выраженных талантов. Впрочем, все это вы, читатель, прекрасно знаете, или узнаете, из булгаковской «Мастера и Маргариты», а о более близких к нашему времени реалиях окололитературной жизни из недавно изданной книги Вячеслава Огрызко «Против течения» (М.: Литературная Россия, 2010). Имею подаренный автором экземпляр последней и с удовольствием перечитываю эту энциклопедию современного литературного процесса...

Самое удивительное, что качество это, в равной или даже большей степени присущее писателям иноземного Запада-Востока, в русском варианте вовсе не сопровождается каким-либо корыстолюбием, чиновничеством и прочими атрибутами, о которых исчерпывающе поет Мефистофель: «Сатана там правит бал, люди гибнут за металл».

...Так сказать, искусство для искусства. Потому мы особо-то не озлобляемся и в исторической ретроспективе с доброй улыбкой вспоминаем про ссоры иванов ивановичей с иванами никифоровичами. И точно также наши потомки будут добро вспоминать нынешнее остервенение в дележе остатков писательского имущества от СП СССР по принципу: дело не в деньгах, которых нет и не будет, а в принципе: если не мне, то и никому! — см. противостояние двух «литературных газет».

Однако, вернемся в основной теме «Колонки».

◆ Мне, как во внелитературной сфере специалисту, а может даже и ученому (не очень люблю это слово; это как в юмореске Михаила Задорнова о хатულ мада-не — коте ученом на иврите) в области эволюционной биологии и биофизики, предельно ясно: вся наша эволюция, в том числе социальная, зиждется на цикличности, то есть на гегелевской спирали развития. Вспомните свои годы учения в советских школах и вузах. Чему сейчас там учат — пусть министр образования по телеящику объясняет. Каждый должен отрабатывать свой оклад содержания и прочую манну небесную.

* Поначалу предполагали взорвать на Новой Земле «Кузькину мать» мощностью 50 мегатонн, но в самый последний момент снизили до 30 мегатонн, ибо, как сказал Хрущев, как бы свои стекла не побить... Я тогда жил в мурманском Заполярье, рядом с Новой Землей, прекрасно помню, как в тихий безветренный день трижды с интервалом угрожающе звенели стекла нашего маячного дома...

Так и в нашей новейшей истории XX и начала XXI веков. Веселый наш народ привык определять начало осеннего цикла наступления периода скукорожденной, суконно-цинковой и вицмундирной жизни страны по ... притеснительным новациям в части водочной торговли. Избави бог вас подумать, что только «веселие Руси есть в питии» (приписывается князю Владимиру-Крестителю)! Даже наши антирусские СМИ порой проговариваются, что в иных, так называемых цивилизованных царствах-государствах, пьют поболее нашего. Просто там занимаются этим дома по вечерам, плотно занавесив окна, а наша широкая православная душа уважает гульбу на людях, да с плясками, да с песнями, а лучшие всего — в рабочее время, совмещая приятное с полезным. Так, наверное, Перун с Даждьбогом, а опосля князь Владимир приучили...

Тем не менее, это так: осенний цикл предельно точно барометрируется по государственному уничтожению вольности-баловства со злодейкой с зеленой наклейкой. Самое существенное, что это прерогатива новейшего времени, ибо за всю предыдущую тысячелетнюю историю Руси Гостомыслы, Рюрики и Романовы на эту народную отдушину не покушались: себе дорожке обойдется!

Первая осень грянула с началом Империалистической войны: Николай Кровавый, ныне святой, объявил на все военное время сухой закон. Символично, но это во многом способствовало протрезвлению народа и ликвидации самодержавия. Вместе с последним русским царем. Попутно это вызвало к жизни невиданный разгул самогоноварения, искусство которого было доведено до совершенства. Поскольку по матери ваш покорный слуга из шотландцев, то невольно здесь вспоминаются слова Роберта Бёрнса: «Каждый шотландец умеет знать виски, еще находясь в утробе матери». Так или примерно так было в России десять лет — до появления акцизной тридцатиградусной «рыковки». Вспомните пренебрежительный отзыв о малом ее градусе Филиппа Филипповича из «Собачьего сердца»...

Вторая осень с «питейным» символом случилась уже на нашей зрелой памяти: приснопамятная горбачевщина с вырубкой реликтовых виноградников и «талонной» водовкой. Опять воспрянуло высокое искусство самогоноварения, появились сорта «томатовка», «картофельные выморозки» и так далее — для запивки акцизной талонной в таре поллитровок, чекушек и «раисок» (это бутылки емкостью 0,33 литра из-под пепси-колы). Относительно продуманности этой кампании уже написано выше. А вот опять-таки символично в антиалкогольном угаре агенты влияния ликвидировали советский социализм. Причем, в отличие от первой, царской осени, гострезвление сыграло здесь немалую роль. Опять же смотрите начало настоящей «Колонки».

Наступила разгульная весна и лето девяностых и начала двухтысячных. Почти «Весна священная» с языческими плясками, донельзя очертенившимися народ. А под шумок этих питий-плясок и братковской стрельбы среди бела дня разрушили до основания страну победившего социализма, все разворовали и распродали, даже стратегический запас оружейного плутония, наработанного почти за полстолетия, Ельцин почти задаром отдал США. Восторжествовало частнособственничество, потребительство, олигархат и тут же полунциета подавляющей части населения страны, разбитой на пятнадцать больших и малых осколков: разделяй и властвуй. Заводы продали на металлолом Западу-Востоку. Туда же ушел советский океанский военный флот, армия свернулась, как шагреновая кожа. Ее заменили на внутренних фронтах неимоверно разбухшие внутренние войска.

...Символическое разоружение перед всем миром состоялось буквально на днях: из северодвинского капремонта вышел последний советский авианосец, проданный Индии. Оно, конечно, советский (теперь российский) слон друг индийскому слону, но зачем же так откровенно? И с экранов телевизоров, которых теперь у нас не фабрикуют, ответственный за «военку» госчиновник что-то скороговоркой пояснил: дескать, корабли такого класса нам пока не нужны, может быть потом, нескоро понадобятся... и так далее. Народ все со скорбью понял.

И вот пришла она, третья осень. Как уже стало традицией, начало ее ознаменовалось водочным ужесточением, да еще впридачу курильщикам (жив еще, курилка! — по Ромену Роллану) дали по губам, матерно изъясняться запретили, а чтобы народ больше трех не собирался, то ввели полумиллионные штрафы за всякие там «болотные междусобойчики». Оно, может, и правильно, имея под боком, да еще без госграницы, вакханалию Евромайда — с твердой оплатой в общечеловеческой ценности, то есть в долларах.

К этой осени страна подошла хотя и разоруженная, лишенная промышленности, олигархическая, очиновненная, с угробленной наукой и «болонизированным» ущербным образованием, живущая исключительно на нефтегазодоллары, но зато со всеми внешними атрибутами социальной стабильности и, вообще говоря, довольным народом: нам, мол, не привыкать, лишь бы не было войны! Ох, загадочная славянская душа...

А все признаки субординированной, казенной, суконно-цинковой осени налицо: пустые не то что по вечерам, а и днем улицы городов, скука и безнадега по всем. Намеренно ли осень «устроили» в преддверии очередного социально-эволюционного скачка, либо все так стихийно сложилось, говоря словами уральского казака Черномырдина: «Хотели как лучше...»? — Кто знает. Тем и загадочна эволюция человека, что нам не дано знать даже ближайшее свое будущее, а любые прогнозы вилами извешены, на чем писаны.

А сейчас, проанализировав эффекты осени и добравшись до дней текущих, обратимся к волнующей нас триаде «чиновник, литератор, народ». Под последним, естественно, полагаем читающий еще пока народ.

◆ *Совершенно неверно некоторые представители как левой, так и правой «болотной» оппозиции называют современную Россию полицейским государством, даже если при предыдущем президенте милицию переименовали издевательски в полицию — издевательски над всеми участниками Великой Отечественной войны и, особенно, над гражданским населением, оказавшимся в немецкой оккупации.* Хотелось думать — и в СМИ уже появились намеки, — что госвласти все же восстановят status quo и сделают обратное переименование...*

Нет и еще раз нет, ни при князьях, ни при царях и генсеках, ни сейчас Россия не являлась и не является полицейским государством. Даже если население страны поделят ровно надвое и одну из половин обмундируют в милицейско-полицейских, то ничего не изменится. Все дело в том, что народ по натуре не бунтовщик и законопослушен. Правда, если все же его довести — то взбунтуется, а русский бунт... вспоминайте определение его Александром Сергеевичем. А законопослушен все по тому же меткому пушкинскому определению словами Савельича из «Капитанской дочки»: поцелуй, мол, барин, ручку злодею, да сплюнь опосля! И милицаи-полицай это прекрасно понимают, те же русские люди. А поскольку не пущать и разгонять некого, то от скуки своей служивой жизни умеренно или неумеренно пьянствуют, пользуют бесплатно проститутку на «субботниках», почти по «совести» мздоимствуют, а более всего уважают холодные зимние сутки проводить в своих жарко натопленных участках, мечтая о выходе на пенсию и дальнейшем трудоустройстве в ЧОП'ы. А сейчас им жалование резко прибавили, так и смысл рисковать собой «на выезде» смысла нет: подстрелят, так и повышенная зарплата гикнется.

Нет, Россия не полицейское, но чиновничье государство. И всякая очередная социальная осень — праздник души для чиновников всех рангов. И если после первого

* Отличительная черта нынешних СМИ — скакать впереди лошади. При этом они напрочь забывают присказку авторитетного для них Солженицына («Один день Ивана Денисовича»): «Тебя не пользуют, ты не подмаживай»... Так и на праздновании 9 Мая в Туле, еще и милицию в полицию не переименовали официально, корреспондентка радио верноподданнически объявила в микрофон: «Не только бойцы армии, но и многие полицейские не вернулись с фронтов»... No comment.

выхода на экран «Семнадцать мгновений весны» молодые офицеры на Лубянке дурашливо приветствовали друг друга «Хайль Гитлер!», то теперь чиновники младших рангов, правда, оглянувшись, тоже дурачатся: «Здорово, Егор! Как борьба с коррупцией?» — «И ты будь здоров, боярин!. Боремся, не покладая рук — чем больше боремся, тем больше куш!»

Но главная отрада чиновников — это короткие приступы бурной деятельности — говорильни, перемежаемые долгим отдыхом от трудов праведных: в уютном кабинете, с кофейком да с прелестницей-секретуткой. А надоест костлявая неумеха, интересующаяся только деньгами в форме повышенной зарплаты, так можно и серьезную, опытную в постельных делах тридцатипятилетнюю подчиненную приблизить «к делам». Со времен Фрейда известно всем, что у женщин бальзаковского возраста на сидячей работе кровь неумеренно приливает к тазовой области, оттого они неутомимы в любви... Впрочем, тоже по расчету.

Всем жизнь чиновника хороша, вот только в галстук надо постоянно находиться*, уметь кланяться вышестоящим и постоянно опасаться смены губернатора или градоначальника: каждый новый приходит со своей командой.

◆ Второй из триады — литератор; он же писатель или поэт, он же сочинитель, он же «инженер человеческих душ». Ничтожнее в социально-экономическом плане и в так называемом общественном мнении и в реальном мнении широких народных масс такой профессии сейчас и не сыскать. А в среде молодых поколенных поколений разве что Бетховен более уничижен: «Кто такой Бетховен?» — «А это чел, который позывные для мобильников сочиняет».

...Впрочем, о современном писателе и продукте его творчества мы столько много писали в «Колонках» предыдущих номеров «Приокских зорь», что уже и неудобно надождать нашему читателю, получается эффект полета шмеля или кукушкиных языков. Куда интереснее о заключающем триаду народе покумекать-потолковать.

Вне всякого сомнения, советский народ является самым читающим в мире — без натяжек и эвфемизмов можно говорить. Сейчас народ тоже в массе своей почитывает на сон грядущий: денежные — свои чековые книжки, или как там это сейчас называется; безденежные — почитывают-подсчитывают чужие деньги и люто завидуют их обладателям. Еще в конце каждого месяца все озабоченно, до дыр зачитывают приходящие по почте квитанции на квартплату, газ и электричество. Скоро, наверное, введут налог на домашних собак и котов.** Так что круг чтения все увеличивается и увеличивается, чтобы там наши СМИ ни говорили об угасании тяги к чтению...

Зададимся сакраментальным вопросом: зачем вообще современному (не только в России) человеку, а в массе своей и всему народу, читать? — Получается, что незачем. Баловство все это, пережиток совка, да и зрение надо беречь для телевизора: вдруг там что интересное скажут-покажут, например, голосистых пуссирайтских девок в Большом театре на премьере «Орлеанской девственницы», или фигуристая теледикторша радостно оповестит о трехпроцентной индексации базовой составляющей пенсии... Наконец, могут «закрыть» всех волнующую тему о тайне исчезновения бриллиантов покойной Людмилы Зыкиной — мол, завещала на освоение Марса.

А если серьезно говорить?.. впрочем, все то же получится. Главное, если не столько читающие, сколько уважающие книгу люди еще сохранились: не как арте-

* При вступлении на должность тульского губернатора всенародно любимого Василия Александровича Стародубцева пишущего эти строки «сватали» на должность председателя комитета по науке. Но на вопрос его первого зама: «Почему без галстука?» — последовал мой ответ: «Я из старообрядцев, а у них галстук называется иудиной петлей...».

** См.: Яшин А. А. Лицензия на отлов мышей // Приокские зори. — 2013. — № 2.

факт или сугубый раритет, но все же числом они пока превышают население, например, Монголии или Исландии. Насчет Ирландии сомнительно.

...На днях, идучи со службы домой, заметил людское оживление около помойки нашего квартала. Оказалось, что в соседнем доме выморочная квартира досталась молодым наследникам, начавшим тотчас евроремонт. Как абсолютно ненужный хлам вынесли к помойке, хорошо хоть не побросали в нее, а аккуратно разложили связками на трубах теплотрассы любовно собранную прежними хозяевами квартиры достаточно солидную библиотеку. Наличествовали прежние советские раритеты — книги Сартра, Камю, Кафки, скупо тогда издаваемые и стоившие на черном книжном рынке каждая под месячную зарплату инженера или учителя. По характерным переплетам угадывались дореволюционные «нивские» и «а-эф-марксовские» издания. Все это великолепие памятников творчества завершила двухсоттомная «Библиотека всемирной литературы» — самое роскошное и объемное издание советской поры.

И что вы думаете? Проходя рано утром из дома на службу, порадовался: народ все книги разобрал за один вечер. Остались только единичные книжки: потрепанные дешевые издания «Школьной библиотеки» и толстенный том «Правда кузнеца Изнотаса» литовского советского писателя Гудайтиса-Гузавичюса. Кстати, эту книгу я с большим интересом читал еще в школьные годы.

◆ Итак, к началу нынешней осени — в совокупности социальной, эволюционной, политической, культурной и так далее — в интересующей нас триаде сложился следующий «нелюбовный треугольник» (термин Н. А. Мыха-Степняка, автора «Приокских зорь»). Народу писатели глубоко безразличны. Многие вообще считают, что литераторы-сочинители книг жили где-то в XIX веке, максимум — «при Советах». Почти все остальные полагают писателями авторами современных детективов и нескольких записанных авторов мужского пола. Условная — до тридцати пяти лет — молодежь ничего не читает из художественного, а по компьютеру общается с приятелем из соседней квартиры.

Взаимоотношение народа и чиновничества чисто виртуальное. Чиновникам народ иногда досаждают, мешает их покою, потому они стараются с живыми людьми нечиновного звания не общаться. И, за исключением сверхкрайней нужды, чиновники для народа — пустое место, правда, хорошо оплачиваемое. При этом народ-то и чиновники «держат в уме», даже не читая Салтыкова-Щедрина, что мужики генералов кормят, а не наоборот. Поэтому при всем полнейшем безразличии чиновников к народу они все же не заинтересованы, как того хотела Маргарет Тэтчер, в уменьшении численности населения до 15—30 миллионов.

Писатель для чиновника — суцая абстракция: как в ретроспективе, так — и тем более! — в сезоне настоящей осени. Сам он в жизни держал в руках только две книжки: «Тимур и его команда» Гайдара-деда в детстве, а сейчас (см. выше) личную чековую книжку. И дома у него никто не читает: супружница весь день занимается алчным шопингом, редко, потому что толстая — тем же с заменой первой буквы на другую, а детки бессмысленно сидят перед монитором «компа».

Но писателю — ему единственному, нужны и народ, и чиновники. Первый дает ему образы и характеры для вдохновенного письма, а в отношении вторых у него неиссякаемо теплится (напрасная) надежда: вот, дескать, от всеобщей осенней скуки и серости распорядятся сверху обратить внимание на отечественную словесность, объявить ударный месячник опеки над инженерами человеческих душ — глядишь, удастся и ему втиснуться в число обласканных месячным вниманием сочинителей и — верх мечтаний — пообещают (правда, все одно не дадут) деньжонок на двухсотенный тираж издания его романа о житии Колчака или Столыпина! Вот и лелеет неизбывную надежду...

Тем более что только что ушедший год дал определенные намеки. Высшая власть

и раньше раз в пятилетку встречалась в узком кругу с литераторами некогда звонких имен, обещала то и другое, например, поддержку «толстым» журналам, но все это знали только немногочисленные читатели литературных столичных газет.

Но вот в ноябре прошедшего года случилось нечто более знаковое в части возможного сближения чиновника и литератора: встреча высшей власти с писателями в полном зале средней вместительности. Как их отбирали — то широким литературским массам невдомек. О примерном составе можно судить только по вышедшему сразу после встречи номеру «Литературной газеты», где были опубликованы многочисленные резюме выступлений приглашенных. И хотя в материалах представительного собрания ни полслова не говорилось о какой-либо будущей заорганизованности омундиренных, избранных литераторов, но любое выступление завершалось уверением NN или MM в том, что он с удовольствием примет самое активное участие в чем-то сакральном, своим именем умолчания не называемом. Может, чтобы не сглазить, тьфу-тьфу?

...Вот и моя однокурсница по Литературному институту, которая ранее писала в ханбековском справочнике «На пороге XXI века», что время ее читателей ушло, писать вроде как зареклась, тоже в своем выступлении ободрилась. Мол, с удовольствием, примет участие и так далее.

Зато Интернет и литературно-газетная периодика прямо-таки взорвались: прошедшая встреча именуется не иначе как повторением горьковского I Съезда Союза советских писателей, ныне, значит, российских, а новый Союз, разогнав все ныне существующие, как некогда СП СССР, разогнала все РАППовские объединения, провозгласил конкордат власти, то есть чиновников, с «правильными» сочинителями-воспевателями идеалов нынешней власти и жизни.

Естественно, и имя организатора той встречи, более громкое (по родословной), чем Горький, уже называют будущим главным литератором страны.

...Пусть их пишут: может «месячник» пройдет, и все забудется. А если все же «избранную тысячу» литераторов омундируют, дадут статус писательских чиновников, то нам, опять же, не привыкать. Как писали, так и дальше будем поддерживать, в чем-то и развивать русскую словесность. Главное, чтобы воображаемый новый Союз не сделали филиалом мирового ПЕН-клуба. Тогда русская литература в угоду глобализации и вовсе иссякнет.

А глобализация суть всеобъемлющий процесс, просчитанный загодя на мегакомпьютерах. И в каком-то, правда, третьестепенном файле просчитанных рекомендаций явно нашлось место для глобализованной литературы: «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри» (Откров. Св. Иоанна Богослова, 6, ст. 1).

...А зримые черты тени глобализации над многострадальной русской литературой уже видны невооруженным глазом. Действуют в самой России «пеновские» агенты влияния, поучая молодых литераторов как «правильно писать». За рубежом обосновались многочисленные русскоязычные литературные общества, проявляющие большой интерес к еще неокрепшей разумом и талантом пишущей молодежи. И более зрелых стараются по мере возможности «перековать» в духе глобализации.

...Вот пишет мне известная сибирская писательница, давний друг «Приокских зорь», что только что вернулась с курсов в Хорватии, где «нас учили писать» (!?). Дожили! Хорваты, тем более католики (уже не говорю об их «особом» отношении к нашим братьям-сербам), крохотный в литературном мире народ, учат писать русских литераторов! Даже если они и были всего лишь организаторами таких курсов.

Будьте, собратья по перу, бдительны. Ибо интернационализм в литературе — это одно — взаимополезное и глубоко гуманное, но глобализация в ней — это сакрально непредсказуемое, в любом случае гарантирующее отрыв от питающей рус-

скую литературу почвы. Пусть эти Юлиуса Фучека слова о бдительности, хотя и сказанные по другому поводу, будут оберегом русского писателя. Не допускайте, чтобы нас поделили на сардучеев, ессеев и фарисеев.

◆ Цель написания настоящего очерка — несколько расширить содержание «Колонки главного редактора» в № 4, 2013 «Приокских зорь», открывшей очередную, ставшую уже традиционной всероссийскую и международную дискуссию по теме «Герой нашего времени» в оцифрованном человеке». Поскольку в исходном для дискуссии тексте, а также в настоящей «Колонке» присутствуют упоминания о ноосферном будущем человечества и переживаемом нами сейчас процессе глобализации как начальном ноосферном процессе, считаем полезным для тех читателей «Приокских зорь», которые пока не имеют четко осознанного представления о категориях ноосферы и глобализации, ознакомиться с приводимым ниже Меморандумом. Он написан, вообще говоря, для специалистов-ноосферологов, но понятный его язык вполне доступен самодостаточно мыслящим гуманитариям-литераторам.

МЕМОРАНДУМ

(о принципах развития науки ноосферологии на период до 2020-го года)

1. В изложении настоящего материала из трех основных значений слова «меморандум» (от лат. *m e m o r a n d u m* — то, что нужно помнить) используется следующее: тезисы (записка), в которых представлены вопросы, выдвигаемые на обсуждение.

2. На обсуждение научной общественности, то есть ученых, специалистов и всех интересующихся актуальными вопросами современного естествознания, преимущественно в отраслях эволюционной и социальной биологии, научной феноменологии, физики живого и биофизики (это разные понятия), космологии и квантовых теорий, формальной и комплексной логики, социологии и политологии, политэкономии и макроэкономики, общей и прикладной философии, актуальной педагогики и методологии образования, научной эвристики, социопсихологии и европатологии, кибернетики и синергетики, информатики, технотроники и так далее представляются сформулированные в рамках работы Тульской научной школы биофизики полей и излучений и биоинформатики (научн. рук. проф. А. А. Яшин) принципы развития науки ноосферологии на период до 2020-го года.

3. Целью и реализующими ее задачами сформулированных принципов развития науки ноосферологии являются: а) формализованное и понятийно-содержательное уточнение определения науки ноосферологии; б) анализ в контексте содержания предыдущего пункта Декларации о вернадскианской революции (А. И. Субетто); в) анализ *summa summarum* тенденций и полученных научных результатов в рамках ноосферологических исследований за предшествующий период (середина 1980-х годов — начало 2010-х годов); г) классификация разделов и направлений ноосферологии и выделение приоритетов исследований; д) другие существенные общие и частные принципы развития ноосферологии.

Нижеследующее содержание меморандума раскрывает в минимальнодостаточной концептуальной полноте содержание п. 3 без строгой привязки к конкретной рубрикации а) ... д).

4. В Меморандуме означенная периодизация — до 2020-го года — акцентирована следующими соображениями: а) среднесрочным прогнозом ноосферизации, то есть перехода биосферы Земли в ноосферу ($B \rightarrow N$); б) таковым же прогнозом научного становления ноосферологии; в) отсутствием сколь-либо достаточной на-

учной базы для прогностики свыше среднесрочного прогноза, что объясняется: а) малым сроком (не более 25...30 лет) реально осязаемого начала ($B \rightarrow N$); б) эффектом «стремительности» наступления периода ($B \rightarrow N$); в) конспирологическим характером (пока) тайного всемирного управления процессом ($B \rightarrow N$).

В силу сказанного реальным представляется период анализа до 2020-го года.

5. *Определение ноосферологии. Ноосферологией терминологически обобщенно называется комплексная системная наука, идущая от парадигмы В. И. Вернадского о переходе биосферы Земли в иное биогеохимическое качество — ноосферу (термин принадлежит Тейяру де Шардену и Е. Леруа (E. le Roy) — под впечатлением прослушанных ими в 1922—23 гг. в Сорбонне лекций В. И. Вернадского по биогеохимии), оперирующая понятиями и логическими терминами всех естественных и гуманитарных дисциплин, а также частных (специализированных) научных направлений в пространственно-временном ареале от микро- до макромира, включая космопланетарные масштабы, и подчиняющаяся в полной мере фундаментальным законам Мироздания, а в плане философском — законам диалектики Г. В. Ф. Гегеля — К. Маркса; в части виртуализации мышления — воззрениям кантовской философии (Кант, Шопенгауэр, неокантианцы).*

6. *К настоящему времени наука ноосферология «легитимна» и развивается исключительно в России, отчасти на Украине. На Западе-Востоке (термин И. В. Гёте — «Западно-восточный диван») само концептуальное учение В. И. Вернадского не признается, как не сулящее утилитарно-прагматического применения. Соответственно, не ведутся целенаправленные исследования, относящиеся к науке ноосферологии. Скорее всего, здесь действует фактор конспирологического (пока) мирового управления процессом ($B \rightarrow N$): управлять тайно. А поскольку на Западе, вопреки декларативному утверждению о «частной инициативе» исследований, последние в стратегических направлениях науки являются сугубо государственно контролируемыми, направляемыми и поддерживаемыми, то таковая конспирология выдерживается строго и неукоснительно. Благо, грантовая система финансирования исследований (у нас система грантов суть фикция и казнокрадство) на Западе, как превалирующая, позволяет «направлять курс» или «сушить весла» элементарно просто и высокоэффективно...*

Сказанное необходимо постоянно «держать в голове» при научных контактах с Западом-Востоком, ибо это тот «мальчик, что очень любит брать, но не любит что-либо отдавать». Это протестантская модель утилитаризма. А у нас широкие православные души... Вот и получается, говоря на злобу дня: мы вам готовенькую науку ноосферологию, вы нам — «голубую» толерантность и «болонизацию» образования.

7. *Предложенную и разработанную президентом Ноосферной общественной академии наук (НОАН) Александром Ивановичем Субетто* концепцию вернадскианской революции — из анализа ее содержания — следует понимать в контексте relata refert (рассказываю рассказанное — лат.) как действительность на рубеже веков и тысячелетий диалектического закона перехода количества в качество прежде всего. Данный закон из гегелевской триады суть апология и собственно определение процесса революции на фоне непрерывающейся эволюции. Вернадскианская революция есть начало процесса ($B \rightarrow N$), как одного из составляющих эволюции биоорганического мира Земли, но акцентированного на научном и социальном факторах.*

* По решению редколлегии всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» А. И. Субетто удостоен звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за опубликованный в 2013 г. в журнале очерк о ноосферно-социалистической миссии XXI века.

Как и всякая революция (социально-политическая, научная, технико-экономическая и пр.), вернадскианская подчиняется — начинается, действует и заканчивается — абсолютно независимо от человека, в смысле человечества, но исключительно под действием диалектических законов эволюции.

8. В силу сказанного в п. 7 в период ноосферизации Земли ($B \rightarrow N$) наука ноосферология является, по-преимуществу, анализирующей процесс ($B \rightarrow N$) в части предтечи ноосферы на биосферном, проходящем (уходящем) этапе эволюции живого вещества и интеллекта на планете Земля (терминология В. П. Казначеева) и современного состояния процесса ($B \rightarrow N$), а также синтезирующей в части среднесрочной (до 2020-го года) прогностики названного процесса. То есть наука ноосферология является, по преимуществу, констатирующей, но не конструирующей. Здесь человек — точка наблюдения, как в стандартных моделях общей теории относительности Эйнштейна — Пуанкаре — Фридмана, например, конструктивными могут являться только умозрительные модели процесса ($B \rightarrow N$).

9. В ноосферологии, таким образом, не допускаются эволюционными законами диалектики «вольнлюбивые построения» по корректировке реального процесса ($B \rightarrow N$); только констатация, учет происходящего и более-менее достоверный прогноз. Особенно это относится к таким разделам науки ноосферологии как философия, экономика и образование, хотя именно в названных субдисциплинах в отечественной ноосферологии (повторимся: а другой во всем мире более и нет), судя по публикациям в изданиях НОАН, проявляется наибольшее оживление. В основном, к сожалению, на описательном уровне.

Поясним сказанное. Философия, экономика и педагогика в период ($B \rightarrow N$), с одной стороны, подчиняются в полной мере тем же философским, экономическим и образовательным законам, что и в предшествующий, биосферный период; с другой стороны, исключая философию, как универсальную и самодостаточную отрасль человеческого мышления и знания, экономика и педагогика в настоящий, начальный период ($B \rightarrow N$) подчиняется процессуальности глобализма (или глобализации), который по эволюционным законам неизбежно и неумолимо предшествует развёртыванию ноосферы. Увы, но История, она же эволюция, избрала этот путь.

10. Резюме (как говорили наши деды и отцы: десятым сталинским ударом...). Исходя из реального положения дел и вещей, можно объективно сформулировать базовые принципы развития науки ноосферологии на период до 2020-го года, а именно:

— к настоящему времени ноосферология как научная, системная дисциплина еще не сложилась, но методом проб, ошибок и отсекающих ложных ходов (это методология любого эволюционного процесса) сформирована ее предтеча;

— ноосферология является исключительным приоритетом и прерогативой СССР, а ныне — России, отчасти и современной Украины; на прагматичном Западе — Востоке концепция В. И. Вернадского о ($B \rightarrow N$), а значит и современная ноосферология, что называется «молча», не опровергается, но и не развивается;

— вернадскианская революция на рубеже веков и тысячелетий в образной терминологии обозначает бифуркационный процесс начала этапа ($B \rightarrow N$) на фоне непрерывающейся эволюции живого мира на Земле;

— начальный период ($B \rightarrow N$) длительностью — по разным оценкам — от полусотни до полутора сотен лет является эволюционным этапом жесткой, всемирно тоталитарной социализации в мировом масштабе с полным уничтожением в итоге

капиталистической социально-экономической формации, получившей (уже устоявшееся) название периода глобализации;

— поскольку в своем историческом генезисе человек опередил эволюцию (по Конраду Лоренцу) и потому стал ее двигателем, то процесс ($B \rightarrow N$), в особенности же глобализация, характеризуется фактором всемирного управления, на начальном этапе глобализации (до 2020-го года) — конспирологическим, условно называемым Тайным мировым правительством;

— по определению в период ($B \rightarrow N$), особенно на этапе глобализации, наука ноосферология является констатирующей и синтезирующей, но не управляющей, из чего вытекают ее принципы организации, деятельности, поставленные цели и задачи, а также прогнозируемый научный результат;

— в наибольшей степени констатирующими разделами науки ноосферологии в период глобализма являются философия, экономика, педагогика и образование, социология и социобиология — в целом весь комплекс гуманитарных дисциплин, ибо все построения (теории, концепции, парадигмы и пр.), не отвечающие «генеральной линии» глобализации здесь являются умозрительными, отсекаемыми от практических приложений; однако, научные изыскания в названных отраслях ноосферологии несомненно приветствуются («Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет жизни древо» — «Фауст» Гёте), поскольку в своей совокупности позволяют «отслеживать», в определенной степени прогнозировать развитие модели и практики глобализации; это актуально важно особенно на начальном, конспирологическом этапе глобализации в процессе ($B \rightarrow N$);

— конструктивными в науке ноосферологии являются отрасли и дисциплины, занимающиеся исследованиями и разработками моделей процесса ($B \rightarrow N$), а именно: космофизических, математических, логических, биофизических, кибернетических и синергетических, отчасти — социополитических и социобиологических, поскольку названные исследования и модели, как и констатирующие (см. выше), хотя и не могут являться управляющими в процессе ($B \rightarrow N$) в период глобализации, но с достаточной степенью научной достоверности: а) описывают *ob ovo* процесс ($B \rightarrow N$), что является собственно апологией любой науки; б) позволяют создать научно же обоснованную прогностическую модель исследуемого эволюционного процесса.

...Итак, ничего личного — только поиск научной истины.

**Алексей Яшин, академик НОАН, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор по кафедре «ЭВМ», профессор по специальности «Медицинские приборы и системы», Почетный радист России, лауреат премии им. Н.И. Пирогова
г. Тула**

...Обращаем внимание читателей: поскольку в № 4, 2013 «ПЗ» весь объем раздела литературоведения и критики был занят материалами дискуссии 2013-го года, то в настоящем номере это компенсировано увеличением объема раздела.

К 180-ЛЕТИЮ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

Людмила Авдеева
(г. Москва)

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ, ИВАН МИНАЕВ
И НЕВАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Журналист-международник, литературовед, культуролог, поэт. Автор 28 книг. Лауреат отечественных и зарубежных фестивалей и конкурсов поэзии. Член Союза Писателей РФ, Международной Федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана, руководитель ЛИТО.

*Когда побываешь в Непале,
Забудешь и грусть, и печали.
В России напомнят созвездья
Про горы, поющие песни.
Недаром Толстой и Минаев
О Будде вдвоем рассуждали.
Легенды и мифы, и были
В их книгах навеки застыли.*

Л. Авдеева

2010 год был богат на юбилейные даты, как исторические, масштабные, отмечаемые всем миром, так и более скромные. Широко отмечалось столетие со дня смерти корифея русской литературы — Льва Николаевича Толстого. Намного скромнее прошло 170-летие со дня рождения и 120-летие со дня смерти известного востоковеда Ивана Павловича Минаева. И совсем мало кому известно, что исполнилось 60 лет Союзу писателей в Непале. «Что общего между этими событиями?» — удивится читатель. А связь и притом последовательная все-таки есть.

Ни для кого не секрет, что Лев Николаевич Толстой проявлял особый интерес к буддийской религии. Учение писателя о непротавлении злу насилием во многом соответствует нормам буддийской философии. Этикой буддизма Толстой заинтересовался еще в юности. В книге «Жизнь Толстого» Ромен Ролан писал, что в 1847 г. 19-летний Лев Толстой получил сведения о буддизме от буддийского монаха Лама, находясь в Казанской больнице. Услышанное серьезно заинтересовало писателя, в последствии оказав значительное влияние на формирование его мировоззрения. А в начале 80-х гг. XIX в. произошла встреча Л. Н. Толстого с И. П. Минаевым, науч-

ные изыскания которого писателю были хорошо знакомы. Толстой симпатизировал исследователю, интересовался его открытиями и наполненной событиями жизнью.

Иван Павлович Минаев родился в семье тамбовского чиновника в 1840 г.

Жизнь его была короткой. Он не дожил нескольких месяцев до своего пятидесятилетия. Но биография этого человека удивительно богата и интересна. И. П. Минаев — единственный представитель России, которому удалось посетить Непал до 1951 г., до периода, когда страна разорвала вековую изоляцию от внешнего мира, провозгласив демократический путь развития. Известный русский востоковед-индолог, профессор Санкт-Петербургского университета, один из самых образованных ученых России, владевший французским, немецким, английским и восточными языками, получил в 1875 г. приглашение побывать в долине Катманду для изучения буддийского учения. Минаев увидел Непал времен основателя династии Рана, для чего преодолел и горные перевалы, и джунгли, обширные долины, где на телегах, где на паланкине. Ему удалось осмотреть буддийские храмы, присутствовать на аудиенции в роскошных дворцах короля Непала Сурендры Бикрама Шаха и премьер-министра Джанга Бахатура Рана.

Вернувшись на родину, Минаев опубликовал статьи о своих впечатлениях, подробно рассказав об истории далекой страны, своеобразии быта, обычаях, религии. Статья Минаева «В Непале» была опубликована в журнале «Вестник Европы» в № 9—10 за 1875 г. Вторую статью о британской политике на территории Непала опубликовал журнал «Европейские ведомости». Глубокий анализ письменных источников и устных преданий, описание общин буддийских монахов, обрядов посвящения заинтересовали образованных читателей России, в том числе и Льва Николаевича Толстого.

Это было первое знакомство россиян с неизвестным ранее Непалом. Так, русский ученый стал основоположником непаловедения в России. В традиционные программы университета он включил изучение древней индийской цивилизации, философии, буддизма, новоиндийских языков.

Минаев первым в России изучил невари — язык коренных жителей долины Катманду. За 12 лет до 1886 г. он совершил в буддийские страны Востока три поездки, побывав в Индии, Непале и на Цейлоне (Шри-Ланка).

Первая встреча Л. Н. Толстого с И. П. Минаевым состоялась в Туле 26 октября 1883 года. Племянница востоковеда А. П. Шнейдер в своем дневнике описывает эту встречу, ссылаясь на письмо Минаева, в котором тот пишет о живом интересе Толстого к индийской философии, о его глубоком знании теории и этики буддизма. Л. Н. Толстой при встречах с И. П. Минаевым интересовался письменными и устными литературными источниками, произведениями фольклора, историческими хрониками, нравоучительными буддийскими рассказами, народными песнями.

Позднее Л. Н. Толстой получил в подарок от Минаева его основной научный труд «Буддизм. Исследования и материалы», изданный в Санкт-Петербурге в 1887 г. в котором буддизм, рассматривается исследователем не как застывшая, а исторически видоизменяющаяся религиозная теория, значимая для культурного развития стран Востока. Умер И. П. Минаев, 13 июня 1890 г., не реализовав многие свои планы. Подготовленный им к печати «Словарь языка невари», как первое европейское издание, был издан уже после его смерти. Остается неисследованной до конца богатейшая коллекция восточных рукописей, собранная И. П. Минаевым.

Л. Н. Толстой, на двадцать лет пережил человека, с которым его связывала взаимная симпатия. Еще при жизни писателя в кругу интеллектуалов возник интерес к культурной жизни Непала. Минаев успел познакомить современников в России с образцами неварской литературы, в том числе со стихами, песнопениями, фольклором.

Современные российские читатели о неварской литературе практически ничего не знают, хотя на сегодняшний день это многообразная, интересная по тематике, жанрам, стилистике поэзия и проза, драматургия и критика, для которой органична

тема духовного выбора, духовной свободы, присущая творчеству и мировоззрению Л. Н. Толстого.

В мои студенческие годы, когда я на филфаке МГУ писала дипломную работу по творчеству Л. Н. Толстого, на факультете журналистики учился ныне известный непальский литературовед, общественный деятель, переводчик Кришна Пракаш Шрестха, считающий себя в какой-то мере последователем и учеником И. П. Минаева. В годы нашей совместной работы в правлении российского общества сотрудничества с Непалом Кришна для российских читателей написал книгу о культе животных в Непале, перевел на русский язык немало легенд и сказок. В Катманду он издал сборник российских поэтов «Пригоршня стихов», где есть и мои стихи из книги «Страна любви и легенд». В конце 2010 г. при содействии Кришны в посольстве Непала в Москве состоялся вечер памяти непаловеда И. П. Минаева, где много было сказано о его вкладе в востоковедение и о влиянии работ ученого на мировоззрение Л. Н. Толстого и К. Э. Циалковского, звучали стихи о Непале русских поэтов. Мои воспоминания были обращены к юбилейным торжествам 1997 г. по случаю 30-летия создания клуба непальских выпускников российских вузов «Митра Кундж». Тогда-то я впервые узнала те мифы, легенды, буддийские придания, которые заинтересовали Л. Н. Толстого в пересказах Минаева. Так, название Непал, имеет более двадцати толкований. В древности Непалом называлась долина Катманду со священной рекой Багмати, окруженная горными хребтами Гималаев. Согласно самой распространенной легенде, жители долины Катманду поселились здесь еще в 5 в. до н. э. По преданию отшельник по имени Не пригласил жить в эту плодородную долину людей, воскликнув «Ва!» (Приходи). От соединения его имени и восклицания население стали звать «Нева» — невары, а страну сначала Невар, потом Невал и, наконец, Непал. Интересна легенда и о летоисчислении Непала. Согласно приданию, Новый год в 880 г. стал исчисляться с апреля, с момента, когда легендарный герой Сакхвал оплатил долги жителей трех княжеств долины Катманду, превратив песок в золото. Слушая непальские и неварские легенды и произведения фольклора, начинаешь понимать, почему буддизм и культура неваров могли заинтересовать Л. Н. Толстого.

Невари уже в XIII веке имел статус государственного языка. Десятки тысяч древних неварских рукописей погибли при стихийных бедствиях и вражеских нашествиях. Первые произведения носили религиозный характер. Это были мифы, легенды, стихи в честь божеств и Будды, рассказы о буддийских монахах, песнопения факиров, народные песни. Придворные поэты сочиняли гимны в честь богов и правителей. При династии Малла (13—18 вв.) был «золотой век» неварской культуры.

Но в 1846 г., придя к власти, феодальный клан Рана литературную деятельность на невари запретил, а Непал был изолирован от внешнего мира до середины XX века. Развивалось только фольклорное творчество, первым исследователем которого и стал русский ученый И. П. Минаев. А на основе неварского фольклора, так заинтересовавшего Л. Н. Толстого, сложилась впоследствии современная неварская литература, с которой, хотя бы в общих чертах мне хотелось бы познакомить российского читателя.

Первая печатная книга на языке невари увидела свет в 1914 г. Это был пересказ жизни Будды, сделанный Ништханандом Баджрачарья, сыном буддийского священнослужителя, изучавшим в Индии печатное дело. Книга стала событием, и издатель остался в современной неварской литературе как первый мастер прозы и учитель современных прозаиков.

Первым неварским поэтом называют Сиддхидаса Аматья, автора книг по теории стихосложения и учебника грамматики языка невари. Самая популярная из его книг лирики «Все люди — братья» наиболее полно раскрывает мировоззрение поэта, умершего в 1930 г. в расцвете творческих сил. Благодаря его просветительской деятельности началась новая поэтическая эпоха и книгопечатание на языке невари.

Первый журнал на языке невари стал издаваться в 1925 г. в Индии как печатный орган буддистов Непала. Его редактором был Джагат Манн Байдхья — знаток индийской и бенгальской литературы, получивший образование в Англии и мечтавший о развитии неварской литературы. В 10 номерах, которые ему удалось выпустить за четыре года существования журнала, были опубликованы наряду со статьями по истории, литературе, языкознанию, религии и произведения неварских литераторов.

Душой журнала стал поэт Йогбир Сингха Кансакар из семьи торговцев, не желавших, чтобы мальчик учился. Но он получил высшее образование в Индии, изучил персидский язык, а магазин, где вынужден был работать, превратил в клуб для литераторов, которые издавали рукописный журнал, записывая по одному своему стихотворению в неделю в общую тетрадь. Кансакар открыл национальную школу, создавал публичную библиотеку, устраивал выступления и лекции писателей. В XX в. Кансакар становится одним из самых популярных поэтов Непала. В его стихах глубокие философские раздумья о жизни, смерти, любви, судьбе родины. В поэме «Нирвана Будды», изданной в 1929 г. под псевдонимом (из-за угрозы репрессий) за религиозной тематикой скрыта политическая направленность поэмы, мечта о государстве с демократической системой правления. Приведу небольшой отрывок в своем переводе.

*Здесь власть всегда принадлежит народу.
Народа власть — вот основной закон.
Все люди сообща найдут свободу
И не займет тиран-правитель трон.
В такой стране всегда растет богатство
И нет страданий. Тихо после бурь.
Здесь изобилие, народа власть, здесь царство,
Где правят те, кто не боится пуль.
Нет лучшего правления на свете,
Чем демократия — забота всех о том,
Чтоб не был бы один хозяин на планете.
Священны мир и труд. И Родина — наш дом.*

Родоначальником романтического направления неварской литературы стал Байкунтха Прасад Лакоул. В университетские годы на него оказал значительное влияние английский романтизм. Поэт писал под псевдонимом «Звезда» и многие его стихи были путеводными звездами и для поэтов, и для читателей. Вершиной его творчества стали стихи «Голосом весны» и «К распускающемуся цветку», в которых весна и цветок — символы нового человека и нового общества. Вот как поэт обращается к цветку, символизирующему юношу, равнодушного к гибнущей земле — Родине.

*Скажи, зачем ты — только красота?
Надежда — вот лекарство для меня.
От грусти сердце рвется и душа.
Мне не нужна пустая красота.
Тебя взрастила плодородная земля.
И защищала от ветров, жары, дождя.
Какая польза ей, что ты, цветок, красив.
Чем ей ответишь? Отчего молчишь?
Лишь труд несет удачные плоды.
Вот пчелы трудятся, лаская лепестки.
При этом добывают твой нектар.
А ты от красоты своей устал?
А от жары вмиг высохнет земля.
Ты что забыл, земля ведь мать твоя.*

*Скорее расцвети, пошире ветвь раскинешь.
Прохладой защити. Без матери ты сгинешь.
Отдай свой долг земле, как матери родной.
Жизнь оправдай свою. Разрушь пустой покой.*

(пер. Л. Авдеевой)

Лакоул не только поэт, но и прозаик, исследователь, учредитель литературных премий для молодых авторов, издатель, усилиями которого в 1987 г. издан первый толковый словарь языка невари, составленный знатоком фольклора Сатъя Моханом Джоши. Этот словарь в чем-то аналог словаря, о подготовке которого И. П. Минаев рассказывал Л. Н. Толстому.

Первая половина XX в. завершилась для неварской литературы трагически. Власти «дружески» предупреждали литераторов прекратить писать на языке невари и обратиться к языку непали. Однако писатели продолжали издавать журналы, а известный современный писатель Пхаттех Бахадур Сингх выпустил «Антологию Непала», в которую включил свои стихи на неварском языке и стихи других поэтов. Книга была конфискована, а авторы арестованы. В тюрьму были брошены не только писатели, поэты, литераторы-просветители, но и монахи-буддисты, оказывавшие финансовую поддержку изданиям, и просто сочувствовавшие. Всего более 500 человек. Сам издатель получил пожизненное тюремное заключение, а несколько человек, требовавших гражданских прав для неваров, были казнены и их тела для устрашения выставили на всеобщее обозрение.

Казнен был Шукрарадж Шастри — автор «Теории стихосложения» и «Теории поэтики», грамматики языка невари и учебников для детей, встречавшийся в Индии с Махатмой Ганди, которого так ценили и Л. Н. Толстой, и И. П. Минаев. Литераторы прошли через страшные пытки, многие умерли в тюремных стенах, кто-то, по ряду версий, был отравлен. Но репрессии и казни не заставили замолчать неварских литераторов, наоборот, это время стало сигналом к объединению народа. Те писатели и буддийские монахи, которым удалось эмигрировать, продолжили просветительскую работу. Литературная деятельность продолжалась и в душных тюремных камерах, в которых одновременно находилось более 30 человек. Тюрьма называлась «Камера смерти». Людям, привыкшим к перу, было запрещено писать даже письма родным. Им не давали бумагу, но они продолжали сочинять. Как вспоминали сами узники, стихи писали на земле, чертили буквы палкой, запоминали, а если в руки попадала книга, то записывали строчки на полях ее страниц. Мужественный Гангалала Шрестха написал свои последние стихи на коробке из-под сигарет. За день до казни. Его поступок воодушевил заключенных продолжать заниматься творчеством.

Арестованные Йогбар Кансакар, Пхаттех Бадахур Сингх, Читтадхар Хридай, Йогбир Сингх, Читтадхар Упасак и многие другие талантливые литераторы превратили тюрьму в своеобразную поэтическую мастерскую.

Так, Упасак под псевдонимом «сердце», создал в тюрьме самое масштабное произведение этого периода — эпическую поэму «Аромат Сугата», которая стала «энциклопедией неварской жизни» с описанием исторических событий, нравов народа, культуры страны. Через древний сюжет, автор призвал народ к борьбе против гнета. После освобождения поэт создал немало произведений, став основоположником жанра новеллы в неварской литературе. Его свободолюбивые строчки, цитируют и сегодня:

*Жизнь, как река неустанная.
Пойдем бороться, пойдем!
Храбрость покажем славную,
Врага поразив мечом.*

(Читтадхар Упасак, пер. Л. Авдеевой)

Сиддхичаран Шрестха был самым молодой из арестованных. Начиная он, как «певец природы», но в тюрьме стал писать стихи, отражавшие настроения общества, при этом призывая к гармонии с природой. Вот маленькое стихотворение «Хочу дружить» из книги «Цветок из воска».

*Ветру передайте мой поклон.
Я дружить хочу с зеленым лесом.
Там привольно птицам. Там покой и склон.
Там цепей не встретится завеса.*

(Сиддхичаран Шрестха. пер. Л. Авдеевой)

Кедарман Вьютхит стал поэтом в тюрьме. Его стихи — необычайно выразительные, с оригинальными сравнениями, метафорами, аллегориями — поэтическое воплощение народного горя и страданий. Одна из трех книг так и названа «Песня со слезами». Поэт остро реагировал на революционные события в стране и сегодня непальцы называют его, «поэтом революции».

Драхма Ратна Ями тоже стал писать стихи в тюрьме. Он первым из поэтов широко использует поговорки, пословицы, размер народной песни, те фольклорные элементы, которые изучал И. П. Минаев и которыми заинтересовался Л. Н. Толстой. Стихи из его лучшего сборника лирики «Песни призыва» поют, изучают в школах.

Значительную литературную работу проводили буддийские монахи-литераторы. Лидер непальских буддистов в эмиграции Бхикшу Амратананда, автор многотомных трудов, за свою жизнь получил много почетных званий, в том числе в 1976 г. Буддийская Академия Шри-Ланки присвоила ему ученую степень доктора литературы.

После падения феодального режима стали возникать творческие организации, среди которых «Общество служения литературе» и созданный в 1950 г. писателем и издателем Премом Бахадуром Кансакаром Союз неварских писателей «Чоса Паса» — «Друг по перу». Прем Кансакар получил высшее образование в Индии, где изучал персидский язык. Он был организатором библиотек и школ, в которых преподавал (умер в 1991 г.) Основной целью Союза писателей была издательская работа, ознакомление читателей с неварской литературой, подъем уровня культуры народа. На невари стали работать радиостанции, выходить газеты и журналы, в школах стали изучать неварский язык и литературу. Зазвучали новые имена литераторов, в том числе и женские. Особо популярна поэтесса Нараяна Деви, призывавшая в своих стихах женщин бороться за равноправие.

Наиболее активным издателем стал известный поэт Читтадхар Хридай, прошедший ад тюрьмы «Камера смерти». Он издавал и редактировал книги писателей старшего поколения, сам писал труды по истории неварской литературы. За литературную деятельность он, единственный из неварских литераторов, получил высокий титул «Царя поэтов», которым был удостоен в свое время великий персидский поэт Фирдоуси, автор одного из самых ярких произведений восточной поэзии «Шахнамэ». Хридай считается основоположником современного рассказа на языке невари.

Непальские читатели любят яркую, образную поэзию Йогендра Прадхана. Когда я познакомилась со сборником поэта «Найденный голос», то стихотворение «Я — Будда, имя мое протест» вызвало ответные строки, которые я позволю себе привести:

*Всем нам имя сегодня — Протест.
Всем, от боли чье рвется сердце.
Кто насилью и войнам: «Нет!»
Заявляет. Приму в наследство
Я протест против лжи, нищеты
И циничных пустых обещаний.*

*Не хватает планете Любви.
Нет, не золото наше молчанье.
Во весь голос протест заявить,
Разорвать паутину сомнений
Мы сумеем. Свобода — есть Жизнь.
Пока протестуем и верим,
Так как Будда, Минаев, Толстой,
Что народ богатырская сила,
Будет мир на земле и покой.
Будет счастлив Непал и Россия.*

Углубленные размышления об истории и современности, о войне и мире присущи эмоциональным, образным стихам зрелых поэтов, среди которых Ананда Джоши, Буддха Саями, Сундара Кришна, Джоши Прадхана и др.

Вот несколько строк Пурна Бахадура Байдхья из книги «Звук в тишине».

*Нет, я не умер. Я живу и ныне!
Афиша я тревожащей эпохи!
Я — уголь, сохраняющий истоки.
И мой огонь вовеки не остынет.
Пусть пролетает стая саранчи,
Но я зерно, которому взойти.*
(пер. Л. Авдеевой)

Значительное число литераторов, начинавших, как поэты, обратились к прозе на родном языке. Это мастера рассказа: Пурна Кришна Патхик — автор произведений социального звучания, Кансакар — основатель Союза писателей, Сатъя Мохан Джоши — исследователь непальского фольклора, Тиртхалал Нагхабхани — новеллист в манере О’Генри.

Первым романистом на невари стал Дхусван Сейми, автор романов «Женщина», «Любовь», «Девушка», «Затмение», в которых утверждается, что без освобождения женщин невозможно развитие нации. Писатель известен в стране и как драматург, автор пьес, составивших два сборника «Слияние трех рек» и «Красное солнце», посвященных темам социальной справедливости, быту народа. Очень популярен Шрестхачарья — автор психологических романов «Холодная кровь» и «Зеркало» о «преступлениях и наказаниях», направленных на защиту «униженных и оскорбленных», в которых чувствуется влияние творчества Ф. М. Достоевского.

В литературном процессе всегда активно участвовали молодые писатели. В журналах «Сегодня и завтра», «Товарищ» публикуются поэтические и прозаические произведения, в которых находит отражение современная жизнь. Басу Паса реалистически изображает современный мир и призывает учиться «отличать истину ото лжи». Кедрман Вьетхит разработал форму непальского сонета, с выразительными метафорами и образами. Бывший глава Королевской Академии искусств Дургалала Шрестха завоевал почетное имя народного поэта и уделяет много внимания развитию детской литературы. Молодое поколение, относящееся к прогрессивному лагерю современной литературы, начав с романтических стихов, переходит к реалистическому направлению, воспевая демократические права и свободы. Не прошли неварские литераторы и мимо современных модернистских направлений, вызывавших сначала бурные дискуссии. Для современной литературы характерны разнообразие тематики, жанров, активное осмысление действительности, глубокое отображение внутреннего мира, духовных исканий героев.

Развивается литература для детей на невари. Маленькие читатели любят книги стихов Дургалала Шрестха «Сахарный слон», «Поле золотое, поле серебряное»,

«Душистый цветок». Кстати, именно этот поэт стал первым неварским переводчиком сказок Александра Сергеевича Пушкина.

Интересна национальная литературная критика, где есть как сторонники классической восточной теории литературы, так и европейской. Первым неварским литературным критиком считается Камал Пракаш Малла, проанализировавший характер прозы на разных исторических этапах в середине XX в. Издаются обобщающие и теоретические труды по всем жанрам неварской литературы, изучение которой налажено в непальском Университете и других учебных заведениях. В 1985 г. была присвоена первая ученая степень кандидата филологических наук по неварской поэзии Джанаклалу Байдхья, а теперь уже трудно сосчитать всех бакалавров и магистров искусств по неварской литературе.

Получила развитие драматургия, поднимающая историческую и современную проблематику. Культура неваров представлена также кинематографом и песенно-танцевальной традицией.

Крепнут культурные контакты между Непалом и Россией. Заметно возрос интерес к российской литературе, которая неплохо знакома в переводах непальскому читателю. Имена Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. С. Пушкина среди первых. К юбилею И. П. Минаева переведены его исследования, которые были известны Л. Н. Толстому.

2011 год объявлен годом туризма в Непал, что, безусловно, вызовет приток туристов из России. Кого-то заинтересует буддийская религия, как Л. Н. Толстого, кого-то — обычаи страны, как востоковеда И. П. Минаева, кто-то захочет познакомиться с национальной культурой. И тогда для них откроется эта удивительно красивая, древняя страна, как она открылась мне:

*Непал — страна-музей, где каждый вздох — легенда.
Я открываю дверь. Перерезаю ленту.
Вхожу в страну чудес, и сердце замирает.
Улыбками детей меня Непал встречает
И красотой гор, и пеньем райской птицы.
И верю я, что Будда мог только здесь родиться.
И видится Толстой, склонившийся над книгой.
Был увлечен и он страной этой великой.
И вспомнится еще непаловед Минаев.
В Непале их двоих сегодня каждый знает.
Поэзия — цветок, что неподвластен бурям,
Рожденная в борьбе, в застенках страшных тюрем,
Звони в колокола и покажи дорогу
Всем, в чьих сердцах жива надежда и свобода.*

Попав в Непал, обязательно заметите низкорослую, вечно зеленую траву «ситу» (бессмертная, священная). В прошлом веке известный писатель Прем Бахадар Кансаккар назвал так литературный журнал, связав символ бессмертия с верой в возрождение культуры. «Ситу» очень вынослива, и как бы ее ни уничтожали, дает новые ростки. Так и неувядающую истинную литературу нельзя предать забвению ни в России, ни в Непале, где она дала ростки, объединив народы, мечтающие о счастье.

А разве не о счастье для всех людей мечтал и маленький Левушка, ищущий зеленую палочку в Ясной Поляне, и уже мудрый, всемирно известный Лев Николаевич Толстой, и русский ученый Иван Павлович Минаев, и литераторы Непала, пережившие ад тюремных застенков? Поэтому и неподвластно времени все созданное разумом и сердцем этих людей.

ПЬЕСА

Лариса Семенищенкова
(г. Брянск)

ЛЕСКОВ (ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ)

Родилась 8 ноября 1949 года в поселке Дубровка Брянской области.

Окончила Орловский государственный педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Сорок лет работала в системе народного образования. Начинала профессиональную деятельность учителем в сельской школе на Орловщине, затем была преподавателем-филологом в Орловском пединституте, Брянском государственном университете им. И. Г. Петровского. Кандидат филологических наук. Автор многочисленных научных работ по литературному краеведению. С 2005 года — член Союза писателей России. Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки. Автор цикла пьес о русских писателях: Ф. М. Достоевском, И. С. Тургеневе, А. А. Григорьеве, Н. С. Лескове, А. К. Толстом и Ф. И. Тютчеве. Как писателя-драматурга Л. Л. Семенищенкову интересуют проблемы творческой интеллигенции. Персонажи ее других пьес — музыканты, актеры, режиссеры, художники. В жанре сказа создан цикл произведений об Анюте-Узорнице, покровительнице мастериц-рукодельниц. Писательница внесла свой вклад в популяризацию брянского сказа. Литературная деятельность Л. Л. Семенищенковой отмечена Грамотой Управления культуры Администрации Брянской области «За творческий поиск, создание пьес о жизни выдающихся поэтов-земляков Ф. И. Тютчева и А. К. Толстого», медалью «В память 200-летия Ф. И. Тютчева». Была дипломантом в региональном этапе патристического конкурса «Спасибо тебе, солдат!» (2006). Лауреат премии имени А. К. Толстого «Серебряная лира» (2010).

В настоящее время — член правления Брянской областной писательской организации, руководитель семинара прозы. Живет в Брянске.

От редакции: Наш журнал один из немногих, который публикует произведения драматургии. Тем приятнее было получить из Брянска пьесу о Николае Семеновиче Лескове, который, наряду с Г. Р. Державиным, является добрым гением «Приокских зорь». В частности, нами учреждена всероссийская литературная премия «Левша» имени Н. С. Лескова.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лесков Николай Семенович, писатель.

Ольга Васильевна, первая жена Лескова.

Катерина Степановна, вторая жена Лескова.

Василий Семенович, брат Лескова.

Степановна, старая женщина, в прошлом няня Лескова.

Вера, дочь Лескова от первого брака.

Филатов Яков Львович, молодой художник.

Удалов, литератор.

Крестовский Всеволод Владимирович, писатель.

Председатель, *Господин в черном*, *Господин в сером*, *Господин в светлом*, участники заседания комитета Литературного фонда.

Григорий, бродяга с гитарой.

Лелева, *Федоров*, актеры, друзья Лесковых.

Монахиня Анна.

Санитары в лечебнице для душевнобольных.

Действие происходит весной 1867 года в Петербурге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

«Ошибки всем людям свойственны, и суровости может быть достойно только одно лицемерие, коварство или вообще заведомое криводушие. Этого во мне не было никогда... Многое мною написанное мне неприятно, но лжи там нет нигде, — я всегда и везде был прям и искренен...»

Николай Лесков

Картина первая.

Комната в петербургском доме, где происходят заседания комитета Литературного фонда. Небогатая обстановка: стол, заваленный бумагами; шкаф; несколько стульев; большие часы. В комнате литераторы: Господин в черном и Господин в сером.

Господин в сером (открывая окно). Кто-то пишет романы, а кому-то нужно заседать. *(Выглядывает в окно, вздыхает.)* Черновая работа есть во всяком деле. Может быть, господа великие литераторы и пишут за счет нашего-то времени, а? Вы как думаете?

Господин в черном (отвлекаясь от чтения газеты). Я?.. Думаю, что романы пишутся, прежде всего, за счет таланта. Если вы сочиняете статьи, а не повести, стало быть, вам отпущено больше желчи, нежели этого самого таланта, вот и все.

Господин в сером. Ну, нет. Не согласен. Возьмем живой пример — новый роман Тургенева.

Господин в черном. Вы о «Дыме»?

Господин в сером. Именно. Назовите-ка хоть кого-нибудь, кто бы сегодня не сказал, что Тургенев исписался.

Господин в черном. Тем не менее — заметьте! — всяк старается высказаться. Из-за шума вокруг этого сочинения поневоле подумаешь о значительности автора. *(Показывает газету.)* Читали? Тютчев даже стихотворением разрешился.

Господин в сером. Ну и что? «Дым» и есть один дым и больше *ничего*. (*Помолчав.*) Вы не хуже меня знаете, что теперь чихни господин Тургенев где-нибудь в Париже возле Полины Виардо — у нас тут же будет услышано. Еще и в поэму вставят.

Господин в черном (хохотнув). Хорошо подмечено! А ведь от такой известности и вы б не отказались! Ну признайтесь?

Господин в сером (обиженно). Иронизируйте сколько хотите. А не напиши я свою статейку сегодня вечером, в следующее утро мне уж и есть нечего будет. Оттого мне не до романов.

Господин в черном. Не обижайтесь. Сравнение себя с образцами иногда бывает очень даже полезно.— Сильнейший раздражитель против сна!

Вбегает Господин в светлом.

Распахнув двери, он делает сквозняк, со стола слетают бумаги. Все бросаются их собирать.

Господин в светлом. Господа, я опоздал?

Господин в черном (перебирая бумаги). Разве мы когда-нибудь начинали вовремя? С вашим приходом только и произвелась деятельность.

Господин в сером (чихая). Ну и пылища! Откуда столько? (*Складывает бумаги на столе.*)

Господин в светлом делает танцевальное движение.

Господин в черном. Кажется, у вас какая-то радость?

Господин в светлом. Сразу две-с! Во-первых, забежал в редакцию по поводу моего обзора выставки.

Господин в черном. Надо сказать, веселое выбрали вы себе занятие — протекционировать бездарности.

Господин в светлом. Что вы имеете в виду?

Господин в черном. То, что захваленный вами художник не умеет передать элементарных пропорций.

Господин в светлом. С чего вы взяли?

Господин в черном. Приглядитесь внимательней. На его портретах носы непременно на щеки налезают, а рот — обязательно ниже подбородка.

Господин в светлом. Это уж вы чересчур. Он, конечно, молод еще... Но мне-то нужны деньги! Вот как нужны! Это вы оттого, что я вас опередил. Думаю, вы сами не отказались бы от гонорара.

Господин в сером. Неужели получили?

Господин в светлом. Поэтому и задержался.

Господин в черном. Чем выделявать антраша, начинали б с главного. С вас причитается!

Господин в светлом. Разумеется, господа! После заседания прошу всех ко мне. Я уже распорядился.

Господин в сером. И давайте уговоримся решать вопросы поскорее. Не разводите дискуссий.

Господин в светлом. Да, да, будемте стараться короче. Шампанское лучшего качества, уверяю вас!

С улицы слышатся звуки гитары, пение:

«Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Ой, да люли, ой, да люли!
Ухарь-купец, удалой молодец!...»

Господин в сером (прислушиваясь). О! Григорий объявился.

Господин в черном. Не отменить ли заседание по такому случаю? Без представ-

ления не обойдется. Пролог дан. (*Выглядывает в окно.*) Объявляется небольшой антракт.

Господин в светлом. Господа! Вот повод поговорить о театре!

Господин в сером. Лучше скажите, какая у вас другая радость. Вы, кажется, намекали.

Господин в светлом (*доставая из кармана театральный билет*). Необыкновенная удача! За пятнадцать дней заказывал и получил-таки.

Господин в черном (*морщась*). Опять на «Иоанна Грозного»?

Господин в светлом. Разве можно еще что сегодня смотреть? Какой ажиотаж, господа! Говорят, самому Толстому не досталось билета, чтоб посмотреть свою пьесу. Такого зрелища в Александринском давно не было.

Господин в сером. Вот еще пример к нашему разговору о славе, не подтверждаемой талантом.— Пьеса Толстого не имеет никакого отношения к успеху. Декорации да блестящие костюмы. Еще музыка Серова, а главное — аплодисменты императорской семьи. Кто после этого осмелится критиковать? Но даже актеры, и те играют дурно. Самойлов без суфлера не может слова произнести.

Господин в черном. А вы напишите обо всем этом в газету.

Господин в сером. К чему терять время, все равно не напечатают.

Господин в светлом. Но я не согласен, господа. Нильский гениален в роли Годунова. Иначе за что Толстой отдал ему весь свой гонорар?

Господин в черном. Отчего бы и не отдать, если лишнее. У графа Толстого хватило бы и на всю труппу.

Господин в сером. Нильскому повезло.

Господин в черном. На что актеру деньги? Пропьет, и только. Уж если кому везение, то, действительно, Толстому. В один вечер затмил всех наших драматургов разом.

Господин в светлом. Говорят, уже переводит на немецкий для постановки в Германии.

Господин в сером. Думаете, там интересуются пьесой? Ничуть. Все из любопытства к нашей истории. Теперь всякая историческая повесть обречена на успех независимо от способностей автора. (*Помолчав.*) Есть же, однако, литераторы — баловни судьбы.

Господин в светлом. К чему завидовать, господа? Вспомните о времени (*указывает на часы*) — вечном судие! Может быть, в истории нашей словесности останутся не эти счастливицы, Толстой да Тургенев, а вовсе... (*думает*) какой-нибудь... Лесков.

Следует короткое молчание, затем Господин в черном и Господин в сером дружно смеются.

Господин в сером (*сквозь смех*). Бесподобная идея! Эк вас с радости осенило! Лесков!

Господин в светлом (*с некоторым смущением*). Я в смысле противоположности, так сказать.

Господин в сером. Да... Если у Тургенева один только роман — дым, то у известного литератора Лескова все его сочинения — один пар ядовитый.

Господин в черном (*усмехнувшись*). Отлично сказали. Советую вставить в вашу критику. Хотя... небезопасно. Лесков университетов не оканчивал, культурным манерам не обучен. Этот за такое сравнение, пожалуй, и за воротник ухватит. Вот посмотреть бы потеху!

Входит Председатель.

Председатель (*подходя к столу*). Все ли, наконец, пришли? Гаврилова еще нет?

Господин в сером. Гаврилова не будет.

Председатель. Почем вы знаете? Я лично предупреждал.

Господин в сером. У него сегодня были.

Председатель. И что же?

Господин в сером. Как обычно. — Пьян.

Председатель (с возмущением). Господа, что же это такое, в самом деле?

Господин в сером. Вот-вот окажется в долговой яме.

Господин в черном. Действительно, сколько можно вытаскивать? Наш фонд не дойная корова. На пушкинском юбилее экономим.

Председатель. А Удалов — что?

Господин в черном. Должно быть, опять какая-нибудь история. Без истории у него не бывает. Предлагаю начинать.

Господин в сером. Время для нас всех — дорогое удовольствие.

Председатель. Что ж, не возражаю. Будем начинать. Остальные члены комитета, кроме названных нами, к сожалению, сегодня не могут быть по уважительным причинам. Вы знаете. Прошу всех садиться. (*Занимает свое место.*) Господа! На повестке сегодня два вопроса. Первый — дата рождения Пушкина. Мы уже решали, поэтому позволю себе лишь напомнить, что 26 мая собираемся здесь же к десяти часам. Прошу не опаздывать, дата особенная.

Господин в светлом. Об этом помнят все!

Председатель. Хорошо. С вашего согласия перейдем сразу ко второму вопросу. Поступило обращение к Литературному фонду... (*Ищет в бумагах.*) Что здесь за беспорядок всегда? (*Раздраженно.*) Не ветром же сдуло? (*Находит нужное.*) Вот. Нашел. Итак, господа, прошу вашего внимания. Поступило обращение к Литературному фонду на имя председателя, то есть на мое имя, от литератора Лескова.

На лицах присутствующих выражается крайнее удивление.

Господин в сером. От кого обращение?

Председатель. Лескова Николая Семеновича, литератора.

Господин в черном. Того самого?

Председатель. Да.

Господин в сером. Просит денег?

Председатель. Обращается за ссудой.

Господин в черном. Вот те на! (*Иронично.*) Никогда бы не подумал, что такие, как Лесков, способны унизиться до просьбы. Любопытно.

Господин в сером. Судя по его высказываниям, он нас не только за собратьев по перу, а и за людей не считает вовсе.

Господин в черном. Вы что, лично с ним знакомы?

Господин в сером. Никогда и желания не имел. Слышал от других.

Господин в светлом. Наверное, произошло что-то из ряду вон?

Председатель. Ровным счетом ничего. Просто нуждается. Впрочем, как и все мы. Но позвольте, я зачитаю обращение, а потом уж будем обсуждать. Внимание, внимание, господа, я начинаю. (*Читает.*) «Его превосходительству председателю Комитета литературного фонда. Этим письмом я обращаюсь в литературный фонд с просьбой, для рассуждения о которой господам членам фонда нужно иметь более или менее подробные сведения; а потому я начну с изложения их и прошу вас выслушать меня...»

Реплика. Наша прямая обязанность.

Председатель (продолжает). «...Я, нижеподписавшийся, Николай Лесков, существую исключительно трудами литературными. В беллетристическом роде мною написано несколько мелких рассказов по разным изданиям, а также более крупные очерки: «Леди Макбет Мценского уезда», «Русское общество в Париже»... (*Прерывается.*) Далее перечисляются сочинения. Список длинный. Будем читать?

Реплика. Не стоит. Сочинения мы отлично знаем.

Председатель. Так я опущу список. (*Продолжает чтение.*)

«...Роман «Некуда», роман «Обойденные», повесть «Островитяне». Наконец в марте этого года я начал печатать в «Отечественных записках» романическую хронику «Чающие движения воды»... *(Ищет в тексте нужное место.)*

Реплика. Завидное трудолюбие.

Председатель (продолжает). «...По массе произведенных мною литературных работ ваше превосходительство и члены фонда, вероятно, изволите прийти к заключению, что я не гулял, а трудился прилежно. Получал я гонорарий довольно хороший и, следовательно, мог бы перенести нынешнюю беду мою. Но на мою долю выпали самые несчастливые случайности...»

С улицы доносится пение:

«Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец!
Ой, да люли, ой, да люли!..»

Вслед за тем слышатся громкие крики.

Женский голос. Ах, ты, окаянный! Говорили тебе, чтоб духу твоего здесь не было! Мало театров, так теперь по улицам представляют, покою не дают! Что ж это делается, люди добрые! Вот — я тебе!

Мужской голос. А-а-а! Караул!

На подоконник вспрыгивает Григорий. Он в пестрой рубахе, волосы огненно-рыжего цвета. В окне появляется метла, Григорий прыгает в комнату.

Женский голос (за окном). От меня не уйдешь! Я тебя из-под земли вытащу, ряженого! Только окажись теперь! Я уже раскрашу тебя! Нет управы, так сама найду! *(Голос удаляется.)* Всем пожалуюсь! За все отмщу, за все!

Григорий. Простите, господа, простите! Вот — оказия случилась. *(Поправляет одежду.)* Хорошо, что вы здесь сидели, а не баба еще какая.

Господин в черном (чихает). А вы спрашивали, откуда пыли столько. Стало быть, от народа! *(Опять чихает.)*

Григорий. Ей-богу, простите, господа!

Председатель. За что же такое гоненье на тебя? Признавайся, что опять натворил.

Григорий. Да я и не успел ничего. *(Приглаживает волосы.)* Одной декорацией не угодил.

Председатель. Как это понимать?

Григорий. Очень даже просто. Шел сам по себе, какой есть перед вами. Тут уж на беду у бабы этой ворожея, то есть сваха, сидела, на жениха гадала. Дочка у них на выданы. Девушка ничего, красота имеется.

Господин в сером. А! Так ты, видно, не случайно проходил, а с умыслом?

Григорий. Разве заказано? Дорога на всех одна, а я не виноват, что у них свои театры.

Господин в черном. Конкуренты тебе?

Григорий. Вот-вот, это самое. Сваха, как положено, говорит: «Гляди в окно. Кто первый взойдет на двор, таков и жених будет. Примечай: бедный ли, богатый ли, не крив ли, не пьян, не рыжий...» Ну, все, как нарочно...

Председатель. И что же?

Григорий. Так я первый под окном и объявился. Если б знал, разве б окрасился? Стало быть — случай.

Господин в сером (смеясь). А окрасился ты к чему?

Григорий. Это уже, господа, к другому делу. — Роль такая, чтоб смешно было.

Господин в черном. Ну, тут ты угадал. Как бы теперь сваха эта с девушкой вместе не умерли со смеху.

Григорий. Ошибка вышла. Что ж. Рассказывали, что и Мартынова на театре осви-стали.

Господин в черном. Ого! Уже с великими комедиантами сравнение!

Григорий. Зачем? Я к примеру только. Разве ж не понимаю?... Куда мне... Я только балуюсь. (*Выглядывает в окно.*) Хотите, господа, покажу номера? Другим очень даже нравится. (*Становится в позу.*)

Председатель. Э, постой, не надо. Некогда нам, Григорий, заседание у нас.

Григорий. Понимаю. А я бы с радостью. Прощайте, господа.

Господин в светлом (подает Григорию монету). На вот, возьми за свое искусство.

Григорий (берет монету). Господа, я еще умирать могу.

Господин в сером. О! Не ты один.

Господин в черном. Сказано тебе: у нас заседание. После умрешь.

Григорий. Слушаюсь! (*Хочет прыгать в окно.*)

Председатель. В дверь выходи.

Господин в светлом открывает перед Григорием дверь, тот выбегает. Одновременно делается сквозняк, со стола слетают бумаги. Бросаются их поднимать.

Господин в черном. Вот и представление. (*Господину в светлом, подбирая бумаги.*) Однако вы, наверное, много получили, раз уж Гришке подаете.

Господин в светлом. Жалко. Артист в нем пропадает.

Господин в черном. Ну и что? В нем — артист, в вас — романист. Сочувствие никак не поправит положения.

Господин в светлом. Отчего же. Есть случаи, когда вовремя оказанная поддержка изменяла жизнь человека. Сколько великих актеров вышло из крепостных!

Господин в черном. Дались же вам театры. Что за гимназическая настроенность? Вы когда-нибудь заходили за кулисы? Ведь это вертеп, и только. Подумайте сами: бывший крепостной, играющий принца Датского! Как это назвать?

Господин в светлом. Талант!

Господин в черном. Талант в сочетании с невежеством — худшее, что может быть в искусстве. Оттого у нас актеры пьют. Разве не так? И весьма нередко — во время представления. Убежден, что развитию таких талантов лучше всего препятствовать. Из уважения к искусству.

Господин в светлом. Но позвольте...

Господин в сером. Господа, опять дискуссия. Мы же договорились.

Господин в черном. Между прочим, таких талантов и в литературе достаточно. Лезут все, кому вздумается. Без образования, всякого представления о достоинстве...

Председатель (разобравшись с бумагами). Прошу всех занять свои места. Господа, нужно вернуться к вопросу. Эдак мы ничего не решим.

Господин в сером. Не лучше ли отложить до другого раза? Обратите внимание, господа: сегодня, как нарочно, все мешает работе. Начать с того, что не все явились.

Господин в черном. А в следующий раз не явитесь сами.

Господин в светлом. У меня на завтра — билет!

Председатель. Откладывать некуда, господа. Сколько можно? Лучше сосредоточиться на вопросе и решить скорее. (*Смотрит в бумагу.*) Здесь не так уж много осталось. Прошу внимания.

Картина вторая.

*Комната в квартире Лесковых. У окна Степановна, вяжет.
Рядом сидит Вера с книгой. Следит за вязанием.*

Степановна. Гляди: сюда, теперь сюда... Петелька к петельке, так и узор навяжем... А ну, попробуй сама. Грамота — хорошо, а рукоделье для барышни куда лучше. Не дай Бог, бедность приступит... Как у нас теперь. Вот и пригодится. Небось, с

матерью у вас побогаче было?.. А у нас, видишь, писатель в доме. Стало быть, только и есть, что книжки да фамилия. Может, от того и разъехались они с твоей матерью, уж не знаю. Видно, судьба такая...

Из соседней комнаты доносится шум, выбегает испуганный Удалов.

Удалов (пятясь к дверям). Позвольте, господин Лесков... Что же это такое?! Однако... Как вы смеете...

Появляется Лесков, наступает на Удалова.

Лесков. Э, нет, господин хороший. Я заставлю вас, и если не убеждением, то силой, данной мне природою.

Удалов (разводя руками, как бы прося защиты у Степановны). Я не понимаю! Вы сами пригласили меня к себе, а теперь требуете, не зная чего.

Лесков (берет Удалова за воротник). Знаю. И требую сейчас же ответить: по какому праву вы распускаете слухи о том, что я пишу по заказу Третьего отделения.

Удалов (пытаясь высвободиться). Только что от вас слышу. Да отпустите меня, что же это, в конце концов, за насилие?

Лесков. Не вертитесь ужом, со мной не выйдет. Повторяю свой вопрос: на каком основании вы разносите клевету, что я служу Третьему отделению?

Удалов. Хорошо. Не буду врать. Слышал от других. Я здесь ни при чем вовсе. Все — извините за правду — ваш роман. Лично я считаю, что критика в нем на социалистов очень даже кстати. Чем скорее арестуют Чернышевских, тем лучше. Но они-то, революционеры, так не считают. Вот они, скорее всего, и сочиняют про вас небылицы. Точно, они и придумали!

Лесков. Распускать слухи не в их правилах. А вы, ничего не зная, только что оклеветали и их же. Прошу вас в мой кабинет.

Удалов. Я не желаю дольше здесь оставаться. У меня, между прочим, важное заседание.

Лесков. Что-о?!

Удалов. Да, я опаздываю. Меня ждут. К вашему сведению, по литературным делам. За что это наказание честному человеку?

Лесков. А затем, что вы, как честный человек, при мне сейчас же изложите письменно опровержение своей гнусной клеветы.

Удалов. Но... для чего?

Лесков. Отнесем в газету.

Удалов. Помилуйте, что за фантазия?

Лесков. Я хочу иметь возможность публично ответить на ваше желание опорочить мое имя. И заодно чтоб вам неповадно было в другой раз. Прошу. (Почти затягивает Удалова в другую комнату.)

Вера (тихо). За что он его?

Степановна (продолжая вязать). Стало быть, есть за что.

Вера. Страшный какой.

Степановна. Каким ему, милая, быть-то еще? (Вздыхает.) Дед его был крутого нрава, жестокосердный. Рассказывают, сына своего, гимназиста, ни за что, ни про что из дома выгнал без куска хлеба в кармане. Матушка успела с заднего крыльца сорок копеек тайно в руку положить... Потом отец его — служил-то он по судебной части — тоже упрямым прослыл. Помню, как в Ельце сам губернатор приходил к нему на поклон. Видано ли дело: просил за своего человека. Он уж и так, и эдак... Куда! Наш встал на своем, и все тут. Губернатора не уважил! (Помолчав.) Как сейчас помню те страсти. Стал перед губернатором и говорит: «Я сам не вор, так и укрывать вора не буду». Как только в острог не уехали, много шума было из-за того...

Из соседней комнаты опять слышится шум, голоса. Вылетает стул, вслед выбегает Удалов.

Удалов (*натываясь на стул*). За такие дела — в острог надо!

Выходит Лесков.

Вот что значит — необразованность! (*Пятится к дверям.*)

Лесков. А!.. Я и жду, когда это вы про мою неученость скажете. Это ведь у вас уже в поговорку вошло!

Удалов (*у дверей*). Как иначе трактовать ваше поведение? Невежество и есть. (*Скрывается за дверь, опять показывается.*) Я еще буду жаловаться! (*Скрывается.*)

Лесков. Жалуйтесь, господин ученый. Стало быть, из университетов выносят не одни благородные мысли. Так на это у меня своя наука — простая да верная. (*Поднимает стул, смотрит исподлобья на Степановну и Веру, осторожно ставит стул на место.*)

Степановна продолжает вязать. Вера сидит, уткнувшись в книгу.

Один раз ошибся — не окончил университета. Видно, всю жизнь будут мне тем колоть глаза. И что за аттестат такой? Разве литератор — ученый? Разве писателю прежде не дарование нужно? Не сердце горячее? Или я не понимаю ничего... Я знаю, о чем писать, потому что не по книжкам людей изучал, а жил и живу с ними одной жизнью. Может ли быть лучший университет для писателя?

Степановна что-то шепчет Вере, Вера быстро убегает.

Что скажешь на это, Степановна?

Степановна. Что сказать... Я вовсе неученая, а живу вот. Разве это плохо? Ты, батюшка, открыл бы окно. Весенним воздухом хорошо освежает.

Лесков (*открывает окно*). Как будто горло сдавило. (*Помолчав.*) Не переводятся ж подлецы на свете!

Степановна. И с веку люди разные. Что бушевать? Зло на зло — добра не выйдет. Пусть бы шел себе, он и так, чисто заяц, пугливый.

Лесков. Э, не гляди, что трус, он ведь другим все норовит какую-нибудь каверзу устроить. Если б только мне одному! Сколько людей честных он еще оклеветать может, да уж и оклеветал наверняка. И все с рук сходит! Потому что если б один был такой, а то много развелось. Собрать бы их всех разом...

Степановна. Эх, мил человек, стульев-то у нас не хватит. Больно ты горяч.

Лесков (*подозрительно*). Степановна, что это ты передо мною дрянь защищаешь, а?

Степановна (*испуганно*). Господь с тобой! Можно ли так на человека?

Лесков. Отчего нет, если он — дрянь? Хитришь ты, Степановна, что-то. Скажи прямо, что не по тебе.

Степановна. Скажу. (*Помолчав.*) От горячности до беды — один шаг единый. А кто в ответе за тебя, как не я? Первую меня ж и осудят.

Лесков. Вот так придумала! Я, кажется, давно без няньки, своей головой живу. Сам уже своих детей учу.

Степановна. Так-то оно, так... (*Вздыхнув.*) Сон сегодня видела, думаю, неспроста это.

Лесков. Я твои сны, Степановна, в детстве, как сказки, слушал. А теперь бояться начал.

Степановна. Правда, сбылось много.

Лесков. Так если к хорошему, то Расскажи, а к плохому и сам увижу.

Степановна. Вот не пойму я, к добру ли, к худу... Чудное дело. Помнишь ли тетку свою, игуменью Агнию?

Лесков. Как не помнить. Я ее, как огня, всегда пугался.

Степановна. Вот ее видела. Будто стою я возле дома нашего. А ты, как маленький был, на руках у меня. В белешенькой рубашонке. Веселый такой. Прижимаю я тебя к груди, как раньше, гляжу — поодаль как будто Агния стоит. Или не она, непонятно. Черным-черна, а глаза, точно уголья. И пристально смотрит, строго. Ты уви-

дал, прижался ко мне. Тут замечаю: стала она руки свои протягивать. Будто зовет, манит тебя. Слышу, шепчет: «Отдай мне, отдай!..»

Лесков. Отдала?

Степановна. Как же, гляди! Неужто я отдам. С тем и проснулась.

Лесков (облегченно). Хорошо. Правильно сделала, что не отдала.

Степановна. Вот и рассуди. Выходит, хоть и не нянька я уже тебе, а возле меня ты еще, мне за тобой и глядеть надо. От греха остерегать.

Лесков (обнимает Степановну). Эх, Степановна! Разве оградишь от греха живого человека? Если только в монахи постричься мне. Этого ты хочешь, а? Скажи-ка правду, хочешь?

Степановна. Знаешь ты мой ответ. Да разве пострижешь тебя такого? А правду выскажу. На плохого человека ты озлился — хорошему попадет. Этот, видишь, как: вспрыгнул — и был таков. Теперь брат Василий придет, увидит, как ты грозою ходишь. Он-то тебя всегда примером почитал. Что подумает? Мы привыкли к тебе такому, а он сколько лет не был здесь. Ему и выйдет переживание. Разве хорошо это?

Слышен колокольчик у дверей.

Вот — легок на помине. (*Складывает вязание.*) Ты хоть гребнем моим пригладь чуб свой, ишь, как взъерошился.

Лесков. Ладно, Степановна, поди, открой. Я лучше в кабинете посижу. (*Уходит.*)

Степановна (вслед). А и с детства был такой, беспокойный... (*Открывает дверь, выпускает Василия Семеновича и Катерину Степановну, сама выходит.*)

Василий Семенович. Прекрасная прогулка!

Катерина Степановна. Сад — мое любимое место. Мы гуляем там с детьми, когда хорошая погода. Прогулки всегда успокаивают. (*Подходит к окну.*) Точно такой сад был возле нашего дома в Киеве.

Василий Семенович. Я помню. Очень похоже. Я ведь был у вас, когда вы только познакомились с братом. Кажется, это было три года назад.

Катерина Степановна. Да. Нашему сыну уже два года.

Василий Семенович. Вы очень изменились за это время. Честно признаться, Катерина Степановна, я бы вас с первого взгляда не узнал.

Катерина Степановна. Что ж. Для женщины три года — целая жизнь. Я была моложе.

Василий Семенович. Нет, нет, вовсе не в том смысле. Я как будто вижу другого человека. Вы были тогда бойкой черноглазой красавицей, румяной хохотуньей. И вдруг встречаю женщину, в которой все говорит о спокойствии, о размеренности жизни. Думаю, именно с таких художники пишут идеал материнства.

Катерина Степановна (улыбнувшись). Вы очень добры, Василий Семенович, и полная противоположность Николаю.

Василий Семенович. Интересно, в чем вы видите наше различие.

Катерина Степановна. Хотя бы в том, что он редко бывает разговорчив, а вы — легкий собеседник.

Василий Семенович. Просто мне все у вас интересно. Николай всегда был для меня примером потому, что талантлив, что он до всего доходил сам, без оглядки на других. Таким людям всегда трудно, и я был рад, что Николай нашел, наконец, счастье с вами.

Катерина Степановна (задумчиво). Вы правы, что таким людям трудно. Им и для счастья надо больше, чем другим.

Василий Семенович. Значит ли это, что у вас уже не так, как три года назад?

Катерина Степановна. Как сказать... Конечно, что-то изменилось. Людям свойственно меняться. Для меня это новые заботы, перемена места. Потом... Когда ты влюблена в мужчину и смотришь на него издали — одно, когда он становится твоим мужем — другое...

Василий Семенович. Кажется, я понял: Николай не оправдал первого впечатления?

Катерина Степановна. Вот и не угадали. Как раз все наоборот. Я сразу влюбилась в Николая Семеновича, когда он появился у нашего крыльца на своем белом коне. Его осанка, заразительный смех, горячий взгляд. Такова природа женщины: каждая мечтает увидеть своего избранника рыцарем в седле.

Василий Семенович. Николай умел таким казаться, это правда.

Катерина Степановна. Не казаться, нет. В том и дело, что он до сих пор в рыцарских доспехах. Но... Нельзя нянчить ребенка, не сойдя с лошади. И нельзя решить некоторых проблем, лишь размахивая оружием. Поневоле приходится засучить рукава, запастись терпением и заниматься этими самыми проблемами.

Молчание. Входит Степановна.

Степановна. Катерина Степановна, там хозяин дома пришел.

Катерина Степановна. Что ему нужно?

Степановна. Известное дело — насчет платы. Требуется Николая Семеновича.

Катерина Степановна. Ни в коем случае. Я выйду сама. Попробую уговорить, он обещал нам несколько дней подождать. (*Василию Семеновичу.*) Видите? Об этом я и говорила. А вы приходите к нам в детскую. Вы очень понравились детям. (*Выходит.*)

Слышен колокольчик у дверей.

Степановна. Я сама открою. (*Идет к дверям.*) Ты еще не всех тут знаешь, а я уж определяю, кого впустить, кого нет. Ходят сегодня всякие. Как в присутственном месте. (*Впускает Якова Львовича Филатова.*) Входи, голубчик, Яков Львович, входи.

Филатов (официальным тоном). Мне нужно Николая Семеновича.

Степановна. Сейчас, сейчас позову. А ты проходи, вот братец его, поговорите.

Василий Семенович. Позвольте представиться: Василий Семенович. Я только сегодня утром приехал.

Филатов. Очень приятно. Филатов Яков Львович.

Василий Семенович. Вы — художник? Я догадался. Много хорошего слышал о вас от брата. О вашем таланте...

Входит Лесков.

Лесков (радостно). Яков Львович! Очень рад. Наконец-то сегодня добрый человек пришел. Познакомься с моим братом.

Филатов (сдержанно). Мы познакомились. Но мне, собственно, нужно вас.

Василий Семенович. Да, да, конечно. У меня есть дела... (*Хочет уйти.*)

Филатов (решительно). Прошу вас, оставайтесь. Так будет даже лучше, при свидетелях.

Лесков. Яков Львович, что с вами? Вы как будто не в себе. Садитесь же. Что случилось?

Филатов. Я пришел с вами объясниться.

Лесков (удивленно). А в чем вопрос?

Филатов (показывает книгу). Вчера вы изволили подарить мне этот экземпляр с дарственной надписью.

Лесков (берет книгу, передает брату). Вот, не успел тебе похвалиться. Моя новая книга. Думаю, критикам понравится. Яков Львович первый, кому я подарил. Называется «Смех и горе».

Филатов. Осмелюсь заметить — весьма удачное название. Много смешного в вашей жизни, Николай Семенович, это понятно с первых страниц.

Лесков (с некоторым недоумением). Вы, кажется, чем-то недовольны. Скажите прямо.

Филатов. За этим я и пришел. Слово «недоволен» для теперешней ситуации слишком низко. Я оскорблен и возмущен.

Лесков. Не понимаю, Яков Львович, ей-богу, не понимаю. Объясните, что к чему.

Филатов. Неправда. Должно быть, понимаете. Иначе как могло случиться, что вы публично осмеяли здесь честного человека, бескорыстно считавшего вас своим другом?

Лесков. А... кого вы имеете в виду? То есть, я никак не вразумлю, о чем речь.

Филатов. Позвольте. (*Берет книгу у Василия Семеновича.*) Я думал, что могу в вашем доме рассчитывать на доверие, понимание... (*Ищет страницу.*) А вы использовали меня как натуру для списывания! Вот, нашел. (*Показывает в книге.*) Извольте объяснить теперь, на каком основании, по какому праву вы оскорбили мое достоинство. По вашей милости мне нельзя будет появиться на улице, чтоб не смеялись вслед.

Лесков (читает про себя). Помилуйте! Либо мне глазам своим не поверить? Что это вы несете такое? Если вы об этом месте (*показывает в книге*), так здесь дается описание моего героя, станового Васильева. К художествам он не имеет никакого отношения, он блюститель, так сказать, общественного порядка.

Филатов (торжествующе). Вот! Так позвольте спросить, зачем вы в этом месте делаете сравнение с художником? (*Читает.*) «Ко мне на двор въехала пара лошадей в небольшом тарантасике, и из него выходит небольшой человечек, совсем похожий с виду на художника...» А?

Лесков (растерянно). Неужели ж вы не поняли, что это всего лишь литературный прием? Один из тех, о которых мы столько раз с вами же толковали? (*С досадой.*) Собственно, почему я должен объяснять?

Филатов. Я не так наивен, чтоб не узнать себя в этом портрете.

Лесков. Ах, вот что... Я, признаюсь, когда писал, и в мыслях не имел, что у иных пейзажистов могут быть общие черты со становыми на самом деле. Я как-то, по своей простоте, считал, что у служителей муз и стражей государственных законов больше различий, нежели общего. Стало быть, ошибка!

Филатов. Ваша ирония мне понятна. Что ж, я не умею отвечать тем же, но достоинство у меня есть. (*Роняет шляпу, поднимает ее.*)

Лесков (резко). Довольно толковать об этом. Извольте точно выразить, чего вы хотите от меня.

Василий Семенович. Извините, господа, я здесь лишний.

Лесков. Нет. Теперь уж я прошу тебя обождать. По всему, сейчас будет интересно. (*Филатову.*) Итак, чего вам нужно?

Филатов. Если кратко, то — вымарать этот текст.

Молчание.

Лесков (медленно). Когда печатали мой роман «Некуда», в нем вымарали чуть ли не четверть страниц. Он, как известно, прошел три цензуры, включая Третье отделение. В моей последней повести редактор «Отечественных записок» вычеркнул целые главы, не посоветовавшись со мной. — Я же не Тургенев! Собственно, что за беда убрать полстраницы, когда в других местах уничтожаются целые главы. Пустяк? (*После некоторого молчания.*) Да уверены ль вы, что это (*показывает в книге*) про вас? Пожалуй, сначала проверим. Ну-ка... (*Читает.*) «... Матовый, бледный броне-тик, с длинными, черными, прямыми волосами...» (*Разглядывает Филатова.*) Разве иметь такие волосы — стыдно? (*Пожимает плечами, продолжает чтение.*) «... С бородкой и с подвязанными черною косынкою ушами...» (*Разглядывает пристально Филатова.*) Вы подвязываете свои уши косынкой? Признаться, я не знал.

Филатов молчит, приняв оскорбленный вид.

(*Читает.*) «... Походка легкая и осторожная: совсем петербургская золотуха...» Ай-ай! Зачем вы сказали? Мы б и не знали о вашей золотухе. Интересно, о чем еще мы не знали? (*Продолжает чтение.*)

«...И мозоли...» У вас еще и мозоли! (*Смеется.*) Я-то думал, только у меня, с себя и списывал. Что дальше? (*Читает.*) «...А глаза серые, большие, очень добрые и располагающие...» Стало быть, только здесь я и соврал, а все остальное угадал верно. Ай, да Лесков! (*Явно издеваясь.*) Ведь похоже, а? (*Ходит вокруг Филатова.*)

Филатов. Теперь вы признали. Вы наблюдали за мной, списывали!

Лесков (остановившись). А я-то считал вас... Вы ведь, кажется, художник? Или уже нет? (*Помолчав.*) Если да, то знаете лучше других, что значит для нас натура. Что если, позвольте поинтересоваться, какая-нибудь кокотка вздумает предъявить вам претензии за то, что вы не приукрасили ее форм? Вы, что же, замажете свой пе-о-заж?

Филатов. Ваши аналогии с кокоткой оскорбительны, но я отвечу. Своим натурашицам я плачу.

Лесков. Ах, вот в чем все дело! Отчего, милейший, вы не сказали сразу? И какой же счет вы предъявляете за каждую вашу замечательную черту? Например, за тряпку на ухе?

Филатов. Прошу не перевертывать моих слов. Это уж из ряда вон. (*Опять роняет шляпу, Василий Семенович помогает поднять.*)

Лесков. Так с вашей стороны нелогично. Вы должны быть заинтересованы в увеличении гонорара. Думаю, к описанию можно еще прибавить. К примеру, то, что мой герой при близком знакомстве обнаруживает весьма ограниченную способность думать, когда надо. Вдобавок имеет болезненную мнительность. У него мания подозревать вокруг себя насмешки. Приглядишься — окажется еще и завистлив, как все, мечтающие в гении.

Филатов (сквозь слезы). Довольно! Вы издеваетесь.

Лесков. Он, конечно, художник лишь по названию, а на самом деле ему лучше бы перейти в разряд породистых порядка. Из людей такой породы выходят лучшие в России цензоры!

Филатов. Я оскорблен до глубины души вашими словами и поведением. Прошу не считать меня с этих пор вашим другом. Я шел и надеялся...

Лесков. Послушайте, любезный. Художник не тот, кто машет кистью, а тот, кто и в другом уважает художника. Тут я в вас ошибся, поэтому вон из моего дома.

Василий Семенович. Николай, мне кажется, здесь какое-то недоразумение.

Филатов, ничего не возражая, взмахнув руками, почти выбегает из комнаты.

Лесков. Клянусь тебе, что и в мыслях не было изображать его. Ну, схватил две-три черты... Чисто внешние! Не смешно ли?! И всего-то пять строчек на девяносто глав! Кто б обратил внимание! А я его считал художником.

Василий Семенович (потрясенно). Ну, брат... Это ты, пожалуй, слишком строго. Он расстроился...

Лесков. Так что же? Сам-то он тоже с натуры пишет, а когда самого коснулось, (да и не коснулось ведь), так захотелось, чтоб его непременно образцом вывели! А все бездарные критики да приятели, что захваливают не в меру! Такой и возомнит вдруг себя гением, может, и возомнил уже.

Василий Семенович. Он молод.

Лесков. Именно. А уже хочет, чтоб его Айвазовским считали. Тут не художник, а человек может пропасть.

Василий Семенович. Все же... жалко его как-то... Пришел к нам в дом...

Лесков. Ведь не гостем он пришел, а с претензией. Не разобравшись, уже требует! (*Помолчав.*) Мне вот-вот будет сорок. Полжизни, считай, прошло. Что я нажил за эти годы? Ни-че-го. Только и есть у меня желание писать да то, что написано. И то требуют сокращать, урезывать, вымарывать. А приглядишь — кто цензоры у нас? (*Твердо.*) Нет уж, господа, не выйдет. Не вычеркну с этих пор ни единого своего слова, хоть разом все на меня навалитесь. Падать буду, а не поддамся!

Неожиданно под Василием Семеновичем разваливается стул, он падает.
Василий Семенович. Ай!
Лесков (подбегая). Что? Что? Ушибся?
Василий Семенович. Кажется, ничего. Нога немножко.
Лесков (кричит). Степановна!
Входит Степановна.
 Степановна! Василий ушибся. Нужно за доктором!
Василий Семенович. Нет, нет, не нужно. Пустяки, не беспокойтесь. Я сам.
Лесков. Что такое? *(Поднимает обломки.)* Тут я не виноват. Видимо, развалилось от времени. Сегодня же все починю.
Вбегает Вера, что-то шепчет Василию Семеновичу, убегает.
Василий Семенович. Позволь, брат, я выйду. Меня зовут в детскую. Мы там костюмы делаем. *(Извиняющимся тоном.)* Дети хотят сегодня рыцарей показывать.
Лесков. Каких рыцарей?
Василий Семенович. Ты сам говорил: актеры сегодня вечером будут.
Лесков. Ах, да! Я совсем забыл. Помоги им, брат, я на это не мастер.
Василий Семенович уходит.
Степановна (усаживается за вязание). Вот и Василию досталось. Хорошо, совсем не ушибся, а далеко ли до беды? Про то и говорила тебе. Что молчишь? *(После некоторого молчания.)* Послушаешь ли совет старой няньки? Катерину Степановну так не растеряй, вот что тебе скажу. Редкая женщина. Чистое золото.
Лесков. Знаю.
Степановна. Знать-то знаешь, а делаешь по-своему, как самому нравится. Каково ей твои подвиги наблюдать? Того и гляди, всех ближних разгонишь. Вера — дочь твоя, а уж боится тебя. «Страшный», — говорит. Теперь Ольга нагрязнула, как снег на голову, прости меня, Господи! Люди судачат, опять же Катерине Степановне по сердцу. Терпеливая она, а много ли смеется у нас?
Лесков. Ольгу я не звал, сама приехала. Что сделаешь, теперь помогать надо, не бросить же, все-таки дочь у нас. Врачи говорят, совсем плохо.
Степановна. Как же, святое дело. Я не про это. А все-таки скажу. Как случилась с ней беда, так не к кому-нибудь, а к тебе приехала помощи искать. Выходит, ты лучше других оказался.
Лесков. Ладно, Степановна, что говорить? Все это уже в прошлом. Катерина Степановна понимает.
Степановна. Гляди. Хоть и понимает, а все-таки женщина. *(Вздыхает.)*
Лесков. Подождите. Вот только выбьемся из бедности, все у нас будет по-другому. И смех будет, и праздники. Растерялся я сам от неурядиц, оттого, что вижу, как детям есть нечего. Мальчиков надо готовить в гимназию. Ольгу лечить. Вера не привыкла, чтоб ей в чем отказывали. Еще маленький... И все на меня глядят, от меня ждут. Перед Василием стыдно. Подождите. Немного осталось уже.
Степановна. Это чего ждать-то? Не пойму.
Лесков. Гонорар большой. Может, даже сегодня решится.
Степановна. А! Дай Бог. Увидеть бы, что это такое — гонорар.

Картина третья.

*Заседание комитета Литературного фонда.
 На столе самовар, чайные приборы. В комнате те же.*

Председатель. Внимание, внимание, господа, осталось немного, всего несколько строчек. *(Читает.)* «...Утомленный тяжкою работою по сочинению, я тотчас же по

его прекращению не дал себе ни минуты отдыха и сел за окончание начатой драмы для театра «Расточитель»...

Реплика. Не Толстого ли решил обойти?

Председатель (продолжает чтение). «...Три акта этой пьесы готовы — два остальных я надеюсь дописать к будущему сезону; в допущении ее на сцену не сомневаюсь...»

Реплика. Нам бы такую уверенность, господа.

Председатель (продолжает). «...Но угрожающая привычка питаться, от которой до сих пор меня не отучила жизнь русского литератора, заставляет меня, отложив листы сочиняемой драмы, писать на этом листе к вашему превосходительству это письмо с просьбою помочь мне...»

Господин в сером. Однако как излагает: «Привычка питаться, от которой не отучила жизнь». Что ни говорите, а в крайнем состоянии таким слогом не пишут.

Господин в черном. Все те же претензии на достоинство!

Председатель. Внимание, господа, еще не все. Выслушайте до конца. (*Читает.*) «...Я прошу Литературный фонд обеспечить мне пять месяцев жизни, ссудив меня пятьюстами рублями серебром, которые обязываюсь выплатить к новому году с десятию процентами в пользу фонда. Средств же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия решительно не вижу...»

Реплика. Что ж службу оставил? Другие служат.

Председатель (продолжает). «...С высоким уважением к вам имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою Николай Лесков». (*Откладывает бумаги.*) Теперь все. (*Пьет из стакана.*) Что будем делать?

Господин в сером. Однако — пятьсот рублей! Высоко ценит господин Лесков свою привычку питаться. Он, наверное, желает уравниаться с нашими образцами: Тургеневым и Толстым.

Господин в черном. Вряд ли удастся. Тургенев уже занят постройкой особняка возле Виардо под Парижем. Слыхали? Этот всех обскакал.

Председатель. Господа! Не отвлекайтесь.

Господин в сером. Я все же не понял: Лесков просит или требует от нас денег.

Председатель (стучит карандашом о стакан). Оставьте иронию, господа. Вопрос серьезный, мы должны принять решение. Прошу всех высказываться.

Господин в сером. Я знаю, зачем Лескову надо денег.

Господин в черном. Разве не затем, что и другим?

Господин в сером. Думаю, не каждый способен содержать двух жен сразу.

Председатель. Что такое?

Господин в сером. К Лескову приехала его первая жена с дочерью. А у него здесь — другая! Факт, как понимаете, скандальный. Он находит естественный выход — упекает первую в сумасшедший дом.

Господин в светлом. Неужели правда?

Господин в черном. Я тоже слышал.

Господин в сером. Уже неделя, как только и говорят об этом.

Председатель. Не вижу связи с предметом обсуждения на нашем заседании, господа. Мало ли, что говорят.

Господин в сером. Связь очевидна. Вы думаете, ее содержат в лечебнице из уважения к Лескову? Это, наверное, стоит денег, и немалых! Кстати, вот и мораль наших плодотворных романистов.

Председатель. Да... Факт компрометирующий. Надо бы проверить. Вы же знаете, что у нас иногда факты перевираются невероятным образом.

Господин в сером. Я лишь передал общее мнение. Но все это не противоречит характеру господина Лескова, для которого не существует правил.

Быстро входит Удалов. У него забинтована голова.

Удалов. Прошу прощения, господа, за то, что опоздал.

Реплики. Опять история? Что у вас с головой?

Удалов. Побит, господа. Избит свиньей.

Общее недоумение.

Господин в сером. Как вы сказали? Разве теперь свиньи дерутся?

Господин в черном. Где происходят такие чудеса? Очень интересно.

Удалов. В доме на Фурштадской улице, что возле Таврического сада.

Председатель (заглядывает в бумаги). Странное совпадение. Не тот ли это дом, где проживает господин Лесков?

Удалов. Тот самый, господа. Именно! А свинья и есть Лесков, господа. (*Показывает голову.*) Хочу взять медицинское освидетельствование прямо после заседания.

Господин в черном. Отчего же сразу не взяли?

Удалов. Литературные обязательства для меня превыше всего.

Господин в черном (иронично). А-а...

Председатель. Ну и ну. За что он вас?

Удалов. Уж об этом он один знает. Пригласил меня к себе, я подумал, важное дело, и — вот...

Господин в сером. Но должно же быть какое-то объяснение?

Удалов. Во всех делах этого сочинителя причина одна — его вздорный характер. Советую вам никогда не иметь ничего общего с этим господином. Лучше вообще не называть его имени! Одно невежество. Имей я власть, немедленно посадил бы в острог, а лучше — в известную лечебницу, где теперь находится бывшая его супруга. Только там, видно, и может укрыться от его домогательств. Хорошо б туда же и все его романы.

Господин в черном. Ха-ха! Вы заговорились. Можно ли — романы? В сумасшедшем доме тоже найдутся читатели.

Удалов. Не смейтесь. Вы не были в моем положении.

Господин в черном. Не надеюсь быть. Я всегда знаю, с кем иметь дело. Кстати, не я ли вас предупреждал о том, чтоб вы поменьше доверяли всяким слухам, например, об отношении писателя Лескова к Третьему отделению. Ведь вы сами знаете, что это клевета. Тут уж, извините, сами вы и напросились...

Господин в сером. Господа, это уже не относится к вопросу, мы договорились короче.

Господин в черном (Удалову, язвительно). А вспомните, как вы искали роман «Некуда», чтоб почитать.

Удалов. И Достоевский прочитал, что с того. А потом и сказал, что эту книгу надо сжечь рукою палача.

Господин в черном. Не сочинили ли вы это прямо сейчас? А слухи так и появляются, между прочим.

Удалов. Ничуть не бывало. Знаю из верных источников. И нашлись же издатели, которые опять согласились печатать.

Господин в черном. Найдутся и те, кто будет читать.

Удалов. Вы как будто нарочно дразните!

Господин в черном. Ничуть. Пытаюсь лишь установить справедливость, так как мы теперь решаем вопрос о денежном вспоможении писателю Лескову. Вы, надо сказать, очень кстати со своей историей.

Удалов (в крайнем удивлении). Может ли такое быть, господа? (*Садится, опять встает.*) Вы разыгрываете?

Председатель. Вот. (*Показывает бумаги.*) Заявление от Лескова. Просит помочь в бедности.

Удалов. Разве можно, господа?! Само рассмотрение такого дела нас всех компрометирует, это же ясно! Вспомните, что сказал Писарев: ни один уважающий себя литератор руки не подаст Лескову.

Господин в черном. Обождите. Вам бы с вашим пафосом лучше быть судебным обвинителем, чем здесь. Кроме вас, все поняли: Писарев имел в виду одних лишь литераторов—революционеров. Надеюсь, вы еще не в их компании?

Удалов. Однако!..

Господин в черном. Мы должны быть объективны в суждениях, сейчас наш долг в этом. Да. Может быть, Достоевский и сказал. Вчера. А сегодня он усадит Лескова с собою за стол и произнесет тост в его честь. Даже не сомневаюсь в этом, если сравнить пафос их сочинений. Можно ли брать во внимание высказывания тех, у кого семь пятниц на неделе? Эти господа никогда и ни в чем не соблюдают правил.

Удалов. А — критики? Как же игнорировать их мнение?

Господин в черном. Что, вы не знаете до сих пор, что критика наша тенденциозна? Не будем разыгрывать хотя бы друг перед другом. Чернышевские ополчились на Лескова за его несогласие с их социальными теориями. Что до читателей, то роман «Некуда» имеет успех, коему мы с вами можем и позавидовать.

Удалов. Вы поддерживаете Лескова?! А моя голова?!

Господин в черном (про себя). Даю свою на отсечение, что повязка лишь для эффекта.

Председатель. Как председательствующий, призываю вас к объективности, господа. Не забывайте, что мы находимся, так сказать, на нейтральной территории, где должны примиряться все направления. (*Внушительно.*) А также амбиции, господа. Прошу вас взвешивать каждое слово. Повторяю: мы должны решить вопрос о поручительстве.

Удалов (оскорбленно). Я высказал все. Считаю ниже своего достоинства повторяться.

Господин в сером. Считаю также невозможным поручиться за господина Лескова. Вспомните, в каких изданиях он печатался: «Русская речь», «Современная летопись», «Эпоха», «Библиотека для чтения»... Теперь - «Отечественные записки». С кем все-таки Лесков? Мне нужно знать, за кого я поручился.

Председатель. Еще раз повторю: принадлежность к направлению не может быть (*подчеркнуто*) официальной причиной нашего отказа. Тем более что литератору не всегда удастся устроить свое сочинение, куда хотелось бы. Хорошо лишь тем, у кого свои журналы. Вот если бы отменили гонорары, тогда мы уж точно знали бы направление.

Господин в светлом. Совершенно справедливо! Совершенно! Приходится отдавать, где берут. Жить надо! Выбирать, господа, не по карману!

Удалов (вскакивая). Вы тоже защищаете?! От вас, уважаемый, никак не ожидал. Где ваша хваленая принципиальность? Не удивлюсь, если однажды вы узнаете себя в ком-нибудь из персонажей защищаемого вами писателя. (*Господину в черном.*) И вы напрасно сидите паинькой. Лесков из тех, кому еще никто не угодил, вряд ли вы будете исключением. Вот (*показывает на голову*) — за мою порядочность и самое что ни есть тактичное обращение!

Господин в черном (в сторону, но слышно). Как с вашею порядочностью вы еще не хромаете...

Председатель. Господа! Не переходите на этот тон. Прошу по существу.

Молчание.

Господин в сером. Хочу напомнить, что к нам вот-вот обратится Достоевский с такой же просьбой о денежном вспоможении.

Председатель. Откуда известно? Достоевский сейчас за границей.

Господин в сером. Совершенно верно. Проводит в Бадене медовый месяц с молодой женой. Еще играет там в рулетку. Разве вы не слыхали, что он заядлый игрок?

Председатель. И что же?

Господин в сером. Там с ним уже произошло событие.

Господин в светлом. Расскажите, мы ничего не знаем.

Господин в сером (выдерживая паузу). В первый же день выиграл небывалую сумму — около двухсот франков.

Господин в светлом (восхищенно). Господа! Это целое состояние!

Господин в сером. Погодите завидовать. Он купил жене подарков, конфет и еще шестьдесят пять белых и красных роз впридачу. — Щедрость наших бедствующих литераторов известна.

Господин в черном. Отчего только шестьдесят пять, а не сто, например?

Господин в сером. По количеству лет: ему — сорок пять, ей — двадцать, всего и выходит шестьдесят пять.

Господин в черном. Убедительно. Наши романисты и в жизни не могут без аллегорий. Однако признайтесь, что эту арифметику вы сами придумали.

Господин в сером. Так разве не очевидно? Не забывают, что эти аллегории, как правило, стоят денег.

Господин в светлом. Что же дальше?

Господин в сером. Дальше самое интересное. На другой день Достоевский все проиграл.

Господин в светлом. Все-все?

Господин в сером. Даже больше. Проиграл и состояние, выигранное накануне, еще украшения, что были у невесты, а вдобавок — обручальные кольца, свое и жены.

Господин в светлом. Разве такое возможно?

Господин в сером. Великим все позволено.

Господин в черном. Ха-ха! Самому к каторжной жизни не привыкать, теперь устроил каторгу двадцатилетней супруге в медовый месяц! Жаль, что я не романист, здесь целый сюжет!

Господин в сером. Вот и подумайте: к кому, как не к нам, обратится теперь Достоевский. Тургенев ему больше не даст.

Господин в черном. Логично. Ведь Достоевский не вернул еще долга Тургеневу?

Господин в сером. Смешно даже предполагать. Об этих пятидесяти талерах складывают анекдоты.

Господин в светлом. Какой позор! А пишут о нравственности!

Председатель. Господа, прошу вас, ближе к делу.

Господин в сером. В том и состоит дело. Нам нужно выбирать между Лесковым и Достоевским. — Фонда на обоих не хватит.

Председатель. Достоевский еще не обращался.

Удалов. Обратится непременно! Совершенно ясно. Неужели ж откажем Достоевскому и предпочтем Лескова? Можно ли сравнивать!

Господин в черном. Сравнить как раз можно. Почему нет? Общего очень даже много. — Оба хотят жить на широкую ногу за чужой счет. Оба ни в чем не знают меры. К Лескову приезжает первая жена, а Достоевский, женившись во второй раз, еще получает письма от любовницы...

Господин в светлом. От Суловой?

Господин в черном. Даже вы знаете, хотя заняты театрами. Но сравним еще. Толстой дарит свои гонорары актерам, а Тургенев...

Господин в светлом. Мы говорили о Лескове.

Господин в черном. Вот именно, какая разница? Одно и то же. Из вас, господа, кто купит своей супруге столько роз? Не кому-нибудь, а именно законной жене? Признайтесь откровенно.

Господин в сером. Зато мы и не просим. Я, между прочим, свой долг вам вернул.

Господин в черном. Отлично помню. Или вы думаете, я забыл о своем? Но сейчас речь не о нас с вами. Так вот. При прочих равных лично я выбираю Достоевского по одной причине: его сочинения, кажется, сомнений не вызывают. Привезет он из Бадена новый роман, и наверняка привезет «Игрока» какого-нибудь. Ему журналы не откажут, еще и выбирать будет, кому лучше отдать. Каково вам тогда писать о художественных открытиях, если сейчас ему откажете?

Молчание.

А у Лескова — бабушка надвое сказала.

Удалов. Я тоже.

Председатель. Что?

Удалов. За Достоевского.

Председатель (неуверенно). Он не обращался.

Господин в сером. Не забывайте, что еще Гаврилов в долговой яме.

Председатель. Уже?

Господин в сером. Будет непременно.

Удалов. Свой человек!

Председатель. Подождите о Гаврилове. У нас конкретный вопрос. Кто еще не высказался о Лескове?

Господин в светлом. Я — как большинство. Какой смысл выступать против?

Председатель. Хорошо. Высказались все. Будем голосовать?

Внезапно раздается громкий бой часов. Все вздрагивают и оборачиваются.

Остановите их совсем, господа. Бьют, когда им вздумается. Нужно позвать мастера.

Господин в черном (останавливая часы). Опять забежали вперед.

Председатель. Это мы топчемся на месте. Давайте решать. Итак. Ни один из нас не поручается за господина Лескова на основании... (*Задумывается.*) И все же... Не отложить ли до тех пор, пока все члены комитета соберутся?... Что если отсутствующие не согласятся с нашим решением?

Господин в сером (поднимая палец вверх). Вы об этих?

Удалов (перебивая). Разве их мнение первое? И, уверяю вас, никогда не соберутся. Они-то всегда или за границей, там поправляют свое здоровье, или в своих имениях заняты великими сочинениями, или... Да что там говорить! Одни мы всегда на месте. Какой смысл откладывать?

Председатель. Однако Лескова читают, вы сами говорили. Пожалуй, не меньше, чем Достоевского. А на кого у нас не пишут критику? (*Думает.*) Все же надо хорошо подумать, не будет ли наше решение противоречить, так сказать, значению его сочинений в будущем?... Думайте, господа, думайте! Ведь можем тоже в историю попасть... литературы...

Удалов (с пафосом). Если мое мнение, господа, здесь ничего не значит, так я во все выйду из комитета. Решайте своим голосом.

Председатель. Такого права не имею. (*После молчания. Не совсем уверенно.*) Как сформулировать?

Господин в черном. Объяснение причин не требуется по форме. Мы должны изложить лишь постановляющую часть.

Председатель. Верно. Значит, запишем так (*пишет*): «Комитет Литературного фонда находит, что ссуда не может быть выдана господину Лескову, так как ссуды

выдаются лишь за поручительством членов комитета. Желавших же принять на себя поручительство за господина Лескова в Комитете никого не оказалось...» Так. И еще несколько предложений... (*Пишет.*) Нужно расписаться.

Расписываются.

Повестка дня исчерпана. Осталось познакомить с нашим решением господина Лескова.

Удалов. Позвольте, я это сделаю. Я сейчас же могу передать.

Господин в светлом. Зачем так срочно? Приглашаю теперь всех ко мне на ужин по случаю получения гонорара. Шампанское лучшего качества!

Удалов. Ничего, я успею. Я хорошо знаю адрес.

Господин в черном (усмехаясь). Еще бы.

Председатель (подумав). Хорошо. Вы избавите нас от лишних хлопот. (*Запечатывает конверт.*) Все. (*Передает конверт Удалову.*)

Господин в светлом. Постарайтесь скорее, будем вас ждать!

Господин в черном (вслед). Да не забудьте повязку снять, ведь теперь у вас на строение другое. Берегите ноги!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая.

Теплый майский день. Больничный сад. На аллее Лесков и Ольга Васильевна.

Ольга Васильевна. Как Вера?

Лесков. Мне кажется, ей у нас немного скучно. Но она привыкнет.

Ольга Васильевна. Вере нужна хорошая гувернантка. И еще не забывай: у нее может быть моя наследственность. Ее нельзя излишне беспокоить.

Лесков. Вера много гуляет в саду. Степановна учит ее рукоделию, у нее свои приемы воспитания.

Ольга Васильевна (остановившись). Рукоделию? Зачем это?

Лесков (несколько смутившись). Ну, вязанью, что ли. Говорят, это занятие хорошо успокаивает нервы.

Ольга Васильевна (возмущенно). Ты позволил деревенской прислуге заниматься нашей дочерью?

Лесков. Нет, нет, не беспокойся. Это так, изредка только. У нас будет француженка. И музыке, и танцам, всему учить будем. Уже дали объявление.

Ольга Васильевна. Может быть, у тебя нет денег? Я ничем не могу помочь, мы совсем разорены.

Лесков (помолчав). Если сказать правду, мне сейчас трудно. Но я жду со дня на день, должен получить большую сумму.

Ольга Васильевна. Значит, ты не беден? (*После молчания.*) У тебя, я слышала, были какие-то неприятности в литературе?

Лесков. Беда целая. Не думал, не гадал, что так получится. За роман «Некуда» изругали все: и критики, и писатели, а прочие - за компанию. Обвинили во всех грехах. А читали, между прочим, нарасхват, и сейчас готовится второе издание.

Ольга Васильевна. Так в чем же дело?

Лесков. Как тебе объяснить?.. Осудил нигилистов наших: показал, чего они стоят на самом деле. Их авантюры, пустозвонье... Не угодили в этом социалистам, вдруг решили узнавать себя. Еще монахов не так показал. Я ведь об их жизни не понаслышке знаю.

Ольга Васильевна. У тебя, кажется, тетка — игуменья?

Лесков. Агния... С детства врезалась мне в сердце история, как они молоденькую монашку поедом заедали. Изворотливо так, с подходами... За то только, что природою была ей дана красота необыкновенная. А наш мужик деревенский возьми, да и влюбись в нее. Так они каждый день ей внушали, что красота — грех ее тяжкий. Бедняжка не знала, как лицо свое обезобразить. Лишний раз поглядеть боялась — вот как заметят!.. Я эту историю еще смягчил в романе.

Ольга Васильевна. Всего-то? За что же тут ругать?

Лесков. Еще дам современных не так показал, тех, которые в эмансипацию ударились да изображают из себя существ фееподобных и развращают сознание молодых девиц... Художники обижаются... Все ж хотят, чтоб их образцами выводили.

Ольга Васильевна. А ты и выводил.

Лесков. Не умею. Такой я натуралист. Вот, погляди: и на дереве есть сухие, ненужные ветки.

Ольга Васильевна. Это правда.

Лесков. Так от того, что я укажу на них, дерево не умрет. А если обломать плохие, так оно еще краше станет. Не понимают! (*Помолчав.*) Или кому-то кривые деревья больше по нраву.

Ольга Васильевна. По мне, так тут нет никакой беды. Оставь свои романы, займись службой. Все прибыльней.

Лесков. Не получится теперь. Сорвался я отовсюду, а назад воротиться, что в реку во второй раз. Далеко вода утекла. Не могу писательство оставить — душой прирос к этому делу. Хочется рассказать, как понимаю жизнь я, что люблю, что не по сердцу мне. Может, кому-нибудь и пригодится... (*Всматривается вдаль.*)

Навстречу идет женщина в монашеской одежде.

Кто это?

Ольга Васильевна. Монахиня наша, Анна.

Лесков. Зачем она здесь?

Ольга Васильевна. Анна? Разговаривает с нами, больными, о грехах наших. Рассказывает, кому что суждено. Учит, чтоб не роптали, смиренно ждали кончины, приготавливались к ней. Все скоро умрем. Недолго и мне осталось...

Лесков. Что ты говоришь такое? Разве об этом сейчас думать надо? О жизни думай, доктор сказал, поправишься ты.

Монахиня проходит смиренной походкой, строго взглянув на Ольгу Васильевну.

(*Про себя.*) Значит, и здесь есть такие. (*Громко.*) Это она тебе глупости внушает?

Ольга Васильевна. Тише, тише! Что ты! Вера услышит.

Лесков. Какая Вера?

Ольга Васильевна. Дочь наша. Видишь: идет к нам.

Лесков. Где?

Ольга Васильевна (огорченно). Не туда смотришь. Ты не узнал Веру... Но отчего на ней мое подвенечное платье? Я спрятала, чтоб никто не нашел. Скажи ей, чтоб сняла, она послушает тебя.

Лесков. Ольга, очнись! (*Берет ее за плечи.*) Что ты? Здесь нет Веры.

Ольга Васильевна (очнувшись). Мне показалось. Ты знаешь, мне теперь часто кажется так. Я себе уже не верю. Говорю с тобой, а не знаю, правда ли это.

Лесков. Правда. Это правда.

Ольга Васильевна. Тогда сядем. (*Садятся на скамейку.*) Я очень ждала тебя, Николай, чтоб сказать важное... Может, в последний раз понимаю, что говорю, торопиться нужно.

Лесков. Да выбрось мысли эти совсем!

Ольга Васильевна. Не перебивай. Здесь первое мое слово, а ты слушай. Много я передумала о нашей жизни. Хочу покаяться перед тобой.

Лесков. О! Тогда и мне нужно. Я, может, больше перед тобой виноват.

Ольга Васильевна. Как хочешь, а я о своем скажу. Знаешь ли ты, Николай, отчего я согласилась выйти за тебя?

Лесков. Ну... Как же...

Ольга Васильевна. Не отвечай, я и сама тогда не знала: то ли от глупости, то ли от отчаяния... Я замужество по-своему понимала. Время мое выходило. «Засиделась», — говорили. Я театры любила, а выезжать с маменькой уж стыдно было... Хотела, чтоб подружки завидовали. Тут и ты вдруг: молодой, веселый, богатый. Всем хорош. Я и не раздумывала.

Лесков. Что вспоминать теперь? Зачем?

Ольга Васильевна. Ты слушай... Как увидела я тебя тогда, так сразу представила жизнь свою с тобою, как яркий праздник: наряды, музыка, веселье, танцы... И с первой встречи каждую минуту жила в ожидании этого праздника. Ожидание это и было моей любовью... А ты меня вместо театров — да в деревню. Не могла я высказать, оттого капризничала и тебя мучила. Погляжу вокруг — мухи, коровы, мужики грязные... Вдруг и заплачу. Скажу: «Голова болит». Степановна начнет хлопотать, а мне еще обиднее, слезы хуже польются... И наряды мои — все серое, домашнее... А ты никогда и не заметил...

Лесков. Отчего не сказала ты мне тогда? Об этом пустяке? Ведь любил я тебя, а не наряды твои.

Ольга Васильевна. Боялась. Ты ведь горячий. Да разве б ты понял? Вот и сейчас сказал, что пустяк. Не можете вы, мужчины, догадаться, что для женщины такая мелочь, как платье новое, может всю жизнь изменить. Может быть, хандра моя и прошла б оттого.

Опять показывается монахиня, Ольга Васильевна замечает ее, как будто пугается.

Молодость была и глупость. Теперь, перед судным днем, о другом думать надо. Молиться непрестанно и каяться, каяться. Я и покаюсь перед тобой. Хорошо... Вижу — идут уже за мною... Огни горят... *(Встает.)* Видишь ли ты? *(Показывает в сторону Анны.)*

Лесков. Там нет ничего, тебе показалось.

Ольга Васильевна. Огни! Костры жаркие!.. Ах, жарко становится, душно... В голове моей все кружится... *(Покачнувшись.)* Кружится...

Лесков (поддерживает Ольгу Васильевну.) Ольга, очнись, я здесь, с тобой!

Ольга Васильевна (кричит). Вот они! Сюда! Ближе! Прочь от меня все! Я огня хочу! Платье красное дайте! Наденьте мне скорее, я кружиться буду! *(Начинает кружиться.)*

Подбегают санитары, уводят Ольгу Васильевну.

Ольга Васильевна (кричит, обернувшись). Прости! Прости!

Лесков. Господи! Сжался над душой ее...

Подходит монахиня Анна.

Анна (строго). Что стоишь, мил человек? Отчего креста на себя не наложишь? Много, видно, греха на тебе. Давно ли в церкви был? А надо, надо.

Лесков (как бы очнувшись). Это ты? Что говоришь?

Анна. Перекреститься надо. От греха. Молитву прочитать.

Лесков смотрит исподлобья.

Нехорошо смотришь. Вижу — тяжело тебе. А ты покайся. Больная душа в раскаянии очищается.

Лесков (медленно). Откуда тебе про мою душу знать? Тут не все больные, я здоров.

Анна. Гордые слова твои.

Лесков (постепенно раздражаясь). А ты б хотела, чтоб я плакался? Не любите вы веселых да здоровых, а?

Анна. Нельзя говорить так.

Лесков. Отчего же? Лицемерить — грех, а я говорю, про что думаю. Отойди, прошу по-хорошему, не вводи в новый грех. Не пойму я что-то у вас: хорошо ли больных людей пугать? У иных еще целая жизнь впереди!

Анна. Не об этой жизни думать надо, ох, не об этой.

Лесков (медленно). О чем думать мне, про то Господь подскажет. Одному ему известно, что будет с нами. А тебе еще раз повторяю: не смей говорить с моею женою о ее болезни. Есть у нее заступники. Господь ей помогает, не твоя это забота. А не то... (Нечаянно ломает прут, что держал в руках.)

Анна спешно уходит.

(Громко.) Господи! Прости за дерзкие слова мои! А если не прав я, отчего не разверз ты землю подо мною при словах моих, отчего не являешь знак свой?..

Сзади незаметно подходит Григорий.

Григорий (громко). Доброго здравия, Николай Семенович.

Лесков (медленно оборачивается). Григорий? Ты, что ли?

Григорий. Не признали? Так это я окрасился с утра. Для смеху.

Лесков. Ты здесь зачем?

Григорий. Я завсегда прихожу. Гонят отовсюду, Николай Семенович, а здесь иные слушают.

Лесков. А ты и впрямь обрядился, что не узнать.

Григорий. Роль такая. Сам придумал.

Лесков. Для чего тебе?

Григорий. Как сказать... Для порядка. Доброй песне и декорация требуется, это понимать надо. К примеру, вот. *(Становится в позу, поет.)*

«Ехал на ярмарку ухарь-купец!
Ухарь-купец, удалой молодец!
Ой, да люли, ой, да люли!...»

Из окон больницы выглядывают санитары.

Голоса. Гришка! Поди прочь! Нельзя здесь!

Григорий. Где ж можно, господа хорошие? *(Лескову.)* Вот видите...

Молчание.

Лесков. Есть место для тебя, Григорий.

Григорий. Так укажите.

Лесков. В театр тебе надо.

Григорий. И вы смеетесь, Николай Семенович! Куда мне... Я неученый...

Лесков. Ну, Григорий, еще пуще меня удивил. И ты — туда же! «Неученый»! Кто тебе-то сказал, что человеку непременно аттестат нужен?

Григорий. Как же. Если из невежества, то в одном только месте и привечают — в трактире, да и то, когда копейка имеется. Еще, правда, за песни могут.

Лесков. Да не ученость артисту прежде нужна, а талант! И чтоб ты сам себя уважал за это. «Неученый»! Так только может рассуждать сваха какая-нибудь, что на киселе гадает. А станешь ты петь, баба эта глаза вытаращит, потом, глядишь, и слезу утрет... Ведь ты умеешь.

Григорий. Умею. Многим очень даже нравится.

Лесков. Теперь вот окрасился ты.

Григорий. Ошибка вышла. Оказия, да и только.

Лесков. Неправда. Кто еще сумеет, как ты, людей развеселить?

Григорий. Это бывает. Иные смеялись. Даже монету сегодня дали, стало быть, за талант.

Лесков. Вот и получается, что ты умеешь то, чего не могут другие, в этом ты лучше других. Книжек можно много прочесть, таланту от того не прибавится. Слышал про Левшу, что блоху подковал?

Григорий. Блоху? Разве можно?

Лесков. Есть такой умелец! А ведь университетов не оканчивал! Вот напишу про него, чтоб все знали.

Григорий (помолчав). Позвольте спросить, Николай Семенович, откуда вам про все известно бывает? К примеру, про сваху?

Лесков. Какую?

Григорий. Что гадает?

Лесков. Так это я к слову, к примеру только.

Григорий. Хитрите вы, все знаете!

Лесков. Может, я и больше твоего знаю, а песню, как ты, ни за что не спою. Выходит, равные мы с тобой: ты в одном сильней, я — в другом. «Неученый»! Будешь говорить так, пропьешь таланты свои, и все.

Григорий. Разве на театрах не пьют?

Лесков. Отчего же, случается.

Григорий. Освистать могут.

Лесков. Могут. Зато там и учить будут, если захочешь. А станешь учиться — сам государь придет на тебя смотреть. Так-то!

Григорий. Шутите вы или всерьез?

Лесков. Сколько великих актеров вышло у нас из крепостных! Не все сразу учеными были. Будет охота у тебя — приходи. Есть у меня знакомые артисты, покажешь им свои умения. А если у меня получится, так напишу для тебя роль.

Григорий. Что ж, можно! Николай Семенович, поглядите, я колесом выучился! *(Делает стойку на руках, падает.)* Я еще петухом могу! *(Показывает.)*

Оба смеются.

Лесков. Сам не знаешь ты, как здесь нужен! Да что поделать — не понимают нас с тобой!

Картина пятая.

На квартире у одного из литераторов. Небогатая обстановка.

На столе шампанское, закуска. За столом Председатель, Господин в черном, Господин в сером, Господин в светлом. Едят, пьют.

Господин в сером (с бокалом в руке). Господа! Поговорим, наконец, о высоком!

Господин в черном. Не возражаю. Определите тему.

Господин в светлом. Предлагаю о Пушкине.

Господин в сером. Отлично. Очень своевременно. Так сказать, репетиция перед ожидаемыми торжествами.

Господин в светлом. Кто для нас Пушкин, господа?

Господин в сером (заметно пьян). Мне кажется, что Пушкин, прежде всего — «Памятник».

Господин в черном (аплодирует). Браво! Вы сегодня на удивление красноречивы. За вами нужно записывать.

Господин в сером. А вы опять не поняли. Я имел в виду стихотворение. *(Декламирует.)* «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа!...»

Господин в светлом (продолжает с пафосом). «...Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа!..» Какая смелость, дерзость, способность бросить вызов самому... самому... Вот качества, отличающие большого поэта!

Господин в черном. Добавьте еще немалую долю самонадеянности. *(После некоторого молчания.)* Я не прав?

Председатель. Победителей не судят.

Господин в сером. Я считаю, что не один Пушкин достоин у нас, в России, всенародного признания. Только не каждый поэт умеет, как он, сказать о себе вслух.

Господин в черном. Вы знаете равных Пушкину? Любопытно. Не себя ли имеете в виду? В таком случае предлагаю тост за вас!

Господин в сером. Я еще не поэт.

Господин в черном. Кто ж вам мешает?

Председатель. Господа, оставьте этот тон, ни к чему в нашей компании!

Господин в светлом (Господину в черном). Вы все всегда принижаете. Вам, осмелюсь заметить, никто не угодил: ни Пушкин, ни Лесков. Кого цените вы? Вы ведь и у Пушкина только что нашли изъян?

Господин в черном. Желаете знать, кого я уважаю? *(Подчеркнуто.)* Гаврилова.

Дружно смеются.

Господин в светлом (обиженно). Невозможно вести беседу с теми, кто всегда себе на уме.

Господин в черном. Отчего вы не поверили? Гаврилова уже за то можно уважать, что он никому не вредит. В наше время исключительное качество!

Господин в сером. Оттого, что давно ничего не пишет. А только пьет. И, между прочим, нередко опять же за наш счет.

Господин в черном (заметно пьян). И — прекрасно! Он — за наш, мы — за его. Лучшее основание для сплоченности, господа, в то время как занятие литературой — всегда повод к раздору и недовольству друг другом. Соперничество, господа!.. Поэтому предлагаю тост за... *(Задумывается.)*

Господин в сером. «Собрать все книги да и сжечь!» Поздравляю вас! *(Смеется.)* Как однако вы себя перехитрили! *(Вдруг начинает размахивать руками возле своего лица.)* Оса! Осторожно, господа, оса! *(На столе падает посуда.)* Ловите, вот она!

Господин в светлом (размахивая руками). Меня укусила прошлым летом. В эту комнату всегда залетают! Ай! Упустили! Надо было ловить проворнее!

Прислушиваются.

Господин в черном. Нет ничего. Вам показалось.

Председатель. Не будем обращать внимания на эти пустяки, господа. *(Встает с бокалом.)* Позвольте мне сказать. Вспомним еще раз из Пушкина. *(Декламирует.)* «...И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал...» Предлагаю тост за добрые чувства между нами, литераторами. Это и есть то основание, на котором одном и можно воздвигнуть памятник нашей российской словесности.

Господин в черном. Разве ее уже похоронили?

Господин в сером. Опять придираетесь. Завидуете, что не сами придумали. Лучший тост сегодня! Я бы приберег для пушкинского вечера. За добрые чувства, господа! *(Пьет.)*

Господин в черном. Однако Лескову сегодня отказали.

Молчание.

Господин в светлом (возмущенно). Зачем вы вспомнили теперь?

Господин в сером. И что такого? Лично я не вижу никакого противоречия.

Господин в черном. Можете объяснить?

Господин в сером. Конечно. *(Помолчав.)* У меня есть один пример. Здесь кстати будет вспомнить Гоголя Николая Васильевича.

Господин в светлом. Почему Гоголя? В каком смысле?

Господин в сером. Его историю на мосту. Я перескажу. Идет Гоголь через мост. Дело было вечером зимой. Холод, ветер, снег... Вдруг натывается на нищего со шляпой в руке. Тот, как вы поняли, просит подаяние. Это уж почти ночью. А наш Николай Васильевич то ли раздражен был, то ли в карманах было пусто, — возьми, да и пройди мимо. А ступив вперед сколько-то шагов, слышит, как за его спиной бултых что-то с моста в воду... Он быстро вернулся, глядит, а на воде только шляпа...

Господин в светлом. Я не понял. К чему вы рассказали?

Господин в сером. Подождите. Здесь важен вывод. Следите за мыслью, господа. Для нищего того копейка всей его жизни стоила, ибо вся его жизнь была уже сосредоточена в этой копейке, — что бывает при полной потере человеческого достоинства, согласитесь.

Господин в черном. Безусловно.

Господин в сером. А такие, как Лесков, еще много амбиций в запасе имеют, а стало быть, и способности обойтись без нас.

Господин в черном. Хм...

Господин в светлом (взмахнув руками). Ай! Опять оса! Меня укусила! Ловите, ловите скорее!

Все вскакивают со своих мест, создается суеда.

Выкрики. Вот она! Еще одна, их тут много! Откройте окно! Давите, что же вы зеваете!

Господин в черном нечаянно толкает Господина в светлом, тот падает на пол.

Господин в светлом. Вы меня толкнули!

Господин в черном. Сами под руку попались!

Господин в светлом. Нет, это вы налетели. Я повредил ногу!

Господин в черном. У вас есть другая. Что вы хнычете? Поднимайтесь!

Господин в светлом. Помогите же мне!

Ему дружно помогают, усаживают на стул, обмахивают платками.

Господин в сером. Заметьте, господа. — Как только заговорим о Лескове, тотчас что-нибудь произойдет.

Господин в светлом. Вы сами начали. Это невозможно! Какой испорчен ужин, господа! Не будем думать об этом господине, пусть, наконец, о нем хлопочут другие.

Господин в черном (тихо, но отчетливо). Именно. У Лескова есть и без нас хорошие заступники.

Господин в сером. Вы об осах?

Господин в черном. Если хотите аллегория, то лучше — шмели. В нем принимает участие Толстой.

Молчаливая пауза.

Председатель. Господа, я плохо понимаю... Что за шутка?

Господин в черном. Это факт. Разве вы сами не знали?

Председатель. Откуда известно?

Господин в черном. Из устных высказываний.

Господин в светлом. Я тоже слышу впервые.

Председатель. А... который Толстой? Лев Николаевич?

Господин в черном. Ну что вы! Этому сейчас не до других! Занят Бородиным, поехал сам изучать для романа поле битвы.

Господин в сером. Это правда.

Господин в светлом (заикаясь). Так к-который?

Господин в черном. Вы меня удивляете. Что, у нас в литературе много Толстых?

Господин в светлом. Алексей Константинович?

Господин в черном. Угадали. Ваш великий драматург и знаток русской истории. Именно он высоко оценил талант Лескова.

Молчание.

Председатель. Что же это такое, господа? Отчего у нас всегда разногласия? И почему вы не сказали сразу?

Господин в черном. А тогда голосовали бы иначе?

Господин в сером. Лучшее дело — отвечать вопросом, вы на это мастер. (*Помолчав.*) Но... Собственно, ничего не произошло. Давайте разберемся. Мы теперь никак, ни при каких условиях не могли удовлетворить просьбу господина Лескова. Гаврилов в долговой яме! Здесь срочное дело!

Председатель (с надеждой). Уже сидит?

Господин в сером. Нет еще, однако... День еще не кончен, господа.

Сосредоточенное молчание.

Господин в светлом. Мне кажется, нам не в чем оправдываться. Кому б мы ни выделяли — Достоевскому, Гаврилову, Лескову — все б отнимали у Пушкина. Возможно ли это? Через три дня торжества. Нельзя же отмечать такую дату, как теперь. (*Показывает на стол.*) Это же — Пушкин! Пусть господа нуждающиеся литераторы дождутся своих юбилеев. Тогда — милости просим!

Молчание.

Председатель. Кстати, какого направления придерживается сейчас Толстой?

Господин в черном. Совершенно русского. То есть определить невозможно. Толстой из тех, у кого всегда свое направление.

Председатель. Такого не бывает. От службы он удалился. Он ведь не при государе теперь?

Господин в сером. Покровительства это не лишает. Вы сами видели, как государь аплодировал в театре.

Председатель. Да... И все же... Что Толстому до Лескова?

Господин в черном. Ну как же... Тут родственность умонастроений очевидна. Оба хотят жить по-своему, как можно меньше зависеть от чего-либо. Оба радуют за Отечество — сравните пафос их сочинений! Оба оставили службу ради литературы... В сущности, у них одна статья. Разница в образованности и в том, что один богат, а другой беден.

Господин в сером. Вот-вот! Пусть к Толстому и обратится. Или к Достоевскому.

Господин в черном. Это их дело. Но отметим еще важное. Помните, как государь сказал о Толстом и Тютчеве, что они ненадежны? И не включил их в цензурный комитет. Не потому ли, что из своих соображений эти писатели всегда могут поступить вопреки правилам... Таков же и Лесков, господа. Вот и подумайте, может ли он быть поддержан нами. К чему рисковать нам?

Господин в сером. Господа, не будем думать, мы не первые им отказываем!

Господин в светлом. Сам государь их отстраняет! О чем еще рассуждать? Предлагаю тост, господа! За нашу русскую литературу!

Председатель (про себя с досадой.) Однако мы поторопились.

Картина шестая.

Квартира Лесковых. В комнате Николай Семенович Лесков, Василий Семенович, Вера, Лелева; Федоров за фортепиано. Поют.

День и ночь роняют в сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова:

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный серый вечер
Мне так хочется любить.

Тает луч забытого заката,
Синевой окутаны цветы.
Где же ты, желанная когда-то,
Где, во мне будившая мечты?..

Входит Крестовский.

Возгласы. Наконец-то! Всеволод Владимирович, где вы пропадаете? Без вас не весело!

Федоров играет веселую польку, Крестовский целует руки Лелевой и Вере, вальсирует с Верой.

Лесков (брату). Полюбуйся на наше светило!

Крестовский подходит.

Василий, рекомендую тебе петербургскую знаменитость. — Крестовский, автор «Петербургских трущоб».

Василий Семенович (Крестовскому). Очень рад с вами познакомиться. Читал ваш роман с огромным интересом.

Крестовский. Критики, как всегда, недовольны. Они, наверное, правы.

Лелева. Не скромничайте, дамы от вас без ума.

Крестовский. Только это и поддерживает мой дух. Позвольте сделать ответный комплимент. Поздравляю вас с отличной ролью.

Федоров. Вы видели?

Крестовский. Разумеется! В зале было слышно много похвал, я радовался за вас.

Федоров. Благодарю. Хотя мы отлично понимаем, что «Иоанн Грозный» для нас слишком трудная пьеса, и мы не вполне справляемся с ролью. Куда лучше нам удастся из «Дон Кихота». *(Подмигивает Крестовскому.)* Разыграем?

Крестовский. Что за вопрос? Обязательно!

Федоров. Ждали вас. На этой сцене вы — мой лучший партнер. Оружием владеете?

Крестовский. Любимец дам обязан! Защищайтесь!

Имитируют поединок, дурачатся.

(С пафосом.) Где моя прекрасная Дульсинея? *(Становится на колени перед Верой.)*

Вера смеется, остальные дружно аплодируют, потом опять поют.

«День и ночь роняет в сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова...»

Входит Катерина Степановна.

Катерина Степановна. Дорогие гости, чай готов. Прошу всех в столовую.

Выходят из комнаты. Лесков задерживает Катерину Степановну.

Лесков. Катя, прошу тебя.

Катерина Степановна (встревоженно). Что случилось?

Лесков. Видишь ли... Я хотел спросить у тебя... Мы давно не говорили с тобой, я захлопотался...

Катерина Степановна. У нас гости.

Лесков. Ничего. Гости пьют чай. А я могу пропустить главное за суетой... А, не умею я дипломатничать.

Катерина Степановна. Ты спросить о чем-то хотел. Спроси прямо.

Лесков. Вот что. Ты никогда не говорила мне. Когда ты решила выйти за меня, то, наверное, представляла нашу с тобой жизнь, как праздник, что ли... Что мы будем в театрах, еще что-нибудь такое... Так ли?

Катерина Степановна. Станный вопрос. Ты сам знаешь, что у меня был уже опыт семейной жизни, вполне достаточный, чтобы познакомиться с ее прозаической стороной. Я не думала, что ты способен целиком подчинить себя женщине, ведь ты писатель. И разве за три года нашей жизни ты не убедился, что я люблю только то, что просто и естественно, а не то, что привлекает внешней стороной.

Лесков. Да, знаю. Но я боюсь, что мы, мужчины, не всегда догадливы. Может быть, ты хочешь чего-то от меня, а мне не скажешь.

Катерина Степановна. Не пойму, отчего эти вопросы. Я как будто не подавала повода.

Лесков. Нет, нет, совсем нет. День для меня такой, просто судный день. Все мною недовольны. Я и подумал о нас с тобой.

Катерина Степановна. Если ты хочешь, я еще скажу. Я очень хочу, Николай, чтобы у нас всегда было так, как сейчас. Когда всем у нас хорошо и весело. Мне больше ничего не нужно.

Лесков (порывисто обнимает Катерину Степановну). Как же люблю я тебя. А что говорю с тобой мало, так что еще сказать. Это чужим все объяснять надо.

Входит Степановна. Хочет незаметно выйти. Лесков ее замечает.

Степановна! Ты что?

Степановна (возвращаясь). Там человек пришел.

Лесков (медленно выпуская Катерину Степановну). Кто?

Степановна. А тот самый, что утром был.

Лесков (подумав). Пусть войдет сюда.

Степановна. Не желает. Стоит у дверей, тебя спрашивает.

Катерина Степановна (обеспокоенно). Что-то важное?

Лесков. Не знаю. Идите к гостям, я выйду к нему. *(Выходит.)*

Катерина Степановна и Степановна уходят вместе. Через некоторое время возвращается Лесков. В руках у него конверт, он вскрывает его, читает вслух.

«Постановление.

Читано письмо Н. Лескова к председателю Общества о выдаче ему ссуды в пятьсот рублей...» *(Дальше читает про себя, потом опять вслух.)* «...Комитет находит, что ссуда не может быть выдана г. Лескову, так как ссуды выдаются лишь за поручительством членов Комитета, желавших же принять на себя поручительство за господина Лескова в Комитете никого не оказалось...» *(Медленно.)* Никого не оказалось...

Из соседней комнаты доносится смех, шум. Вбегает Вера, она в ярком красном платье. Шумно входят Василий Семенович, Крестовский.

Василий Семенович (Лескову). Как весело сейчас представляли из «Дон Кихота»! Жалко, что ты не видел.

Вера (Крестовскому). Всеволод Владимирович, пожалуйста, сыграйте гусарскую теперь!

Крестовский. О! По желанию Дульсинеи — «Гусарская»! *(Садится за фортепиано, играет, поет.)*

Вера прыгает вокруг, кружится в танце. Василий Семенович прихлопывает в такт. Лесков исподлобья наблюдает за происходящим. Первой на него обращает внимание Вера. Она останавливается, поправляет платье. Прекращает игру Крестовский. Вера как будто прячется за Василия Семеновича.

Василий Семенович. Брат, что ты?

Входит Катерина Степановна.

Лесков (жене, мрачно). Кто придумал надеть на нее (*показывает на Веру*) этот наряд?

Катерина Степановна. Дети показывали рыцарские сцены, у Веры — роль. Было очень интересно.

Лесков. Чтобы никогда... Слышите? Никогда на ней не было этих тряпок. Снимите их немедленно.

Василий Семенович. Брат, ты не понял, это было замечательно!

Лесков. Вижу.

Крестовский. Николай Семенович, вы, видимо, преувеличиваете значение... Все это — шутка!

Лесков. Я никогда не считал достойными гусарские шутки.

Крестовский (деланно весело). Но это — исключительно для дамы сердца!

Лесков. Девочке в одиннадцать лет лучше не о рыцарях думать, а учиться полезному делу. Рыцари, как правило, в конце концов, оказываются шутниками-гусарами.

Крестовский. Мне непонятен ваш тон.

Лесков. Я не умею, к неудовольствию многих, выбирать тона, в этом моя особенность. Зато и в литературе не кривляюсь.

Крестовский. Вы хотите сказать...

Лесков (перебивая). Да. Если мы будем эдак проводить время, то никогда не выберемся из своих «трущоб». Головокружение от успеха вытесняет привычку к труду. Учтите: в литературе никто помогать не станет.

Крестовский. Но лично я... не нуждаюсь в помощи. Никогда не думал об этом.

Лесков. И напрасно. Не будете думать — так и останетесь лишь Амуром у дам.

Крестовский (в недоумении). Николай Семенович, понимаю, что должен вам ответить... Но меня сдерживает присутствие здесь... дам. Лишь скажу, что не понимаю, что вдруг с вами случилось. Ваши слова ничем не оправданы.

Входят Лелева и Федоров.

Федоров. Господа! Вот что мы придумали: завтра всех просим к нам в театр. Василий Семенович еще не видел «Грозного». Играет Васильев, он гораздо лучше Самарина, так все считают.

Лелева. Мы достанем вам билеты. (*Обводя всех взглядом.*) Отчего вы молчите?

Василий Семенович (прерывая молчание). Да, да, обязательно придем, благодарю вас. Я много наслышан. Все говорят, что отличная пьеса.

Федоров. Видите ли... Пьеса не просто хорошая. Тут совершенно новая драматургия! Алексею Константиновичу Толстому удалось передать историю. Играть в таком спектакле — для нас большая честь. Какие характеры! Но мы, актеры, не подготовлены к такому театру. Увы! Мы воспитаны на водевилях. Чтобы поставить такую пьесу, недостаточно декораций и костюмов. Нужен новый театр и не Лелева или Федоров, а новые актеры.

Молчание.

Лелева. Кстати, завтра будет Толстой. (*Лескову.*) Хотите, мы вас познакомим? Очень удобный случай. Он благородный, искренний человек, умница! Вы убедитесь сами.

Лесков (мрачно). Что я перед Толстым? Ему сейчас равных нет.

Лелева. А знаете ли, что он вчера за кулисами точно так про вас сказал. (*Федорову.*) Ты помнишь?

Федоров. Мы хотели вам передать. Сказал, что есть очень хороший писатель

Лесков. Так, как он, никто не пишет.

Лесков. Не может быть.

Лелева. Николай Семенович, голубчик! Отчего не может, когда это правда. Мы еще сказали, что вас знаем, что вы и человек замечательный.

Федоров. Точно так. Приходите завтра обязательно.

Катерина Степановна (прерывая молчание). Друзья, вы забыли: мы собирались выйти в сад. Прекрасный вечер. Предлагаю всем прогуляться.

Василий Семенович. Идемте, господа! Замечательно! Там продолжим беседу. *(Актерам.)* У меня много вопросов о театре.

Катерина Степановна. Прошу вас!

Все, кроме Лескова, выходят из комнаты. Некоторое время Лесков остается один. Входит Степановна.

Степановна. Ну, что, батюшка? Один остался? Всех разогнал.

(Усаживается за вязание.) Слыхала я, как ты Всеволода Владимировича ахнул. Слова твои потяжелее стульев будут. Только я, видно, и компания тебе.

Лесков. (После молчания.) Веру обидел, каюсь. Да вдруг встала перед глазами мать ее... Я-то всегда про любовь нашу думал, а она высказала мне, что всегда наряжаться хотела, веселиться... Вот в чем беда оказалась... *(С ожесточением.)* С детства манерничать приучали. А Вера уже гусарские песни распевает! Откуда знает-то их? Да еще платье красное! За Веру, за дочь я боюсь!

Степановна. Э... Мил человек... Разве возмущением убережешь! Тут надо мягкостью да терпеливостью... Что поняла она от твоего окрику? *(Вздыхнув.)* Мне пуще всего Катерину Степановну жалко. Вошла к нам красавицей, а живет из-за нрава твоего страдальницей, только что не скажет. Растеряешь ты ее. Хочешь — обижайся на меня, а я тоже люблю правду сказать. Растеряешь. *(Вздыхает.)* Не простая судьба твоя.

Лесков. Думаю я... Отчего трудней всегда тому, кто не умеет кривить душой? Вот, хотя бы в литературе. О ком у нас больше всего сплетничают? Слухи разносят? Сделал на каплю, а придумают град целый? Кого переговаривают постоянно? На кого пасквили пишут? — Достоевский да Тургенев, Тургенев да Толстой, еще Тютчев, опять Достоевский... А ведь это люди правдивые, честные, не клеветники, не хитрецы, не обманщики! Если и скажут, так не за спиной, а в глаза глядя... Каким талантом наделены!

Степановна. Ишь ты, стало быть, еще есть такие, как ты?

Лесков (улыбнувшись). Как высоко ты меня ценишь, Степановна! Что я перед ними? Лесков! Кто я такой...

Степановна. Почему это — кто? Лесков и есть. Фамилия у тебя хорошая, ласковая, благородная. Ты к этим-то и прибивайся.

Лесков. Дело не в фамилии.

Степановна. А я как будто и не понимаю! Знаю. *(Помолчав.)* Правда ли, будто похвалил тебя кто-то?

Лесков. Правда.

Степановна. Не из этих ли?

Лесков. Из этих, Степановна, из них.

Степановна. Значит, дождался ты этого, как его... — гонорара?

Лесков молчит.

Ну и слава Богу. Только ты не будь горяч-то. Правду свою, как задумаешь, лучше мне скажи, я не обидчива. А другому — подумай сперва. Сам же говоришь, что на хороших людей и так много обидчиков... Повинись, друг мой, перед Всеволодом Владимировичем! Он такого не заслужил от тебя.

Лесков. Знаю я, Степановна, знаю... Не прав. Да не со зла я... День такой, что все одно к одному... Ожесточился я. *(Подумав.)* А верно говоришь: нельзя так. *(Решительно.)* Сей же час повинюсь, обещаю тебе. Ведь умный человек должен понять, а?

Степановна. Должен-то должен... Да у него тоже сердце. *(Помолчав.)* Еще меня учила матушка, царство ей небесное! Остерегайся шуму да крику. Добро в тишине, в спокойствии... В любви к ближнему. Разве писатели по-другому понимают?

Лесков (обнимает Степановну). Отчего же по-другому?.. *(Задумчиво.)* Конечно, понимают. *(Глубоко вздохнув.)* Эх, Степановна! Никак не окончу я твоих университетов. Что правда, то правда.

Степановна (улыбнувшись). Ничего, батюшка, ничего. Все у тебя будет, поверь мне, старой. Много жизни еще впереди, для хороших дел хватит. А это перемелется, да мука будет. Верно ли говорю?

Лесков. Так, Степановна. Так. Обещаю тебе: будет.

Конец.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ
(рассказ-сюита)

Наш постоянный автор, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

— Вот она, моя Венеция. Здравствуй. Buengiorno,— внутренне говорил он, выходя из аэропорта Марко Поло. Знакомой до слез дорогой, мощенной мелкими квадратными камнями, покатил свой небольшой чемоданчик на колесах к пристани вапаретто. Даже постукивание колес по камням было ему мило. Почувствовал увлажнение глаз и свободной рукой платком промокнул слезы.

— *Здравствуй. Это я, твой поклонник. Можно сказать, любовник. Наконец, выбрался к тебе опять. И, как перед любовным свиданием, охвачен волнением и трепетом.*

На пристани купил билет до Fundamento Novo. Ступил на качающийся дебаркадер и, когда подошло вапаретто, протиснулся к самому краю его, чтобы первым взойти на палубу. Как мальчишка, поспешил сесть к окну, быть ближе к воде.

Вапаретто, покачиваясь на волнах, поплыло в Венецию. Навстречу неслись катера и водные такси, поднимая высокую волну, от которой небольшое судно еще больше раскачивалось. Близко за бортом назад бежали зеленоватые волны. Назад же по обе стороны проплывали и торчащие из воды бревна. По три штуки они были связаны вершинами, образуя треножник. На вершине треножников сидели чайки. В первый раз не мог понять, зачем эти треножники среди водной глади. Потом догадался — это бакены, обозначающие фарватер на пространстве лагуны.

Проплыли мимо пустынного островка с заброшенными, без признаков жизни домами. Сделали остановку в Мурано. Все так знакомо. Здесь в Мурано льют самое красивое в мире стекло. Поплыли дальше. Впереди узкой полоской над водой стал являться город. Стали видны кампанилы церквей, потом сами церкви, потом дома.

— *Вот она. Скорее, скорее.*

Сердце забило чаще. Старое сердце еще не утратило способность волноваться от красоты и ожидания.

Сойдя с дебаркадера, прошел налево в первый переулок и мимо кьезы Santa

Maria Asunta, колонки с непрерывно льющейся водой, через два моста, под которыми по каналу бесшумно проплыли гондолы, знакомой дорогой направился к Ca'd'Oro.

Нет, не к отелю с одноименным названием, а на fermata Ca'd'Oro, дебаркадер, качающийся на волнах Grand Canale. В этом отеле они останавливались раньше. То была первая поездка в Венецию. Первое знакомство с городом. Тогда и возникла любовь к нему, не проходившая все это время. Она только росла.

«Это сказка наяву. Такого больше нет нигде на свете. Она хороша и днем, вся залитая солнечным светом, и ночью, когда узкие ее улочки, пересекаемые каналами, освещены огнями ресторанов и витрин магазинов. Идешь, словно в декорациях праздничного города. Узкие улочки создают ощущение уюта, которое не испытываешь ни в одном другом городе. Сегодня услышал песню! Иногда, нанимая гондольера, заказывают и певца. Невольно остановишься на мосту и ждешь, когда гондола подплывет совсем близко, отчетливо услышишь чудесную итальянскую мелодию, и когда она проплывет под мостом, переходишь на другую сторону и видишь и слышишь удаляющуюся гондолу и песню».

Это запись в дневнике после первого визита в город.

В этот раз забронировал номер в Antigo Travatore, «Античный путешественник».

— *В самом деле, каждый человек путешественник по жизни. Хорошо, если на пути встречаются чудеса, такие как Венеция.*

Подкупило то, что отель с этим названием находится рядом с Piazza San Marco. Значит, опять можно будет вечером приходить на эту знаменитую площадь, сесть на мостки, которые расставляют на улицах для пешеходов, когда город затопляет вода, и смотреть, как сгущаются сумерки, зажигаются огни ресторанов и начинают играть маленькие оркестрики перед ресторанами для развлечения публики, заполняющей всю площадь.

Решил не плыть на вапоретто, а пройти путь до fermata Ca'd'Oro пешком. От этой остановки до отеля, если судить по карте, расстояние изрядное. Но эти карты для туристов обманчивы. Он-то знал, что все здесь все очень близко. Если, конечно, знать дорогу. Если не знать, можно не раз пройти по одним и тем же улочкам, как в лесу — ходить по кругу.

Вот исток Strada Novo. Широкая, по венецианским меркам, конечно, мощная улица, по которой вполне могли бы ездить авто, но в Венеции их нет. Оттого здесь тишина и чистый воздух.

Нет и лошадей. Лошадей, запряженных в коляски — неременный атрибут европейских городов, посещаемых туристами. Вот кафе. Столики на улице. Здесь они вкусили свою первую на итальянской земле пиццу.

Рядом тогда сидели за столиком пожилые мужчины и женщины. Громкий разговор и энергичная жестикуляция не могли не привлечь внимания. И вдруг одна из женщин, немолодая, выскочила из-за стола, подпрыгивая, как кенгуру, с восклицаниями устремилась навстречу подходившей, тоже пожилой, паре, и бурные объятия, радостные восклицания произошли на публике, и никто не обратил на это внимание.

— *Ах, итальянцы! Открытый, жизнелюбивый народ. Не то испанцы. Пережитая ими инквизиция и мавры навсегда внесли в их характер трагическое мироощущение, особенно ярко выразившееся в песнях. «Этот стон у них песней зовется». Не то итальянцы. Близость папы спасла их от жестокости и насилия. Они, наверное, не смирились бы с этим...*

Strada Nova. Почти такая же широкая и длинная, как улица Garibaldi, но та на другом конце города.

Здесь главное не пройти мимо узенькой улочки, ведущей к fermata Ca'd'Oro, и

свернуть в нее. Иначе по Strada Nova можно уйти далеко-далеко, до железнодорожного вокзала. Так же, как и тогда, в узкой улочке друг на друга поставлены мостки. На них сидят и закусывают, попивают водичку или пиво туристы. Местные сидят за столиками кафе, расставленными на улице.

Вышел к воде. Grand Canale. Вдохнул полной грудью влажный прохладный воздух. Все так же, как пять лет назад: гондолы скользят по воде, проносятся, поднимая зеленую волну, катера и водные такси; неспешно плывут вапаретто, сменяя друг друга у дебаркадера — одни отчаливают направо, другие налево.

И поплыл по Grand Canale. Мимо сказочно прекрасных дворцов. Проплыл под Realto. San Toma. О, что это?! Слева, нависая над водой, какое-то чудовище, подобие фигуры человека с круглой головой. Поравнявшись с ним, видишь, что туловище его разъято на две части — тонкие пластины из черной жести, скрепленные арматурой. Только издали оно представляется монолитным. Лицо обезьянье.

— *Кто осквернил город этим «произведением искусства»? Кому пришло в голову нарушить гармонию красоты и безукоризненного вкуса сим чуждым предметом, порождением безумного, безумного века!?*

«Fermata San Marco!» Громко по радио называют остановку. Приехал.

Вот и искомая улочка Rasse. Щель, а не улица. Если идти рука об руку, то не разойдешься со встречным человеком. Узкая, можно пройти и не заметить ее между двумя Даниелями, оба шикарные отели. По одну сторону. По другую — Лондра. Не менее шикарное прибежище туристов. Здесь останавливался Чайковский.

— *Со вкусом был человек. К тому времени с деньгами. От Надежды Филаретовны фон Мекк?*

Чудесно и то, что напротив улочки у воды на набережной есть скамьи. Если были свободные места, вечерами они сиживали и любовались, как надвигающиеся сумерки делают город еще более сказочным. По черной, почти невидимой воде скользят огни вапаретто, катеров. Или, бывает, на выходные в канал всплывает круизный лайнер, многоэтажный дом, освещающий темную воду вокруг себя. Напротив, через канал кьеза Santa Mariade Salute, днем различимая во всех деталях, в темноте наступающей ночи превращается в громадный сказочный силуэт. По темной воде скользят бесшумно гондолы. Насладившись покоем и красотой, шли по узким улицам в свете ресторанов и витрин магазинов к себе, в уютный отель «Ca'd'Ogo».

«Antigo Travatore» почти такой же. Небольшой. С десятков номеров. Если не знать о его существовании на узкой улочке, можно, не заметив, пройти мимо. С улицы стеклянные двери. Они бесшумно раскрываются, чтобы впустить посетителя, когда к ним приблизишься. Поднимаешься по лестнице в один марш и оказываешься перед ресепшн. Формальности занимают три минут. Получаешь ключ от номера. В тесном лифте поднимаешься на третий этаж, и ты перед дверью своего номера.

Точь в точь как в «Ca'd'Ogo» — кровать с чугунным завитушками в изголовье. По беленому потолку толстые коричневые балки. Против входной двери обнаружил еще одну дверь. Открыл и, о, чудо! просторный, больше, чем номер, балкон. Подошел к краю его, к парапету кружевного кованого чугуна. Синее небо без облачка. Прохладный воздух. Совсем рядом, рукой подать, высится кампанила площади Святого Марка. Глубоко вдохнул. Вскинул руки.

— *Дома!*

* * *

Раскрыл дневник. Записал.

«Это бегство? Если, да, от кого?

— Я вас люблю.

Сказано, проходя мимо, не поворачивая ко мне головы, между собравшимися на планерку сотрудниками издательства.

Показалось, что послышалось. Да и поверить было трудно. Младший редактор замглавреда.

Разница не только в должности — в сорок лет.

Насмешка? Кто знает. Недели через две.

— Я вас люблю.

Опять мне, проходя мимо, не поворачивая головы, среди собравшихся на пресс-конференцию сотрудников и гостей.

У Чехова рассказ есть — «Шуточка». Как похоже. Только роль Наденьки отведена мне. Самое подлое, что я, как героиня рассказа, заволновался. Завоображал. Захотелось снова и снова услышать это — «я вас люблю». Только саночек не было и стремительного, захватывающего дух полета вниз по снежной горке не было. А было, что приходя на какое-либо издательское собрание, искал глазами ее, и если она была, то, бес попутал, искал повода оказаться рядом и ждал этих самых слов.

Было отчего. Молодая, умная. Лицо удивительно чистое и свежее, как у ребенка. Голос тоже почти детский, девичий...

«О, как на склоне наших лет...».

Захлопнул дневник и встал. Заходил по номеру. Тесно, не разойтись. Сел за стол и снова встал.

— Нет! На воздух. К каналу. К гондолам. Не затем приехал, чтобы предаваться воспоминаниям. Венеция исцелит. На нее вся надежда.

* * *

В прошлые приезды они обошли все музеи. Теперь настала очередь церквей. Уже знал, что «кьезы» почти те же музеи по богатству произведений искусства в них. Ближайшей от Античного Путешественника была chiesa San Zaccaria. Из улицы Rasse направо по Salisato Provolo и перейти через мост над каналом. Не мост, а мосточек, горбатенький, как почти все в Венеции. Берега города низкие, а под мосточками надо проплывать гондолам и катерам. Не удержался. Остановился на мосту и ждал, когда проплывет по каналу гондола. Черный лебедь с изящно изогнутой шеей, плывет бесшумно, как приведение.

Коротенькая улица и небольшая площадь, а на ней белый лебедь — устремленная вверх церковь San Zaccaria.

Внутри полумрак. Ни икон, ни царских врат — алтарь на виду. По стенам картины, огромные, темные. Подсвечены только лики, нет — лица. Они не для поклонения. Библейские и евангельские узнаваемые сюжеты. А имена художников! Эрмитаж. Лувр. Прадо!.. И все это в одной из многих церквей маленького итальянского городка.

На одной из картин, что сразу налево при входе, после обхода церкви по кругу останавливается взгляд. Картина светлее других. То ли она излучает свет, то ли свет устремлен только к ней... На ней изображена молодая женщина с младенцем. Она поддерживает его, он стоит на ее коленях, упираясь в них ножками. Она сидит в высоком кресле, троне. По обе стороны от нее двое мужчин и две женщины в длинных одеяниях, ниспадающих изысканными складками. У ее ног сидит юноша со старинным музыкальным инструментом похожим на большую скрипку. Взгляд женщины не обращен к зрителю, глаза опущены вниз. Выражение лица печальное и кроткое. Бережно держит младенца. Стоящие по обе стороны от нее женщины склонили голову. Мужчины стоят к ней спиной. Один держит в руках раскрытую книгу. Другой погружен в свои мысли.

— Это не икона, не картина. Это рассказ о предчувствии большой скорби, ожидающей ее и младенца. Она потеряет сына. На ее глазах он примет мученическую, уничижительную смерть. Ей говорили, он станет царем, спасет народ Израиля, а он распят, как разбойник, вместе с разбойниками. Как его истязали, как глумились над ним! Больно было смотреть на его истерзанное тело, распятое на кресте. Сейчас он стоит на ее коленях, голенький, беззащитный. Еще не знает, что его ждет. Знает, ведь Он Бог! А пока впереди человеческая жизнь длиной в тридцать три года... Как прекрасна может быть женщина!

Выйдя из церкви, прошел узкую улочку и очутился на небольшой площади с кустами рододендрона и скамейками. Сел, чтобы отдохнуть и удержать еще на некоторое время в себе чувства, пережитые перед только что увиденной картиной. Картина называлась просто: «Мадонна с младенцем и святыми», а написал ее Джованни Беллини. Так написано было на табличке под картиной.

— Какой прекрасной может быть женщина! Другие мадонны, писанные итальянцами и прочими, смотрят на зрителя, словно фотографируются. Эта опустила глаза в горестном предчувствии. Есть одна, рафаелева, Мадонна дель Грандуко. Та тоже не смотрит на зрителя, но это от смирения или даже застенчивости — моль, за что мне такая честь — родить Бога?

Напротив скамьи, на которой сидел, он увидел небольшое кирпичное здание с готическим фасадом. Привлекла внимание металлическая табличка перед входом. Встал, подошел и прочел знакомое имя Antonio Vivaldi. Так вот где крестили младенца, носившего это знаменитое имя! Это была большая удача, неожиданно найти эту церковь. Название гласило, что это chiesa San Giovanni-in-Bragora. Здесь, как обозначено в путеводителе, был крещен в католичество сладкозвучный Антонио Вивальди. Живо представил себе рыжеволосого младенца, в крике которого, уже тогда, наверное, угадывались итальянские мелодии.

Церковь удивила скромностью декора. Мало картин. Больше голых кирпичных стен. Посетителей нет. Подошел padre. Пожилой сухощавый человек в серой сутане: — «Russo?»

— Как догадался? Видимо, захаживали сюда соотечественники, произвели некоторое впечатление, и святой отец научился отличать их от других иностранцев.

— Да. Si.

— San Giovanni,— и показал на стеклянный саркофаг у стены.

Подошли вместе. За стеклом укрытый до головы одеянием лежал человек с черным лицом.

Перекрестился. Поклонился.

Падре подвел его к столу, на котором рассыпью лежали ламинированные иконки величиной с игральную карту. Не иконки, а репродукции с картин, что висят в кьезах, на библейские и евангельские сюжеты работы итальянских мастеров. Перебрал картинки, нашел в россыпи православную иконку, протянул, сказал;

— San Giovanni,— показал на саркофаг.— И отошел.

Взял иконку и вышел из храма.

* * *

В номере раскрыл дневник.

«— Мы вас любим! — сказала она, когда вместе с другими сотрудницами издательства подошла ко мне год назад поздравить с днем рождения. Глаза ее сияли, Может, так показалось?... Забавляется? А ты, старик, уж размечтался. Сколько тебе лет?! «О, как на склоне наших лет...». Прецеденты были. Гете, Тютчев... Только заканчивались они плохо — для одного из двоих или для обоих.

В издательстве держат. Но поговаривают о том, что нужна молодая кровь. Мол, засилье стариков. А где их взять, молодых? «Вы нынешние ну-тка...». Верхоглядья. Работа с авторами дело не простое. Надо знать жизнь так же хорошо, как эти самые авторы. Или даже лучше. Иной напишет такое, что и сам не знает, что написал. Пишет о том, чего не пережил, не понял, не вдел. Написать хорошо можно только о том, что хорошо знаешь. Набрали молодых. Их учить надо... А как учить, если они тебе в любви объясняются».

* * *

— *Торчелло. Надо плыть на Торчелло. Написано, что там сохранились храмы византийских времен — базилики.*

Как добраться туда, спрашивает в кассе на набережной. Пожилой итальянец с трудом понимает его английский. Жесты и такой же плохой английский кассира. Понял, что сначала надо плыть до острова Бурано, а там пересадка, и на Торчелло.

— *Мимо острова Буяна...*

Оттуда каждые полчаса небольшое суденышко отправляется на знаменитый остров. Знаменитый тем, что с него начиналась Венеция. От Бурано до Торчелло оказалось всего десять минут плавания.

Суденышко заполнено народом. Как всегда, вездесущие японцы с фотокамерами на груди...

— *Видимо, испытывают голод по визуальным впечатлениям: раз в год только сакура да Фудзияма. Маловато.*

Маленькая пристань. Дорога идет вдоль канала. С другой стороны канала поле, заросшее итальянским бурьяном. Кроме туристов, местных нет. Небольшое кафе. Но все так же, как в городе — огромная кофе-машина. Разнообразная снедь в витрине. Мужчины-официанты в белых рубашках. Неторопливые, улыбчивые. Понимают, на каком бы языке ты не говорил.

Зашел, посидеть в прохладе, так как день для октября выдался жаркий... Заказал чашечку капучино.

Дорога приводит на площадь. При входе в нее лавочки, торгующие разнообразными туристскими безделушками. И рядом два больших храма. Они отличаются от виденных в городе церквей. Без высоких куполов. С скромный фасад. Кирпичные, не облицованные мрамором наружные стены. Внутри — храм, а не chiesa. Нет картин в золотых рамах. Нет беломраморных скульптур. Во всю стену фреска, изображающая Страшный Суд. Напротив мозаичная икона Божией Матери с младенцем Христом. Традиционная композиция — склонила голову к головке Младенца. Византия. Еще до схизмы. Перед храмом крестильня — большой круглый бассейн. Воды нет. Под большим зеленым деревом кресло из белого мрамора. В него усаживается девушка, парень ее фотографирует. В путеводителе пишут, что кто посидит в этом кресле, будет счастлив всю жизнь. Прошел мимо.

Больше на острове смотреть нечего. Жилых домов не видно. Пустые пространства, заросшие бурьяном. Безлюдье и тишина.

— *Вот где, наверное, хорошо пишется. Завалиться бы сюда и работать, не покладая рук.*

Обратный путь показался длиннее.

Вапаретто, покачиваясь на волнах, неторопливо плыло в Венецию. Берега были далеко. Рассматривать было нечего.

— *Почему только на старости лет приходят мысли о Боге? Потому что оглядываешься назад и видишь, сколько глупостей наделал. Есть такие, за которые стыдно. Рассказать о них кому-то, не поймут, зачем рассказываешь. Оправдают. Скажут, старик, с кем не бывало. Но от этих слов не станет легче... Но глупости*

делать продолжаешь, пусть мелкие, так себе, но уже коришь себя. Оглядываешься на совесть, Бога. Видишь, что твои глупости кому-то приносят печаль, что кто-то даже страдает от них. Рефлексия? Не модно? Совесть бывает в моде? Вера в Бога бывает модно? Стала модной. А совесть? Была ли когда-либо мода на совесть?.. Храмы должны пробуждать такие мысли и чувства. Когда храмов нет, мысли такие не возникают. Город, на улицах которого нет храмов, не попадают монахи, черств и себялюбив... Страшный Суд в храме — не Мекеланджелев. Нет голых тел. Нет Христа-атлета. Это огромная икона. Ее не разглядываешь, перед ней благоговеешь...

Час прошел незаметно.

— *Prosima fermata San Marco!* — голос из репродуктора пробудил от размышлений.

* * *

Сел на лавочку. Их мало в Венеции. Только на редких piazzeta, маленьких piazza, напоминающих скверы, можно отдохнуть. На улицах посидеть негде. Тротуары перед кафе заставлены столиками. Только сядешь, является официант — что желаете? Хитрые итальянцы... А желаешь только посидеть. Приходится вставать и двигать натруженные долгими прогулками ноги дальше...

Подошла пожилая итальянка и наклонилась над мусорным баком. Порылась в ней, достала кусок пиццы. Заметила его взгляд, улыбнулась и стала крошить пиццу на мелкие кусочки и сыпать на тротуар. Слетелись голуби. Засуетился, закружился хоровод у ее ног. Она еще раз посмотрела на него и снова улыбнулась. Взгляд ее говорил — мол, ты напрасно подумал, что нищенка...

В самом деле, в Венеции не встречал людей с протянутой рукой. Пожилая итальянка, ради голубей рывшаяся в мусорной урне, была вполне прилично одета, с приятным спокойным лицом...

В Венеции много стариков мужского и женского пола. Но как одеты! Как ухожены! Их легко отличить от туристов. Они одеты «по-домашнему» — без кроссовок и курток. Пальто на мужчинах черного цвета не увидишь, только зеленые или беж, а то и просто желтые. Стройные. Толстых не видел. Чаще со спутником или спутницей. Спутницы часто в норковых мантиях, хотя только начало октября, еще тепло, с непокрытой головой. Изящны, какими, наверное, были герцогини и графини. Может, это и есть герцогини и графини, унаследовавшие эти прекрасные дворцы, стоящие на воде Большого Канала. Угрюмые и озабоченные лица не попадаются. В полдень по улице шествуют группками школьники. Опрятно одетые, слышна итальянская скороговорка, смех, лица светлые, вид здоровый...

— *Надо всю жизнь прожить, окруженным красотой, чтобы так одеваться, так принимать жизнь.*

* * *

В номере у него просигналил мобильный телефон.

— *Кто бы это мог быть? Главред? Знает, где я. Отпустил без вопросов.*

Не торопился взять аппарат. Умылся. Освежил лицо. Жарко было на улице.

Лег на кровать. Звонок означал поступление SMS.

На экране высветилось:

С днем рождения. Я вас люблю. Целую.

Это была она.

Непроизвольно сел на кровати. Потом опять лег. Сердце неприятно заколотилось в груди.

— *Что это я, как мальчишка... Видимо, помнит, что сегодня мой день. У кого взяла мой номер?*

Ответа он не знал. Чтобы дать ей номер своего мобильного, подумать было нелепо. Чтобы она попросила телефон сама, тоже никак не вязалось со здравым смыслом: никаких «отношений» у них друг с другом не было. Только обмен взглядами и улыбками.

— *И быть не могло! Бред какой-то.*

* * *

На другой день решил ехать на San Michele.

Для этого надо было пройти от San Marco через все Cannaregio до Fundamento Novo. А там рукой подать. Островок Сан Микеле виден с набережной. Еще в прежние приезды хотели посетить это место упокоения жителей Венеции и некоторых знаменитых людей. В том числе русских. Но все не складывалось. Были захвачены азартом увидеть как можно больше достопримечательностей Венеции. Теперь время пришло.

— *Старики любят ходить на кладбище. Наверное, прикидывают, сколько им еще осталось, вглядываясь в даты рождения и смерти на памятниках.*

Вместе с ним на вапоретто взошла пожилая дама с букетом цветов. Еще одна и тоже с цветами. Он знал, что венецианцы часто посещают могилы родственников. Может быть потому, что из-за малости территории кладбища через каждые десять лет могилы сносят, чтобы захоронить новых покойников. Оставляют могилы только очень богатых, знатных. И знаменитых. Их могилы и хотел увидеть.

Они были в самом конце. К ним надо было пройти через захоронения венецианцев. Это были ухоженные могилы, в цветах, белые кресты и плиты, стоящие вертикально, никаких загоронок, так привычных для русского взгляда на русских кладбищах.

— *Привыкли мы жить за заборами. Здесь и на кладбище свобода.*

На русско-греческой части тоже не было загоронок. Было грустно смотреть на забытые могилы, заросшие травой, серые в трещинах каменные плиты. Слева могилы, на каменных плитах которых с трудом можно прочесть латинские буквы — *Esaterina Vagrationsi, princess Trubezkaja...* Имени не разобрать... Русские знаменитости у стены. Изящное надгробье на могиле Дягилева. Две мраморные белые плиты рядом — Стравинский и его жена. Лежат подвявшие цветы. Могилы Бродского нет рядом с ними. Она особняком. Стоит белая плита. Русскими и латинскими буквами написаны имя и фамилия. Даты рождения и смерти. Рядом куст красной розы. На могиле букет свежих цветов.

— *На Васильевском острове собирался умирать. Воля жены лежать здесь. Любил он Венецию. Да и как ее не любить... Большой поэт. Но стихи у него какие-то не русские, интернациональные. Не был он лириком в русском смысле этого слова. Слишком хорошо знал английскую поэзию. Слишком долго жил в англоязычной среде. Русский Джон Дон... Ни на кого не похож... Русские кладбища и здесь, в Европе представляют собой грустные зрелища... Посидеть у могилы, как принято в России, не на чем. Нет здесь скамеечек, чтобы посидеть у заветной могилы, подумать о бренности человеческой жизни и славы...*

Снова прошел через католическое кладбище и вышел на пристань.

За те десять минут пути от San Michele до Fundamento Novo в голове промелькнула целая вереница мыслей о смерти.

— *Люди умирают по-разному. Кого удар хватит. Паралич расшибет. Другой под колесами авто погибнет. Третий умирает долго и мучительно от рака. Кому-то посчастливится умереть сразу — от сердечного приступа, без мук и обременения своей особой близких. Праведники живут долго, и смерть для них как желанный сон. Как сказано в Библии — он пресытился днями жизни и с миром отошел ко Господу... Какая ждет меня?..*

Долго, в раздумьях, шел, пересек все Cannaregio и на Piazza San Marco у входа в церковь, переделанную в концертный зал, купил у молодого человека билет на концерт.

Зал небольшой. Места не нумерованы, обычные стулья, выстроенные в ряд. Они бывали здесь в каждый своей приезд. Играли всегда Вивальди. Сначала играли «Времена года». Всегда слушали с удовольствием. Может, от сознания, что композитор когда-то жил здесь, в этом городе, рядом, ходил по тем же самым улицам, по которым они только что шли. В последний их приезд в концерте участвовала молодая девушка. Играла на скрипке solo. Другие музыканты ей подыгрывали. Как она играла! Звуки летели, неслись друг за другом. Завывала буря, грохотал гром, заливиисто пели птицы, журчала вода, ярко светило солнце, свистел ветер... Левая прядь ярко-желтых длинных волос была закинута за спину, правая свисала на грудь. В белой, голой до плеча руке смычок порхал над струнами. Все ее молодое тело, изящно-тонкое, в черном облегающем платье, было напряжено, изысканные движения его усиливали воздействие музыки.

В этих концертах не объявляли имена исполнителей. Под впечатлением услышанного и увиденного, проходя мимо молодого человека, продававшего билеты и после концерты стоявшего в дверях, они спросили тогда — как зовут девушку, которая играла соло на скрипке. Елена Лупеску, — был ответ.

* * *

Оставалось еще полдня до концерта, и решил идти к Chiesa Madonna del'Orto. Эту церковь расписывал Тинторетто. В ней же и захоронен. Жил рядом. Именно это привлекло его внимание. Он видел картины этого художника в других музеях. Поражало то, что его мужские портреты, может быть не столько психологически глубокие, но так же, как у Рембрандта, выполнены на глубоком темном, почти черном фоне. Когда родился голландец, итальянец уже умер. Бывал ли Рембрандт в Италии, видел ли тинтореттовы работы?

Идти было далеко и интересно. По широкой Strada Nova мимо кафе, ресторанов, банковских офисов в толпе итальянцев и туристов всех народностей. Напротив большого магазина перед мостиком через канал толпа зевак. Подошел ближе. В полукружие толпы парень с азиатским лицом показывает фокусы. «Работает» на детей. Вытаскивает из кармана маленькой девочки длинную вереницу связанных за кончики платков. У другой — из рукава достает красный мячик. Мальчику что-то кладет в ладонь, и из нее вылетает к небу воздушный шар. Каждый номер сопровождают аплодисменты детей и взрослых. Потом фокусник с целлофановым пакетом обходит зрителей. И дети, и взрослые опускают туда монетки ...

А напротив, рядом с входом в большой продуктовый магазин Billa — сидит закутанный в одеяла мужчина с обросшим щетиной лицом. Перед ним на грязной подушке белая одноразовая тарелка. В ней тоже монетки...

Переходя горбатенькие мосты, входя в малолюдные улицы, вышел к лагуне. Это была окраина города, север Cannaregio. Площадь перед церковью пуста. Красного кирпича фасад. Стрельчатые окна. Готика. Венецианская.

— *Тинторетто, конечно, не Рембрандт. У него темный, почти черный глухой фон. У Рембрандта — тоже темный, но не сплошной, а как бы мерцающий, переливистый. Оттого лица портретируемых живые, не застывшие, интересные. Можно долго рассматривать, беседовать, сочувствовать изображенным голландским старикам и старухам.*

В церкви много тинтореттовых картин. Преобладает темный фон. В приделе стоит большая белого мрамора Мадонна. Скульптура похожа на огромную сахарную головку.

В метрах ста от храма у канала рядом с горбатеньким мостом на углу двухэтажный дом. Простенький. Не palazzo. Здесь он жил. Ходил в церковь Madonna del'Orto. Писал картины, которые расходились по церквям Италии, музеям мира.

— *Завидный удел. Без суеты, без погони за успехом, без соперничества и зависти — жить и делать любимое дело. Сюда не доносятся звуки карнавалов, здесь редко по каналу проплывет гондола, не устраивают праздничных шествий и регат. Здесь можно без помех предаваться творчеству.*

* * *

Дорогой в отель он думал о полученном от нее сообщении. Кажется, он не давал ей никакого повода обратить на него особое внимание. В издательстве были мужчины помоложе его. Она редактирует его статьи. Он страстно любит искусство — живопись, музыку. Умеет писать интересно, увлекательно. Но сколько на свете книг об искусстве, написанных страстно и увлекательно. Ему удавалось разглядеть в исторических материалах и самих произведениях искусства и особо показать влияние женщин на мастеров прошлых веков. Рафаэль и Форнарина. Лики его мадонн носят на себе черты этой простой итальянской девушки. Оттого мадонны женственны, милы... Как прекрасны женщины Боттичелли. Сколько изящества, грации. Произведения Микеланджело совсем иные. Даже его женщины — сивиллы — мускулистые, источающие грубую мужскую силу, как и все его скульптурные и живописные мужчины... Давид. Христос в картине Страшного суда что Ватикане.

— *Были ли у Микеланджело женщины?*

Он любит женщин, и это чувствовалось в его статьях. Видимо, это привлекло к нему ее...

— *Ты слишком мастит, чтобы молодая женщина просто так, глядя тебе в глаза, сказала о своих чувствах. Решилась только на дистанционное признание. Тоже способ. Современный. Хотел бы видеть ее глаза, когда она набирала текст. Наверное, дрожали руки. Впрочем, не обязательно. У современной молодежи не дрожат руки в такой момент.*

Вспомнил, что кто-то сказал ему о новом младшем редакторе, что она была замужем. Но теперь свободна.

— *Атаку такой женщины выдержать трудно.*

Вышел на Strada Nova. Напротив магазина Billa азиатского вида парень все так же показывал фокусы. Рядом с дверью магазина небритый мужчина, укутавшись в одеяла сидел перед пластмассовой тарелочкой, в которой блестели монетки.

Шел медленно. До вечернего концерта было еще целых три часа. На Ca'd'Oro вошел на вапаретто и сошел на San Marko. На пристани сел на лавочку и долго смотрел на проплывавшие мимо гондолы, катера, вапаретто. На Santa Mariade Salute, высившуюся на другой стороне Gand Canale. Совсем другая архитектура, не как у красноликой Madonna del'Orto. Santa Mariade Salute была серая, словно из стали.

* * *

В номере раскрыл дневник. Поставил перед собой пластмассовый баллон с домашним вином, которое еще с прежних приездов в Венецию стал покупать у пожилого итальянца, державшего лавку близ FundamentoNovo, торговавшего вином собственного приготовления. В небольшом помещении громоздились огромные деревянные бочки, из которых он, открыв кран, цедил вино в пластмассовые баллоны разной емкости — литр, полтора, два. Всегда брал белое. Легкое, пахнущее виноградом.

Налил в пластиковый стаканчик, который всегда есть в ванной комнате для полоскания рта. Отпил глоток.

«Проходит время, прежде чем любимый человек становится родным. Весь мой житейский и семейный опыт говорит об этом. Любимого можно разлюбить, родной навсегда остается родным.

У нее все впереди, у меня позади целая жизнь... Я умру скорее, чем она успеет сделаться мне родным человеком. И я, навряд ли, успею стать родным для нее. Что тогда?

Страшно и смешно подумать, что это может случиться.

Страшно оттого, что — «недолго музыка играла». Для меня скоро зазвучит совсем другая музыка. Невеселая. И какие-то годы ее жизни станут для нее потерянными.

А смешно? Смешно и грустно. Можешь себе представить выражение лица портье, когда будешь вести ее в Antigo Travatore в номер на двоих. Стыдно будет и за себя, и за нее. У нее по-детски такое милое лицо, и улыбка как у ребенка.

И вообще, как только могли прийти в голову такие мысли. «...бес в ребро»? Или «...продлись, продлись очарованье...»? Или «...как дай вам Бог любимой быть другим...»? Или «Неравный брак»?.. Б-р-р, смотреть на эту картину нельзя было без чувства отвращения.

Нет, старик, это не для тебя... Уймись».

Отодвинул тетрадь. Вино кончилось. Налил в стаканчик вкусной венецианской воды. «Она идет по трубам с альпийских гор», — сказал им молодой итальянец, говоривший по-русски с акцентом. Жена у него русская, сказал он. На их глазах он пил воду на улице из колонки, и они спросили его, как это можно? «Попробуйте, очень вкусно», — был ответ. И они попробовали.

Подвинул к себе дневник

«Какую магическую силу могут иметь цифры! В 60, 65, даже в 68 вроде еще не старость. Но вот 70! Что произошло? На один год больше, чем 69. Но это — старость. Это первая мысль. Вторая, которая раньше никогда не приходила в голову, — сколько еще осталось?

70! Что изменилось?

Психологически стал более уязвим. Часто постигает обида. Чаше за небрежение к своей персоне. Более чувствителен к невниманию, невежливому обращению. Обида сохраняется дольше. Тягуче анализируешь — за что? почему? Чаше винишь других, чем себя.

Интеллектуально, кажется, не ослабел. К сожалению, лень осталась. Корю себя. Планы творческие есть. Успею ли? Говорят, наличие планов, желание осуществить их продлевает жизнь. Сколько еще осталось? Никто не скажет.

Что заметно поменялось — это художественный вкус. Вместо Маяковского — Тютчев. Толстого сменил Чехов. Раннего Бетховена — Бах. На смену Ван Гогу, Гогену, Леже пришли Боттичелли, Эль Греко, конечно же, Веласкес. Что осталось — любовь к бардовской песне. Окуджава, Визбор. Конечно же, Высоцкий. Конечно же, русский романс. Подобного ему нет ничего в мировой музыкальной культуре. Высоцкого почитаю за одного из самых больших лирических поэтов второй половины минувшего века. Одни «Кони привередливые» чего стоят!

Секс. О, этот секс! «Голод, страх и вожделение три великих божества», — поет Александр Дольский. Слишком большое место он, секс, занимает в жизни человека в молодости. Его затухание — свидетельство ее ухода. Вот почему воспринимается оно как трагедия. С молодостью всегда не хочется прощаться. Чем секс заменить? Творчеством? Но секс тоже творческий акт. Так же требует воображения и изобретательности. Так же требует постоянного упражнения. А простои чреваты неуспехом. Увядает ли творческий потенциал с затуханием сексуальных подвигов? Опыт великих, вроде бы, не позволяет это утверждать. Но творения их становятся суше, назидатель-

тельное, более от ума, чем от сердца. «Анна Каренина» и «Воскресение». Последнее не воспламеняет. Да, секс с возрастом затухает. Это неизбежно. Но воображение еще долго мучает стареющую плоть. Перед тем, как совсем угаснуть, еще бывают вспышки, но они становятся все реже и реже».

— *Пора в концерт.*

Встал из-за стола. Закрыв дневник. Надел, свежую рубашку, пиджак. Вышел на улицу. Уже стемнело. Город стал волшебным. Огни рекламы, витрины магазинов, ресторанов, отраженные в воде. Можно было коротким путем, повернув налево по выходе из отеля, дойти до концертного зала, но он повернул направо и вышел к Grand Canale.

По черной воде бесшумно плыли гондолы, вапаретто причаливали к fermata, и выходившие из них люди направлялись на San Marco. Было время. Сел на лавку и долго смотрел перед собой и ни о чем не думал.

Была суббота. В город вплыл огромный лайнер и огнями своих многочисленных палуб осветил все вокруг.

Встал. Миновав Palazzo Ducale, вышел на площадь. Она была полна народа и блистала огнями. На высоких помостах под белым балдахином играли оркестры. Их было три. Площадь была так велика, что они не мешали другу. Особо изыскано были одеты музыканты, игравшие перед знаменитым кафе Florian. Играли все, и классику, и вальсы. В вальсе, если позволяло пространство, кружились пары. На крыше большого дома две чугунные фигуры стали молотами по очереди ударять в большой черный колокол, который был между ними. Площадь наполнилась гулкими звуками.

— *Пора.*

Когда он вошел в зал, оставались еще свободные места. Они остались и тогда, когда пришло время концерта. Праздник на площади привлекал публику больше, чем праздник музыки в уютном зале.

Как и прежде, по проходу справа от рядов стульев откуда-то сзади к сцене прошли музыканты, держа в руках инструменты — скрипки, виолончель, контрабас. Когда они поднялись на сцену, публика коротко поаплодировала. Они поклонились и сели.

Он знал, что сначала будут «Времена года». Лица музыкантов были знакомы по прежним посещениям этого зала. Видимо музыканты еще не «разогрелись», или оттого, что не было дирижера, вступили неровно, иногда не все попадали в такт. Но Вивальди есть Вивальди. Даже это несовершенное исполнение волновало.

Положил руки на спинку впереди стоящего свободного стула и на них опустил голову. Закрыв глаза.

— *Как хороши старые мастера. Все были мелодисты. Без мелодии тогда музыкант не считался композитором. Вивальди, Моцарт, Гайдн, Бах... это поток, бурный поток мелодий, музыкальных образов, сменяющих один другого. Какое разнообразие ритмов. Под эту музыку не задремлешь. Она хватается тебя за сердце и влечет за собой, вызывая волнение и восторг... Бетховен виноват. Он придумал разработку темы. Теперь каждый мало-мальски искусный композитор придумает убогую мелодию и тащит ее бесчисленное количество тактов. Но то был Бетховен. Возьмите первую часть Пятой симфонии. Мелодия из четырех нот. А какое пиршество звуков, какой волшебная изобретательность. «Вы, нынешние, ну-тка!»*

Раздались аплодисменты. Поднял голову. По проходу к сцене шла она, Елена Лупеску. Поднялась на сцену. Поклонилась публике, поклонилась музыкантам. Откинула длинную, желтую прядь волос за левое плечо, положила на него скрипку и вскинула смычок.

Он выпрямился, чтобы через головы впереди сидящих лучше было видеть солистку.

И зазвучал настоящий Вивальди. Он долго вслушивался и не мог понять, что это. Времена года? Но «осень», «зима», и другие времена звучали необычно, как парадфраз или вариации на тему. Те же громы и молнии, те же завывания ветра, журчание ручьев и пение птиц, но исполненные вдохновенно, искусно, обогащены фантазией. Кто это сделал? Неужели Лупеску?!

Она вела за собой небольшой оркестрик. И он зазвучал по-другому — слаженно. Музыканты вслед за солисткой, играя, так же, как она двигались в такт музыке. Они всем вместе представляли собой единый, одушевленный музыкальный инструмент.

Сдержат волнение было невозможно.

Елена ушла на отдых. На сцене остался оркестр. Они стали играть.

Он положил руки на впереди стоящий свободный стул и опустил на них голову. Зазвучала музыка, которой он не знал.

Вдруг наступила тьма, и звуки музыки исчезли.

* * *

Когда концерт окончился, и публика разошлась, служитель увидел, что в зале остался человек. Он сидел, положив голову на спинку впереди стоящего стула. Служитель подождал несколько минут, потом подошел.

— Segnior.

Ответа не последовало. Тронул сидящего человека за плечо, тот повалился на стул рядом.

Приехали карабинеры. Затем врач.

Тело отвезли в морг.

Под диктовку судебного медика санитар записал в регистрационную книгу — Pjotr Pjetrov. Russia.

Когда стали снимать пиджак, что-то выпало и звякнуло, ударившись о мраморный пол.

Карабинер поднял. Это была монета в два еуго.

Александр Сорокин
(г. Тула)

ВРАТА АДОВЫ. ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

Александр Сергеевич Сорокин закончил Первый Московский медицинский институт, работал хирургом в больницах Тулы. Является почетным членом Болгарской ассоциации патофизиологов, членом президиума Российского гомеопатического общества. Доцент, кандидат медицинских наук. Работает в Тульском медицинском институте и ведет прием больных как врач гомеопат.

— Смотри, Саша,— в очередной раз назидательно обратился ко мне мой спутник, когда мы возвращались со сбора клюквы в глухой архангельской деревне,— вот здесь на месте этих развалин двадцать лет назад была библиотека. А рядом — баня. Все разрушено и ничего не построено.

Я скривился, потому что почувствовал приближение бесконечного и бесплодного спора о путях России и о том, когда в ней было лучше жить. Что я мог ответить? Что в библиотеке той, скорее всего, наличествовал Блокнот агитатора, подшивка Правды да горы литературы, которую сейчас прозвали секретарской? Надо признаться, что этот ответ показался мне не то, чтобы неверным, но каким-то неубедительным, умо-зрительным, и я уступил поле боя, промолчал. Но в памяти засела заноза.

Вскоре после этого мне довелось путешествовать по северу на круизном теплоходе. На посещение Валаама организаторы отпустили всего полдня. Первый раз был я здесь в семидесятые годы и застал еще доживающих свой век инвалидов войны. Память моя хранила послевоенные годы. Ярким солнечным днем искалеченные люди сидели на тележках с шарикоподшипниками и просили милостыню на площади перед базаром, а те, кто мог, подрабатывали, натачивая ножи и ножницы. Вид их оскорблял «чистую» публику и однажды они исчезли. Сразу все. Переместившись в частности и на Валаам. Но не они были предметом моего интереса. Одна из серии книжечек с завлекательным названием «Дороги к прекрасному» повествовала об Ильинском ските на Валааме, об удивительных росписях в церкви. Сам Александр Дюма восхищался ей. «Маленький архитектурный шедевр... подлинное сокровище». Скит расположен на маленьком островке, к которому ведут деревянные мостки. В те годы здесь располагалась колония психохроников. У входа в их владения нас встречал высокий мрачный парень, монотонно бьющий камень о камень и другой маленький льстивый человечек, завлекающий нас.

— Заходите, заходите, любопытствуйте.

Недоуменно смотрела на меня моя спутница. Обшарпанная церковь была закрыта на замок. В алтарной части хлопала от ветра рама с выбитыми стеклами. Вскарabкавшись по стене, ухватившись за эту раму, знал ли я что предстанет моему взору? Конечно, догадывался. Смыты были росписи дождями десятилетий, ворковали под

куполом голуби, осыпавшаяся кирпичная пыль застилала пол. В очередной раз мне стало неудобно. Я как будто обманул людей, позвав их сюда. Да и сам я зачем при- тащился сюда? Хотел ли я, как апостол Фома, вложить персты в разверзнутые раны? Или смутно виделось мне, что когда-нибудь вернусь сюда, и можно будет сравнить впечатления?

Но раз уж пришли, надо посетить и келейный корпус. В нем перед нами предста- ли не люди — нет — подобия звероподобных существ с любопытством смотрящих на нас, отважившихся проникнуть в их сообщество. Как бесплотная тень ангела сре- ди грешников мелькнула и исчезла медсестра. Мой взгляд непроизвольно задержался на недвижимом больном, белом как полотно. Видимо у него переплелись и психиче- ские и органические поражения. И что за изощренное изуверство — размещать их в этих намоленных как минимум столетие строениях. Вот так, без всякого присмотра, не говоря уже о медпомощи. Что-то отразилось на моем лице, потому что любопыт- ство окружающих нас обитателей внезапно сменилось яростью.

— У, наглые,— закричал тот, который перед этим угодничал.— Другие подойдут и уходят. А эти — прямо сюда!

Ярость исказила и без того лишенные гармонии отупелые лица. И почудилось мне, что мы в аду, и не преминуть нам — принять муки адовы за свое легкомыслие. Но пригнувшись, молча, униженно удалось нам покинуть это место, и еще долго чу- дились нам раскрытыми эти врата адовы.

И вот, через сорок лет я снова на Валааме и расспрашиваю всех, где находится этот злополучный скит. От центральной усадьбы до него было два километра.

— Можно мне с вами? — спросила незнакомая женщина. Я испытующе взглянул на нее. Понятно, что тоже с теплохода. Не слишком молодая, чтобы вызывать инте- рес, не слишком старая, чтобы не могла рысцой пробежать до скита. Времени у нас было в обрез, а если по большому счету, то и совсем не было. И в очередной раз, кляня себя за легкомыслие, я заспешил к скиту. Церковь предстала во всем своем великолепии, плывущая над озерной гладью. Внутри росписи сияли и переливались под проникавшим через окна полуденным солнцем.

— Подождите,— просила меня попутчица,— мне еще надо заказать молебен.

— Какой молебен, у нас час до отхода теплохода и десять километров до приста- ни. Уйдет теплоход, и мы останемся на острове без документов, без денег.

— Так ведь Господь управит,— улыбалась она умиротворенно. Какой Господь, что управит? Ну, я еще могу успеть. Но ведь ей явно не добежать. Но и бросить здесь ее тоже некрасиво. Наконец мы выбрались из скита. Каюсь, я ускорил свой ход, а потом побежал, промчался два километра до основной дороги, взглянул на одиноко стоящий пустой автобус и на бегу никак не мог соотнести оставшиеся мне восемь километров и сорок минут до отхода теплохода. Так продолжалось достаточно долго, пока я не услышал сзади спасительный звук мотора и шелест шин по песку. Автобус остановился рядом со мной.

— Садитесь,— смеялась моя попутчица.— Я же вам говорила: Господь управит. В этом загнанном состоянии я хлопнул себя по лбу. Вот мы спорим, горячимся, ут- верждаем свою правоту, служим своим идеям, ругаем все, что видим вокруг, А глав- ного не видим. Врата адовы закрылись. Это и есть главное. А остальное Господь управит.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИДЕИ*

◆ Профессор Скородумов, раскачиваясь на заднем сидении полупустого по дневному времени автолайна, прокручивал в мудреной своей голове тему сегодняшней беседы с Прокофьевичем. Понятно, под добротной заварки чашек и — на этот раз, который. Как известно, на другой раз не приходится — бутылочку редкостной сейчас «старки» от серьезной ликерно-водочной фабрики... их мало осталось, вытеснили подмосковные кустари, разливающие северокавказский технический спирт.

Нет, конечно, это не тема серьезной беседы. И без того, начиная с горбачевщины, все давно в СССР, а теперь в России, говорено-переговорено. Супротив лома нет приема, тем более власти. Кстати, в походной сумке профессора «старка» — не сирота, но соседствовала с презентами для хозяйки дома и налогоплательщика кота Мичмана. Так, пустяки, но Тихоновне будет приятно получить переданный супругой Игоря Васильевича литровый заварной чайник Дулевской фарфоровой фабрики, почти захиревший под натиском вала китайского ширпотреба.

Нет, не то чтобы в хозяйстве рачительной Тихоновны, да еще при муже-чаевнике, не имелось «рабочего» и пары запасных заварных чайников. Пусть устыдится тот, кто так подумает! Просто пару месяцев тому назад Игорь Васильевич и хозяин дома как-то в унисон обратили внимание: современные, начиная еще с брежневских времен чайники, как заварные, так и кипяtilьные, фабрикуются с презрением всего многовекового опыта этого дела. А именно: в них отсутствует на крышках крохотная дырочка-выемка. Казалось бы, нет ее и нет, вроде как на температуру кипения воды и качество завариваемого чая не влияет?

Ан нет, такая дырочка равнозначна клапану паровоза, что выпускает излишний пар. Помните из своего детства или из старых фильмов тот паровоз имени братьев Черепановых & Стеффенсонов? — Мчится по чугунке, пушая равномерно клубы белесого пара, а из бокового окошка, изогнувшись в трех плоскостях (3D — как сейчас американизируют русский язык) со зверским выражением пролетарского лица, приставив ко лбу козырьком ладонь, всматривается в набегающий путь машинист: не видать ли на ближнем горизонте махновцев?

А если бы регулятора на паровозе не имелось, то... не было бы и паровоза. Чайники же остались, но вот незадача? — Кипяtilьный чайник при недогляде хозяйки угрожающе заливает газовую конфорку. Заварной же, накрытый для доведения до кирпичной крепости ватинной барыней-куклой, при набухании и разварке чаинок исподтишка заливает из носика конфузливой барыне ее подол, а заодно и белоснежную крахмальную скатерть стола...

И дома у Скородумова все такой же дефектный чайник-новодел. Игорь Васильевич так допек своими жалобами истинного любителя китайского напитка супругу,

* Из цикла «Картинки с выставки»; начало в «ПЗ» № 2, 2013; № 4, 2013.

что та, прохаживаясь по городским рынкам по хозделам, стала интересоваться привозной иногородней торговлей разного рода посудой и как-то напала на дулевский фарфор. Обнаружив же литровые заварные чайники со старорежимными дырочками на крышке, купила три прибора мелким оптом. Один из них и вез сейчас заслуженный профессор. Еще в переметной суме в целлофановом пакетике теплился от утренней варки почти фунтовый кусок трески — для исправного хвостатого налогоплательщика. Опять же супруга позаботилась.

...Все о жратве да о питье, нет бы о духовном, возвышенном? Ох, грехи наши не очень тяжкие.

Игорь Васильевич даже вздремнул вполглаза пять-шесть минут езды.

◆ Так и без кукиша в кармане, то есть без темы-заготовки, вошел Игорь Васильевич в хорошо ведомый ему пригородный дом, традиционно приветствуемый на крыльце дружелюбным «мяу» полосатого Мичмана. Налогоплательщика тож.

Пока Тихоновна споласкивала правильный чайник и заваривала ранее привезенный дочерью настоящий индийский британской расфасовки, что во всяких «спаракопейках» не продается, а Мичман, сытый с утра, из вежливости с притворным рычанием кушал вареную треску, Игорь Васильевич с Прокофьичем в библиотечной комнате обсуждали последние книжные приобретения. В основном дружно хаяли современную полиграфию, но более всего — полное отсутствие грамотной издательской редакции и корректуры. Но подспудно оба нащупывали тему сегодняшней беседы. И, как чертик в балаганной уличной комедии, вдруг она вспрыгнула. Даже Мичман, вошедший в тот миг в *свою* комнату, здесь был ни при чем, хотя коты и черти как-то ладают между собой.

— О-хо-хо,— в предвкушении чаепития задумчиво молвил Прокофьич,— нет, так сказать, краев как в улучшении чего-либо, так и в пакостном ухудшении. Все от времени на дворе зависит. Так и с книгами: от писательства их до издания.

Не подумавши, токмо для поддержания едва начавшегося разговора, Игорь Васильевич почему-то ляпнул ни в склад, ни в лад:

— Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд!

— Эк, Васильич, как ты ловко, по-профессорски гладко да умно сказал-то...

— Да это не мои слова, а Гегелю Георгу-Вильгельму Фридриху вроде их приписывают. А к чему я их вспомнил?

Здесь мысли нашего профессора потекли в русле воспоминания. Тем более что Тихоновна начала сервировать чайный столик, а обожравшийся Мичман начал любимое всеми домохозяевами представление: ловлю невидимого людьми чертика, уцепившегося за кончик его лисьего хвоста. Понятно, ловил в формате 3D... Как и вся наша американомыслящая страна бывшего победившего социализма.

А вспомнилось малоприятное из студенческой жизни, а именно зимняя сессия четвертого курса. Самым страшным и ужасным экзаменом считался научный коммунизм. Во-первых, непонятен был сам статус этой уважаемой дисциплины — некая мешанина из ранее изученных конкретных наук: история КПСС, философия и политэкономия. Во-вторых, и в-главных, экзамен принимал — повезло же их курсу! — доцент Щепкин Владимир Галактионович, которому умные тогдашние студенты еще с незапамятных времен приклеили кликуху: Щепкин-Куперник.

Внешне, голосом и манерой поведения Владимир Галактионович явно копировал главного идеолога *нашей* партии товарища Суслова. Вполне возможно, что втуне он искренне полагал и себя главным идеологом Тулуповского политеха. Высшим баллом для своих подопечных он считал четверку. Однако, как всякий негибачый ленинец, будучи очень крепко избитым в темное зимнее время в глухом переулке благодарными воспитанниками, очевидно, по его рекомендации отчисленным из инсти-

туда, Щепкин-Куперник и четверки с двумя минусами стал выставять только самым круглым отличникам...

Жаловаться в те времена на преподавателей не было принято, доносы нигде не принимались. Тем более что Владимир Галактионович являлся, как и Суслов в Политбюро, бессменным зампарторга института по идеологии.

...И угораздило же студента Скородумова, хорошиста и почти отличника, знавшего слабость Щепкина-Куперника к цитированию классиков диалектического и исторического материализма, ляпнуть про гегелевскую идею! *Alter ego** идеолога нашей партии инсультно скособолил челюсть, а аскетично-бледное лицо его вмиг побагровело:

— Ка-а-к! Да как вы смеете? Какой абсурд! По, вашему, выходит, что великая идея коммунизма, доводимая сейчас до совершенства нашей ленинской партией и лично товарищем Леонидом Ильичем Брежневым, в итоге упрется в абсурд?!

Владимир Галактионович, не слушая робкие возражения студента-хорошиста про Гегеля, как предтечу диалектики Маркса-Энгельса-Ленина и лично товарища... швырнул ему зачетку и молча, ленинским жестом руки «правильной дорогой идете, товарищи» указал на дверь.

В коридоре опытные двоечники поздравили своего старосту с наконец-таки состоявшимся боевым крещением, а факультетский фарцовщик Левка Тепляев, племянник областного милицейского генерала, философски заметил и одобрил:

— Теперь, Игореха, в два-три захода будешь пересдавать. Хорошо, как староста, стипуху сохранишь.

Однако обошлось одной пересдачей в сессию. В пивной «Ромашка» двоечники скородумовской группы разработали диспозицию, учитывающую еще одну слабость Щепкина-Куперника: как всякий партийный идеолог и аскет в жизни, Владимир Галактионович трусливо обожал женский пол, особенно смазливых студенток. Этаким мысленный онанист, ибо все физиологическое могло повредить партийному реноме.

На сессионную пересдачу за первый стол перед преподавателем с нарочито и загодя выбитой «занавеской» посадили самую красивую двоечницу, полупольку Катю Дзедзуру. Ей ранее скинулись по двугривенному на моднейшую в сезоне парикмахерскую прическу «гаврош» с челкой-каре, а фарцовщик Левка через мать-завбазой достал диковинные, никем еще в городе не виданные французские люрексковые колготки. Юбку до грани приличия укоротила сама Катя. И села на стул, пододвинутый к краю стола, как на облучок, закинув ножку за ножку на полное обозрение Щепкина-Куперника, у которого от внепартийного вождения нос приобрел ядреный сизый оттенок. Словом, даже Левка получил свой тройбан.

...По теперешним рассуждениям Игоря Васильевича и жизненному опыту получалось, что совершенствование идеи превращается в абсурд, если таковое совершенствование доверено фарисеям и книжникам — неважно, от евангелия или от Гегеля. Георга-Вильгельма Фридриха. А в девяностые годы имя Щепкина-Куперника попало ему на глаза в тулуповской желтой газетке в заметке о процветании в их городе педерастии и педофилии, как символов нового светлого будущего.

◆ После первой рюмки и стакана чая вдогонку Прокофий похвалил «старку» и достоинства чайника с дырочкой на крышке. Отдал должное и содержательности рассказа-воспоминания собеседника:

— Да-а, не дали нам робята-дерьмократы досмотреться до совершенства *нашего* советского комунхоза. Теперь другое совершенство, вот, за Мичмана платим...

Кот же, закончив ловить чертенка, услышав свое имя, несколько ошарашено уставился на стол, даже для верности обзора вспрыгнув на табуретку. Издеваются, мол,

* Второе Я (лат.).

мужики на угнетенного налогами кота-пролетария: звать звали, но на столешнице ничего съедобного, а водку, чай-сахар, селедку и соленые огурцы он не трескал. Со всем обидевшись, свернулся калачиком и притворился спящим. Вернее, отдыхающим глубоким послеполуденным сном — перед ночным бдением-бодрствованием. Так у серьезных полосатых котов заведено еще с тех доисторических времен, когда шимпанзе и орангутанги в своих самых кошмарных снах не могли представить, что от них пойдет ужасный человеческий род. Особенно в галстуках и при чиновничьих должностях.

Игорь Васильевич, как назубок знавший теорию эволюции, и Прокофьич, не менее хорошо изучивший нрав своего кота, все поняли, переглянулись и рассмеялись.

— Вот скажи, Васильич, когда на белом свете чиновники появились?

— Ну-у, в классическом, нынешнем понимании в древних Китае и Египте, а особенно в Риме. Тоже древнем. То есть если, повторюсь, это «чиновник в вицмундире», сидящий в персональном кабинете. Вот как ваш поселковый голова Пилипченко — из западных хохлов, что Сталин после войны переселил к нам на пустующие шахты — местных-то мужиков всех на фронте поубивали... Или тулуповская, почитай, полноформатная дивизия чинодралов всех мастей и рангов. Целый полк их сидит в обладминистрации на площади Ленина.

— Хм-м, Васильич, я газетки-то почитываю, новости по «ящику» смотрю. Получается, что все чиновники в этих... галстуках вроде как одним делом, праведным и не очень, заняты по всех краях света, но от страны к стране отличаются поведением, степенью воровства и так далее. Как маракуешь? Ведь и морды у них по размеру отличаются.

— А это, как говорят шибко умные люди, действие вектора исторической преемственности. Вот в Европе — прямые потомки древнеримских чиновников: кратко-словные, почти не воруют, из себя подтянутые, с узкими физиономиями. В Америке, то есть в Штатах, полное разноцветье, ибо там сборная солянка со всего мира. И так далее: Китай, Япония, мусульманский мир. А вот наши-то прямо по византийско-греческой линии идут. Как говорится, вместе с шапкой Мономаха и Сонечкой Палеолог Третий Рим получил от отуреченного Константинополя и готовый типаж русского, потом советского, а сейчас и российского чиновника. Правда, советский маскировался под обычного труженика, но вот между русским и российским различие только в самоназвании: русский — это понятно без перевода, а ломоносовское — из его од императрицам — россиянство Ельцин, большой почитатель высокого штиля, вернул в обиход. Давай, Прокофьич, по второй и перекурим.

◆ — Вот, Прокофьич, Лев Толстой писал, что важно помнить: от нас требуется не совершенство, но приближение во всем к нему. В этом смысле. То есть бесконечное приближение идеи к совершенству, к идеалу значит, есть процесс бесконечный. По-математически говоря — асимптота.

— Получается, что совершенство всяких там идей невозможно? А как же с нашими чинодралами быть? И куда им все дальше совершенствоваться?..

— Знаешь, Прокофьич, мне порой кажется, особенно когда поневоле приходится общаться с университетскими администраторами, начиная с секретарш и самых ничтожных канцелярских бабенок, что в случае с чиновниками закон Гэ-Вэ-Эф Гегеля о превращении совершенства в абсурд на наших глазах исполнился тютелька-в-тютельку. Безо всякой асимптоты. Так сказать. А впрочем, стадии абсурда достигли и преподы, и студиозусы... Только вахтеры и уборщицы в корпусах еще держатся за что-то человеческое. То есть манекены в душевных вицмундирах вокруг, людишки-ничевоки.

— Да-а, не сладко тебе, Васильич, приходится жить-поживать, деньга на жизнь зарабатывать да еще умудряться науку двигать. Смотри, жить в напряжении посто-

янным вредно, болячки нутряные, нервно-сердечные могут незаметно подкрасться. Не пугаю, конечно, но остерегайся, дорогой мой профессор.

— Ха-ха, Прокофьич, меня голыми руками не возьмешь, не на того напали! Я для себя что-то навроде психологического антидота против окружающей вицмундирской заразы разработал.

— Это как?

— Да вот так, Прокофьич, душевное противоядие. Построил свой трудовень так, чтобы, во-первых, в главный корпус вообще не ходить — только на первый этаж в почтовую экспедицию, когда раз в квартал обязательную рассылку своего журнала делаю. А почтарка Татьяна Никифоровна — почтенная и приятная женщина. Не зараженная абсурдом.

Во-вторых, свел к абсолютному минимуму общение в своем корпусе, точнее, здороваюсь и перекидываюсь парой фраз о погоде только с вахтершами, опять же с уборщицами. Еще с лаборантками, что мне тексты для журнала и статей набирают, да двумя нынешними моими же соискательницами-докторантками. Впрочем, милосердными девушками-женщинами, также несколькими сторонящимися своих коллег: может, глядя на меня, подыгрывая мне, а может по характеру такие попались,— значит, повезло!

То есть захожу в свой кабинет и захлопываю дверь. Двойная польза, хотя раньше держал ее полуоткрытой: все думают, что меня в комнате нет и гортанные вопли кавказских, среднеазиатских и ближневосточных студентов не раздражают. У нас ведь в универе сейчас аулы-кишлаки. Учатся они вполуха, зато все платные по международным расценкам!

— Знаешь, Васильич, ты тоже можешь довести до совершенства по Гегелю свою изоляцию: завести посудину для малой нужды, чтобы и в сортир общий не выходить, а? Шучу, шучу безобидно.

— А это вовсе не шуткой можно представить. Я вот в детские годы раз двадцать, не меньше, перечитал тогдашнюю любимую мою детективную книжку «Приключения Нила Кручинина». Автора вроде Николая Шпанова. Так в книжке той такой любопытный сюжетик. Матерый вор-медвежатник, то есть взломщик сейфов, постоянно разыскиваемый милицией, выбрал для ночевки, отдыха от напряженной дневной работы по специальности... домик сберкассы. В те далекие годы никакой сигнализации и прочего и в помине не было, так что он дожидался закрытия сберкассы, открывал входную дверь своим ключом и в тепле и холе отдыхал до утра. В служебном домике имелаась кухонька, кипятил и заваривал чай, ужинал принесенной с собою снедью, даже на сон грядущий на диванчике в служебной комнате читал свежие газеты. Одно его только поначалу смущало: удобства сберкассы во дворе, а выходить лишний раз — светиться понапрасну. Голь на выдумки хитра, так он купил в аптеке пузырь для льда, что накладывают на лоб горячечных больных, в него и опорожнялся ночью, а утром, покидая свою гостиницу, выносил в своем портфеле и выливал содержимое по пути на работу по специальности, в укромном месте. Да еще усмехался порой: дескать, эта пригородная сберкасса самая охраняемая в стране!

— Ну-ну, Васильич, ты совсем-то уж не увлекайся. Должно быть интересная книжка, не сохранилась?

— Увы, Прокофьич, давно куда-то запропастилась. Наверняка, в Интернете имеется, попроси внуков поискать...

— А как я читать буду? У меня дома нет и не будет этой всякой компьютерной дряни.

— Принесу тебе на электронной книжке, считаешь. Там ничего сложного нет, внуки покажут, как страницы переворачивать.

— Нет уж, обойдусь. Слышь? Тихоновна посудой загремела. Еще по стопарику и пошли обедать чем бог послал.

◆ После обеда, свято чтя обычай русской старины, Прокофьич с Игорем Васильевичем с часок вздремнули в библиотечной комнате. Гость расположился на кожаном диване, а Прокофьич на топчане, передвинув недовольно мявкнувшего Мичмана в ноги. После отдыха хозяин неуверенно предложил («старку» за обедом завершили) пополюнничать стопкой-другой домашней, настоящей на кориандре, но профессор отказался, поскольку собирался дома весь вечер и начало ночи посвятить вычитке верстки свежего номера своего журнала:

— Я, понимаешь, Прокофьич, не поэт, как Серега Есенин и Высоцкий, не беллетрист как старина Хэм, поэтому совмещать высокий градус и потный вал вдохновенья не могу. Как говорит наш уважаемый президент, мухи отдельно и котлеты отдельно. Только с ясной головой научные истины постигаю и излагаю по мере своего разумения. Кстати, чего это ваш заборчик справа слегка помят?

— Да сегодня ночью проезжий, не наш, не поселковый «Камаз» вроде как охвостом кузова задел. Я на грохот выскочил — только задние огни и увидел. Должно, шоферюга, как ты выражаешься, под высоким градусом находился. Как раз... хм-м... сегодня собирался починить. Две доски взамен проломленных уже с утра обрезал и отфуганил...

— Выходит, Прокофьич, я как тот незваный гость, помешал? Исправлюсь. Пойдем, вдвоем сподручнее будет.

Часам к шести пошабашили несложный ремонт. Игорь Васильевич распрощался с гостеприимными хозяевами, включая Мичмана, которому пожал мужественную полосатую лапу, и отбыл на автолайне в город. На душе — полный покой, а тело приятно расслаблено от умеренной дозы «старки», сытного обеда и вольной работы на воздухе. Последнее тотчас вызвало ассоциацию со вчерашними теленовостями: показывают заседание министерского совета. Министры-капиталисты трусливо, как нашкодившие школьники второй ступени, сидят обочь заседательского длинного стола, чего-то высматривая свои ноутбуки, опустив головы и стараясь не глядеть на президента. А тот, делая выволочку за очередной срыв гособоронзаказа, высказывается в том смысле, что за такие штучки-дрючки в не столь уж и далекие времена всех бы их отправил лет этак на «дцать» заниматься общественно-полезными работами на свежем воздухе...

Сообразив, что гроза миновала, министры подняли головы, готовясь каяться, оправдываться и ссылаться друг на друга, но на этом интересном моменте телеоператора выставили из заседательного зала.

«Да,— дóбро подумал Игорь Васильевич, хорошо было сказано про работы на свежем воздухе. Действительно, простые физические работы совершенствуют человека и отдалают от вырождения любой формы этого совершенства в абсурд».

◆ Игорь Васильевич в недолгой поездке в автолайне еще одну ассоциацию в голове прокрутил, но так и не понял ее суть: какова здесь степень совершенства? Услышав со стороны кабины водителя, стихийного меломана, как и все шоферы, настроившего свой приемник на канал «Орфей», аккорды явно китайской ксилофонической музыки, четко, в образах и лицах, вспомнил прошлогоднюю октябрьскую поездку в столицу.

За пару недель до этого, просматривая у себя в кабинете текущую электронную почту, обнаружил приглашение его, как главного редактора «высокоинтеллектуального и общекультурного журнала «Феномены разума: XXI век», видного ученого и общественного деятеля на китайский исторический «праздник двух десятков».*

* Это не фантазия автора; такой праздник действительно в большом почете у китайцев.

...И совершенно неожиданным для скромнейшего Игоря Васильевича явилось, что его прибытия ожидают восемнадцатого октября в шесть часов пополудни в большой банкетный зал ресторана отеля «Мариотт» на это самое празднество. Указывалась и продолжительность: два часа. Организатором же значилось культурное общество Тайваня.

Поначалу он усмехнулся, вспомнив годы своей инженерной работы в оборонпроме, когда был глухо «невъездным», имея справку о допуске к секретным и совсекретным документам и работам. Получи он тогда приглашение от тайваньцев, так его бы полгода таскали по первым и иным отделам, если бы и вовсе не уволили. Однако, подумав, решил провести рекогносцировку. Позвонил в Москву автору своего журнала, явно инспирировавшего приглашение, получил подтверждение этого. Узнав, что наличие фрака или смокинга желательно, но вовсе не необходимо для дресс-кода, как по-американски выразился собеседник, уклончиво пообещал быть-стать в «Мариотте». И действительно съездил, вернувшись со смешанным чувством, в котором преобладала уверенность: очень высокая степень совершенства сохраняет историческую традицию, которая по определению антагонистична абсурду. Праздник-прием ему неожиданно понравился, хотя к любым формам ориентализма он всегда относился скептически. Даже когда защитившиеся его благодарные аспиранты-докторанты зазывали в самый модный в городе японский ресторанчик. — «Я не японец и ихний «сушняк» и (далее он употреблял пренебрежительное, переименованное название национального спиртного напитка...) не употребляю!» Но точно так же Игорь Васильевич отказывался и от итальянской кухни с макаронами и пиццей. При этом назидательно пояснял, что пицца у пиренейских жителей — это еда нищих: все, что осталось по сусекам в голодные дни, валить в кучу и запекать на тесте.

После поездки на тайванский прием в «Мариотте» Игорь Васильевич освободил себе от докук пару домашних вечеров и перечитал роман «Записки о кошачьем городе» китайского классика Лао Шэ, кстати, зверски убитого хунвейбинами в ихнюю «культурную революцию».

◆ Почти на въезде в город машину кто-то проголосовал, и этот кто-то разухабисто втиснулся в дверь автолайна. Народ пассажирский оживился, ведь как-то скоро и в одночасье «вертикаль власти» сумела отучить появляться пьяным на публике, громко там же петь песни и поливать эту самую власть. Не то что в веселые девяностые, но даже в советские шестидесятые-восьмидесятые годы такой строгости нравов не наблюдалось. И приоделся сейчас народец: в китайчину с рыночных развалов, в туретчину из Европы — из тряпичных лавок, что именуются секонд-хендами. Щеголями смотрелись бомжи, экипировавшиеся с обильных помоек. Словом, как во всем цивилизованном мире.

А вот вошедший явился, словно из исторической эпохи полустолетней давности: здоровенный, аршин в плечах, под метр-девяносто, в мятых серых штанах, какой-то робе, расстегнутой до пупа. — И в тельняшке. Значит, из мореманов; Игорь Васильевич хорошо различал тельняшки морские, воздушно-десантные и омовско-полицейские. Морда лица краснющая; видать, не менее литровки на морскую душу принял бывший флотоводец, а ныне сорокалетний работяга.

С нутряным стуком уселся в полупустом лайне на первое подвернувшееся сидение. С минуту молчал, затем к удовольствию мирных пассажиров довольно ровным главстаршинским полубасом (бас на флоте положен только боцманам) трудолюбиво спел одну из двух песен о «Варяге», причем не наиболее известную маршевую «Наверх вы, товарищи, все по местам», а задумчивую «Чу, загремели раскаты». После чего пудовыми кулачищами вытер скупые мужские слезинки, после чего стал агитировать на злобу дня. Дескать, полсотни миллиардов доллárov, из которых половину

разокрали, ухлопали на олимпийскую перекопку Сочи, а значит, наш флот уже не получит пятидесяти атомных подлодок.

Завод в Комсомольске-на-Амуре вовсе прихлопнули, а в Северодвинске за двадцать лет все никак не могут достроить единственную лодку, начатую еще в советское время. Америкосы же за это время их тридцать штук сгоношили! Бывший главстаршина оказался подкованным в делах флота. Народ слушал с интересом.

— ...Жал-лаю опохмелиться! — встал он с сиденья. Водила притормозил у первого на пути городского гастронома.

— Жму краба! — И веселый попутчик вышел из машины и взял курс на магазин: норд-ост-ост, как мигом прикинул Игорь Васильевич, и тотчас добрая улыбка расцветила его лицо: жив курилка, жив еще русский народ, хрен вам, Запад-Восток, не дождетесь вы от нас абсурдного совершенства! Будем держаться до последнего, как героический «Варяг» до последнего снаряда. А понадобится — и кингстоны откроем. Только на этот раз в плен к японцам не пойдем. Шиш вам с малазийским пальмовым маслом, на мегатонну которого еще в девяностые годы променял два авиаполка «сушек»!

Коль скоро череповецкое железо, норильский и мурманский никель и кобальт наши олигархеры угнали на Запад, то соберем в Сибири все кедры, что уцелели от китайских стахановцев-лесорубов, построим огромную деревянную ракету с паровым двигателем и на этой гравитационной улетим к ядерной матери осваивать жизнь на Марсе, еще на тысячу лет оттянув время перехода совершенства в абсурд.

...Очень воодушевленный вернулся Игорь Васильевич к домашнему очагу, даже слегка встревожив добрую свою супругу, поужинал молча и до двух ночи правил корректуру нового номера своего журнала: про феномен разума в наступившем веке. Будь он не к ночи помянут!

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ПРОБУЖДЕНИЕ*

Марина открывала глаза.

Тревожного ощущения не было. Но что-то ее заставило проснуться, не потягиваясь и зевая, а резко сразу. Так просыпаются только охотники и разведчики. Ни с теми, ни с другими она себя не ассоциировала.

Затренькал дверной звонок.

«Вот, оказывается, в чем причина»,— подумала Марина, откидывая одеяло и вставая с кровати. Надвинув тапки и накинув халат, она поспешила к двери

— Маришь, ну ты что, еще спишь? — прямо с порога налетела на хозяйку ее подруга Марго — рыжеволосая яркая эффектная женщина средних лет.

— Ну, в общем-то... как бы это сказать... уже нет,— развела руками Марина.

— Вы посмотрите на нее — у нее выставка через 3 часа открывается, а она еще в постели валяется.

— Какая выставка?

— Твоя персональная выставка в галерее.

— Моя персональная выставка? — брови хозяйки квартиры взлетели вверх.

— Подруга, ты меня пугаешь. Еще не проснулась? Или разыгрываешь? А может вчера вина перепела?

— А мы вчера пили?

— Ну, со мной точно не пила. А там не знаю. Ты у нас женщина свободная... Я вообще удивляюсь твоему спокойствию перед таким мероприятием. Я больше нее волнуюсь. В конце концов, чья выставка сегодня открывается?!

Марина подняла руку, останавливая подругу.

— Подожди. Дай сосредоточиться.

— Две минуты тебе,— сказала рыжеволосая, направляясь в ванную.

«Так. Что происходит?.. Я хотела поучаствовать в каком-нибудь совместном проекте с другими художниками и подготовить небольшую экспозицию своих работ... Мечтала, конечно, о своей выставке... И вот меня будят и говорят об открытии сегодня моей мечты. Ой, что-то бок сдавило. Сердце ноет. Но почему я ничего не помню? Ведь чтобы подготовить такую экспозицию нужно, как минимум месяца три.

Как я ее готовила? Когда? Такое ощущение, что из моей памяти выпало несколько месяцев. Почему я ничего не помню?

— Я отрегулировала душ,— вывела из задумчивости свою подругу Марго и, снимая с нее халат, подтолкнула ту к ванной.

— Полчаса тебе на сборы и выезжаем. Кофе пить некогда.

Через сорок минут они ехали в машине по направлению к галерее.

* Наш постоянный автор.

— Марин, а помнишь, какой ажиотаж поднялся от прошлогодней твоей персональной выставки? Особенно после того, как на ней побывали немцы и купили две твои картины?

— Да? — художница не знала, что сказать от навалившейся на нее информации.

— Газеты два месяца обсуждали эту тему. Всевозможные интервью, размышления, прогнозы...

Потом, правда, все затихло, но сейчас, кстати, интерес вновь проснулся. Газеты пестрят заголовками типа: «Что нового в творчестве Марины Ковалевой?», «Чем нас на этот раз порадует художница?», «Будет ли эта выставка сильнее прошлогодней?», «Сможет ли Марина Ковалева нас удивить в это раз?»

— Вот уж не знаю... — рассеяно проговорила Марина.

— Ты сегодня какая-то кислая. Устала? Не выспалась? Это все — нервы, — подытожила подруга.

— Наверное, ты права. Да еще что-то бок сдавило, и сердце ноет, — пожаловалась Ковалева.

— Подожди-ка, — Марго открыла свою сумочку и начала в ней рыться, вытаскивая и рассматривая какие-то таблетки в шуршащих упаковках. Наконец, она что-то нашла, переломила упаковку и протянула соседке.

— Валидол. Положи под язык и откинься на спинку. Расслабься и полежи с закрытыми глазами.

Марина так и сделала. Удобно устроилась на заднем сидении и закрыла глаза.

«Получается, что это у меня уже вторая персональная. А прошлогодняя имела успех, были хорошие отклики и даже две картины купили. Это, конечно же, радует, но почему я ничего не помню? Как в фантастических фильмах — словно мне стерли память не нескольких недель, а целого года, как оказывается.

Странно. Все это очень странно... И почему так сильно сдавило сердце?»

Машина ехала, слегка покачиваясь, и женщина незаметно как задремала.

Сквозь сон она услышала голоса.

— Ну как она? — спросил мужчина.

— Да пока нормально, — ответила женщина. — Но надо бы скорее. Пульс очень слабый, еле прослушивается. Можем не довезти.

Марина попыталась открыть глаза, но ей это не удалось.

Сквозь пелену чуть приоткрывшихся век она различила сидящих в белых халатах, услышала надрывный вой сирены и звук автомобильного сигнала.

Марина почувствовала, что ей не хватает воздуха. Стало тяжело дышать. Захотелось вздохнуть поглубже — резкая боль пронзила сердце, и она потеряла сознание.

Ковалева открыла глаза. Глотнула воздуха. Рукой схватилась за лоб — он был мокрый. Сердце бешено колотилось. Боль не пропала совсем. А ушла куда-то вглубь и превратилась в тупую, ноющую.

— Ты что? — встрепенулась Марго.

— Да чушь какая-то в голову лезет.

— Так. Чушь отставить и настроиться на рабоче-праздничную волну. Речь пригодила?

— Речь?..

— Ладно. Разберемся по ходу. Приехали.

Возле галереи толпилось человек пятьдесят.

Как только машина Марго остановилась, к ней сразу подскочили журналисты, щелкая вспышками и протягивая микрофоны и диктофоны.

Ковалева не успела еще выйти из автомобиля, а со всех сторон уже посыпались вопросы, словно горох из лопнувшего стручка:

— Какова концепция вашей новой выставки?

— Предлагали вам продать ваши картины?

— Какие ваши политические взгляды?

Марина, наверное, надолго застряла бы в этой толпе встречающих, пытаясь сосредоточиться и ответить на все вопросы, но ее спасла подруга. Подхватив под руки растерявшуюся художницу, и расточая свои лучезарные улыбки, она силой утащила ту от раскрывшихся пастей акул пера.

Открытие выставки прошло успешно. Народу было много и люди все прибывали и прибывали.

Здесь находился весь цвет города: поэты, писатели, художники, певицы, режиссеры, депутаты, представители администрации. А кроме того по залам бродили студенты художественных училищ, школьники, пенсионеры...

Все поздравляли с успехом, говорили речи, дарили букеты цветов.

Марина ходила по залу, перемещаясь от полотна к полотну, и сама с интересом рассматривала работы, словно была на какой-то чужой экспозиции. Многие картины она прекрасно помнила, даже, как и когда их создавала. Но были и такие творения, которые она не узнавала, хотя своеобразный росчерк ее подписи стоял в правом нижнем углу этих работ.

«Странно. Когда я все это успела создать? Необъяснимая загадка... И почему так кружится голова и сдавило сердце? Права Марго — это нервы. Пока первая волна улеглась надо присесть отдохнуть».

Ковалева присела в кресло, стоящее в углу возле окна, облокотилась на подлокотник и прикрыла глаза рукой.

— Поспешите. Мы ее теряем,— услышала она тотчас.

Марина разлепила веки. Взгляд уперся в белый туман. Перед глазами с определенным постоянством мелькали светящиеся длинные плафоны. Ее куда-то везли. Она лежала на чем-то твердом.

«Как в больнице»,— подумалось непроизвольно.

— Скорее во вторую операционную! — крикнул мужчина.

«Где я? Что со мной? Или это не со мной все происходит?... Ну, конечно, не со мной! Это — сон. Всего лишь — сон. Пусть какой-то странный, но все же — сон. У меня же персональная выставка. Нужно многое успеть сделать. Некогда здесь лежать... надо вставать. Идти... Но почему я не могу пошевелиться?... Грудь сдавило словно металлическим обручем. Тяжело дышать. Сердце бьется не ритмично, с какими-то провалами, и кажется, как будто скрипит, словно старая калитка... О чем это я?... Какая калитка?... Разве сердце может скрипеть? Бред какой-то... И еще эти плафоны, мелькающие перед глазами. Я их вижу уже целую вечность. Куда меня везут?»

— Потерпевшая приходит в себя. Сделайте ей еще один укол,— мужской голос говорил быстро.— И срочно на операционный стол.

Перед глазами Ковалевой все поплыло куда-то. Она сомкнула веки и почувствовала, что ее трясут за плечо.

Раскрыв глаза, Марина уперлась взглядом в лицо подруги.

— Марин, ты что, уснула?

— А где врачи? Операция уже закончилась?

— Тебе плохо? Вызвать скорую? — забеспокоилась Марго.— Подожди, какая операция? Ты имеешь в виду — выставка?

Ковалева посмотрела на себя, сидящую в кресле, подвигала руками и встала.

— Нет-нет. Все в порядке. Не надо скорую. Просто пригрезилась ерунда, какая-то.

— Я тебе говорила, что ты устала и тебе надо отдохнуть. Но только не сейчас — чуть позже. А сейчас тебя ждут двое голландцев из музейного общества. Хотят предложить тебе организовать выставку твоих работ в Голландии в конце года. Не вижу радости в твоих глазах.

— Я рада.

— Ну, тогда не будем заставлять их ждать.

Иностранцы довольно сносно говорили по-русски, поэтому переговоры прошли успешно, и была достигнута предварительная договоренность о предстоящей выставке за границей.

— Ну, вот видишь, как все удачно складывается,— радовалась за подругу Марго.— Эта выставка только началась, а тебе уже предлагают следующую готовить.

— Иванова, я в растерянности...

— Иванова? Фи! Что за проза? — обиделась женщина.— Я — Марго. Мы же с тобой договаривались.

— Ладно-ладно. Я хотела сказать, что со мною происходит что-то странное у меня какие-то провалы в памяти. Не помню, как готовила эту экспозицию. Не помню, что было вчера.

— Вчера ты со своим Андреем уехала в ресторан. А где на самом деле пропадала, я не знаю.

— Стоп! С каким Андреем?

— Марин, ты наркотики, случайно, не употребляешь?

— Нет, конечно! Что я — дура. С чего ты взяла?

— Просто многие люди проходят огонь и воду, а вот медные трубы не всем удается преодолеть. И на пике своей популярности или только еще на взлете от эйфории начинают спиваться или пробуют наркотики. Губят свой талант и в итоге пропадают.

Год назад от тебя ушел муж. Ты говорила, что мало времени ему уделяла. Все работала, готовила выставку. За собой не очень-то и следила. Вот он и ушел к молодой.

— Да, я помню, Володька меня бросил.

— Уже хорошо. Хоть какие-то сдвиги. Память возвращается. На предыдущей выставке ты и познакомилась с Андреем. Он стал почитателем твоего творчества. Ты с ним подружилась. Это твой — мужчина.

— Где он работает?

— Это, конечно, не крупный бизнесмен. Не магнат нефтяной или газовой отрасли. Но довольно-таки успешный предприниматель, занимающийся строительством.

Живет один в трехкомнатной квартире в центре. Жена у него умерла несколько лет назад, детей у них не было.

— И как мы с ним?

— Тебе, конечно, виднее, но, по-моему, дело движется к свадьбе,— загадочно улыбнулась Иванова и добавила:

— Я тебе честно скажу, Марин, если бы он на тебя не запал, я бы его не упустила.

— Что, так хорош?

— Мечта незамужних женщин. Да вот он, кстати, и сам спешит засвидетельствовать тебе свое почтение.

По залу широкими уверенными шагами не то чтобы шел, а именно шествовал красивый высокий мужчина в сером костюме, белой рубашке и галстуке. В руках он держал большой букет чайных роз.

— Здравствуйте, девушки! — поздоровался Андрей с подругами и, протягивая цветы Марине, произнес:

— Поздравляю с открытием выставки.

Он поцеловал Ковалеву в щеку и сказал, что хочет побродить, посмотреть картины.

— Завидую я тебе, Маринка,— грустно произнесла Марго.— И выставки получают, и картины у тебя покупают, и журналисты вниманием не обходят, и критики благосклонны. И хоть тебя и бросил муж, но появился Андрей, а это гораздо лучше. А теперь еще и за границу зовут.

— Не расстраивайся, Марго. И у тебя все получится. Надо верить в свои силы. Настроиться и очень сильно этого хотеть.

Ковалева задумалась.

«А ведь подруга права. Все складывается замечательно. Сколько она об этом мечтала. Сколько было бессонных ночей... И вот, пожалуйста, все уже происходит в действительности. Но почему-то радости нет, и очень сильно сдавило сердце...»

— Подключайте ее к аппарату искусственного дыхания.

Женщина открыла глаза.

Вокруг нее сустились люди в синих и зеленых халатах.

— Пульс слабеет. Прерывистый,— произнес женский голос.

— Удивительно, как она вообще живой осталась после такой аварии,— проговорил мужчина.— У нее сломан позвоночник, ребра, и обе ноги, пробито легкое и голова, разорвана селезенка. Жаль, красивая женщина... Но если выживет — останется парализованной и до конца дней своих будет прикована к постели.

«Это, что, все про меня сказали? Опять этот кошмарный сон. Почему он меня преследует? Или это не сон? Я что-то упустила. Что-то важное... Надо вспомнить... Меня бросил муж. На работе все не заладилось. Я никак не могла подготовить свои работы для выставки. Картин было мало. Новые никак не удавалось написать. Идеи-то были, но этого мало. Вдохновение не посещало. Настроение в последнее время держалось отвратительное. Даже выпивать начала в одиночестве...»

Я поехала на дачу, чтобы от всего отрешиться, подышать свежим воздухом, успокоиться и, обдумав сложившуюся ситуацию, прийти к какому-нибудь решению.

Начался сильный дождь. Из-за очередного поворота помню яркую вспышку фар несущегося навстречу какого-то грузовика. Этого оказалось достаточно, чтобы меня ослепить. Вдавила педаль тормоза и крутанула руль вправо. Но грузовик, наверно, занесло на мокром асфальте. До сих пор в ушах стоит грохот удара и скрежет металла. Вижу разбившиеся стекла и деформацию кузова. Не большое ощущение полета — все мелькает перед глазами, словно я — в детстве катаюсь на карусели... Глухой удар, резкая боль в груди, ногах и что-то липкое заливает глаза, то ли пот, то ли кровь... Я вспомнила. Значит — это действительность. А как же мои выставка, голландцы, Андрей... Я все это хотела, и мозг смоделировал мою мечту... Там я — успешный художник. Много работаю. Меня посещает вдохновение... Есть Андрей... А здесь — я одинокая, никому не нужная калека со сломанным позвоночником...

Не хочу сюда возвращаться! Хочу в тот мир, где тебя ждут, любят и радуются моим успехам! Пусть будет там действительность. А это — окажется сном. У меня только-только все начало получаться. Это не справедливо!

Нет! Нет! Не надо! Оставьте меня там!..»

— Остановка сердца! — крикнула женщина.— Быстрее электрический разряд!

— На мой взгляд, очень хорошая выставка получилась,— вывел из задумчивости Марину, подошедший к ней Андрей.— Такая вся яркая, светлая, лучезарная. Особенно из серии «Пробуждение». Весна. Растаявший снег. Все только начинает появлять-

ся, распускаться, зеленеть... В каплях, висящих на деревьях, переливы солнечного света. Воробьи, купающиеся в лужах...

— Я очень рада, что тебе понравилось,— ответила Ковалева.— А что тебе не понравилось?

— Выставка называется «Начало жизни». А одна из серий — «Пробуждение». Я бы всю выставку назвал «Пробуждение». Ведь зимой жизнь не исчезает совсем, просто видоизменяется. Засыпает. И с приходом весны не зарождается заново, а просто просыпается и продолжается дальше. Так что, на мой взгляд, название всей экспозиции «Пробуждение» было бы более правильным и интересным.

— Спасибо. Учту твои замечания. Ну, что на сегодня будем заканчивать. Поедем.

— В ресторан? Отпразднуем это событие?

— Можно и в ресторан. Я проголодалась.

— Тогда собирайся.

— Я быстро.

— Готовы? — спросил мужской голос.— Разряд...

Прибор надрывно выдавал высокую ноту

— Повторяем! Еще разряд... Увеличьте напряжение! Разряд!..

«Нет! Не надо! Оставьте меня в покое! Вы не понимаете! Там моя жизнь! Стойте!»

— Сделайте максимум. Пробуем последний раз...

Ничего не произошло. Прибор так и продолжал пищать противно, словно комар.

Врач сорвал с лица повязку. Достал сигарету и чиркнул зажигалкой.

— Николай Степанович, здесь же нельзя курить,— взволнованно произнесла молоденькая медсестра.— Ой, а вы же никогда не курили.

— Я знаю, Лариса. Да я и не курю,— мужчина сделал одну затяжку, погасил сигарету и бросил в металлический бачок.— Я — врач с пятнадцатилетним стажем, но до сих пор никак не могу привыкнуть, когда люди умирают на операционном столе.

— Но в этом нет вашей вины. Вы сделали все, что могли. Тем более она была с такими страшными увечьями после аварии.

— Да, наверное, ты права. Зафиксируй время смерти,— врач посмотрел на часы.— 19 часов 19 минут. Надо же — счастливое число. Мы в детстве так играли. Смотрели номера проезжающих машин один слева, другой справа. И если сумма первых двух цифр совпадала с суммой последних цифр — число считалось счастливым. Кто больше набрал — тот выиграл.

— Так ведь машины с трехзначными номерами? — удивилась медсестра.

— Это сейчас, а в моем детстве все машины имели на номерах по четыре цифры.

— Смотрите, потерпевшая улыбается.

Женщина лежала на столе с закрытыми глазами. Но уголки рта растянулись в разные стороны, и было действительно, похоже, как будто она улыбается.

— Счастливое число,— повторил Николай Степанович.— Она яростно сопротивлялась, пока мы ее пытались реанимировать. Создавалось такое ощущение, что эта женщина боролась не за жизнь, а наоборот... Она прекрасно понимала, что ее ждет. Какая это жизнь с поломанным позвоночником... Похоже, она добилась своего. Успокоилась. Улыбка тому подтверждение.

— Николай Степанович, а вы думаете, что потом наша жизнь продолжается, только переходит в другую форму?

— Не знаю, Лариса. Но надеюсь, что нашей пациентке там гораздо лучше, чем здесь, раз она улыбается...

— Я тебя обыскался,— открывая дверь кабинета и просовывая голову внутрь,

проговорил Андрей, увидев Ковалеву, сидящую за столом в задумчивости.— Ушла и пропала. Подумал, что что-то случилось. Меня Марго предупредила, что ты себя сегодня странно ведешь. И это — от перенапряжения и усталости накопившейся за эти месяцы подготовительных работ. И как бы ни случился нервный срыв.

— Нет-нет, все в порядке. Теперь уж я точно знаю, что в полном порядке. Просто я обдумывала свои новые идеи, которые мне надо успеть воплотить до конца года для выставки в Голландии.

— Марин, может мы, не поедем в ресторан, а сразу домой — отдыхать?

— Ты, что хочешь оставить голодной молодую симпатичную женщину? Тем более что я не ела целый день. Это, во-первых. А во-вторых, мы обязательно поедем в ресторан и будем отмечать Пробуждение!

Ольга Соколова
(г. Москва)

РАССКАЗЫ

Соколова (Красовская) О. В. родилась в 1977 г. в Москве. По образованию — экономист, закончила РЭА им. Г. В. Плеханова. Работаю по специальности. Литературным творчеством занимаюсь с 12 лет, посещала занятия литературной студии «Жизальмо» РГДБ. Первая публикация — в журнале «Недоросль» 1995 г., № 3, с. 6. В последнее время мои произведения опубликованы в журналах «Современная литература России», «Спутник», «Ното Legens». В 2013 г. меня приняли в члены литературного клуба «Московский Парнас».

ПЕРВЫЙ БРАК

В выходной день Вика поехала к начальнице, которая отдыхала в подмосковном санатории, отвезти рабочие бумаги. Так вышло, что это было срочное дело. Путь был неблизкий, Вика добралась к полудню.

— Ой, Вичка, здравствуй! Привезла? Ну, спасибо, дорогая,— встретила ее Ирина Петровна.— Может, останешься погостить?

Был погожий летний день, и Вика решила остаться до вечера.

Вика и Ирина Петровна отправились гулять по территории пансионата. Воздух был свежим, напоенным солнцем, вокруг зеленели деревья и цветочные клумбы радовали глаз. Вика получала от прогулки немалое удовольствие. Потом пошли обедать.

Столовая находилась в отдельном здании, светлый зал с большими окнами, столы были уже накрыты. На обед подавали рассольник и голубцы, но можно было взять шашлык.

— Давай по шашлычку? — предложила Ирина Петровна.

— Я за,— ответила Вика.— Обожаю шашлык.

Они заказали шашлык. Пока они ждали, к их столику присоединилась пара — осанистая женщина и молодой человек, должно быть, ее сын. Они познакомились, молодого человека звали Петя. Петя с матерью тоже взяли шашлык. Шашлык с овощным гарниром был приготовлен великолепно, так что лучшего обеда пожелать было невозможно.

— Вика, я играю в настольный теннис. Не составите компанию? — спросил Петя после обеда.

— С удовольствием,— ответила Вика.

По дороге разговорились. Выяснилось, что Петя — инженер-физик и работает в НИИ.

— Вам, наверное, платят не очень? — спросила Вика.

— Ну, не много, но как-то крутимся,— ответил Петя. Внешне он выглядел вполне благополучно.

Отыграли в теннис, потом ходили купаться, вечером Вика укатила.

Петя и Вика продолжали встречаться в Москве. Они были симпатичны друг другу, оба молодые и энергичные, любили кино и театр. Петя дарил много цветов, и, в конце концов, сделал предложение. Они расписались.

Первый месяц семейной жизни принес Вике разочарование. Она похудела, осунулась и еле успевала по работе и семейным делам.

В конце месяца Петя принес зарплату.

— Это все? — недовольно спросила Вика.

— Да, все, что выдали, — ответил Петя.

— Но это очень мало! — воскликнула Вика. — Мне ни на что не хватит.

— А ты сама разве ничего не получаешь? — спросил Петя.

— Получаю, но все равно этого мало. А если ребенок? Возьми подработку, — настойчиво сказала Вика.

— Какую подработку? — рассердился Петя. — Вагоны разгружать? Я свою работу люблю.

— Иногда можно и вагоны разгружать, — сказала Вика. — Как жить-то?

— Как хочешь, но я этого делать не буду, — Петя развернулся и ушел в другую комнату к телевизору.

Вика сидела расстроенная, все ее надежды на счастливую семейную жизнь лопнули. Через полгода Вика и Петя развелись.

СОСЕДКА

В нашем доме на нашем этаже появилась новая соседка. Точнее сказать, это были муж и жена. Они въехали неожиданно поздней осенью с мебелью и прочим скарбом.

Как-то раз она окликнула меня в коридоре.

— Простите, как Вас зовут? — спросила она.

— Надя, — ответила я. — А Вас?

— Маргарита Петровна, — сказала она и опустила руки вдоль длинного кашемирового пальто.

— Вы издалека приехали? — спросила я.

— С Тульской, — сказала она. — Мы разменяли квартиру, дочке негде жить.

Я понимающе кивнула. В тот раз она показалась мне очень красивой — она была блондинкой, у нее было ухоженное лицо и руки с красивым маникюром. Кроме того, по всей видимости, они были богатыми людьми.

Так прошла зима, весна, наступило лето. Изредка я встречала Маргариту Петровну в коридоре или возле подъезда, но мы только здоровались. Вместе с тем мне хотелось познакомиться с ней поближе.

В июле в разгар купального сезона я решила пригласить ее на пляж. Я собрала пляжную сумку, положила купальник, полотенце, солнцезащитный крем, бутылку минеральной воды.

После этого я позвонила в дверь Маргариты Петровны. Она открыла быстро.

— Здравсьте, Маргарита Петровна, — сказала я.

Она ответила мне. Она была в домашнем халатике, очень милая и свежая с утра. Я слышала, как в комнате за стенкой бредет ее муж.

— Маргарита Петровна, — начала я. — У меня знаете, такая идея. Я собралась на пляж... Вы не хотите присоединиться?

И вдруг она резко изменилась в лице, мне даже показалось, что ей стало нехорошо. Она чуть отпрянула и схватилась за виски.

— Маргарита Петровна, — испугалась я. — С Вами все нормально?

Она кивнула, в ее глазах стояла боль.

— Так Вы не пойдете на пляж?
— Нет, Надя, много дел.
— А на следующих выходных?
Она покачала головой.
— Просто у нас отличный пляж в Строгино, я бы Вам показала,— с досадой сказала я.
— Надя,— проговорила Маргарита Петровна.— Мне надо вам кое-что сказать.
Ее лицо болезненно искривилось: «Я после операции, у меня был рак груди». Она взяла меня за руку, и мы заперлись в ванной. Она расстегнула халат, и я увидела шрамы на месте ее бывшей груди — уродливые розовые швы на бледной плоскости.

КОФЕ — НЕ ПРЕДМЕТ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Анжела Иванова собралась к гадалке. У нее был неблагоприятный период в жизни — работы не было, встретить нормального мужчину тоже не удавалось. Анжела хотела узнать, как долго будет продолжаться полоса невезения.

Ехать нужно было в центр на улицу Солянка. Там завернуть в арочку, зайти в старинный подъезд и подняться по лестнице почти на самый верх. На двери Анжела увидела табличку «Ясновидящая Пелагея». Это была она.

Пелагея открыла ей без промедления.

— Наденьте бахилы,— сказала она.

Анжела прошла в гостиную, Пелагея предложила ей сесть. Они сидели друг напротив друга за квадратным столом, покрытым бордовой скатертью. Никаких магических атрибутов не было. Комната была слегка ароматизирована ароматом ванили. Анжела пристально рассматривала лицо гадалки — она была немолодой уже женщиной с правильными чертами лица, крашеной блондинкой.

— Что вас привело ко мне? — спросила она.

— У меня ничего не складывается,— грустно ответила Анжела.— Сколько мне осталось жить, можете сказать?

— Вы проживете до старости,— уверенно проговорила гадалка.

Она зажгла свечу и поставила на стол зеркало так, чтобы оно отражало пламя свечи.

— Я сейчас без работы,— пожаловалась Анжела.

Гадалка помолчала, потом сказала: «Это ничего. Вы найдете работу. Вас сделают директором».

Анжела посмотрела на нее недоверчиво.

— Да, я это вижу совершенно определенно.

— Ну, а замуж я выйду? — спросила Анжела.— У меня никого нет.

— Замуж вы тоже выйдете,— ответила Пелагея.— Только не очень скоро. Зато по любви.

— А на картах Вы мне не погадаете? А по руке? А на кофе? — спросила Анжела.

— На картах я гадаю только молоденьким девушкам на жениха,— пояснила Пелагея.— По руке вам гадать незачем — это на дорогу гадают и казенный дом. А кофе у меня нет. Знаете, кофе — не предмет первой необходимости.

Анжела улыбнулась: «Спасибо, вы меня и так очень порадовали».

— Мои предсказания сбываются,— заверила гадалка.

Анжела ушла окрыленная.

Через десять лет ясновидящая Пелагея получила от неизвестного дарителя корзину ярко-красных роз. В корзине она нашла фотографию счастливой женщины в обнимку с мужем и девочкой трех лет, на обороте подпись — Анжела Иванова.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валентина Маркина
(г. Калининград)

Валентина Васильевна Маркина родилась в селе Бачой Молдавской ССР. В 1968 г. окончила среднюю школу. В июле 1969 года была принята на службу в ряды Вооруженных Сил СССР. Прослужила 4,5 года, была уволена в запас в связи с уходом в декретный отпуск. У нее трое любимых сыновей. Стихи пишет с 13 лет. Участвовала во многих литературных мероприятиях, неоднократно печаталась в газете «Страж Балтики». Участвовала в фестивале калининградских поэтов в 1998 г. В настоящее время на пенсии.

ЯБЛОКИ

Я была, люди, грешною-грешною.
Крошек нечем мне было кормить.
И пошла в сад чужой на черешни я,
Яблок палых пакетик набить.

Ну, а что же, в саду выбрать нечего?
Их там море, бери — не хочу!
Но была я воровкою честною,
От досады я ночью кричу.

Я на рынок примчалась с коляскою,
В ней сыночек голодный мой спал.
Всех окинула взглядом укладкою,
Вдруг мужчина какой-то пристал:

— И почем, госпожа, ваши яблоки?
Ну-ка сколько тут их, покажи...
Все забрал, бросил в урну (я в панике!),
Сунул в руку мне деньги: держи!

— К ним свинья ни одна не притронется.
Жизнь твоя, как я вижу, не мед...
Я иду, и за мною не гонятся,
А душа со слезами поет...

ПАМЯТНОЕ УТРО

Волшебное утро, а воздух хрустальный,
И сильные крылья откуда невесть!
Рассвет перламутров ступает, как тайна,
И все это с нами, и все в нашу честь!

Весенние нотки нам в сердце запали,
Приливы волнующих свежих минут.
Мы смотрим на все, словно в зрительном зале,
И мысли шальные, как танки, идут.

Зачем же вот так, на рассвете, под утро,
Убили в Афгане, убили в Чечне?
Зачем это все через край перегнуто?
И где же конец этой подлой войне?

Найдись, кто-нибудь, и воззри на смятенных,
Скорбящему благословение дай!
Дай Бог вам терпения, матери пленных,
И мира навеки воистину дай!

ПЛАМЯ

За окошком тихо,
Месяц выплывает...
На границе лихо:
Мальчик умирает

На подушке пышной,
В одеяле шелка.
И уже не слышно,
Как свистят осколки.

У меня два сына
Носятся по школе,
Губы, как рябина
Третий есть — поболе.

У него сынишка,
Только подрастает,
Тоже треплет книжку
Только не читает...

Скоро засветает,
Утро на подходе.
Маки зацветают
В чьем-то огороде...

А на поле брани,—
Там дымятся кости...
Кто-то тяжело ранен,
Кто-то на погосте.

Что нам не хватает?
Есть земля и розы,
Дети подрастают,
Шелестят березы.

Кто рассудит прямо?
Кто печаль заглушит?
Разгорелось пламя,—
Кто его потушит?

Сергей Булгаков
(г. Москва)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН, лауреат премии Ленинского комсомола в области науки, известный в стране гастроэнтеролог, врач и ученый, автор 200 научных статей и ряда монографий в области медицины. Помимо научной деятельности, в последние годы активно занимается живописью, в 2011 году был принят членом Творческого союза художников России и Международной федерации художников (IFA). В Москве с успехом прошли три его персональные выставки живописи.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Зима застыла в листьях винограда,
снежок засыпал шелку у окна.
Ты в зимний вечер — радость и отрада,
ты у меня одна, одна — до дна.

«TOMBE LA NEIGE*»

Падает снег.
Сальвадор Адамо.
Смоленская площадь.
Зачетка МГИМО.

Путь от Смоленки до Маяковки,
лед под ногами хрупкий и ломкий,
шубка в снегу, ресницы в тумане,
коньячные «звезды» в заднем кармане.

Глоток коньяка, вкус поцелуя,
ветер на площади дует и дует,
лампа в подъезде мечется синим,
дверь с дермантином, квартира «четыре».

Кружится диск.
Сальвадор Адамо.

* *Tombe la neige* (фр.) — «Падает снег». Название песни бельгийского певца и композитора С. Адамо. Песня была популярной во второй половине 60-х годов прошлого века

Чет или нечет?
Уже все равно.

Звуки клаксонов,
рекламы неон,
музыка стонов,
прерванный сон.

Падает снег.
Сальвадор Адамо.
Было ли это?
Недавно? Давно?

Все растворилось,
как акварель.
Было, наверное,
хочешь — проверь!

«Tombe la neige...»

ХУДОЖНИК ВАН ГОГ

Синий мазок, лиловый мазок,
рисует «Ирисы» художник Ван Гог...
Пишет желтым, бросает крапак,
великий художник — фламандский чудака.

Звезды над полем, кофейня в Арле,
парус полощется на корабле...
Движет рукой его правда и бог,
подпись в углу — Vincent Van Gogh.

КАРТИНА МАСЛОМ

Проходят годы, проходят зимы,
а жизнь в России — невыносима!
Зима — без срока,
весна — лишь в мае.
Пенсионеры сидят в трамвае.

Студенты мечутся, где пошарашить,
газеты ищут, чем ошарашить,
машины лезут на тротуары,
девицы тянут к себе в будуары,
опять японцы хотят Курилы,
Минздрав горланит: «чтоб не курили».
Все надоело, послать всех к черту,
уехать в Польшу, да что в ней толку!

Чтобы забыться — возьму картон,
закуску, краску и самогон...

Буду писать шедеврально маслом
о том, как мы выживаем классно.

Зима — без срока,
весна — лишь в мае.
Пенсионеры сидят в трамвае.
Но в эти годы, и в эти зимы —
они России — необходимы.

ЛЮБИТЬ — ТАК СЕГОДНЯ

Любить — так сегодня!
Завтра — кто знает?!
Время — не лечит.
Оно — убивает.

МУРАНО

Блестит стекло сияющей воды,
Мурано,
и солнца луч, разящий палашом,
так рано.
Гондолы вдруг застыли под мостом —
печально.
Вот маска ринулась ко мне...
Как странно...

С крылами ангел в небесах парит,
так плавно...
И голос женщины звенит —
сопрано...
Ты вдруг приблизилась ко мне
желанно.
Приснилось все это во сне,
или реально?

КАФЕ «ВАРНА»

*Посвящается тем, кто помнит уютное кафе
на плотике у маленького пруда в Парке Куль-
туры им. А. М. Горького, под странным для
этого места названием «Варна»*

Долой депрессию и скуку,
заброшу бизнес и науку,
пойду в Нескучный, к лебедям,
где из руки им крошек дам.

Попью пивка, куплю креветок,
сирени наломаю веток.
Случайно вспомню про «Агдам»,

про времена, увы, застоя,
здесь наливали вам и нам,
и сидя пили, пили стоя...

Иные были времена,
и лебеди другие плыли...
Друзей не помню имена,
да и они меня забыли.

Я не грущу, всему свой срок!
Я жизни выучил урок.
Все изменилось. Это странно,
но в памяти осталась «Варна»...

**ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ,
или ВОСПОМИНАНИЯ ФАРЦОВЩИКА
(шансон)**

Я был таким молоденьким,
хорошеньким таким,
покуда с ней не встретился —
и сразу стал другим.

Курить я начал Мальборо,
клеша в разлет носить,
вступать с мамашей в споры,
не по зарплате жить.

Она была моделью,
почти Бриджит Бардо,
всегда ходила с книгой
и в розовом пальто.

Сейчас не ясно помню:
как я в семнадцать лет
водил ее на скачки,
в райкомовский буфет.

Я шиковал, как Пресли,
кутил, как Ив Монтан:
обедал в «Метрополе»,
заказывал цыган.

Я жил одной фарцовкой.
Но как-то не срослось,
а банк на Якиманке
мне взять не удалось.

Неделю я скрывался
в сарае под Москвой,

соленьями питался,
на мир глядел с тоской.

Когда вернулся в город,
она была с другим.
Все быстро испарилось,
«Как с яблонь белых дым...»!

ТЕЛЕНОВОСТИ В ДЕКАБРЕ 2012

Все вокруг одна бессмыслица,
сплошь маразм, средневековье.
Забывается кириллица!
Тянет, братцы, к сквернословью!

О ЯДАХ

«Где же кружка? Сердцу будет веселей!»

Зимний вечер. А. С. Пушкин

Я знаю, что смешон, как выпью,
но лучше так, чем жить под пылью,
под пылью дома, пылью стен
и спавшихся глубоких вен.

В вине есть истина, она —
верней, чем дружба, старина,
верней жены и даже веры,
верней болезней и холеры.

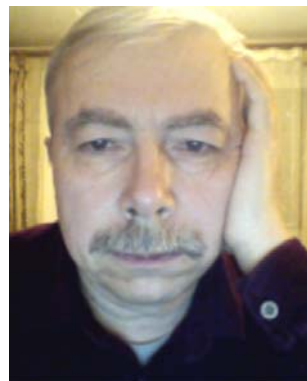
Пить иль не пить? Пустой вопрос!
Коли не пьешь, какой же спрос,
как с полноценного мужчины,
как с удалца и молодца,
что носит в сумке два яйца,
как представителя приматов?
Во всем, брат, водка виновата!

Да, водка, это, братцы, яд,
сам Горбачев про это знает!
И между делом, под столом,
себе сто граммов наливает.

«Привычка свыше нам дана!» —
говаривал когда-то Пушкин,
схожу в буфет, куплю вина
и поищу — подружку с кружкой.

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ*

II. ОТ ВЕКА К ВЕКУ

...В единении с Народом
Сила Армии была,
И к Победе полным ходом
Всех нас Партия вела.

А иначе-то смогли бы
Разве выстоять тогда?
Нам без Партии погибель,
Нам без Партии — беда.

Армия — *Рука* Отчизны.
А Народ — ее *Душа*,
Без которой в этой жизни
Жизнь не стоит и гроша.

Но на что рука способна,
Если нету головы?
Без нее душа подобна
Темной ночью, увы.

А во тьме — поди, попробуй:
Как проедешь, где пройдешь?
Путь к добру? А может, к гробу?
Что к чему — не разберешь...

Нет, не только *Головою*
Наша Партия была,
Что вела нас за собою,
И на подвиги звала,

Правду ленинского слова
Доносила до сердец,
И за чудом чудо снова
Совершал Народ-творец.

* Продолжение. Начало в № 4 — 2012 г., №№ 1 и 4 — 2013 г.

Такова ее природа —
Быть с Народом до конца,
Плоть от плоти — дочь Народа,
Великана и творца.

Беспримерный подвиг тыла,
Партизанские дела,—
Всем она руководила,
До всего она дошла

И сама, как сердце Данко,
Среди нас без дураков,
И с гранатой против танка
Младший политрук *Клочков!*

В буднях, в битвах — с нами Ленин
И всегда победа с ним!..
То, что есть, того не ценим;
Что имеем — не храним...

В ком жива любовь к Отчизне,
Тот, кто храбр и сердцем чист,
Тот по праву нес по жизни
Гордо имя — *коммунист.*

Не для почестей и неги
Это звание нести,—
Из особых привилегий —
Первым встать, вперед идти.

Комиссару перед боем
От бойца бумаги лист:
«Если не вернусь живой я,
То умру, как коммунист.

Не устану фрицев бить я,
В том клянусь я, имя рек.
А вернусь — прошу, примите,
Буду с Партией навек!»

Был солдат нелицемерен,—
Кто ж в такой лукавит миг?
Навсегда остался верен
Слову старый фронтовик:

Так потом трудился споро,
Как на фронте шел вперед...
Слава Партии, с которой
Был единым наш Народ!

Шли в согласии сквозь муки,
Всем являя героизм,
Голова, Душа и Руки —
Триединый организм.

Одолей его, попробуй,—
Все клыки сотрешь в песок,
Лютый враг, живущий злобой,
Осквернивший наш порог!

Силой черной, словно полночь,
Шел на нас фашистский вор.
Рядом — *власовская** сволочь,
А на древке — триколор.

Банда трусов малодушных
(В плен сдались или в бегах)
У врага в разряде нужных,
Как шакалы при волках.

Жизнь купив ценой измены,
Славят иноземный кнут
И за шнапс самозабвенно
По своим же братьям бьют.

Нету чести у шакалов,
От таких добра не жди.
Битых белых генералов
Немцы звали к ним в вожди.

Был соблазн у тех великим —
Поквитаться за *тогда*.
Но ответил «нет!» *Деникин***,
А *Шкуро* с *Красновым**** — «да!».

* Андрей Андреевич Власов (1901—1946) — советский военачальник (генерал-лейтенант), участник Битвы за Москву. Командовал 2-й ударной армией, в ходе Любанской наступательной операции в 1942 году перешел на сторону Вермахта и пошел на сотрудничество с руководством Третьего рейха против политического строя СССР, став руководителем военной организации коллаборационистов из советских военнопленных и эмигрантов — Русской освободительной армии (РОА). В 1945 году пленен Красной Армией, в 1946 году осужден по обвинению в государственной измене, лишен воинского звания, государственных наград и повешен 1 августа 1946 г.

** Антон Иванович Деникин (1872—1947) — русский военачальник, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, публицист и военный документалист. Один из основных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны. Позднее жил в эмиграции во Франции. Во время фашистской оккупации Франции категорически отказался сотрудничать с гитлеровцами. В 1943 году Деникин на личные средства направил Красной Армии вагон с медикаментами, чем озадачил Сталина и советское руководство. Оставаясь убежденным противником советского строя, Деникин следил за успехами Красной Армии в Великой Отечественной войне и радовался ее победам.

*** Андрей Григорьевич Шкуро (1886—1947) и Петр Николаевич Краснов (1869—1947) участники 1-й Мировой и Гражданской войн, лидеры Белого движения. Во время 2-й Мировой войны активно сотрудничали с фашистами, принимая участие в боевых действиях против Красной Армии. После выдачи англичанами советской стороне были приговорены к повешению и казнены в Москве 16 января 1947 г.

Контре той, что затаилась,
Как господ турнули мы,
Гитлер — словно Божья милость,
А точнее — Сатаны!

Как крутой продукт распада
На поверхности воды,
Этот сброд, исчадь ада,
Всплыл под знаменем беды.

Их душа, как зверь во мраке.
В злую мартовскую стынь
Западенские собаки
Ради немца жгли Хатынь.

Крови русской, белоруса
Жаждет свора злобных псов,—
Грезит гибелью Союза,
Каждый жечь, пытаться готов.

Злоба их несчастья множит
Не в разы, а в сотни раз:
Искалечат, уничтожат,
Только немец дай приказ.

Мать велит убить фашисты,—
Убивай, не прекословь...
*Коллаборационисты**,
Полиции — песья кровь!

Любы вам в лихое время
Братьев рабство да резня!
Вы — отрепьевское семя,
Вы — иудина родня!

Горе вам, искарियोты!
Да свершится правый суд!
В Краснодоне патриоты
Тихо вешали иуд.

Будет участь ваша хмурой
За разор родной стране,
И Шкуро заплатит шкурой
Нам в Лефортовской тюрьме!

За мучение героев,
Слезы вдов и плач сирот
Превратиться вам в изгоев,
Только верх возьмет Народ!

* Коллаборационисты (от франц. collaboration — сотрудничество) — лица, сотрудничавшие с оккупационными властями в странах, захваченных фашистской Германией в период 2-й мировой войны.

Но, куда ни прячьтесь, каты,
Где б ни строить новый дом,
Не уйдете от расплаты,
Под землей — и то найдем!

Нет злодеяниям вашим сроку, —
Проживи хоть тыщу лет,
Все одно не будет проку,
И придется дать ответ!

И сполна наградой, слышь-ка,
За измену в час войны
Станет лагерная вышка
Или вышка у стены!..

Через жертвы и лишения
Нам пришлось пройти стократ.
Голод, мор, изнеможение
Знал *блокадный Ленинград**.

Злой зимой, лишенный хлеба,
Многих он похоронил,
И с овчинку было небо, —
Негде брать для битвы сил...

Хлеб везли, но понемногу, —
Кто успел, кто не успел:
*Жизни хрупкую дорогу***
Немцы взяли под обстрел.

Но не взять врагу измором
Революций колыбель!
Далеко фашистским сворам
Суждено бежать отсель!

Город жил и не сдавался
Девятьсот почти что дней
И победой увенчался,
Духом, доблестью сильней!

Той порою рвались фрицы
Путь по Волге перекрыть,
Чтоб рекой судам к столице
С хлебом-нефтью да не плыть.
Если сбыться вражьи планы

* Блокада Ленинграда — осада немецкими, финскими и испанскими (Голубая дивизия) войсками во время Великой Отечественной войны города Ленинграда. Длилась с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 г.

** «Дорога жизни» — единственная военно-стратегическая транспортная магистраль через Ладожское озеро, связывавшая с сентября 1941 по март 1943 блокированный немецко-фашистскими войсками Ленинград с тыловыми районами страны во время Великой Отечественной войны.

В отношении реки,
Стали б танки наши хламом,
Не летали б ястребки,

Голодала бы столица,
Как блокадный Ленинград...
Но стеною перед фрицем
Непреклонный Сталинград*!

Оттаскать врага за ворот
У него достало сил,
Не напрасно этот город
Имя Сталина носил!

Были кровь и адский пламень,
Смертный бой в развалах стен...
И нашла коса на камень,
И *фельдмаршал*** сдался в плен!

Двадцать с хвостиком дивизий
Уничтожено в котле!
Никогда таких коллизий
Не бывало на земле!

Был разгром врага ужасным,
Судьбоносным был разгром.
Всем на свете стало ясным:
То — *Великий Перелом*!

В небесах и в поле чистом
Мы сильнее, чем вражья рать;
Будем мы теперь фашистам
Нашу волю диктовать!

С той поры, когда вчистую
Где кого-то разгромают,
Так и скажут напрямую:
Дескать, *полный Сталинград*!

По-английски, по-французски
Это так теперь зовут —
“*Stalingrad*”, почти по-русски,—
По немецкому — «капут».
Богатырский шаг устроим!

* Сталинградская битва — оборонительная (17.07 — 18.11.1942) и наступательная (19.11.1942 — 02.02.1943) операции советских войск во время Великой Отечественной войны. Целью боевых действий советских войск являлись оборона Сталинграда и разгром действовавшей на сталинградском направлении группировки противника. Победа Красной Армии в Сталинградской битве имела решающее значение для победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

** Фридрих Паулюс (1890 — 1957) — немецкий военачальник (с 1943 года — генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом. Автор плана Барбаросса.

Нам вперед, врагу — назад.
Мы еще не раз устроим
Немцам *новый Сталинград!*

Шляхом подвига и правды
От Путивля до Карпат
Вел *Ковпак** свои отряды,—
Партизанский Сталинград!

Сталинградом стали немцу
Днепр и *Курская дуга*** ,
Где лихому иноземцу
Поотшиблены рога!

...Сзади Днестр. И вновь по Пруту
Пограничный столб стоит.
Это не конец маршруту:
Враг бежал, да не добит.

Нам чутók умыться талой
В Пруте мартовской водой,
Перекур как отдых малый,
А потом обратно в бой...

Ждал нас Гитлер с Украины,
Мы ж болотами прошли;
Через гати над трясинной
Даже танки провели.

Все, как нас учил Суворов*** ,
Полководец всех времен.
И из всех стволов сурово
Прогремел «Багратион»**** !
Змея бьет советский витязь.
В Беларуси, ворог, сгинь!

* Сидор Артёмьевич Ковпак (1887 — 1967) — командир Путивльского партизанского отряда (позднее — Сумского партизанского соединения, еще позднее — 1-й Украинской партизанской дивизии), член ЦК КП(б) Украины, генерал-майор. Дважды Герой Советского Союза.

** Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 года; также известна как Битва на Курской дуге) по своим масштабам, задействованным силам и средствам, напряженности, результатам и военно-политическим последствиям является одним из ключевых сражений Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. После завершения битвы стратегическая инициатива окончательно перешла на сторону Красной Армии. Битва за Днепр — ряд взаимосвязанных стратегических операций Великой Отечественной войны, проведенных во второй половине 1943 года на берегах Днепра. В ходе операции значительные силы Красной Армии форсировали реку, создали несколько стратегических плацдармов на правом берегу реки, а также освободили город Киев. Битва за Днепр стала одним из крупнейших сражений в мировой истории.

*** Александр Васильевич Суворов (1730 — 1800) — русский полководец, один из основоположников русского военного искусства. Генералиссимус российских сухопутных и морских сил, кавалер всех российских орденов своего времени, а также многих иностранных военных орденов Национальный герой России, не потерпевший ни одного поражения в своей военной карьере (более 60 сражений).

**** Белорусская наступательная операция «Багратион» — крупномасштабная наступательная операция Великой Отечественной войны, проводившаяся 23 июня — 29 августа 1944 года. Названа так в честь российского полководца Отечественной войны 1812 года П.И. Багратиона. Одна из крупнейших военных операций за всю историю человечества. В ходе этого обширного наступления была освобождена территория Белоруссии, восточной Польши и часть Прибалтики и практически полностью разгромлена германская группа армий «Центр». Вермахт понес тяжелейшие потери, отчасти из-за того, что А. Гитлер запрещал любое отступление. Восполнить эти потери впоследствии Германия была уже не в состоянии.

Получите-распишитесь
И за Минск, и за Хатынь!

*Расступайся, вражья сила**,
Кувыркайся на закат!
Здесь захватчикам могила —
Белорусский Сталинград!

Мощь «*катюш*»** врага сметала.
Мощь врага отныне — тлен.
Триста тысяч фрицев пало,
Вдвое меньше — взято в плен.

Но *союзники**** вначале,
Мол, того не может быть,
Невозможно так, кричали,
Много пленных захватить!

Сталин дым пустил из трубки:
«Убедить придется вас
В том, что мы не шутим шулки...»
И *большой* устроил *вальс*****:

Шесть десятков тысяч пленных,
Чтобы верилось вдали,
Подконвойных и смятенных,
По столице провели.

Произвел фурор немало
Этот сталинский сюрприз:
Гитлер с этаким «бала»
Трое суток локти грыз.

И воскликнула планета,
Видя этот окорот:
«Да, сильна Страна Советов
И велик ее Народ!»
А потом аж пол-Европы
С боем наш солдат прошел,

* Парафраз песни «Гром орудий раздавался, //Вражья сила расступайся» из к/ф «Адмирал Ушаков» (режиссер М. Ромм, «Мосфильм», 1953 г.), муз. А. Хачатуряна, сл. А. Суркова.

** Катюша — появившееся во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. обиходное название бесствольной системы полевой реактивной артиллерии — гвардейского реактивного миномета. Такие установки активно использовались Вооруженными Силами СССР во время Великой Отечественной войны.

*** Основными союзниками СССР во 2-й Мировой войне были Англия и США.

**** Большой вальс — марш по Москве пленных немцев, захваченных в ходе операции «Багратион» летом 1944 года. Некоторые зарубежные издания того времени ставили под сомнение реальный масштаб советских побед летом 1944 года. Для того чтобы продемонстрировать другим странам значимость успеха, 57 600 немецких военнопленных, захваченных возле Минска, под конвоем провели по улицам столицы. Среди них было 1227 пленных с офицерскими и генеральскими званиями. 19 генералов, а также полковники и подполковники шли в оставленных им орденах и форме. Широко освещаемый марш десятков тысяч пленных произвел неизгладимое впечатление на москвичей и всех союзников, продемонстрировав советские военные успехи во второй мировой войне и неизбежность скорой победы.

Гроб забить фашизму чтобы
И загнать в могилу кол.

Наше дело справедливо:
Только стаяли снега,
Били в хвост и били в гриву
В самом логове врага.

...Под прицелом тысяч взоров
Купол здания — рейхстаг! —
И *Кантария, Егоров**
Водружают алый стяг!

Гордо Флаг Победы реет:
Неприятель побежден!
У подножья Мавзолея
Сотни вражеских знамен...

Год за годом мы сходились
В драке насмерть рать на рать
И в сражениях учились,
Как фашистов побеждать.

Нелегко далась наука,
Но весною брал Берлин
Легендарный маршал Жуков,
Коммунист, крестьянский сын!

(Продолжение следует)

* Знамя Победы над рейхстагом водрузили сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария 1 мая 1945 года.

Игорь Мельников
(г. Тула)

СЛОВО

Если бы слово являлось оружием —
Саблей, гранатой, лавиной огня,—
Вы бы пришли и его обнаружили,
И в кандалы заковали меня,

Чтобы не требовал я справедливости
И не спешил за нее воевать.
Дали бы людям, как будто из милости,
Слово-копейку, заставив молчать.

В мире, где часто меняют названия,
Слово упало в цене, но зато
Стало удобнее выбрать молчание.
...Я бы кричал. Не поддержит никто.

ПОЭТАМ НА ЗАМЕТКУ

Ни враги, ни, тем паче, друзья,
Не прощают твое просторечье.
Но не втягивай голову в плечи.
Пасовать средь поэтов нельзя!
Не банально пиши, но легко.
Применяй всевозможные «измы»,
Но без грязи, без идиотизма.
А маразм? Он еще далеко.

РЫЦАРЬ

Я рыцарь — Забывший Об Отпуске!
Куда там старик Дон-Кихот!
Я взапуски бегал, и лопасти
Меня отправляли в полет

Над мельницей, речкой и рощицей.
Опомнишься — вновь на ногах.
Я слыл сценаристом песочницы,
А был — рифмоплетом в полях.

Душевные раны растравливать
Меня надоумила жизнь.
Доспехи Поэзии старые —
По нраву и впору пришлись.

Покамест я буквою каждою
И бредил, и бредить хотел,
Другой Архимедом расхаживал.
Он цифры, как хлебушек ел.

И он — прагматичный и правильный.
А я не такой, ну и что?
Я рыцарь и клоун отчаянный!
Наивно? Но честно зато.

* * *

Никакой тоски.
Только тишь да гладь,
Что страшнее тоски любой.
Как легко себе самому солгать
И не спорить с самим собой!

Если ты из тех,
кто себе не врет,
То не можешь не взять в расчет,
Что тебя давно здесь никто не ждет
И на ужин
не позовет.

Ты стучишься в дверь
и в окно кричишь,
Но нигде не найти причал.
Отомстить бы всем,
но опять простишь,
Как уже сотню раз прощал.

«Люди, я же — свой!
Люди, я же — ваш!»
Не работает твой пароль,
Где за деньги все,
где все баш на баш.
Значит, братец, платить изволь!

Никакой тоски,
но сжимает грудь
Недостаточность правды сей.
И, наверно, есть
в этой правде суть.
Только как уживаться с ней?..

* * *

Все доказано когда-то.
По монарху и корона.
Даже шик и блеск Мюрата
Не затмил Наполеона.

Доросли до генералов
Необычные солдаты.
Не снискали люди славы
Отравляя жизнь Сократа.

Рвет рутина наши стяги,
Но стихи, как в марафоне,
Побежали по бумаге.
Суeta их не догонит!

Все запутано и просто:
Тут — серьезность, там — комичность.
Хочешь личностного роста? —
Сам живи и философствуй!
...Если ты, конечно, личность.

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Наш постоянный автор, известный русский поэт, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Вашу спесь заводит — не унять —
Правда строк почти что до истерик,
Что умом Россию не понять,
Что аршином общим не измерить.
Коль Россию видеть не из нор,
Не глазеть лукавою лисицей,
То какой тут может взяться спор
О четверостишии провидца...

* * *

Меня научило
Армейское: есть!
Всей шкурой своею
Понять — кто я есть.
И эту науку
Постиг я, когда
Зубами в снегах
Оголял провода.
Чтоб связь обеспечить...
Иль в сонмище, звезд
Шел в лютый мороз
На доверенный пост.
И там средь ангаров
Ударных стихий
Читал о весне
Мирозданию стихи.

* * *

И орем: вперед!
И вопим: атас!
На кону — игра
Или смертный час...

Собираться всем
Под одной трубой
Со своим путем,
Что зовем судьбой.
Не уйти в отрыв,
Не отстать от ней
До финальных дней,
Покаянных дней...

* * *

Как-то тоскливо,
Очень тоскливо
среди лимузинов
с гламурным отливом.
Необъяснимо
чужой для души
шорох изящный
заморских машин.
Там за кольцом
пристоличных огней
села буксуют
среди черных полей.

РОБЕСПЬЕР

Бредил он в пустом дворцовом зале.
Мозг сжигало мировое зло.
И ревела гневом притязаний
Площадь сквозь оконное стекло.

День и ночь стучали гильотины.
К ним своих приставил палачей.
И летели в черные корзины
Головы пройдох и богачей.

Но живуче каиново племя.
В молотилке чрезвычайных мер
Тают силы и уходит время...
Что же с ними делать, Робеспьер?..

* * *

Осточертели умные трактаты —
Нелеп любой прогноз, любой расчет.
Судьба, как заминированный танкер
По водам неизвестности плывет.

Над головою каркают вороны...
Плевать на них.

Ну, а когда рванет,

Ты будешь жить
с душою обожженной,
Коль умереть тебе не повезет...

* * *

Поймалась птица,
и крылом
О злую проволоку била.
Кричала жалобно,
молила
Невиноватая ни в чем.
Ловили мы
щеглов, чижей,
А тут она —
не в том размере...
И трепыхались средь ветвей
Ее малиновые перья.
На этот крик
рванули вскачь
Беднягу
тут же отпустили.
Но этот
резанувший плач
Из детства —
до сих пор он в силе...

* * *

Те пацаны пятидесятых,
Как все, любили эскимо,
Но и умели восторгаться
Котовским, Щорсом и Камо *.

Героев каждый жест был дорог...
А нынче их поносят вслух
И толстопузый политолог,
И ушлый кандидат наук...
Но наш, но новый мир построим.
И к цели праведной пройдем...
Герой останется героем.
Дерьмо останется дерьмом.

* * *

Судьбой истрепан и изранен
Забудешься, как за вином,
Ты в этом утреннем тумане
Руси осенней за окном.
Вагон скрипит.

* Котовский, Щорс, Камо — герои гражданской войны

Гремят колеса.
Диктует волю магистраль.
Туман. Разъезды. Жизни проза.
Тысячелетняя печаль.

КВАЗИМОДО

Собор. А над собором — стриж.
Красотка-грешница под крышей.
Ее хотел казнить Париж.
Ты не отдал ее Парижу.

В тебе любовь прошла огнем.
Хоть и не знал такого слова,
Сравнятся ли с тобою в нем
И Дон Жуан и Казанова?

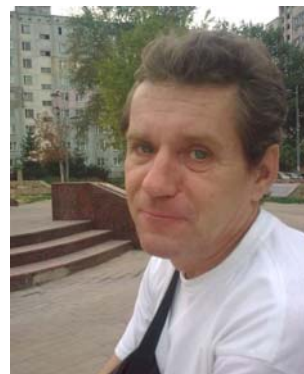
НАПОЛЕОН

В саях субтильных
Почти что игрушечных,
В шубу закутавшись до бровей,
он убегал —
мастер выпадов пушечных,
гений прорыва чужих батарей.
Русские дали —
ни хиханьки-хаханьки...
И проносясь средь заснеженных рвов,
не понимал —
покоренная Африка
уж никогда не согреет его.

Виктор Иванов
(г. Тула)

СТИХИ

Родился в 1962 г. в городе Череповце Вологодской области. В 1989 г. переехал в Тулу. В 1994 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор сборника стихов «Я выхожу на Свет».

* * *

Сделан день! И по-прежнему все в шоколаде,
А не только зефир. Ах, какой был зефир,
Когда свататься я приезжал при параде,
На получку шикаря, что аглицкий сир.

Ах, какой был зефир! Настоящий! Советский.
Жаль, забыл я давно тот изысканный вкус.
Жаль, давно не пишу так наивно, по-детски
Про сиянье очей и про трепетность уст.

Я сегодня согласен, все циники правы:
Хлеб насущный нужнее стихов о любви...
Только...

Даже зефир той великой державы
Вкусом денег испорчен теперь. Се ля ви.

«ПОКАЙТЕСЬ!»

Вот Павел пред судом Ареопага...
Как фараон под крышкой саркофага
Столетия свой не меняет вид,
Так мумия империи лежит —

Беспрекословна, непоколебима,
Стальными легионами хранима
От собственных рабов и от чужих,
Обожествляя цезарей своих.

Апостол Павел на холме Ареса.
И речь его, что в пятку Ахиллеса

Вонзенная стрела Париса. Что ж?
Захватчик на поверженных похож.

Афины, мир унизив до провинций,
На лаврах загнивает Рим за «vici».

Уже случилось Господа распятие.
А варвары... они еще в зачатъе.
Еще уверен Рим в самом себе,
Афины — не пример его судьбе.

Тьма идолов: божков и человек —
Пародия на покоренных греков.

«Покайтесь! Время!» — Павел восклицал.
Смеялась вся империя...
Рим пал.

БЕРЕЗЫ

Над понюхавшим порох болотом,
Над трясиною мата и слез
Вдруг раскинул Господь (или кто там?)
Кроны трех уцелевших берез.

Сатанел вой стальной и чугунный...
Чуть подернуты ранней листвою,
Возвышались, по дерзкому юны,
Три березки весной над войной.

Лист берез — на войну похоронка.
Но, от боли и страха белы,
Молча вздрагивая от осколков,
Соком плакали их стволы.

То небесные Ангелы в белом
Поспешили на землю сойти,
Чтоб под утренним артобстрелом
Наши души в шинелях спасти.

А снаряды пахали болото,
Чтоб хватило нам вдоволь и впрок.
И вдыхала неполная рота
Полной грудью березовый сок.

В ВАГОНЕ

Нырнув под рельсы, кривая тропка
От суеты городской бежит.
О стекла месяц звенит, как стопка,
И звездный хмель небеса пьянит.

Кому привычно — кому-то ново
Тоску вагонную пить до дна.
Ронять раскованно к слову слово
Курносой спутнице у окна.

Все перепуталось — это в прошлом,
Дорога рубит шутя узлы.
Пора задуматься о хорошем.
Все сожаленья глупы и злы.

О чем жалеть? О прошедшем поздно.
О том, что будет — какой резон?
И в стопку месяца льются звезды,
И звонким смехом дрожит вагон.

АРТИСТ

Вечер концерта, дрожанье кулис.
Твердость руки проверяет гитара.
Молча на сцену выходит артист.
Самозабвенно и с верой Икара.

Ваши мне чувства на сцене играть.
Сердце раздеть, согревая чужое.
Господи, дай мне в игре не солгать!
Дай раствориться в гитарном настрое.

Сердце ужалит прожектора свет.
И, обожженное новою болью,
Из заточения прожитых лет
Вырвется сердце артиста на волю.

Чтобы опять нанести себе шрам
До откровенья отточенной песней,
Чтобы по нотам в мелодии храм
Снова подняться со зрителем вместе.

ПЕРСОНАЛИИ ТУЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Игорь Титков
(г. Тула)

PERSONALIA

МОЙ ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД

(Парафраза на темы Гюго из книг 1848, 1853 гг.)

Toi, vertu, pleur, si je meurs!

Andre Chenier

Друзья, прощайте — этой ночью
за мною Смерть захлопнет дверь.
Расчет тирана прост и точен:
когда же, если не теперь,
когда еще искать отмщенья
и будет ли подобный шанс —
я не скрываю восхищенья —
какой удобный выбран час:
когда юстиция бессильно
от трупных язв отводит взор;
когда один закон всеилен:
ты с нами, значит, ты не вор;
когда «пииты» лгут народу;
когда продажная печать
любым правителям в угоду
готова день и ночь кричать,
как хорошо живется людям
в истерзанной ворьем стране;
когда бездарность торжествует,
а Гений чахнет в стороне;
когда фанфары не смолкают,
зато безмолвствует народ;
когда народом помыкают
за часом час, из года в год
ловцы фортуны — фарисеи,

смеясь и плюя на него;
когда в блудливую идею
превращена мечта его.
Прощайте — в час перед рассветом
за мною Смерть захлопнет дверь...
когда же убивать Поэтов,
как не теперь!

«КОРОЛЬ В ИЗГНАНИИ»

Вдали от Родины
на солнечном песке
так хорошо
лежать —
хоть трезвый ты, хоть пьяный —
и сознавать
в надуманной тоске,
что ты герой.
Герой,
но только
с раной.

НОСТАЛЬГИЯ

Ты веки подкрасила сине
и взор утопила во мгле, где запах дождя и жасмина
застыл сладковатым желе.
Когда же проснувшийся ветер
раздует лампаду зари,
ты вспомнишь о «бедном поэте»,
вздыхнув: Le printemps de Paris.
И сочно-янтарные пряди
отбросив с мерцающих глаз,
наивно, смущенно, не глядя,
прибавишь: Совсем как у нас.
— У нас — это где же? В Париже?
— У нас — это значит в Москве.
И гневные нотки я слышу
в исконно российской тоске.
И, страшный холодною синью,
ты взор утопила во мне.
Я, сильный, большой и красивый,
зарделся в апрельской заре.

P.S.

Когда-нибудь вернемся мы с тобой
под сень ветвей отеческой березы,
и оживут мучительные грезы,
и будет день, от счастья золотой.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я слушал биение сердца
любимой в ночной тишине,
и словно незримая дверца
неслышно открылась во тьме.
Оттуда донесся гуденьем
далекий задумчивый гром,
и призрачно странным виденьем
вдруг все озарилось кругом:
мне виделось, я, бессловесный,
стою у развилки дорог,
а рядом священник безместный,
а, может, библейский пророк.
Я слушал его замирая,
а он все твердил как урок,
мол, хоть на окраине рая
найдем и тебе уголок.
Еще он сказал на прощанье,
что я буду свободен и счастлив,
только низкие тучи кричали
мне о близком и долгом ненастье.
Попугай или ангел — не помню, —
на плече его сидя, мне «Ave!» —
прокричал, и увидел я с болью —
взор его полон тьмою кровавой...
Неслышно незримая дверца
за ним затворилась во тьме —
я слушал биение сердца
любимой в ночной тишине.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Живая птица на холсте невыносимо
В тяжелой раме твоё тело онемело
И Назарянин на кресте в немом бессилье
Развел руками: ты вот этого хотела?
Живая птица не летит необъяснимо
Живая птица для чего все эти муки
С холста с отчаяньем глядит несовместимость
Боязнь разбиться и предчувствие разлуки

У ЗАБЕЛЕННОГО ХОЛСТА

Все размыто, разбито — пятно на пятне —
не найти, не узнать прежних линий и красок,
вижу только вопрос на немом полотне:
Неужели напрасно, напрасно, напрасно?..
Здесь вот были глаза, в них под тенью ресниц
на единственный миг задержалось сознание

превосходства натуры над скопищем лиц,
праздных лиц, праздных лиц недостойных ваянья.
А теперь все разбито — пятно на пятне —
не найти, не узнать прежних линий и красок,
и наивный вопрос не смолкает во мне:
Неужели напрасно? Напрасно, напрасно...

НА ОКРАИНЕ РАЯ

Я бежал сквозь белый сад,
майский сад, райский сад,
скрипки плакали не в лад,
невпопад, невпопад
над моею головой —
что за визг, что за вой:
Со святыми упокой,
упокой, упокой!
И обрывки чьих-то слов,
странных слов, страшных слов
словно ветром донесло:
Это явь, а не сон.
Только где же ты, мой сад,
райский сад, майский сад?
Только скрипки голоса,
голоса, голоса.
Да осколки чьих-то слов
стаей сов, сворой псов
таки и вгрызлись мне в весок:
Это явь, а не сон...

ПАРАФРАЗА НА ТЕМУ А. ВЕРТИНСКОГО И РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ «ДЕВОНЬКА»

Девонька милая, девонька славная,
девонька, радость моя,
если б ты знала, моя ненаглядная,
пусто мне так без тебя.

Пью, моя девонька, пью, моя милая,
это дрянное вино...
мысли проклятые, неистребимые —
Счастья нам не дано.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Сердце хочет ласки, сердце хочет грусти,
сердцу не откажешь и не объяснишь,
что бывает время, когда в мире пусто —
смотришь и не веришь, плачешь и молчишь.
Плачешь не от ласки, плачешь не от грусти,

плачешь, потому что не о ком грустить.
И живи, как хочешь — хуже или лучше —
все грехи отпустят.
Некому простить.

(Собственно на этом все и кончается)

В ГОСТЯХ У РОДИНЫ-2011

Родина помнит, только не любит

Автор

Вот и приплыли
к берегам родным,
«под сень ветвей отеческой березы»,
но не ожили сказочные грезы
и день не стал от Счастья золотым.

ОЗИРАЯСЬ ПО СТОРОНАМ

1

Милые, рассеянные россияне,
смягчавшие некогда «Дэ» в слове «дверь»,
что же случилось, родимые, с Вами —
где Вы теперь!

2

Спит Россия, а над ней
небосвод высок и светел,
меж березовых ветвей
бродят звездные медведи.
Спит Россия, грез полна,
и резвятся дети-воры ...
Ох, проснется же она
и себя увидит голой!

МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВОД

из «Парижского листка» 1793 г.

Напрасно спорил Робеспьер
с Дантоном и Маратом —
враги внутри, враги извне —
бесплодные дебаты.
Когда б без пушек, гильотин
они на мир смотрели,
они б узнали: враг один —
их депутат с портфелем.

У БЫВШИХ ДРУЗЕЙ

Не прогнали, но предали

Автор

А в бедной России все те же вопросы
и звезды все те же на небе России.
Дома словно люди гигантского роста
к ним тянутся.
Тянутся в жалком бессилье.
Дома-проститутки, дома-попрошайки,
куда вы! — вам внутренность выгрызли мыши,
и кот — мой знакомый из мартовской шайки —
смеется над вами и гадит на крыши.
Он видел, слоняясь по вашим квартирам,
оглохшим от гула утробных урчаний,
и ванны с шампанским, и случки в сортирах —
вы так одичали! Вконец одичали.
Дома-лицемеры, дома-лизоблюды,
я рад, что вам внутренность выгрызли мыши,
я рад — может, рухнут жилища Иуды.
Да здравствуют кошки, что гадят на крыши!

КРОВАВАЯ МЭРИ

«Ты спятил, хирург,— нам сюда еще рано —
здесь морг». — «Ну и что — не поднимешь стакана?
А, может, боишься? Ну, знаешь ли, глупо:
мы с теплою кровью, а все-таки трупы.
Что жизнь без Свободы! Не жизнь, уж поверь мне.
Сто граммов Свободы, Кровавая Мэри!»
О, как обжигает последние нервы
сухой поцелуй проспиртованной стервы.
И это Свобода! Покуда не поздно
скорее на воздух! На воздух, на воздух!
Но крепко забиты и окна, и двери —
мы в склепе. Мы в склепе! Кровавая Мэри

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С РЕВОЛЮЦИОНЕРКОЙ НЕПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА

*Дворники из всех пролетариев —
самая гнусная мразь.*

М. Булгаков

«Кто был Ваш друг, что так легко и смело
своей рукой Вам записал в альбом:
«Сперва делили так: «на красный, белый»,
на «белые и черные» — потом», —
я Вас спросил по-детски опрометчиво —
такой вопрос Вам задан был тогда:
пылала лампа, вился дым колечками...

Но Вы смеетесь: это не беда.
И резко отзываетесь о дворнике —
он вместо «здрасьте» говорит «привет».
Бредут куда-то маленькие слоники
по кружевам не уходящих лет.

ЮНОЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРКЕ

*Нине
Я завладел твоей душой —
и что мне делать?*

Автор

1

Мне стыдно от того, что Вы, наверно, правы:
мы жили и живем, ленивы и глупы —
полжизни «на потом» и столько ж — на забавы,
не видя в том беды, не чувствуя вины;
и грустно от того, что Вы еще с пеленок
не приняли одних, едва узнав других;
и горько от того, что Вы еще ребенок,
а больше от того, что я для Вас — старик.

2

Ей так хотелось объясниться!:
«Ты знаешь, это все, как сон».
А мне хотелось выйти вон,
напиться или утопиться.
Но, если «это все, как сон»,
пусть сладок будет он и светел,
ведь Жанны д'Арк — совсем, как дети,
я отвечал ей в унисон.
Игрою снов, игрою слов,
игрою чувств над головою,
игрою, все живет игрою.
Мы — самый резвый из миров.

ПЕРЕД ОТЛЕТОМ

Если в правом полушарии день,
значит в левом полушарии ночь.
Можно тень наводить на плетень,
можно воду в ступе толочь,
лишь бы вытолкать правду взашей.
Но не дрогнет небесная твердь
и названия не изменят вещей,
если дрянь, так будет дрянью и впредь.
Можно тень наводить на плетень,
можно воду в ступе толочь —

только в левом полушарии день,
если в правом полушарии ночь.

P.S.

*Наивысшей добродетелью я считаю
способность к недоверию*

М. Робеспьер

— О, доблестный воин, твои золоченые латы
крепки и горячего солнца полны,
и конь твой достоин любой похвалы и богато
седло. Из какой ты пришел стороны?
— Я был в Палестине, спасал христианскую веру.
Три лета назад мы, оставив родные места,
щиты искрестили и, приняв обет тамплиеров,
дрались с Саладином за гроб Иисуса Христа.
— О, доблестный воин, три лета назад в самом деле
вы здесь проходили — убог и печален был вид
идуших с тобою. А гроб защитить вы сумели?
— Что гроб? Я не знаю, наверно, на месте стоит.

* * *

*Родился в Туле в 1953 году. Но это и мне неинтересно. И всю последующую
жизнь с удовольствием боролся с собственной бездарностью; иногда удивленно ра-
дуясь или радостно удивляясь своей гениальности. Но и это неинтересно — здесь я
не одинок. Рифма и ритм понадобились мне только для того, чтобы хоть как-
нибудь организовать или хотя бы упорядочить свою речь. Писать романы я так и не
научился, да что-то и не хочется. Я люблю их переживать. Какими бы они ни были.
Я не боюсь быть неправильно понятым или вообще непонятым. И это — главное.
А вот теперь думайте, думайте, думайте! Обо мне. Все что вам вздумается. Денно
и ночью, тайно и явно, повсеместно и неустанно.*

Александр Хадарцев
(г. Тула)

PERSONALIA

НАВАЖДЕНИЕ

Наваждение — не только в день рождения.
Это — настоящесть прошлых дней.
Это — добрых мыслей воскрешение
в новогодье елочных огней...

Чувства недосказано-щемящие
в юбилейном хороводе дат,
как снежинки медленно парящие,
никогда не затуманят взгляд.

Наваждение — и в семьдесят — видение,
что по нашей памяти скользит.
Время не прощает не свершения.
Только сердце бешено стучит...

СНЕГ В ЧЕХИИ

Снег в Чехии — не то, что снег в России.
Брусчатку он слегка припорошил.
Как будто сыром тертым натрусили,
а больше сыпать — не хватило сил.

Стыдливо солнце в поднебесье стыло,
стараясь осветить, а не согреть.
Но в лобби-баре не было уныло,
хотелось что-то важное узреть.

Ах! Да. Был накануне установлен
здесь Санта Клаус, чешский дед Мороз.
Он к снегопаду явно подготовлен,
одет в меха надежно и всерьез.

Рождественская елка встала рядом
в снежинках вся и в праздничных шарах.

Поэтому природе было надо
посеять снег в долинах и горах.

Но в кризисе — и снега не хватило,
чтобы прикрыть проспекты и дома.
Рассыпали все то, что только было,
а, значит, не отменится зима!

ГЕЙЗЕР

Обуздали гейзер, обуздали,
приструнив металлом кипятилок!
В колпаке стеклянном закатали,
не пуская к небесам поток.

Он из недр плюет подземным жаром,
брызгая сквозь водяной туман.
Ток воды бежит по трубам старым,
наполняя жаждущим стакан.

Где-то в раскаленном подземелье,
в минеральном варочном котле
варится невиданное зелье
для курортов чешских на земле...

Гейзер прорывается наружу,
небо с пеклом воссоединив,
уравняв в правах тепло и стужу,
страждущим здоровье подарив.

Так и мы, бывает, горячимся,
изнутри — вовне раздув пожар.
Но, подумав, перевоплотимся,
выпуская в небо лишний пар...

Обуздать себя — совсем не просто.
Легче — гейзер заковать в металл,
В юбилей мы не верим тостам,
нам сулящим шаткий пьедестал!

Бронзоветь по жизни — не пристало!
Покраснеть — так только от стыда!
Истин соль найдем на дне бокала,
будь вино в нем, или минвода...

Как и гейзер — рвемся непрерывно
сквозь препятствий неизбежных зло...
К небесам стремимся, как ни странно,
излучая нужное тепло...

КАРЛОВАРСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Больному разве много надо?
Коль водный сходится баланс,
ему поможет «Колоннада»,
здоровью предоставив шанс.
В халатах белых привиденья
по коридорчикам снуют,
прося для тела обновленья,
да от врачей бумажек ждут,
в которых процедур чередность:
подколок, ванн и ЭКГ,
где вод тепло или холодность,
и даже есть на букву «г».

Температура вод горячих —
за семьдесят, бывает, прет...
Но это — ничего не значит!
Их пьет болезненный народ.

Ворчит девчонка: «Напахалась
я на работе в этот год.
Сил на здоровье не осталось,
а здесь оно, глядишь, придет!»
С ней рядом старичок усатый,
лет в шестьдесят, как видно, стаж.
Быть может, ждет столетней даты,
на горб взвалив годов багаж.
С девчонкой в ногу он шагает,
и с виду — не устал ничуть.
Он ей по-взрослому внушает
леченья благостную суть.

Глядят подружки с восхищеньем
на блеск сверкающих витрин,
не мучая себя сомненьем.
Их путь: с панели — в магазин.
Вот старый хрыч в кроссовках новых
с женой красавицей идет,
хромать полквартала готовый,
но от подагры — не уйдет!

Те — с кружечками ковыляют
к источнику, чей номер — шесть...
А те — своим друзьям внушают,
что номер восемь — это «жесть»!
Напившись, с мутными глазами,
сортира не найдя нигде,
лечение продолжают сами,
штурмуя в номерах «биде».

Всеобщих мыслей помрачение
внушает карловарский дух.
Ведь без мученья — нет леченья!
Здоровье — то же есть недуг!

ПАМЯТНЫЕ ДОМА

*На стене отеля «Колоннада» в Карловых Варах,
на латунном диске, под профилем Н.В. Гоголя
есть надпись — «Здесь жил Н.В. Гоголь в 1845 году»*

Мудрый Гоголь Николай Васильич,
профиль ваш узнать не трудно мне!
Вы таки удачно приютились
в «Колоннаде», прямо на стене.
На латунном диске профиль резкий:
острый нос, и усики под ним,
да волос сплошная занавеска,
да язык, не ставший вам чужим.
Было это в позапрошлом веке.
Так же лился водами Карлсбад.
Их усердно пили «человеки»,
от здоровья требуя наград...
Те же воды, что и на Кавказе.
Только горы — меньше и светлей.
Воздух в легких мечется в экстазе,
предвещая чей-то юбилей.
Нынче карловарские снадобья
«Бехеровкой» травной отдают.
Мысленно прибавится здоровья,
если есть питание и уют.
Вдалеке от суетной России
разный собирается народ.
Эти — от работы откосили...
Тех — необходимый отдых ждет.
Здесь встречаю друга Николая.
Он — не чех, но все же старожил.
Карловарский сервис получая,
звание «бристольца» заслужил.
Он освоил здешние угодыя.
(Гоголь это сделать — не сумел.)
Полников — не знает непогодья,
отдалившись от бессчетных дел.
Круг латунный будет на «Бристоле»
«пришпандорен» нами на века:
«Здесь всегда живут Наташа с Колей,
здесь Россия — Чехии близка»

НЕТ БОЛЬШЕ В ЖИЗНИ БРЕМЕНИ, ЧЕМ ЖИТЬ ЗАКОНОМ ВРЕМЕНИ!!!

Восточный календарь идет от Будды,
животным подарившему года.
Змеиный год, проблем создавший груды,
безмолвно уползает в никуда...

Год Лошади идет ему на смену —
в немолчном ржанье, в цокоте копыт,
суля рутинной жизни перемену
и то, что джокер* жизни будет бит!

Для нас рутина — ворох потрясений,
ложь обещаний, денежный обвал,
жовто-блакитный прапор столкновений,
и чей-то, вновь творимый пьедестал!

Пусть будет битым «джокер жизни минус»!
Пускай найдется «джокер жизни плюс»!
Нельзя Россией торговать на вынос,
влача с собой ошибок прошлых груз!

Пусть лошадь будет белой, черной, синей!
Но пусть она приходит в каждый дом
богатой, сильной, праведной Россией,
с историей, которую поймем!

Пусть будут изобилие и радость!
И никогда — фонтанов горьких слез!
С подковой счастья — пусть пройдет усталость!
А детям — улыбнется Дед Мороз!

Подарками мы станем друг для друга!
Коней дареных подошел черед!
Пустив ведро шампанского по кругу,
вступаем в Новый, Лошадиный Год!

* * *

От вдохновенья до творенья
порой проходит только миг.
Нет времени на удивленье,
когда в уме слагаешь стих.

Он сам, скорей всего, приходит,
как неизбежный результат.
В грядущий день тебя уводит,

* Джокер — (англ. *joker* — шутник) фактор, возникающий внезапно и меняющий вектор состояния системы. Правила, по которым работает система, выходя за пределы стационарных режимов.

и вновь глаза твои горят
огнем великим созиданья,
в котором будущность миров —
не терпит сроков ожидания,
и ты тотчас на все готов!

Вот только здравый смысл приходит,
водой холодной оросив.
И в мир реальности уводит
благословенья не спросив...

Владимир Сапожников
(г. Тула)

PERSONALIA

НЕБЕСНЫЙ АНГЕЛ

Кружится снег над белым городом,
И улетаёт в никуда...
Когда-то все мы были молоды,
И не страшили нас года...
Мы жили, верили, надеялись.
Теряли голову порой...
Но все ушло, как снег, развеялось,
Воздалось каждому судьбой.

Короток срок снежинки тающей,
Короток нашей жизни век...
Парит, летит во тьме мелькающий
Небесный ангел, а не снег.

НАСТРОЕНИЕ

Вновь пробуждение души...
Скажите, что это такое?
И небо — звездное, немое
Уперлось взглядом — не дыши!
Деревья гнутые стоят,
Мелькнет снежинка на мгновенье.
И распростерлась лунной тенью
Моя душа, как зимний сад.
Она ветвится по земле
То коротка и быстротечна,
То так длинна и бесконечна,
Как память прошлого во мне.
Она неслышна, словно звук
Всех чувств, нахлынувших неожиданно...
И ночь обманчива, желанна,
Как продолженье чьих-то рук.

ТРИ ДЕРЕВА

Рябина желтая
 с багряной челкою
Стоит осенняя,
 молчит неловкая...
Чего печалишься,
 играя красками?
Обидел кто чужой —
 свой друг — неласковый?
Да, осень ранняя
 накрыла стужей,
Любовь нежданная
 нашла замужнюю...
А клен загадочно
 все шепчет нежное,
Рябины веточки
 затронув бережно.
Так и стоят они
 рядком — но разные,
Меж них березонька —
 жена несчастная...

ГАГАРИН

Разверзнув просторы Вселенной,
Взорвав, надломив высоту,
Он вырвался в космос мгновенно,
Он первым узрел красоту
Планеты родной и далекой...
Не дрогнул, когда отказал
Металл от нагрузки высокой —
Вручную корабль приземлял!
Родился в смоленской деревне,
В войну знал фашистов живьем...
Он был из того поколения,
Которого уж не вернем...
И ахнул весь мир в изумленье,
Увидев в улыбке азарт!
Гагарин — космический гений,
Позвавший Россию на старт!
Промчатся года и столетья...
Другие уносятся в даль...
Но помним триумфа мгновенья,
И скорой потери печаль...

* * *

Всесильно женщины тепло.
Оно спасет того, кто тонет,
Печаль в душе мужчин разгонит,

Развеет лишь оно одно.
Ночь обернется ясным днем,
И боль в улыбку превратится,
И мысль — крылатая, как птица,
Взовьется солнечным огнем.
Все встанет на свои места,
Жизнь не покажется мгновеньем,
Пустой бессмыслицею, тенью,
Что нас преследует всегда.
Усталость сгинет и уйдет.
И силы новые проснутся...
Но ты не хочешь улыбнуться,
В твоих глазах — январский лед.

СНЕГ

Как видно, оттого светло и хорошо,
Что древний город наш снегами замело.
Гляжу в глаза твои — снежинки вижу в них,
Конечно, стоит жить за этот только миг,
За этот чистый снег, что кружит без конца,
За этот теплый снег, что греет нам сердца...

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Одинокая изба на краю деревни,
Невысокое крыльцо, скользкие ступени,
Одинокий старичок, лет не знаю сколько,
Небольшой половичок, печка, стол — и только.
Порыжевший самовар, крепкий чай в стаканах...
Что-то ветер напевал за окном отчаянно...
И иконы на стене. Впалые глазницы,
От которых снова мне до утра не спится.

БЕЗДОМНЫЕ СОБАКИ

Бездомные собаки
 бомжуют поневоле.
Гуляют по помойкам,
 не лают, не скулят,
Живут в подвалах грязных,
 а, может, в чистом поле,
Ничуть не агрессивны,
 с характером ягнят.
К прохожим безразличны
 и смотрят виновато,
Потеряны, как люди,
 попавшие в беду,
Оставленные кем-то,
 забытые когда-то,

Невидимые всеми,
хоть бродят на виду.

* * *

Всплеск поэтический так сладок!
И строчка льется за строкой...
Эпилептический припадок —
И я — хронический больной....

* * *

Рецептов жизни не бывает...
Судьба — как отблеск на стекле
Того светила, что встречает
Нас каждым утром на Земле...

И мы не знаем, что случится
С любым из нас... И каждый миг
В стекла осколки разлетится
Или сорвется в чей-то крик!

Или застынет, как проклятье,
На сотни или больше лет...
Давайте вспомним — все мы братья!
И... сестры — и на много лет!

ПЕРВАЯ НОЧЬ

Я помню — встретились в ночи,
Случайно набрали так поздно...
И слились вместе — хоть кричи!
— Так стало сказочно и звездно...

И словно растворилась мгла,
И свет луны пронизал души...
Казалось, ты перетекла
В меня — и заложило уши...

И губы таяли от чувств...
Мы унеслись во тьму Вселенной...
Ковчег то полон был, то пуст,
Путь долгий пролетел мгновенно...

К утру устали, опьянев
От колких запахов соломы...
Я взрослым стал или... созрел
От ночи той неугомонной...

* * *

Хлынуло бабье лето
Сполохом жухлой травы,

Очарованьем света,
Шелестом желтой листвы,
Этой твоей улыбкой
С теплом костра в глазах,
Радостью и печалью
В ласковых тех словах,
Что прозвучали тихо,
С нежных скользнули губ...
Над золотой березкой
Грустно склонился дуб...

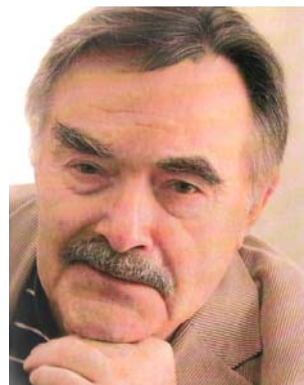
* * *

Поезд, получается, ушел...
Одинокий стыну на перроне...
Ты умчалась в грохоте колес
В том далеком от меня вагоне...

Догоню!!! Машину завожу,
Мчусь во след по трассе, нарушая...
Жму на газ — любого обгоню,
Вдруг, успею... Милая, родная...

Сергей Галкин
(г. Тула)

КРУЖИТ ЛЕБЕДЬ У СКАЛЫ

Автор более десяти книг стихов и прозы, лауреат премии им. Л. Н. Толстого, лауреат премии «Золотое перо Тулы». Председатель Тульского отделения Союза российских писателей. Редактор альманаха «Тула». Составитель многих поэтических сборников.

РУБАШКА (притча)

Когда окончательно слег
Король от коварной болезни,
Советников стало, как блох.
С советами сразу полезли.
И кто-то шепнул королю:
— Здоровьем нальется калека,
Накинув на спину свою
Рубашку счастливого человека.
— Нет прощя! — воскликнул король, —
А чья — не имеет значенья.
Эй, главный вельможа, изволь
Рубашку отдать на леченье.
Тот кинулся в ноги: «Прости!
И думать не смею о счастье.
Но, сир, я свихнулся почти
О Вашей мечтаючи власти».
...К придворным послали гонцов.
Ну что за событие века!
Искали, в конце-то концов,
Рубашку счастливого человека.
Всего-то... где каждый второй
В таком королевстве великом
При радостном слове — король —
Сияет сиятельным ликом.
Но что за череда неудач,
Нелепых случайных сцеплений:
Одним — недостаточно дач,
Другим — дорогих украшений.
— К простому народу скорей!

Простой без претензий и брода...
Но ропот, что стона сильней,
Услышали в гуще народа.
А кто-то, всевидящ, хоть мал,
Владеющий нюхом особым,
Взопревшим гонцам подсказал:
Идите, мол, в горы, в чащобу.
В чащобе живет дурачок.
В дожди ли, в мороз или солнце
Свистит, как сверчок, в кулачок
И вечно от счастья смеется.
Пошли. Отыскали. Нога
Ступала там чья-то едва ли.
— Ты счастлив?
Ответил: — Ага! —
И радостно зубы оскалил.
— Рубашку!.. Спасти короля!..
Иначе не будет поблажки!..
Но что с него взять — дикаря?
Увы, не имел он рубашки.

* * *

Когда просмотрел я
Прощальный твой знак?
Осеннее солнце едва уже тлеет.
А я все твержу про себя,
Мол, пустяк:
Еще потеплеет,
Еще потеплеет.
Морозец траву серебрит по утрам.
Ледок под ногою хрустит и темнеет.
А я утешаюсь, спеша по делам:
Еще потеплеет,
Еще потеплеет.
Укутала вьюга по крыши дома.
Живое на улицу выйти не смеет.
Умом понимаю — настала зима.
А губы все шепчут:
«Еще потеплеет».
У времени нету дороги назад.
Хотел бы солгать,
Да никто не поверит,
Зачем же глаза мне твои говорят:
«Еще потеплеет,
Еще потеплеет...

* * *

«Я был среди мертвых,
Пока не любил...»,
Я знал эту истину,

Да позабыл,
Взмывая с любимой высоко,
И Бог меня только берег и щадил,
И долго прощал,
Но совсем не простил.
И я поплатился жестоко.
Не знаю, какой там
Всемирный закон
В библейских страницах истертых,
Сегодня я снова на дно погружен.
Я мертвый сегодня из мертвых.
Я мертвый,
застывший,
обугленный весь.
Живу, равнодушно взирая.
Но — светит надежда!
И, кажется, есть
Внутри еще жилка живая.

* * *

Июлем дышал сеновал.
В сеновале
Цветочного клевера душная тьма.
И звезды сквозь крышу тебя целовали,
И ты от объятий сходила с ума.
Нет, было не так...
У заросшей канавы,
Где сонный лопух тишину сторожил,
Тебя целовали цветущие травы,
И коршун в сияющей выси кружил.
Ромашка белела на тоненьком стебле.
Сорвать потянулась, но
Слабость в руке...
От неба, от воли
Мы оба ослепли.
И чудом катилась слеза по щеке.
Нет, было не так!
Чья-то ржавая койка,
Бутылка вина и, не помню, пирог
Или ржавая засохшая корка
И — губы! Родные! Сшибавшие с ног.
Все было не так...
Но и так тоже было!
Все блага — за тот неустроенный быт!
Лишь только б в крови
Эта жажда бродила,
Лишь только бы ты
По ночам приходила
Хотя бы во сне,
Когда сердце болит.

* * *

Дремучая ночь и буран-сатана,
Шутя, соблазнила бутылка вина.
Бутылка вина
Да чужая жена
Чужая жена — лихая вина.
Я чуял,
Лишь руки к тебе протяну —
Тотчас поскользнусь
И в беде потону.
Но что за причина,
Губами знобя,
Зыбучей пучиной
Вбираешь в себя.
Рассыпана шпилек забытая горсть,
Как звезды по небу на тысячи верст.
И ветер волос омывает лицо
И пальцы...
На пальце — чужое кольцо!
И петлею душит, впиваясь, вина —
Чужая,
Чужая,
Чужая жена.

* * *

Ты не моя. Ты краденая. Мне
Чужой огонь на пять минут достался.
Пока хозяин мечется во тьме,
Приляг сюда, побудем в тишине.
Я вор, который в лапы не попался.
Но что со мной?
Не чувствую вины.
Тобою я, наверно, сам украден
У вдохновенья, словно у жены,
На век, на жизнь,
А, может, только на день.
Пушай вокруг «Ату! — кричат.— Ату!»
Пушай гремят в округе сапожищи,
Люблю тебя, как ветер высоту,
Хочу тебя, как голодранец пищи.
Кради меня,
Как я тебя краду.
В руках судьбы мы краденные оба.
Мы грешники — в раю или в аду.
Смешали ад и рай с тобой до гроба.

* * *

Пил из ручья, а как бы и не пил:
Опять вся грудь
Внутри горит от жажды...

Любил ли я?
Да, я тебя любил
И мучился, ревнуя, не однажды.
Но почему
Сильней в сто тысяч раз
Любить хочу, как будто было мало
Мне губ твоих,
Твоих безумных глаз,
В конце концов, огласки и скандала.

* * *

Мертвый лебедь у скалы...
А второй все кружит, кружит.
Стеклeneют к ночи лужи,
Камни в инее белы.
Кружит лебедь у скалы.
Слышен моря тяжкий вздох,
Волны стали тяжелы.
Обкричался, изнемог —
Кружит лебедь у скалы.
Снег сыпал,
Колкий, злой...
«Нет любви!» —
Твердили мне.
Но в колючей снежной тьме
Кружит лебедь над скалой.

* * *

Какая женщина ждала меня в Твери!
Был месяц май,
И на лесной опушке
Такие одуванчики цвели,
Как будто кто их выстрелил из пушки.
И женщина ждала меня в Твери!
Но что за жизнь? Замучили дела.
Не выкроить ни часа, ни минутки.
И так — весь май!
А женщина ждала
И под окном сажала незабудки.
Тому терпенью женскому молясь,
Я дал себе подобие обета,
Такой-сякой, я не ударю в грязь,
Поеду к ней, едва настанет лето.
Год проскочил,
Прошел за ним другой...
О, сколько их бесчисленно проходило!
Одно я знал,
Что там, в Твери седой,
Меня когда-то женщина любила.
Быльем порос
Почти безумный бред.

Возврата нет. Состарились желанья.
Но верю почему-то я в свиданье,
Как верят в то, чего на свете нет.

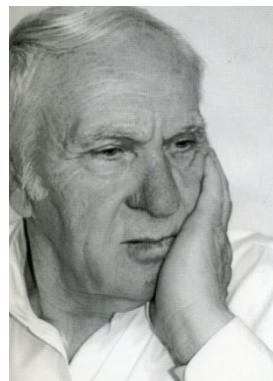
* * *

От тяжести сопя, идут вдвоем.
Веревка режет пальцы...
— Всуньте палку!
Ой, сколько книг!
— Да вот едва несем.
— Куда?
— Куда ж еще теперь несут?
На свалку.
Дед с бабкой накопили. Нету их.
И дом теперь без них неузнаваем.
Уж обойдемся как-нибудь без книг.
Когда читать?
Мы жить на что не знаем.
...Прощайте, Пушкин, Лермонтов, Толстой.
Культура, ты в какие лезешь двери?
На свалку книги!?
Кто же скажет — стой!
Вы что, ребята, вправду озверели?
Осталось только позабыть язык.
Уже не надо шерстью покрываться...
И слышу следом:
— Проходи, мужик!
Язык забыть!..
Нашел чего бояться...

ГОРОДСКАЯ РЕКА

Течет еще... Шевелится пока...
Черней шахтера в просмоленной робе...
Ползком под мост, из-под моста
И вроде
Еще река. Но — мертвая река!
Сплошной мазут.
И черные кусты
Вдоль берегов, облезлые, в мазуте.
Жестянки, хлам,
Травы осклизлой путы,
Бензола ядовитые хвосты.
Смотри, земляк,
Ты не впустил врага,
Родной земли ему не отдал пяди,
Какие же теперь,— свои же... дяди,
Не дрогнув, захламили берега?
...Как будто изнасиловали мать,
А ты боишься руку ей подать.

Виктор Пахомов
(г. Тула)

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры РФ, академик Петровской академии наук и искусств, почетный гражданин города Тулы

МУЖИК

Спрос за все лишь с мужика
И совсем не к слову.
Запрягал коня, быка,
Даже и корову.

Весь в поту, не просыхал
От трудов и зноя.
И пахал, пахал, пахал
Полюшко родное.

А его не оглядеть,
Не окинуть взглядом.
Было легче умереть
С бороздою рядом.

Не нова жизнь, не стара.
Жили. Упирались.
Сохи, плуги, трактора —
И они ломались!

Непригляден, невелик,
Вроде инородца,
Но кормильцем был мужик.
Был и остается!

Все бывало на веку
Жить нельзя без хлеба.
Так поставьте мужику
Памятник до неба!

ТАДЖИКИ

Забыли про хлопок таджики
Рассеялись по городам,
Где их затаенные лики
Все чаще встречаются нам.

Нележки их поиски бродов
Недаром со всеми на «вы»
В идиллию братства народов
Они еще верят, увы.

Сподручны им лом и лопата
Любая работа сродни.
У русского хмурого брата
Спасения ищут они.

Предательство и святотатство:
Поддержки ни в чем и нигде!
В беде проверяется братство!
Как это ни горько — в беде.

К чужому присесть караваю —
Нет даже и мыслей таких.
От солнца ль глаза прикрываю,
От взглядов ли братьев моих...

Где тонко — вот там-то и рвется!
Мотай эту мудрость на ус!
Не раз еще вспомнить придется
Порушенный нами Союз...

ВИШНЯ

Кто-то выплюнул косточку вишни
На обочину в тающий снег.
И промолвил на это Всевышний:
Вот где косточки будет побег!

Здесь он выйдет свободно наружу,
Под закаты, что вечно красны,
Одолев и бездождье, и стужи,
И капризы разгульной весны.

И в свой срок отцветет и огрузнет
От усыпавших вишню плодов,
Чтоб однажды крадущийся узник
Их поел, не оставив следов.

В этом мире все непостижимо
Объяснить нам его не дано
И друг друга проходим мы мимо,
Как чужие и нам все равно.

Равнодушны, угрюмы, убоги.
Мучит нас наша бедная плоть.
Только вишню у края дороги
Для чего-то поставил Господь!

* * *

Я радуюсь чудной малышке,
Как будто бегущей из книжки,
Бегущей навстречу судьбе
Из первого «А» или «Б».

Ах, как я ее понимаю,
Хоть имени даже не знаю.
Как верю в ее торжество —
Со счастьем святое родство!

Лети! Наслаждайся полетом!
Неважно совсем даже, кто там,
Навстречу с тобою спешит
И что эта встреча решит?

Мир праведен, грозен и вечен,
Был рушим не раз и калечен.
И пеплом пожарищ и смрадом
Давились идущие рядом.

И жизнь возвращалась, как прежде,
Во имя любви и надежды
И кто их за это осудит?
Так было, так есть, и так будет!

Я радуюсь чудной малышке,
Как будто бегущей из книжки,
Бегущей навстречу судьбе
Из первого «А» или «Б».

ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Олег Яковлев
(г. Орск Оренбургской обл.)

УВИДЕТЬ МОРЕ

Родился 2 марта 1945 г. в г. Шуе Ивановской области. С 1957 года проживает в г. Орске Оренбургской обл. Прослужил на Северном флоте 10 лет на атомных подводных лодках. Первые публикации начались на службе в 1967 году. Печатался в столичных газетах и журналах. Участник нескольких коллективных сборников, вышедших в издательстве «Золотая аллея» г. Калуга. Там же вышел в свет сборник стихов «Врачующее время». Недавно издана книга стихов и прозы «Возвращение». С 2000 г. член Союза писателей России.

Колеса гулко отстукивали свой извечный дорожный ритм, который действовал на них своим умиротворяющим однообразием. А за окном вагона проплывал до боли знакомый пейзаж: сосны, березки, будки путевых обходчиков да синие отблески бесконечных озер Карелии. Они задумчиво провожали взглядами экспресс «Полярное сияние», везущий на большую землю разношерстный люд. Здесь были, в основном, спешащие в отпуск моряки, горняки и нефтяники.

Павел и Елизавета Смирновы сидели у окошка и молча пили принесенный проводницей чай. Павел, не отрывая взгляда от проплывающего пейзажа, время от времени едва касался губами стакана с почти остывшим чаем, а Елизавета изучающее и с тревогою вглядывалась в худощавое, бледное лицо мужа.

Несмотря на свои 48 лет, это был уже почти седой, с поредевшими волосами мужчина. Резкие, глубокие морщины опускались от крыльев прямого носа к уголкам рта, да три глубокие борозды совсем по-старчески пролегли вдоль лба, придавая Павлу вид глубоко уставшего человека. Елизавета же, в противоположность мужу, была женщиной, как это говорили раньше, дородной и моложавой. Ее круглое, с красивыми, голубыми глазами лицо выражало доброту и жизнерадостность, и только где-то глубоко во взгляде таилась тревога и тихая печаль. Несмотря на разницу во

внешнем облике, супруги были почти одногодки. Но, видимо, жизнь распорядилась по-своему, ведь у providения свои непреложные законы.

Так получилось, что восемь лет назад один из сослуживцев Павла уговорил его подписать контракт на одно из предприятий в заполярье и уехать туда работать. Благо, польститься было на что. Невиданная для большой земли зарплата сулила все жизненные блага. И, что не маловажно, предоставлялась служебная жилплощадь.

— Ну, что ты все молчишь, Павлуша? — тихо спросила Елизавета и нежно тронула мужа за руку.

— Я вот сейчас вспоминаю, — вздохнул Павел, — как ты отговаривала меня от всей этой затеи с контрактом.

Елизавета с грустью покачала головой:

— Не надо сейчас об этом, дорогой. Сейчас надо думать, как жить дальше будем. Лечиться бы надо, прежде всего! Радиация, будь она неладна, — сокрушенно вздохнула женщина и смахнула со стола невидимые крошки. Муж вздохнул и молча ответ взгляд на мутное окно.

— А деньги, что? Здоровье не купишь, — добавила женщина.

— А ладно тебе, не причитай, ради Бога! Хорошо бы вина какого сейчас...

— Помнишь, что тебе врачи советовали? Только красного! Оно действие радиации смягчает, — улыбнулась Елизавета и участливо посмотрела в глаза мужа.

— Тогда я сбегаю в вагон-ресторан, — Павел поднялся и, поцеловав жену в щеку, вышел из купе.

Елизавета достала большую дорожную сумку и, задумчиво перебирая снесь, вспомнила тот далекий день, когда они впервые оказались на Кольской земле. Как она стояла в ожидании около трехэтажного серого здания заводоуправления, куда зашел Павел, и как ей показались долгими те полчаса, через которые он вышел с ключами от служебной квартиры. А потом они всю дорогу радовались, что все прошло довольно быстро и без проволочек, когда не спеша, шли к автобусной остановке, и когда долго ехали по хмурому, осеннему Мурманску. В отделе кадров Павлу сказали, что сейчас большая текучка и людей катастрофически не хватает, поэтому уже через два дня надо выходить на работу.

Квартира была на втором этаже и оказалась однокомнатной маломеркой с потрепанными обоями и грязно-желтым потолком. Здесь витал застарелый табачный дух и запах старой, рабочей одежды, сваленной прямо на полу, в правом углу комнаты. Из мебели здесь были обшарпанный обеденный стол с пепельницей полной окурков и мутным, заляпанным графином. У стены притулился продавленный посередине диван. Два деревянных стула стояли у окна, мутные стекла которого подслеповато смотрели на небольшой двор, окруженный хрущевскими пятиэтажками. На крохотной кухоньке стоял допотопный посудный шкаф, за стеклом которого просматривалась кое-какая посуда. На заляпанной газовой плите стоял старый эмалированный чайник и чугунная сковорода с заплесневевшими остатками какой-то еды. Рядом с плитой притулился кухонный столик, а к нему жались три расшатанных табуретки. По всему было видно, что здесь жил одинокий, курящий мужчина, которому не было никакого дела до чистоты и уюта.

Воспоминания Елизаветы прервал вернувшийся Павел. Поставив на стол бутылку вина, он вынул из кармана небольшую коробку конфет и протянул ее жене:

— Смотри, Лизонька, ты как раз такие любишь! Не думал, что здесь может быть «птичье молоко». Елизавета тепло улыбнулась и поцеловала мужа в щеку:

— Спасибо, милый! На столике уже красовалась жареная курица, несколько вареных яиц и свежие огурцы.

Елизавета, бросив на верхнюю полку взгляд, вопросительно посмотрела на мужа. Их единственная соседка по купе, пожилая и очень худая женщина, лежала и безуча-

стно смотрела в окно, время, от времени простужено кашляя в мятый носовой платок. Павел кивнул и, поднявшись со своего места, обратился к женщине:

— Простите, мы тут собираемся слегка перекусить. Не желаете ли присоединиться к нам?

Женщина виновато взглянула на Павла:

— Спасибо большое, но я перед отъездом пообедала дома и пока не голодна. Вы кушайте, не обращайтесь на меня внимания. Извините...

Павел пожал плечами и сел за стол. Налив по полстакана вина, он взглянул на жену:

— Все будет хорошо, родная, не переживай. Отдохну немного, окрепну, а там, глядишь, «Бог не выдаст»...— Он выпил и, прерывисто вздохнув, отломил кусок курицы. Елизавета лишь слегка пригубила вина из стакана, и теперь молча смотрела на мужа.

— Надо же,— проговорил Павел,— восемь лет прожили у самого моря, а искупаться так и не довелось. Обидно, знаешь ли...

— Да, в такой водичке не искупаешься... Север, он и есть север! — согласилась Лиза.— Ну, да ничего, в Оренбурге на Урал будем ходить купаться. Вода — она везде мокрая...

— Везде, Лизушка, да не везде,— возразил Павел.— Я всю свою жизнь, с детства мечтал искупаться в Черном море! Знаешь, чтобы прибой шумел, чайки, понимаешь, кричали! А ты ныряешь прямо под волну! Солнце, тепло, и даль такая, что дух захватывает! А ты говоришь Урал... Сказал и вздохнул: — Да уж, видно, не судьба теперь...

Павел уже давно спал, отвернувшись к стенке и подложив ладонь под щеку, а Елизавета все сидела, с грустью глядя, то на мужа, то на окно, за которым сгушались вязкие, холодные сумерки.

И вновь всплыли воспоминания. Они, словно кадры бесконечного фильма, поплыли перед ее мысленным взором.

— Да, квартирка, конечно, не подарок, но жить придется именно здесь,— Елизавета примиряюще улыбнулась, быстро переоделась в домашний халат и с воодушевлением принялась за уборку.

Павел обнаружил в чулане кое-какие инструменты и занялся починкой расшатанной мебели.

— Лизушка, мы потом обязательно ремонт сделаем. С первой полочки купим все необходимое и превратим эту квартиру в уютное гнездышко.

Два дня в заботах по ремонту квартиры пролетели незаметно. С направлением из отдела кадров Павел пришел в управление судоремонтной верфи и приступил к работе крановщиком в ремонтной бригаде. Бригада, куда он был направлен, в первый день встретила новичка сдержанно.

— Надолго к нам? — спросил коренастый и почти лысый мужчина в замасленной спецовке.

Павел пожал плечами.

— Контракт подписал на пять лет, а там посмотрим,— ответил он и пожал протянутую, крепкую ладонь.

— Николай,— представился мужчина,— бригадир! А это,— он повел рукой в сторону нескольких мужчин, играющих в домино за большим металлическим столом,— мои бойцы! Потом познакомьтесь поближе. Давай-ка присядем,— указал Николай на длинную скамью у стены небольшого помещения, освещенного лампами дневного света, и без единого окна. Вдоль стен стояли стеллажи с различными деталями, ящиками с болтами и какими-то приборами, назначения которых Павел пока не знал.

— Чем мы тут занимаемся, представление имеешь?

— Мне сказали, что демонтируете на кораблях оборудование.

Бригадир усмехнулся:

— Ну, это слишком мягко сказано. Мы демонтируем ядерные реакторы на ледоколах и подводных лодках.

Павел удивленно приподнял брови и посмотрел на собеседника.

— Да, вынимаем из реакторов отработанные урановые стержни и устанавливаем новые. Ты думаешь, почему у нас такая текучка? Да у многих просто нервы не выдерживают. Знать, что в любую минуту можешь получить изрядную дозу облучения, и продолжать спокойно работать может далеко не каждый!

— А ты-то сам как? — спросил Павел.

— А я уже пять лет здесь и свою порцию радиации давно получил. Конечно, в пределах допустимого... Так что, — бригадир положил свою ладонь на колено Павла, — я просто обязан тебе это сказать. Пока еще есть возможность, и ты можешь передумать, и уехать отсюда.

Павел отрицательно покачал головой:

— Да нет, раз уж приехал, то отступать не буду. Ты вот работаешь, и ничего...

Николай усмехнулся:

— Это пока «Гром не грянул» — всякое может случиться... Малейшая ошибка, или стечение обстоятельств, и авария обеспечена! А при аварии происходит мощный выброс радиации. Тогда сам понимаешь... Ты как мужик должен понимать, чем рискуешь. Дети то есть?

— Сын! Уже взрослый!

— Ну, смотри сам, друг!

Глядя в вагонное окно, Павел вспоминал пророческие слова бригадира. Но нет, он не упрекал себя и ни о чем не сожалел, потому что к жизни своей относился со смиренной стойкостью. Потому что всегда, насколько он себя помнил, готовился к худшему варианту событий. И если это худшее приходило, он уже был готов принять его, и от этого оно не становилось неожиданным. И тем радостнее был благоприятный исход, пришедшая удача. Хотя, надо признать, эта капризная дама редко баловала его своими визитами.

Павел полагал, что все неудачи и трудности только закаляют человека, его душу, делают не таким восприимчивым к внутренней боли, а тем паче, к мелким неурядицам. Но на этот раз судьба не пожалела его, и удар был жестким и безжалостным!

Поначалу все шло хорошо. Год сменялся за годом, Павел прочно влился в рабочий коллектив, в ежедневный трудовой ритм. Они вскрывали корпуса кораблей, демонтировали испорченное, отработанное или устаревшее оборудование и устанавливали на его место новое. Самыми опасными были моменты, когда приходилось откачивать «тяжелую воду» из реакторов и производить замену урановых стержней.

И вот совсем недавно, около трех месяцев назад, случилось то, чего все так опасались. Произошла небольшая авария, последствия которой оказались весьма тяжелыми... Несколько человек получили дозу облучения, намного превышающую предельно допустимую норму.

Павел с трудом стал просыпаться по утрам. Ему в это время казалось, что он выкарабкивается из глубокой, вязкой трясины небытия. В голове, словно черви, копошились неясные образы, осколки сновидений. И никак не получалось единой, четкой картинки увиденного. Такие сны и пробуждения повторялись изо дня в день вот уже которую неделю. И это было настоящей пыткой. Становилось невыносимым, когда ты каждый вечер со страхом ждешь наступления сна.

Елизавета с тревогой наблюдала за пробуждением мужа. Она видела и чувствовала его страдания, мучилась от этого не меньше супруга и проклинала себя за бессилие перед свалившейся бедой.

Наконец Павел окончательно проснулся и сел.

— Ну, ты как, Павлуша? — спросила она и пытливо посмотрела в его глаза.

— Да все хорошо, ты не волнуйся, милая. Чай будем пить?

— Конечно! Проводница уже разносит, — улыбнулась Елизавета, — иди пока умойся.

Павел шел к умывальнику. Он чувствовал с каждым днем усиливающееся головокружение и предательскую слабость в ногах. Он понимал, что этот недуг уже никогда не остановить, не вылечить. В реабилитационных центрах могут лишь слегка поддерживать жизненный тонус.

Денег, которые он заработал, хватит на несколько месяцев мучительной жизни. Но Павел знал, что именно столько ему осталось жить. Он физически ощущал, как силы вялым ручейком вытекают из него и земля, как губка, впитывает их. Но и падать духом он не хотел. Это бы его окончательно убило. Вот только Лизу жалко. Он четко осознавал, как ей будет трудно с ним.

Время в дороге летит незаметно. Пересадка в Москве прошла спокойно, без суеты. Через сутки с небольшим поезд подошел к Оренбургу. На вокзале встречал сын Сергей. Это был мужчина крепкого телосложения 27 лет от роду. Его строгий, деловой костюм и аккуратная прическа с гладко зачесанными назад волосами, придавали ему деловой вид солидного человека. Работал он директором одного из городских автосервисов, и на привокзальной площади родителей ожидал серебристый «Мерседес» сына.

Елизавета первая увидела сына:

— Сереженька, мы здесь! — крикнула она, спустившись на перрон. Сергей взмахнул рукой, подбежал к родителям и сначала нежно обнял мать, расцеловав ее в обе щеки, а затем крепко, по-мужски обнял отца.

— Ну, как доехали? — спросил он, с тревогой всматриваясь в отцовские глаза. Он знал о свалившемся на их семью несчастье, и что болезнь родителя неизлечима.

— Слава Богу, сын, доехали хорошо, — улыбнулся Павел, — а вы сами-то как здесь поживаете, что новенького?

— Все потом, папа, все потом. Поехали скорей домой!

Прошло три дня и, как предписывали мурманские доктора, Павел отправился на прием к врачу в областную клиническую больницу. Его долго обследовали, взяли все, что надо для проведения анализов и, когда Павел вновь явился в знакомый кабинет, пожилой врач, хмуро ответив на приветствие, предложил пациенту сесть на кушетку.

После того, как Павел уселся на предложенное место, врач встал и, подойдя к нему вплотную, снял очки:

— Ну, что я могу сказать, дорогой мой? Плохи наши дела!

Павел кивнул:

— Я знаю, доктор!

— Понимаете, товарищ Смирнов, ваша кровь претерпела сильные изменения. Сами должны понимать, в какую сторону... Даже полное переливание ничего не даст. У вас облучена каждая клетка организма, все важные органы! — доктор потер ладонью висок: — Вам необходимы реабилитационные мероприятия, хорошее белковое питание, и, главное, душевное равновесие! Я понимаю, что это очень нелегко для вас. Но, жизненно необходимо! Понимаете?

Павел кивнул:

— Понимаю, доктор! Я давно настроен на самое худшее и ничему не удивляюсь! — он грустно улыбнулся: — Сколько мне осталось? Говорите прямо!

— Даже думать об этом запрещают! — врач нахмурился, и его ладонь решительно рассекла воздух, — мы только что говорили об этом! Выбросьте из головы всякое

уныние и панику. Вы так убьете себя раньше времени. Вы мужчина и должны бороться! Сейчас я выпишу для вас необходимые лекарства и направление в реабилитационный центр. Поедете в Свердловск! Там есть хорошие специалисты в этой области.— Павел молча слушал врача и машинально кивал головой.— И вот еще что, Павел Геннадьевич, передайте своей жене, пусть завтра обязательно зайдет ко мне. Я дам некоторые рекомендации по уходу за вами.

На другой день Елизавета узнала от врача страшную новость. У Павла рак и жить ему оставалось совсем немного. Единственное, что можно сделать для продления его жизни — это интенсивная терапия, внутренний покой и чистый воздух. А на Урале есть прекрасные места, что бы соблюсти все эти условия.

Павел чувствовал, что силы постепенно покидают его некогда здоровый и, как ему казалось, негибемый организм. Среди знакомых и друзей он всегда слыл таким здоровым весельчаком, которого даже насморк не берет. За всю свою трудовую жизнь Павел ни разу не был на, так называемом, «больничном». И вот теперь это состояние неожиданно изменилось. Наступала гнетущая апатия и обволакивающее безразличие ко всему. А еще — постоянная, изнуряющая боль, исходящая из середины груди. Все дальше и дальше расплзалась она и проникала во все клеточки еще не старого, сопротивляющегося болезни тела. Приступы боли лишь на время утоляли выписанные по «красным рецептам» лекарства. Но страшнее этих приступов было возникающее у Павла безразличие к самому себе.

Елизавета, видя страдания мужа, как могла, поддерживала его. Все время старалась приготовить что-нибудь вкусное, украшая по-праздничному каждое блюдо. Павел благодарно улыбался и старался попробовать все, что приготовила для него жена. Но аппетита не было, и он с трудом проглатывал пищу, боясь обидеть супругу отказом. Ведь она, бедная, так старается для него.

Павел лежал, отвернувшись к стене, когда подошла Елизавета и, нежно поцеловав мужа в щеку, тихо сказала:

— Павлуша, там Сережа пришел, пошли на кухню, чай будем пить. Я и печенья напекла.

Они сидели вдвоем на светлой, уютной кухне и прихлебывали густой, ароматный чай.

— Папа, когда думаешь в Свердловск ехать? — озабоченно спросил Сергей.

— Я даже не знаю,— пожал плечами Павел,— как-то не думаю об этом,— неожиданно заявил он.

Елизавета с удивлением взглянула на мужа:

— Как это не думаешь, Павлик? Мы же с тобой еще вчера все решили!

— Папа, несерьезно получается! Направление тебе выписали, дома все решили. А ты на попятную?

— Вы же знаете, что сказал врач. Свежий воздух и спокойствие! — проговорил Павел.— А самый чистый и полезный воздух может быть только у моря! Павел взглянул на жену: — Мы же говорили с тобой об этом в поезде, помнишь? Я ни разу в жизни не купался в море. На севере, знаете, не поплескаешься... Я знаю, мне там будет хорошо, честное слово.— Он приложил ладонь к груди и умоляюще взглянул на родных.

— А что, мама, может отец и прав! А санатории есть и на Черном море. В Краснодарском крае... Я бы сам с удовольствием поехал, да работы много, знаете.

— Да ведь далеко туда ехать, Павлуша! Осилишь ли?

Павел пожал плечами, а сын заметил:

— Так самолетом можно! Раз-два, и на месте!

— Да, самолетом, оно быстрее будет,— согласился отец, а Елизавета, прижав ладони к груди, воскликнула:

— Ой, всю жизнь боялась летать! Ну, да что поделаешь...

На том семья и порешила! На следующий день Елизавета навестила доктора и тот, поколебавшись, дал свое согласие на поездку к морю. Правда, заметил, что в тамошние лечебные заведения направления дать не может, и посоветовал обратиться в облздравотдел. Но дома, собравшись снова вместе, решили больше никуда не обращаться, а определиться уже на месте прибытия.

Павел засыпал трудно и мучительно. Его сознание то прояснялось, то проваливалось в черную пустоту. Наконец, уже под утро, заснул окончательно. Ему снился морской берег с девственно чистым песком и высокими пальмами. А над шумным прибоем парили чайки. Но, странное дело, чайки были черными. Они пронзительно кричали и пикировали на Павла, норовя клюнуть его в голову. Он в бреду метался по подушке и громко стонал. Лицо покрыла липкая, холодная испарина.

— Павел, Павлуша, проснись,— Елизавета испуганно трясла мужа за плечо и слезы невольно застилали ее взгляд. Павел открыл глаза, и некоторое время бездумно разглядывал потолок.

— Милый, что с тобой, сон нехороший увидел?

Муж повернул голову и посмотрел на жену:

— Все хорошо, Лизушка, но сон, действительно, какой-то странный, море и черные чайки! Они прямо атаковали меня!

— Ой, не к добру это, родной! Может, не поедem, а то предчувствие у меня нехорошее...

— Не переживай ты так, все будет хорошо!

Новороссийск ослепил их ярким солнцем и июньской жарой. Чувствовалась близость моря, воздух был влажным и густым. Прямо от аэропорта Павел с Елизаветой прошли на автобусную остановку. Еще в самолете они познакомились с женщиной, возвращающейся домой из Москвы. Она и подсказала им, куда следует ехать, чтобы можно было отдохнуть и вволю накупаться. В самом Новороссийске место для спокойного отдыха найти довольно трудно. Вся прибрежная зона занята портовыми и хозяйственными постройками, лодочными станциями. Да и вода по всему новороссийскому побережью не очень пригодная для купания.

Она подсказала, что ехать надо в Геленджик, а уж из него в небольшой рыболовецкий поселок. Добраться в Геленджик из Новороссийска, а затем из него до поселка можно на автобусе.

— А в поселке вы легко снимите комнату для проживания, и возьмут с вас немного: бархатный сезон еще не наступил,— объяснила женщина и пожелала супругам счастливого отдыха.

В рыбацкий поселок Смирновы добрались к вечеру. Небольшие двухэтажные домики вытянулись вереницей вдоль побережья Черного моря. У нескольких деревянных пирсов раскачивались сейнеры, лодки и катера. На берегу между вкопанных столбов сушились рыбацкие сети. Первая, из встреченных ими женщин, с готовностью указала на дом, в который следует обратиться, что бы снять комнату.

— Сейчас мало приезжих,— сказала она,— а вот в конце июля и в августе от отдыхающих отбоя не будет! Сами понимаете — самый разгар отдыхающего сезона! Она так и сказала «отдыхательный».

На стук в дверь вышел крупный мужчина в обвисшем трико и серой заношенной майке. Мгновенно смекнув, что к чему, он обернулся и крикнул:

— Мария, иди гостей принимай! — и, протянув Павлу широкую, шершавую ладонь, представился:

— Василий. Надолго к нам?

Елизавета назвала себя и, вздохнув, ответила:

— Недели на две — не больше!

В дверях показалась высокая, худощавая женщина лет сорока, одетая в просторный пестрый халат.

— Да что же вы стоите в дверях-то? Васька, ты чего гостей моришь? Проходите, проходите скорей. Чай, умаялись с дороги-то...

Квартира была на первом этаже и состояла из четырех комнат, кухни и душевой. Хозяева оказались на удивление хлебосольными и добрыми. По всему было видно, что принимать неожиданных гостей им не впервой. Мария деловито захлопотала на кухне, и вскоре на столе появился большой медный самовар, ваза с плюшками и большая сковорода с жареной рыбой. Кухня была довольно большая, и все свободно разместились вокруг старого, полированного стола.

Выслушав печальную историю Павла, хозяйка сокрушенно покачала головой:

— Вот вам и прогресс, чтоб ему пусто было! Знаете,— сказала Мария, расставляя посуду на столе,— после Чернобыля здесь много народу перебивало! И все отсюда уезжали довольными. Не знаю уж, как потом складывалась у них жизнь, но две недели морского воздуха и купания в море делали свое дело! Загорелые и бодрые, все благодарили за отдых. Некоторым даже уезжать не хотелось. Даже завидовали нам. А что нам завидовать? Море — как море, воздух — как воздух. По-нашему, так ничего особенного. Конечно, с городом не сравнить. В прошлом году была в Самаре, там моя двоюродная сестра живет, так у меня, после приезда, от городского воздуха голова несколько дней болела. Ох, тяжело там дышится! И как вы всю жизнь в городах живете?

— Хватит тебе тараторить,— вмешался Василий. И, обращаясь к гостям, спросил: — Как насчет домашней настоечки? Из винограда сами делали! — Сказал и хитро улыбнулся. Павел крикнул в кулак и посмотрел на жену. Елизавета смущенно улыбнулась: — Разве что, по чуть-чуть...

Мария с готовностью встала и, достав из шкафчика большую бутылку золотистого напитка, торжественно водрузила ее на стол!

Спать легли довольно поздно. Время за разговорами летит незаметно. Павел чувствовал, что смертельно устал, кружилась голова. Но не от настойки. А от непривычного, насыщенного йодом воздуха. Мария предупредила, что дня три-четыре голова покружится, пока организм привыкнет, акклиматизируется. Так было и в Заполярье. Там акклиматизация проходила месяца три. Долгая полярная ночь нарушала ход биологических часов, и Павел в первое время путал день с ночью. Но потом — ничего, привык!

На другой день, утром, захватив покрывало и кое-какую снедь, Павел с Зинаидой направились на пляж. Идти пришлось недолго. Метров через двести они оказались на небольшом пляже с чистым, золотистым песком, окруженным отвесными каменистыми уступами.

— Ну вот, а ты говорил — «пальмы»! — разочарованно проговорила Елизавета.

Павел оглядел окружающий пейзаж и махнул рукой:

— Ничего! Главное, море! Смотри, какая красота!

Насколько хватало взгляда, простиралась безбрежная, синяя равнина. Волны одна за другой мерно, неторопливо накатывались на берег и так же плавно и безмятежно отступали назад. Белые, пышные барашки красиво обрамляли их величавый покой. Пронзительно кричали чайки. Некоторые из них время от времени стремительно пикировали и ныряли в воду, и уже с добычей взмывали вверх. В лучах яркого солнца в их клювах серебристо поблескивала рыба и, в то же мгновение, исчезала проглоченная вечно голодной и прожорливой птицей.

— Лекарство, шприцы не забыла? — спросил Павел, расстилая на песке покрывало.

— Взяла, Павлик, ничего не забыла! — ответила Елизавета, расстегивая на дорожной сумке молнию. Едва расстелив покрывало, Павел тут же лег и раскинул руки.

— Павлуша, ты хоть бы разделся, жара то какая!

— Да, да, сейчас,— пробормотал Павел,— только полежу с минутку. Елизавета села рядом с мужем:

— Ну, ты как? Болит? Павел взял руку жены и положил себе на грудь:

— Вот здесь! Жжет — сил нет!

— Может, укол сделать?

— Пока не надо! Пошли, Лизушка, искупаемся!

Они разделись и, взявшись за руки, медленно пошли к прибою. Море тепло и ласково приняло их в свои объятия. Они долго шли по мелководью, пока вода не коснулась их подбородков. Потом поплыли рядом.

— Представляешь, Паша, я в первый раз купаюсь в море,— задыхаясь от наслаждения, крикнула Елизавета.— Как легко плыть, я будто похудела на несколько килограммов!

— Я тоже в первый раз! И почему только я выбрал Заполярье? А легко плавать, потому что много соли в воде. Переворачивайся на спину, раскинь руки и лежи.

Они лежали на воде и, прищурившись, смотрели на чайки, на редкие ослепительно белые облака. Говорить ни о чем не хотелось, а только лежать, прислушиваясь к умиротворяющему шуму моря и к биению собственных сердец. Казалось, что сердца бьются в такт этому мирозданию и в унисон самой вечности. Утомившись, они, наконец, вышли на берег. Елизавета чувствовала необыкновенный прилив сил. Тело еще молодой женщины наполняла энергия, и, как деревце, тянулось к солнцу, к жизни! Павел же чувствовал внутреннюю опустошенность и апатию. Да нет, море и ему придало сил и, в какой-то мере он был даже счастлив, что, наконец, сбылась его давняя мечта, и он увидел теплое море, почувствовал его.

Елизавета села на покрывало, а Павел лег головой на ее колени. Боль в груди, затихшая на время, пока они плавали, разгорелась с новой силой. Елизавета взглянула на изменившееся лицо мужа, с тревогой склонила над ним голову, и бережно провела ладонью по его волосам.

Какая-то птица, пронзительно крича, низко пролетела над ними. Елизавета вздрогнула и подняла голову. Эта была черная птица! Та самая, которую Павел видел в недавнем сне. Услышав крик птицы, он тоже приподнял голову, и, широко открыв глаза, взглянул на море, отблескивающее водной поверхностью в лучах дневного солнца:

— Хорошо-то как, Лизушка,— еле прошептал, Павел закрыл глаза.

— Почему так много чаек? — подумала Елизавета, увидев, как кричащие и стоющие во весь голос птицы, в хаотическом полете заполняют собой пространство неба над их головами. Внезапно налетел резкий порыв ветра, прибой вздыбился, и море, сердито покатило свои волны на песчаный берег, с шумом омыло соленой шипящей пеной ноги одиноко лежащих людей. Но ничего этого Павел уже не услышал и не почувствовал.

Сергей Прохоров
(Нижний Ингаш Красноярского края)

ПОКУДА НИТЬ ЖИВА

Сергей Прохоров — член Международной Федерации русскоязычных писателей, автор 11 книг стихов и прозы. За вклад в русскую словесность, национальную культуру награжден орденом «Культурное наследие». Живет в сибирском таежном поселке Нижний Ингаш.

РАЗУМОМ И МОНЕТОЙ

Как в плотную массу дрелью,
Всверляемся в жизнь жестоко,
Истачиваясь и мудрея
До крайности и до срока.
И чтобы не уболтала
Нас жизнь дорогой этой,
К ней крепимся, как болтами,
Кто разумом, кто монетой

В ДОМЕ У СТАРОГО БОБЫЛЯ

Пахнет в доме дымом и мочой,
Скисшею капустой, потрохами,
Местным диалектом: «Мы ничо?
Жисть у нас таперь не плохая».
Добродушный милый старичок
За рукав к столу меня потянет,
Вытрет стол застиранной портянкой
Хлебушко нарежет и лучок.
Самогона мутного плеснет
В серые немытые стаканы...
И про «жисть» свою опять начнет,
И за печкой стихнут тараканы.

МЫ

Из прошлого, из опыта, из дум
Мы состоим,
Мы любим очень быструю езду,

Когда стоим.
Мы груз Вселенной держим на плече,
Когда вдвоем,
Мы строим дом из милых мелочей
И в нем живем.
Мы — это ты и я, и он, и все,
Кто влет без крыл,
Кто босиком по утренней росе
Себя открыл.
Не заплутал средь снеговых порош,
Кромешной тьмы.
Наверно, этот мир тем и хорош,
Что в нем есть мы
Из прошлого, из опыта, из дум,
А прочих — прочь!..
Мы любим очень быструю езду,
Когда невмочь.

* * *

Не возьму я только
Себе в толк:
Как прожить и долго,
И не в долг?
И себе чтоб в радость,
И другим,
И чтоб жить как надо?..
А долги —
Все: свои, чужие —
Все одно
Брать их нам у жизни
Суждено.

ТАЙГА В АПРЕЛЕ

Смола расплавилась на солнце,
Скользнув по панцирю ствола,
И стало радостно на сердце
От горько-хвойного тепла.
Я глажу ствол шершаво-липкий,
Сквозь крону небо отыскав,
Откуда лились солнца блики,
Тайгу апрелем обласкав.
Еще в тени белеют горки —
Зимы минувшей талый лед,
Но этот запах хвойно-горький,
Как самый сладкий майский мед.
И мнятся ночи грозовые,
Дождей весенних апогей...
Сегодня я в тайге впервые,
Хотя всю жизнь живу в тайге.

ВЕСНА

Ручеек под снегами потек
От избытка небесного света.
Поставляет Весну на поток
Золотая от солнца планета.
Жмурясь, смотрит на небо пацан:
Сколько света! — В глазах заискрило.
От небесных глубин до лица
Шлет тепло золотое Ярило.

А НЫНЧЕ, ТАК И БЫТЬ УЖ, ПОМОЛЮСЬ

Как лягу спать, так молодость приснится:
Вдвоем с любимой в лодочке плывем,
А просыпаюсь — ноет поясница,
И надо к терапевту на прием.
От листопада и до снегопада,
От светлых зорь до жуткой темноты
Живем с тобою мы в стране распада,
Где строят и минируют мосты.
Не всяк идущий путь земной осилит:
Кто половину, ну а кто лишь треть...
А матушка одна у нас, Россия,
За всеми нами ей не усмотреть.
Я перед сном молиться не приучен,
А нынче, так и быть уж, помолюсь,
Чтоб под небесным светом без излучин
Не распадалась, но крепчала Русь.

КАЮСЬ

Когда я каюсь, а я редко каюсь
(Не потому, что редко я грешу)
Душою будто к небу прикасаюсь,
Руками будто тучи развожу.
И на душе становится теплее,
И на земле становится светлей,
И кажется, весь мир ко мне добрее,
И кажется, что к миру я добрей.
И все вокруг: поля, река и чащи —
Становятся вдруг ближе мне вдвойне.
Наверно, надо каяться нам чаще,
Чтоб было больше светлых в жизни дней.

БОГАТСТВО

Жизнь подытожив,
Обещаю
Не ныть отныне.

Всем, кому должен,
Я прощаю
Долги земные.
Свое ж богатство,
Что скопил я
(Скопил — не слопал),
Раздам и — «баста!»
Разбив копилку
С размаху об пол.
Медь разлетится
Рублевым звоном,
Скатясь, за щели.
Обогатиться
Вам даром оным —
Душу защежит.
Сосед заметит —
И справедливо
Похмельным гласом:
Две горсти меди
Как раз на пиво,
На пиво с квасом!

НА ТРАССЕ ИНГАШ — КРАСНОЯРСК

Морозы под сорок. Снега ж —
С утра для лопаты работа...
На краешке края Ингаш —
В край дивный сибирский ворота.
Поселок в две мили длиной,
А щедрость его не измерить.
Вас встретит здесь дух смоляной,
И песня откроет вам двери.
Кто здесь побывал, тот не раз
Припомнит звучание музы...
По трассе Ингаш — Красноярск
Снуют без конца большегрузы.

КОЕ-ЧТО О ЗВЕЗДАХ

Как по краешку неба по жизни шагаю
И судьбе предлагаю пари,
И погасшую в небе звезду зажигаю,
А она, хоть умри, не горит.
Сколько тлеющих звезд
на российских просторах,
На обочинах жизненных тризн...
Горевать о несбывшемся — дело пустое,
Несерьезный минутный каприз.
А звезда, что упала и тут же сгорела —

Это просто Вселенский маневр.
И, порой, не до звезд, если делаешь дело.
Если день обнажен словно нерв.
Как по краешку неба по жизни шагаю —
Восхищен, укрошен, обречен,
И погасшую в небе звезду зажигаю,
И сгораю под звездным лучом.

ПРО СНЕГИ И ПРО СТЕНЬКУ

Когда припрет подумать о душе, то
Припомнятся, как гимн издалика
Слова из песни Жени Евтушенко
Про «снЕги» и про Стеньку казака.
Прочтение книг, как бы прочтение жизни
Чужой, своей с началом и концом...
Все, что приходит к нам — приходит извне,
Чтоб утвердиться в ней душой, лицом.
Душа всегда бессмертия хотела
В небесной Богу ведомой дали...
А голова у Стеньки отлетела,
И снЕги идут в небо от земли.

* * *

Путник, ты ногами пошевеливай
И не жди у времени попуток
На пути, где запах можжевельный
Сладко тонет в раннем крике уток.
Хорошо шагать, когда шагается
По лесной тропинке в роще, по лугу...
Ну, а мне опять с ногами маяться,
И втирать в них все, что только под руку.
Ну, а мне бы в дождь лицом под тучкою,
Ну, а мне б в объятья ветра пьяного...
Путник, ты возьми меня в попутчики,
Оторви от кресла окаянного!

Лебедев Сергей
(г. Тольятти)

«ОТЧЕ НАШ...»
Поэма

Лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Лауреат премии «Левша» журнала «Приокские зори», г. Тула в жанре поэзии за 2012 год. Дипломант 4-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей» им. Н. М. Рубцова.

*Иеромонаху Митрофану (генерал-лейтенанту Юрченко В. Н),
инициатору и участнику строительства храма иконы
«Похвала Пресвятой Богородицы» в г. Самара*

*Не существует человеческой славы,
как не существует человеческой силы.
Твои есть и сила, и слава, Отче наш.*

Святитель Николай Сербский

1

В каждой жизни имеется веха,
Важный знак наших прожитых лет,
Подвиг жизни — не искры успеха,
А горящей свечи ровный свет.
Этим светом и душу наполнил:
«Вера в Бога, не просто обряд» —
Навсегда те слова я запомнил,
И отца Митрофания взгляд.
А дела его с верой достойны,
Ведь он выполнил данный обет —
Храм погибшим в локальные войны —
Обелиска почетнее нет.

2

Наша встреча с отцом Митрофаном,
И рассказ его, помнятся мне.
С чистотой, не заросшей бурьяном,
Говорил он со мной о войне.
Помню вечер, корму теплохода,

И гудка, чуть охрипшего, бас,
Пролетели над Волгой три года,
Но, как прежде, я слышу, рассказ.
«По затихшему лесу, ущельем
Выводил я отряд на Бамут.
Горы ночью наполнены зельем:
Трав настой и дурманен, и крут.
Лишь ручей свои песни картавил,
Отвечал ему скрипом песок,
Я вниманье немного прибавил —
Замечаю — светлеет восток.
Вспыхнул луч, и листва озарилась,
Серебром заблестела роса.
Перед нами долина открылась,
Что за чудо природа — краса!
Улыбались рассвету солдаты,
Скоро кончится долгий маршрут.
Но в кустах — оребрение гранаты
Я заметил, — держал ее прут.
Огляделся, и ужас холодный
Меж лопаток почувствовал вдруг.
А на гору кивает мне взводный:
«Погляди, обложили вокруг».
Сжал в кулак для сигнала я руку,
И наружу поднял — «Всем молчать».
Как предателю, каждому звуку,
Мне хотелось поставить печать.
Здесь не выйти отряду в долину,
Пулеметы устроят нам душ,
Направляют и целятся в спину
Два чеченца, а с ними ингуш.
Тишь нарушена криком гортанным:
«Вот и все, командир, это край!
Будешь гостем Аллаху желанным,
Наш «Салам» ты ему передай».
Как сейчас вижу эти ухмылки,
Отвращенье со злобою глаз.
Но не дрогнули в страхе поджилки,
«Прорываться» — я отдал приказ.
По цепи передали: «К атаке!»,
Нам поможет внезапный бросок,
И сольется листва с нашим хаки,
Шум от бега заглушит песок.
Пьем рассвета прохладу и воздух
Из ущелий и каменных чаш,
Горы молча торопят: «Не поздно!»,
И кричу я бойцам: «Отче наш!»
Застучали, затренькали пули,
Зашипели, кусая листву.
Мы огромный валун обогнули,

И упали, скрываясь, в траву.
Ощутили дух листьев и пота,
А в глазах, словно трассеров след,
Отдышалась от бега пехота,
И готовила «чехам» ответ.
Залегли, приготовились к бою,
Но огонь постепенно затих,
И вдоль скал каменистой тропой,
Мы ушли торопливо от них.
После боя курили, не веря,
Каждый вспомнил о доме и мать...
Обманули мы «чеха», как зверя,
Снайперо □ в не так просто им взять.
Солнца круг продолжается снова,
Мы ушли, не имея потерь.
Есть в молитве — спасения слово,
Так, что в Бога я верю теперь.
И не может с тех пор позабыться
«Отче наш!» вместо крика «Ура!».
А солдаты решили креститься —
Смерть им в очи глядела вчера.
После боя — душевные шрамы,
Но мы крепче сомкнули свой строй.
В древней лавре, под сводами храма
Нас крестил иерей полковой.
И приняв Православья крещение,
Все ребята мне стали родней.
А «зачистки», ведь это не мщенье,
А лишь верность присяге своей.
Отслужив, уходили солдаты,
Навсегда, возвращаясь, домой.
Дни войны, расставанья, утраты,
Бой в горах — остаются со мной.
И ты знаешь, я принял решение —
Храм построить погибшим бойцам.
Эту дань Православью с терпеньем,
Пока жив на земле, я отдам.
Обращаясь с мольбой на икону,
Укрепить память павших, клянусь.
По извечному жизни закону,
Веры в Бога с тех пор я держусь».
Генерал помолчал, улыбнулся:
«Вот такие дела мои, брат,
Хоть изранен я, но не согнулся,
Крепок духом и костью солдат.
Повезло мне с судьбой офицерской —
Все «горячие точки» — мои,
И в афганской войне, и в чеченской
Оставляли мне раны бои.
И друзей своих лучших немало

Я за годы тех войн потерял...»
А закат раскаленным металлом,
По-над Волгой вдали догорал.

3

В храме тихо. Лампады и свечи
Освященная церковь зажгла.
Колокольня расправила плечи
И округа под звон ожила.
Сам Владыко, свершая молитвы,
Говорил о погибших бойцах:
«Им в локальных сраженьях убитым
Наша вечная память в сердцах.
В этом храме молитва о павших —
Наша дань, но она так мала.
А за то, что призрит воевавших —
Богородице будь Похвала».
По проспекту машины, машины...
Все навстречу осенним ветрам.
А шатер колокольни-вершины
Украшал новосозданный храм.

Ольга Борисова
(г. Самара)

Борисова Ольга Михайловна – поэт и переводчик поэзии с болгарского и французского языков. Родилась в г. Ахтубинске, Астраханской области. Сейчас проживает в г. Самара. Член Союза профессиональных литераторов России. Автор книги стихов «Как мимолетен день», участник 14 коллективных поэтических сборников. Дипломант международных конкурсов поэтических переводов. Победитель 35 Международного поэтического конкурса «Цветочные игры в Пиренеях». Стихи Ольги Борисовой переведены на болгарский и французский языки.

СРЕДИ КАМНЕЙ НА ГОРНОМ СКЛОНЕ

Среди камней на горном склоне,
Раскрылся маленький цветок.
Его прозрачный стебелек
Склонился в царственном поклоне,
Дрожащий вытянув листок.
И зазел благоуханный,
Найдя в расщелине приют,
Где ветры шумные поют,
Хребты седые и бездыханны,
И цепко мхи наверх ползут.
И вижу, потянулся к свету,
Живя судьбе наперекор,
Среди высоких стелющихся гор...
Стремится и душа поэта
Из тесных рамок, на простор!

МОРЕ

Стою у причала, смотрю на волну,
И жду из пучины я лодку одну.
Вздыхаются волны одна за другой,
Спеша из стихии ревущей морской.
Подъемятся буйно они до высот
И падают шумно на берег-оплот.
Какие же силы ворочают вас,
Бросают на скалы, дробя тот же час?
Быть может, чудовище бродит по дну,

Колышет стальную его глубину?
Нептун ли оставил свой царственный трон,
И вышел, как прежде, на промысел он?
Коварное море, не тронь рыбака,
Не трогай любимого мной моряка.
Дождусь я его этим бурям назло,
Умел он и знает свое ремесло.
Но вот огонек показался вдали,
На берег лодчонку ветра принесли...

РАСШАЛИЛИСЬ ВЕТРЫ ЗЛЫЕ...

Расшалились ветры злые,
Грустью студят сердце мне.
Как и раньше в дни былые,
Все пророчат, как живые —
Сгинешь в дальней стороне.
Позабыва вешим Фебом,
Утомленная от дум,
Вспоминая быль и небыль,
Проклянешь устало небо
И разнеженный свой ум.
И прельстясь утехой света,
Шумом праздной суеты,
Не найдя всему ответа,
Славой лестною согрета,
Отречешься от мечты...
Ветры злые, вы напрасно
Не шумите. Жизнь — борьба!
И кипуча, и прекрасна,
Ветрам это не подвластно,
У меня своя судьба.
И иду. Крута дорога,
Стук шагов на мостовой...
Крест несу, живу я строго,
Славлю день и славлю Бога,
Рядом — Ангел часовой.
Дом люблю, уединенье,
Дни трудов моих благих.
В храм хожу по воскресеньям,
И лелея вдохновенье,
Сотворю я новый стих.

ЧИТАЯ СТИХИ...

С каким всегда благоговеньем
Беру я в руки том стихов.
Читаю громко, с упоеньем,
Найдя себе в нем вдохновенье,
Среди живых и теплых слов.

Языков, Батюшков, Жуковский —
Превознесли святую Русь.
И грусть полей воспел Полонский,
И громко вторил Маяковский:
«Страною этою горжусь!»
И славлю я леса и доли,
Под небом синим — тополя.
Пою, как ветры свищут в поле,
И колосится рожь на воле,
Как хороша моя Земля!
И может быть, потомки наши,
(лет через сто и я сгожусь),
Оценят труд, сказав без фальши:
«Творил поэт здесь настоящий,
Который чтит и жизнь, и Русь!»

ОТШЕЛЬНИК

Всем святым, в земле Русской просиявшим.

«Праведник смел, как лев» [Пр. 28, 1]

Холмы, поросшие лесами:
Колючий ельник, бурелом.
Там на пеньке грустит часами
Лешак с печальными глазами,
И шумно совы бьют крылом.
Змеится узкая дорога.
И скит стоит с далеких пор,
Где, прославляя день и Бога,
Отшельник в рубище убогом
Обрел здесь некогда затвор.
С молитвою в тиши глубокой
Он нес с усердием труды
Вдали от суеты, пороков
И лести, правды кривобокой,
Людской убогости, вражды.
Спешили к праведнику звери,
Слетались птицы на порог.
И осаждал аркуда* двери,
Казалось, что хотел проверить:
Быть может, старец занемог,
И вынесет ли снова хлеба,
Положит ли кусок на пень?
Медвежий ритуал и треба**,
Как дань, зверюге на потребу,
Иль угощение на день.
И навещали часто бесы,
И рыкали: «Покинь сей скит!»

* Аркуда — медведь (древнеславянский).

** Треба — здесь просьба.

Лукавых зlobны интересы,
Видения — сценарий пьесы,
Но от креста и бес бежит.
Народа славный благодетель
Сносил все тяготы свои.
За землю Русскую радетель,
Преумножая добродетель,
Он показал пример любви.
Над лесом высится и ныне
Отшельника убогий скит.
Сияет он под небом синим,
Слывет народною святыней,
И тихой славою звенит.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

НОВОГОДНИЕ СТИХИ

Будьте щедрыми, люди, по-русски
За своим новогодним столом,
Чтобы гости хвалили закуски,
Запивая игристым вином!
Чтобы радость в бокалах искрилась,
Все печали остались в былом.
Чтобы полночь, как Божия милость,
Вас с друзьями свела за столом!
...Пусть Ваш опыт духовный и зренье —
Впредь забудут о распрях и зле,—
Чтобы их вековечные звенья
Не затмили добро на Земле!..
Пусть весельем румянятся лица,
Добрый ангел хранит сыновей!

Чтобы ночь полыхала в зарницах
Фейерверками звездных огней!
...Будьте счастливы, люди, как дети,
Отодвинув невзгод череду,
Чтобы мир наступил на планете
В наступающем Новом году!

В НОВЫЙ ГОД (Взгляд из детства)

Горели свечи среди бела дня,
И солнце пахло спелым апельсином.
...Нежданно деда рассмешил меня,
Назвав при встрече не внучком, а сыном.
Мы с ним столкнулись около кафе,
Где я на горке ледяной катался.
Мой деда был под легоньким «шафе»
И всем красивым тетям улыбался.
Они ему дарили свой привет —
Снежки бросали и смеялись звонко.
Как будто с ним знакомы много лет,—
Вели себя, ну просто как девчонки!..
Я деду тряс стыдливо за рукав,
Чтоб вел себя на улице прилично.
...Но взгляд его был весел и лукав:
Был Новый год — и значит, все отлично!

НА РОЖДЕСТВО

1

Мглистый день, продрогнув к вечеру,
Будит зябко тишину.
Но вселенского диспетчера
В январе я не кляню...
Хоть в прогнозах стал он путаться,—
К ним относится с ленцой,—
Не в первой нам в шубы кутаться
И скакать весь день трусцой...

На промашки его зимние
Нам укажет божий перст.
...Глянь! — И впрямь в искристом инее
Рождество царит окрест!

2

Воздух хрустящ и по-зимнему сладок,—
Как карамель.
Вновь закружил нас и внес беспорядок
Праздничный хмель...
Весело, людно в такие минуты —
Сердце поет.
Бог, разорвав наши тяжкие путы,
Крылья дает...
Души светлеют в морозную роздымь
От волшебства.
Небо становится гулким и звездным
В дни Рождества...
Теплятся свечи на горних* иконах —
Мир и покой.
...Кается исповедально в поклонах
Грех наш людской.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Скачут звонко кони синие,
Ленты ярко развеваются.
Свадьба вытянулась в линию —
С небом санный путь сливается...
А зима, сверкая красками,
Озаряет свадьбу вымыслом —
И с поклонами, побасками
В рушнике ей солнце вынесла.
...Мчится! Мчится свадьба зимняя!
В колокольчиках, бубенчиках! —
Это Русь-невеста в инее
С Рождеством в мороз обвенчана.

* Горний — небесный.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПЕРЕВОДЫ

Ирина Денисова
(г. Витебск, Белоруссия)

ТЕМА ДЛЯ ЯНТ(В)АРЯ
(глава из книги)

Родилась в 1977 г. Живет в Витебске. Стихи пишет с 5 лет. Состоит в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь» с 2000 года. Победительница литературных конкурсов на радио «Витебск» и Белорусском ТВ. Публиковалась в журналах «Немига литературная» (Минск), «Метро» (Нью-Йорк), «Западная Двина» (Минск), в газете «Forward» (Нью-Йорк), а также в антологиях «Современная русская поэзия Беларуси» и «БЛС «Полоцкая ветвь»». Автор книг стихов «Равноденствие», «Фотопленка», «Равноденствие».

1

Я уже говорила, все точки над «ё»
Надо было расставить, при этом буквально.
Я хочу к тебе, трудное счастье моё,
Виртуально и, судя по тексту, реально.

Я уже говорила, что новой главы
Есть название, только не водится тело.
От мизинца стопы до волос головы
Янтарем эта осень в твореньях желтела.

2

Невольная ложь не является ложью,
ты в ней признаешься, тем более если.
В своем бездорожье мы стали дороже
друг другу и даже как будто воскресли.

Пропавший без вести в объятьях замечен,
на фоне разрухи в невольной мольбе.
Так много всего, а вот сравнивать не с чем,
откуда мне знать... я купаюсь в тебе.

3

Прости, это кажется принципиальным...
Уйду по-английски, по-лиси лизну.
Мой бог оказался таким пунктуальным,
Внедряя в небрежность свою новизну.

Стихи остаются как летопись чувства,
Как звукопись мысли, как просто слова.
Искусство во имя опять же искусства...
Спаси этот мир, если я не права.

4

Чуть-чуть кофеина, вина пару капель,
Ночное дежурство, заточенный скальпель.
Здесь нет аргументов, не водятся факты,
И нам остается короткое «Как ты?»

Но нам достается просторное «Где ты?»
Деревья под осень без меры одеты.
И все так буквально: троллейбус «четверка»,
А вместо заставки тот снимок Нью-Йорка.

5

Раскрошена болью до крика, до злобы,
Линяют цвета, но по-прежнему едки.
Когда бы ты знал, мне, конечно, везло бы,
А так достаются сплошные объедки.

Мне мягкость надежды — от корок до корок,
На небе времен — улетающий лайнер.
Еще посижу, тут всего лишь ноль-сорок,
В своем бестелесном интимном online-е.

6

Мы оба нуждаемся сами в себе,
В бесцветии будней опять запятая.
Наш бог предается своей же мольбе,
Пути человечьи в один заплетая.

И жизнь продолжается — только не так,
Мы платим за то, что глупы и всеядны.
Любовь благотворна вовнутрь натошак,
Ее навигатор — клубок Ариадны.

7

Ты с городом этим и не был знаком бы...
Но музыка — сила, религия, воздух.
Спустись осторожно в его катакомбы,
Пиши свой маршрут на гостиничных звездах.

И мало ли что по ту сторону скважин:
Продрогшие сны, обнаженные ноты.
Тот город любим и мистически важен,
И держишь в ладонях его все равно ты.

8

Но не важно — кто был, а еще не важнее — кто не был,
Я останусь одна, я измерю духовностью прибыль.
Упаду в синеву океана ль, роскошного неба ль,
Обретая свободу полета ли, пластику рыбы ль.

Второпях исключу из статистики странные даты,
Я исполнила долг пред собой: материнский, дочерний.
Мне важней, когда я... когда мы... а точнее, когда ты...
Гравировка на золоте лет, каллиграфия черни.

9

Точка встречи — незримая вывеска,
Память места, дыхания, стен.
После Витебска хочется... Витебска,
Город вечером — прятный шатен.

Я стою на вершине трапеции,
Дальше — некуда, ниже — нельзя.
Старой музыки спелые специи
Тут витают, по телу скользят.

10

Но что мне тебе рассказать... ты все знаешь, в итоге.
Не боги горшки обжигают — а может, и боги.
И ходят они по земле, мастера и пророки.
И музыку пишут они, и великие строки.

Их жизнь рассекают вагоны подобно удавам.
Дыханьем согретое утро и фраза «Куда вам?»
В своем пресыщении пути, все вершины пологи.
Но что мне тебе рассказать, ты все знаешь... в итоге.

11

Обычная ночь в пожелтевшем серпене,
Мой мир разрезает твоя пирога.
Но есть прилагательные без степени:
Желанный, родной... как и чувство бога.

Мне быть молодой с обретенным опытом,
Чужою считаться в своем же племени,
О главном кричать, но все чаще шепотом.
Но есть существительные без времени.

12

Две ниши рук для вечности пиалы,
С тобою — вкупе и одна — в купе.
В Санкт-Петербурге есть инициалы,
Есть звук произношения: «эс-пэ».

Я падала в пространство этой боли,
Я видела луч света в толще вод.
К тебе ли... о тебе ли... и с тобой ли...
Есть таинство предчувствия: вот-вот.

13

Но меня не отпустит осеннее чувство,
Я уже не придумую новой идеи.
Я — то место, которое свято и пусто,
Как не сорванный кем-то цветок орхидеи.

Если все хорошо, почему же так гадко,
Я просила одна, может, вместе попросим?
Я живу без претензий на статус «загадка»,
Обострение чувств. Просто путь. Просто осень.

14

Он был, как и все: местечковая знать,
Вознесся до крыш, сам себя опроверг.
Есть люди, которых достаточно знать,
Встречать наяву в предпоследний четверг.

И чувствовать: жизнь обретает свой вкус,
О прошлом и будущем разом забыть,
Являться свидетелем тайных искусств.
Есть люди, которым достаточно быть.

15

Исправлено. Верить. Друг другом и богом любимы.
Кофейня. Часовня. О чем-то напрасно скорбим мы.
Постскрипtum. Постфактум. Обида в последней из толик.
Как праздник. Как символ. Всегда забронирован столик.

В свободе. В полете. У лучших времен под прицелом.
Проснуться. Остаться. Единым единственным целым.
Закрыть. Опечатать. Преступных намерений двери.
Подарки от собственно жизни. Исправлено. Верить.

16

Все эти вещи сегодня просты и покаты,
Богу о планах сказала — да он не смеется.
Я воплощаю проекты по списку пока ты
Бережно греешь в ладонях уставшее солнце.

Что-то сгорело в огне этих странных пожарищ,
Что-то осталось в стихах и стоит обелиском.
Ты мне напомни о том, что он — лучший товарищ,
Город, в котором так много о важном и близком.

17

Так странно выстраивать схемы прелюдий,
Где точка отсчета — практически, старость.
Но мы до взаимности разные люди,
Нам вся эта жизнь по наследству досталась.

Но этот ноябрь до приличия зыбок,
Мы взглядом друг друга гуманно пронзаем.
Спроси о погоде двух маленьких рыбок,
Их свет очевиден, велик, осязаем.

18

Там все как обычно: эмоции скобок,
Иллюзия форм, имитация чувств.
И два фотоснимка, как прежде, бок о бок,
Как будто родство и контрастность искусств.

А я попрошусь на престол середины,
По праву рожденья без меры нагой.
Тут выбор нелеп, компоненты едины,
И каждый ни хуже... он просто другой.

19

В своей очередности следуют вторники,
Моя нагота под прослойкою свитера.
Поэзия — формула экстрасенсорики,
Где главный не разум, а все-таки литеры,

Пришедшая от моего собеседника.
И боль отступает, испуганно пятится,
Мы вместе с посредником и без посредника...
В своей очередности следуют пятницы.

20

Сложные мысли случайно распороты,
Где моя радость, создание богово...
Я отпускаю сомненья, коль скоро ты
Спустишься в снов невесомое логово.

Сделаю громкость молчания тише я,
В емкости тела — духовное варево:
Новый виток одного восьмистишия,
Тема для чувств, врачеванье январево.

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

АФРИКАНСКАЯ НОЧЬ

Наш постоянный автор. Лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Страшный грохот разбудил меня среди ночи. Встревоженный, я сел на кровати, пытаюсь разобраться, что такое происходит и где нахожусь. Несколько мгновений я был нигде, но потом, как фотоснимок при проявке, в сознании постепенно проступило: берег Мозамбикского пролива, межсезонье, гроза. Беспрерывно гремевший гром оглоушивал, ослепительные молнии каждую секунду вспыхивали то справа, то слева. Казалось, что циклопический черный боксер нещадно колотит меня по голове. Пошатываясь, я добрел до окна и с опаской взглянул на разгул стихии.

То, что я увидел, было чудовищно. Ливень низвергался с неба безостановочно и обильно. Как говорят про сильный дождь? Льет как из ведра? Стоит стеной? Довольно точные выражения, однако в них изначально заложена семантика конечности осадков: вот выльется — и перестанет, вот пройдешь стену воды, а там сухо. Тропический дождище заставляет искать новое отношение этому явлению природы. Больше того: он, пожалуй, имеет собственную точку зрения на окружающие явления. Он не вписывается в известные мне системы координат, но сам становится системой и точкой отсчета, так что мне следовало не живописать его, используя скромный человеческий опыт, а приспособливаться к его существованию.

Про этот дождь нельзя было сказать, что он шел — он изливался, как небесная река. Он просто присутствовал в мире, бытовал каждой своей каплей, наличествовал, выполнял свое предназначение, замечая то, что еще оставалось в мире сухим, влажной. Он пришел всерьез и надолго. Он разворачивался во времени и пространстве.

Под потоками этого колоссального дождя даже небольшой бассейн за моим окном шумел, подобно океану. Пальмы склонялись к земле, болезненно качая кронами, как будто от контузии. Несколько кокосов упало на землю с нехорошим стуком, словно головы казненных с плахи.

Раскаты грома торопили, подталкивали друг друга. Они выстроились в очередь, как ораторы на митинге великанов, им не терпелось высказаться, пока открылась вдруг такая возможность. И высказывались они не то чтобы грубо, а просто-напросто нецензурно.

При каждой вспышке молнии встревоженные тени домов и деревьев в испуге шарахались в стороны, пытаясь сбежать из жестокой яви в другую, эфемерную реальность, но вспоминали, что им этого не дано, и затравленно замирали на миг, чтобы с очередным разрядом вновь в тоске метаться по округе. Молнии накладывались одна на другую, отчего картина мира непрестанно менялась, превращалась из картины в мозаику, казалась пластически подвижной, текущей вместе с дождем.

Космос и хаос боролись у меня на глазах. Представлялось, что в таком борении некогда создавалась наша планета и, возможно, десятки других планет. Вот только обитаемой оказалась одна из них, та, на которой найдется существо, способное описать борьбу космоса и хаоса.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ОБРАТНУЮ СТОРОНУ ЛУНЫ

1

Голова весом с гирю,
Что тянет на 32 кэгэ.
Ну и голова!
Не поднять, не взглянуть на мир.

А существует ли это понятие — «мир»?
Мир существует, иначе не было бы головы.
Она — голова всему этому миру.
Однако не поднять ее, не взглянуть
На то, чему она голова.

Каждое ухо весом с нос. А нос весом с мозг.
А мозг весом... Это уму непостижимо.
Но помнится, мозг разделен на два полушария,
И оба пропитаны земным весом.

Каково? Земным! И это мне надо?
Я — луножитель, Господи!
Голова — весом...
Ухо — весом...
Нос — весом...
Мозг — весом...
И любая извилина — весом...

Земные люди, чтобы не пребывать
В столь весомом состоянии,
Пьют капустный рассол, а потом пиво.
А неземные — должны возвращаться домой,
На обратную сторону Луны,
Где все же полегче.
Там — рай, до недавних времен сокрытый от земного ока.
Но сейчас — в эру облета Луны —

Вполне различимый с борта космического корабля
Даже в примитивный телескоп Галилея.
Это я и пишу в своей памяти золотым пером Паркера,
Весом с противотанковую винтовку.
Пишу, полагая, что эвакуация — лучшая альтернатива для рая.
Не то человек прилетит и... Каин опять убьет Авеля,
И пойдет, пойдет, пойдет, пока не разразится в раю потоп.

Стартер и взлет. Небо. Скорость. Звезды.
И вот она, невесомость.
Головы будто нет. Мозга будто нет.
Памяти нет. И мысли отсутствуют.

Благодать!

2

Ну, что с того, что смерти нет.
А жизнь? Как будто в настоящем...
И пульс в секунде бьется чаще,
Все чаще-чаще, и — рассвет!

Какое счастье — тьма небрежна:
В конце туннеля виден свет.
Ну, что с того, что смерти нет,
Когда есть жизнь, и с ней — надежда.

Ну, что с того, что смерти нет.
Передохнуть, переиначить.
Начать все заново — чудачить,
Беситься, будто уйма лет

За горизонтом, там, где в круговерти
Познание, мысль и кругозор.
А смерть... Что смерть? Ату ее до смерти!
Пусть будет недоступна, как и горизонт...

3

На перепутье дней и мнений,
Когда разброд и разнобой,
«Ау!» Шарахаются тени,
Летят по лестницам гурьбой.

Рассудок лопнет от напряжения,
Перевернув знакомый мир,
Внутри Москвы изыщет «Прагу»,
В Берлине «Ригу» и «Памир».

Где человеки? На мгновенье
Мне представляется: вон там!
Но тянутся на выход тени.
А люди? Люди — по домам.

4

Истина на бумаге. Рядом с красным вином.
Добрая тетя дарует наследство.
Сколько по свету пройти суждено,
Только не выйти, не выйти из детства.

Сколько по свету пройти суждено,
Помнишь про шкаф, где упрятан покойник.
Пятый этаж, коридор и окно...
И очень удобный за ним подоконник.

5

Трепет непознанной мысли,
хлеба кусок в котомке,
капли летят с карниза,
устраивая гонки.
Кто и когда осудит?
Нет измерения истины.
Что было, то будет — забудет,
покроет осенними листьями.
Ранней весной проклонется —
где болью, а где утехой,
и выйдет в дорогу улица,
очищенная от снега.

РОССИЯ: ЗАБЫТЫЕ ПОЛУСТАНКИ

Файвишу Аронесу (1897, Двинск — 1982, Тель-Авив) — знаменитому еврейскому актеру, узнику ГУЛАГа сороковых-пятидесятих годов минувшего века.

1

Полустанки — останки судьбы.
Неприметны погоны за лесом.
Вырастают гриппозно грибы
на покрытых плесенью рельсах.

2

Умирает таинство грез.
Под реалии строится склад.
Кочевой, вдоль дороги, погост —
груды камня, шпал и лопат.

3

А в раю, а в раю — повернитесь
да узрите, коль зрячи глаза.
А в раю, а в раю снова витязь
Подпирающий небеса.

4

Все валяют дурака
и — надежно.
Выпрямляется строка —
непреложно.
Подопри ее плечом,
добавь смысла.
Наше кровное чутье —
коромысло.
Покачнулось — смочен снег.
Оступился — крик: «Не смей!»
А шаг в сторону — побег.
А два шага — смерть.

5

Отоварились сполна
звезды ночью.
Крошкой сеется луна —
многоточье...

6

Утомленный человек
превозмог разбойный век.
И садится за верстак —
просто так...
А иначе недород,
мор, тоска и укорот,
и похмелье с горя.
Застрекочет пулемет,
и — разгул заезжих рот
и — Содом — Гоморра.

7

Полустанки судьбы.
Лишь слепцы различат их на ощупь.
Не признать соляные столбы
в полковых построениях рощи.

8

Жили-были... дожили...
А шпалы —
неразборны,
грудами у рельс.
А над ними —
то ли дятел, то ли кайло:
стук морозный
убегает в лес.

Детелина Стефанова
(с. Поликрайице, Болгария)

БЕСПОКОЙСТВО

*Детелина Маринова Стефанова родилась в г. Велико Тырново в 1971 году. Печата-
лась в газетах Болгарии: «България сега», «Ретро», «Уикенд». Член творческой
литературной группы «Асен Разцветников» города Горна Оряховица. Живет в
с. Поликрайице.*

НЕ ГОВОРИ

Не называй игру любовью —
ты не пришелся по душе.
Зачем садишься к изголовью —
не будет рая в шалаше.

Не говори признаний страстно:
в твоих словах — ледышек лед.
Пора понять — твой труд напрасен,
уйдешь легко, и все пройдет.

Не можешь врать и быть любезным.
Нет, ты сегодня не поймешь:
пришел, как тот осенний дождь,
сырой, холодный и помпезный.

СЛЕЗА СКУПАЯ

С чего это вдруг приключилось,—
плохого никто не сказал —
по бритой щеке покатилась
скупая, мужская слеза.

Сжав зубы, они научились
ком в горле сглотнуть и молчать.
А что с человеком случилось
не каждый сумеет понять.

Мужчины не плачут случайно,
зубами утраты зажав.

Хранит седина горечь тайны,
молчать обязует Устав.

ТИШИНА

К вам однажды придет тишина.
Не пугайтесь такому приходу,
пробудившись от легкого сна
в час полночный, или в час восхода.

Тишина не умеет молчать
и сокрытые тайны откроет.
Не пугайтесь, учитесь внимать —
собеседников только лишь двое.

Ни потери глухой, ни вины.
Тишина — обретенье покоя.
Дай-то Бог, не познать тишины
словно выстрел: «Готовиться к бою!»

Тишина говорит и молчит.
Вам с небес посылается скит.

БЕЗ МЕНЯ

Без меня безотраднo и пусто.
Звезд на небе в ночи не сыскать.
Солнце будет других согревать:
день пришедший покажется тусклым.

Без меня сменят краски закаты,
и тревога не стихнет в крови.
Ничего, никого не зови,
и себя не считай виноватым.

Без меня и в душе, и в природе
грустных песен печален мотив.
Надо жить. Отыскать позитив
и не верить в прогнозы погоды.

Никому не ищи оправданий:
жизнь прекрасна, щедра и полна.
Лепестками осыпет весна
наших улиц ночные свиданья.

НЕЖНОСТЬ

Вам нежность по плечу.
Я вовсе не шучу —
что ни строфа — любовь,
бессонные мученья.

Листы сжигает страсть.
И как здесь не упасть
коленями на пол
в порыве исступленья.

...В корзине нет цветов.
Емеля — пустослов.
В табачной дымке — рай,
и нет стихотворенья.

БЕСПОКОЙСТВО

В наши чувства других не пускай.
Сорняки. С ними сладишь едва ли.
До всего дело есть. Невзначай
что-то, где-то услышать, добавить,

переврять то, чего вовсе нет...
Отвергай показное участие:
им бельмом на глазу наше счастье,
в черной саже Божественный свет.

Их услужливость — льстивый обман,
для влюбленных сердец неприметен.
Упоительный, сладкий дурман
полон страха и холода смерти.

Милый мой, так и знай, так и знай —
в наши чувства других не пускай!

БУДТО ВЧЕРА

Лебеди плыли белые —
наши мечты.
Две половинки целого —
это все мы.

Судьбы сплелись, сроднились —
все пополам.
Кто-то сказал, «влюбилися» —
видимо, нам.

...Будто вчера. Ты помнишь ли
свет моих глаз?
Жизнь из огня да в полымя
бросила нас.

БОБЫЛЬ

Поживал себе и не тужил.
Ни любви не знавший, ни обиды,
что имел — и тем не дорожил,
зрячим был, да мир вокруг не видел.

На исходе долгая зима.
Холодно. И муторно, и смутно.
И в душе, что в склепе, тишина
час полночный делит на минуты.

До утра, как видно, не дожить:
без тепла окно обледенело.
Как зима, уходит тихо жизнь,
коченеет старческое тело.

Пер. члена Союза писателей-переводчиков Алексея Селичкина, г. Калуга.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРИХ»

Анастасия Чернова
(г. Москва)

САМОЛЕТ ПРОЛЕТЕЛ

Выпускница Литинститута 2010 года, ведущая Клуба молодых прозаиков Литературного института им. А. М. Горького.

За огородами сразу начинался еловый лес, а чайная была в городе, пешком идти минут тридцать.

И вот весной, когда Волга вышла из берегов, затопляя набережную и березовую рощу, вернулся наш дядя Петя.

Не совсем наш. Он — муж тети Оли, а тетя Оля нам далекая-предалекая родственница, мы и не знаем с какой стороны. Глаза у нее голубые, как у Вити, и голос такой же громкий. На этом сходстве мы с сестрой Шурой и установили ее происхождение. «Видимо, бабушка тети Оли — сестра нашей пра-пра,— сказала Шура.— Или пра-пра-пра».

— Что такое пра-пра? — подскочил Витька.

— Это неведомые родственники,— объяснила Шура.

И я дообъясняла, торопясь. Ведь я старшая, а, значит, и ответ могу дать правильнее.

— То есть жили родственники и не знали друг о друге.

— А как померли, так все сразу узнали,— вмешалась Шура.

— Ну, еще бы,— согласилась я.— И без того понятно. Только все узнали, а после и опять забыли. В общем, родственники.

— Выходит и дядя Петя? — Витя радостно и задумчиво прищурил глаза.

— Выходит,— довольно произнесла Шура и потерла голой пяткой ногу.

Это было хорошее открытие.

Дядя Петя, загоревший и похудевший, сияя, сходил на землю. Такими мы и представляли матросов.

А тетя Оля обещала показать его поближе. То есть так, чтоб можно было потрогать бескозырку и померить ее.

— Буду моряком,— заявил Витя,— будет и у меня бескозырка.

— Вот и не будешь! — говорю я, а самой обидно, вдруг его как раз возьмут на корабль, а меня нет.

«Девчонка,— скажут.— Нам морячихи не нужны. У нас и так их в море полно. Русалками называются». А я не соглашусь: «Ваши русалки — только в суп годятся». Вот так и отвечу, пусть ахнут, как ловко сказано. Скорее бы дядя Петя к нам пришел. Чего только он не расскажет...

— И всем мне жизнь морская нравится,— мечтает Витя.— Вот шторм. А у меня в каюте клетки со щеглами висят. Над кроватью. Слышишь? А на палубе в конуре пес сидит. О приближении пиратов предупреждает. В общем, я их всех выгружаю за борт, и мы плывем в Сызрань, потому что в шторм корабль разваливается. А вот на земле — ему ничто не угрожает. Ты видела, куда пошел дядя Петя?

Разлилась Волга — в горизонт уперлась. А вода темная, особенно, когда солнце садится. Огненным шаром катится по волнам, пока не затонет. Как щеки на морозе, алая, вода. Ветер подует — будто рябину просыпали — рябью пойдет.

— Сызрань, родная,— тихо скажет дядя Петя. И поцелует жену.— Оля, Олечка...

А капитан даже на земле остается капитаном. Прохаживаясь важно по набережной, смотрит на часы. И все ему не терпится, на месте не стоит.

— Буду капитаном,— шепчет Витя.

А Шура смеется.

— Вот уж! Часики-то у него на цепочке! Не просто так.

И оркестр играет.

Шум, музыка, нарядные лица — все крутится перед глазами, и я сжимаю сестру за руку как-то слишком крепко, так, что она оглядывается на меня и спрашивает:

— Ты чего?

Витя бежит сбоку от нас, приговаривая:

— Они пошли, они пошли, а нам нельзя! Почему я не моряк, я тоже люблю море!

— Вот,— отвечаю я Шуре.— Витька всех заговаривает. Люблю, люблю... — И, обернувшись, кричу на него неожиданно громко: — Любить надо СССР!

— А я люблю! — оправдывается Витя, широко раскрывая глаза.— Правда-правда.

Он так испуганно распахивает глаза, что я не выдерживаю и смеюсь.

Матросы тем временем во главе с капитаном шагают по городу. В чайной они отпразднуют свое возвращение и только после разойдутся по домам, на долгий отпуск.

Капитан уже не смотрится таким сосредоточенным и сердитым. Он улыбается, закусив нижнюю губу, и голову держит немного набок.

Хорошо тете Оле. Жены не отстают ни на шаг, там ведь будет играть музыка, на маленькие круглые столики разнесут мороженое, мы не знаем, что еще будет, но чувствуем: такого веселого окончания долгого путешествия нет ни у кого, кроме моряков. К ночи они возвращаются, опираясь на жен, домой, они улыбаются, и смеются, и песни поют, а дядя Петя даже танцует, ведь какое счастье, ступить на землю после плавания, когда вокруг была — одна зеленая вода, и чайки в небе вились, высоко-высоко, свободные и белые, как кора березы.

«Любимый город!» — поет дядя Петя.— «Тебя я не забыл».

По тропинке, через еловый перелесок, мы спешим домой. Тяжелые, хмурые ветви виснут над нашей головой. Мне кажется, что где-то рядом затаился волк. Я даже чувствую его горячее жадное дыхание... Ведь в лесу только и бродят волки, медведи, ищут, кого бы съесть. У медведя хотя бы избушка есть, где-то в самой чаще, среди болот. Он пироги любит, дрова рубит. На человека чем-то даже похож. Волк же — совсем другое дело. Я слышала, он ночами зимними воет, так воет...

«Мама, кто это?» — просыпалась Шура.

Была метель, и за окном, закрытом толстой ледяной коркой, проносились точечные тени, закручиваемые вихрем, как искры от костра.

«Метель»,— отвечала мама.

Вдруг в лицо врезается, ударяя, когтистая лапа.

— Ой! — вскрикиваю я, хватаясь за щеку.— Волк!

— Волк! — Витя прижимается к Шуру, а Шура сползает на землю, в желто-рыжий мох.

Это на мгновение. В следующее — мы уже бежим. Впереди, быстрее всех, Витя, следом Шура, потом я, не оглядываясь и не переговариваясь. И вылетаем на опушку, на светлую, облачную поляну.

Вечерний туман, поднимающийся с земли, окутывает ноги и будто светится изнутри, по-лунному прозрачно и молочно. Безветрие. Тишина.

Только тоскливо перелайваются вдалеке собаки, и где-то гремит заунывно у колодца ведро.

— Нету волка,— первым опомнился Витя.

Мы с Шурой падаем в заросли осоки, смотрим, не отрываясь, в темнеющее небо, как рассыпались по нему, будто незрелый крыжовник, бледные звезды. Оставляя белую борозду, бесшумно пролетает самолет.

Витя садится рядом.

— Вот девчонки. А я — моряк. Чего волков бояться? Со мной уж могли б не бежать. Я сам — морской волк. Акулу — и ту сумею пристукнуть.

Он срывает травинку, положив в рот кончик, задумчиво и мечтательно обсасывает, словно уже капитан, и на борту корабля, и с трубкой.

— Не было... — тянет Шура, приподнимая улыбкой кончики губ. Русые волосы, заплетенные в две тонкие косички, сливаются с туманом, и только лицо, покрасневшее, худое, странно сияет радостью над травой.

— Ну, как же не было, ну как же не было! — я вскакиваю.— А это что? Он лапой мне в лицо, сама видела, как вылез, как на меня...

И показываю, наклоняясь, сначала сестре, потом брату правую щеку. И точно. Что-то похожее на царапину, будто след от еловой ветви, когда она с размаху скользнет, задетая плечом.

— Значит, был,— удивляются они.— Но мы не видели.

— Он убежал,— объясняю я.— Испугался! Трус!

— Жалко, вот бы я ему... Как раз бы дяде Пете шкуру подарил, чтобы... — как всегда начинает придумывать Витя и вдруг изумленно, обрываясь на полуслове, смотрит вверх.— Самолет,— показывает он пальцем в небо.— Вот где красотища! Какой маленький! И как высоко!

Мне самой всегда очень нравились самолеты. Вернее, след, который медленно таял после них. Розовато-белый. С комочками. Будто лопатой по земле провели, взрыхляя.

Мы тихо смотрим, как медленно и плавно скользит самолет, как скрывается он на горизонте. Белый крохотный самолет, и волнами вокруг вьются облака.

Ветер, волны Волги, тополиный пух... Набережная, гудящий пароход. «Как хорошо,— вдруг думаю я,— что Витя станет моряком». И уже вижу, как он сходит на берег и широко улыбается, а мы, сестры, встречаем его, подхватывая тяжелые чемоданы.

Как дядя Петя, быть может, он скажет и нам: «Видел я далекие страны. Даже такие, где люди живут в песчаных домиках, а пьют воду из туч. Они тучи, как яблоки, с неба снимают. Как белье выжимают, а по вкусу та вода — будто мед».

— Пойдемте купаться! — говорит Шура.— Мне захотелось.

— Поздно.

Мы смотрим в небо, которое все ярче расцветает звездами.

От весенних трав поднимается густой влажный запах, и кузнечики стрекочут громче.

— Домой пора.

— На Волгу! — возникает Витька. — Пожалуйста, ну, пожалуйста.

И мы идем обратно, через еловый перелесок, к нашей любимой запруде. С каждым шагом, все больше и больше хочется прыгнуть, взметая брызги, в холодную, как лед, воду. И волков никаких нет.

Быть может, потому их нет, что попадается нам навстречу тетя Оля? Она в белом праздничном платье, высокая, ведет под руку дядю Петю, который что-то говорит шепотом, а что — мы не слышим. Тетя Оля только хмурится, как вдруг видит нас.

— Здравствуйте, — пищит Витька.

Он, если кого-то уважает очень, то уже не может говорить спокойно и обычно. Он рассматривает дядю Петю, а тетя Оля, остановившись, с удивлением спрашивает:

— Вы куда так поздно?

— Купаться, — объясняет Шура. — Захотелось что-то.

— Так поздно! — тетя Оля, качая головой, прижимает ко лбу руку. — О...

— Да что нам! У нас Витька матросом будет. Хорошо плавает. Вот даже шторм случится — и в шторм поплывет. Корабль-то развалится, а Витя — в Сызрань, по Волге, — скороговоркой рассказывает Шура, — возвратится.

— Не матросом, а капитаном, — поправляю я. — Мы его встречать будем.

— В шторм... паруса! Приспустить... паруса... и еще... — медленно говорит дядя Петя.

Вид у него очень уставший. Белое, почти как полотно, лицо. И вдруг... вдруг я вспоминаю, что бабушка тети Оли — нам пра-пра, и, как сама я говорила: «То есть умерли они, и все узнали об этом. А потом забыли». Смысл этих слов только сейчас доходит до меня.

«Умерли»... «Покойники!»

Над нами черное небо, от болот встает туман. И по траве рассыпалась, играя, бледными звездочками крупная роса.

В такие же тихие, теплые вечера приезжий старик рассказывал нам, сидя на крыльце, страшным завывающим голосом: «Поко-о-ойники... но-о-очью встают из мо-о-огил...»

— Пойдемте, я отведу вас домой, — тетя Оля берет Витю за руку. — Ты устал?

— Паруса и прочее, — заканчивает дядя Петя, зевая.

Глаза тети Оли голубые, ласковые, от ее платья пахнет хлебом.

Покойники. Но разве так бывает? Нет, не бывает! Сколько раз — весной разливалась Волга, затопляя березовую рощу? Потом вода сходила. Обнажались тонкие стволы, у корней вились низкие кусты, и птицы, слетевшись, пели особенно ярко в ветвях.

Так и человек. Пусть и покойник, пусть в земле лежит-лежит, а потом из земли и встал. Ничего особенного. Я ведь и сама не стану в земле лежать. Скучно это. Роща весной под водой, а летом — уже под небом, опять зеленая, опять шумная. «Наша пра-пра», — радостно думаю я про тетю Олю, послушно ступая за ней по тропинке.

— Значит, моряком станешь? — просто так говорит она Вите. — По Волге в море?

Витя еще раз разочарованно оглядывается на дядю Петю. Тельняшка, обветренные щеки, — все хорошо, только бескозырки на голове нету. Совсем нету. Ни звезды, ни ленточки.

— Не моряком, не по Волге, а по небу, этим, как его... — медленно выводит слова Витя: — лет-чи-ком. В самолете-те.

— Что?! — мы с Шурой, почти ослепнув, в один голос переспрашиваем.

— Летчиком! Вот!

Впереди уже розовеют окнами домики нашей улицы. Возле калитки, грустно всматриваясь вдаль, стоит мама.

«Любимый город! Тебя я не забыл!» — поет дядя Петя и притопывает. — «Не забы-ы-ыл!»

— Мама! — бежим, обгоняя друг друга. — Мы волка в лесу видели, корабли и самолеты, капитана. А Витька у нас летчиком будет!

А дядя Петя все поет и танцует, только песня его какая-то странная, без слов, а напев — словно льдины, стеклянные, со стоном по реке спускаются, и сердито тают в сыром темном воздухе.

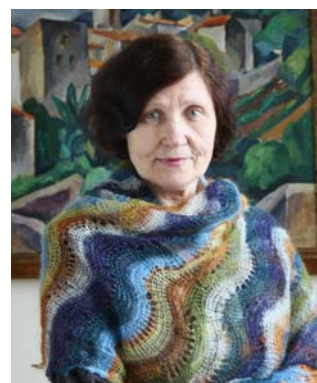

КРАЕВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

К ЮБИЛЕЮ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Марина Кузина
(г. Тула)

**Тульский областной художественный музей
отмечает два юбилея**

Кузина Марина Николаевна, искусствовед, заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников. Работает в музее с 1965 года. С 1991 года по 2013 год возглавляла объединение «Тульский музей изобразительных искусств». Автор альбомов «Тульский музей изобразительных искусств», «П. Н. Крылов», «Тульские художники», «Тульский музей изобразительных искусств. Народное и декоративно-прикладное искусство», множества каталогов и буклетов к выставкам, статей.

Тульскому художественному музею, основанному в 1919 году, исполнилось 95 лет. Его собрание насчитывает свыше 23 тысяч произведений живописи, графики, скульптуры, народного и декоративно-прикладного искусства. История формирования коллекции началась задолго до 1919 г. В 1884 году при тульской епархии был образован музейный фонд, получивший название Древлехранилища. В 1902 году оно было переименовано в Палату древностей. Согласно Положению о Палате, ее основная задача была «приобретать, хранить и научно описывать историко-археологические памятники, преимущественно Тульского края (...) Памятники, имеющие место в Палате древностей, поступают из приходских и прочих храмов Тульской епархии, от разных учреждений и частных лиц, или как пожертвования, или, по мере возможности, посредством покупки». На все поступающие произведения ежегодно составлялись каталог и научное описание. Некоторые экспонаты репродуцировались в специальных сборниках под названием «Тульская старина», издававшихся с 1899 по 1911 год. Палата древностей и соединенный с нею Естественноисторический музей были открыты для посетителей по праздничным и выходным дням. Положение гласит, что «... предметы историко-археологические и естественнонаучные делаются доступными для наблюдения их посетителями Палаты и музея. А при таком назначении своем Палата древностей и музей должны иметь характер учреждений не только образовательных, но и общевоспитательных (патриотических)».

По мере роста коллекции небольшое помещение Палаты, расположенное на Архиерейском дворе (ныне улица Садовая, 1), становится тесным и неудобным. В 1908 году Городская дума постановила построить новый музей, выделив ему место на территории Тульского кремля: «Сословия Тульской губернии выразили свое желание создать в память грядущим поколениям свой посильный благодарственный памятник, построив в Туле музей, посвященный изучению старины и естественноисторического развития Тульского края». С этой целью в городе был создан специальный строительный комитет, возглавляемый хранителем и управляющим Палатой Н. Троицким, куда входили представители тульского дворянства, любители искусства — граф Ю. Олсуфьев, Н. Лихачев, А. Арсеньев, Д. Хомяков и другие. Разработка проекта музея была поручена художнику и архитектору Д. Стеллецкому, который со всей серьезностью отнесся к поставленной перед ним задаче. Новое здание на территории кремля должно было не только отвечать музейным требованиям, но и не нарушать единства сложившегося ансамбля. Судя по эскизу, находящемуся в Тульском архиве, в проекте, несомненно, сказалось влияние древнерусской архитектуры, изучением которой долгое время занимался Стеллецкий. К сожалению, строительство музея так и не было осуществлено из-за начавшейся первой мировой войны и недостатка денежных средств.

На протяжении 1910—1930-х годов собрание постоянно пополнялось. В 1912 году в Палату древностей поступила переданная Академией художеств коллекция Художественно-промышленного музея, существовавшего в Туле при Художественных учебно-ремесленных мастерских. В ней были работы Л. Лагорио, А. Рылова, А. Попова и многие другие ценные произведения живописи и графики.

В 1918 году при Тульском отделе народного образования была создана комиссия по сбору и учету художественных ценностей Тульского края, в которую вошли местные художники П. Покаржевский и Г. Шегаль. Национализированные произведения искусства из дворянских поместий Тульской губернии (Бобринских, Олсуфьевых, Гагариных, Оболенских, Урусовых и других) вместе с фондом Палаты древностей составили коллекцию художественно-исторического музея, открытого в 1919 году. В 1927 году он был переименован в краеведческий, так как в его состав вошел и отдел краеведения. В 1920-е годы в собрание влилась коллекция Музея живописной культуры, созданного в Туле при Художественно-промышленном техникуме. В основном она состояла из работ советских художников — А. Куприна, А. Осмеркина, П. Кончаловского, Р. Фалька, В. Рождественского, Н. Гончаровой и других. Часть экспонатов была передана в Тулу Государственным музейным фондом, Государственной Третьяковской галереей. Таким образом, фонд художественного отдела краеведческого музея в 1930-е годы был уже довольно обширен. Согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 16 июня 1939 года он был выделен в самостоятельный областной художественный музей.

Музею довелось пережить эвакуацию в Сибирь в годы Великой Отечественной войны и возвращение в родной город. Лишь в 1964 году было построено новое здание музея по проекту тульского архитектора Павла Михайловича Зайцева (1927—2005). В этом году мы отмечаем 50-летний юбилей нашего замечательного здания, в котором не только хранятся, но и экспонируются уникальные произведения искусства.

Несмотря на все трудности, неизменной оставалась главная задача сотрудников музея — хранить и пополнять коллекцию. Из частных собраний Москвы, Ленинграда, Тулы были приобретены многие работы русских и западноевропейских художников. Большая заслуга в комплектовании фонда музея принадлежит народному художнику СССР П. Н. Крылову, уроженцу Тулы. Своим землякам он преподнес в дар многие собственные работы, а также ряд прекрасных произведений русских и зару-

бежных мастеров. Коллекцию пополняют и дары от частных лиц. Среди них такие работы, как «Портрет Слюсаревой» Н. Ге, поступивший от Е. Карской (Ленинград) в 1977 году. В том же году музей получил в наследство коллекцию Е. Гречениной (Москва) — около восьмидесяти произведений, преимущественно западноевропейского искусства. Так сложилось своеобразное, неповторимое собрание Тульского музея, насчитывающее более двадцати тысяч произведений русского, советского и западноевропейского искусства.

Отдел западноевропейского искусства составляют в основном произведения мастеров Италии, Голландии, Фландрии, Франции, Германии. Эта часть коллекции относительно невелика и, разумеется, не может дать полного представления о развитии искусства названных стран. Но достоинство тульского собрания состоит в том, что только здесь можно познакомиться с работами ряда художников, чье творчество в нашей стране представлено либо крайне скупо, либо не представлено вообще (Леондро Бассано, Орацио Саммаккини, Лука Джордано, Доменико Фетти, Клас Моленар и другие).

Пожалуй, самый значительный раздел экспозиции зарубежного искусства составляют работы художников Италии XVI—XVIII веков. Привлекает внимание «Портрет кардинала» работы неизвестного художника конца XVI века. На холсте надпись: «Лоренцо Приули, кардинал, избран в 1591 году, умер в 1600». На небольшом по размеру полотне, выполненном в сдержанной красновато-коричневой гамме, изображен человек с характером сильным и волевым.

Лука Джордано. Италия. Антиох и Стратоника. XVII в.

Интересна история картины «Благовещение». Она поступила в Тулу в 1970 году из Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева в Москве и вплоть до 1978 года считалась работой неизвестного итальянского художника конца XVI века. Искусствоведу В. Марковой удалось установить имя автора данного полотна — Орацио Саммаккини (1532—1577). Это крупный художник-маньерист из Болоньи, творчество которого было практически неизвестно в нашей стране. Атрибуцию полотна «Благовещение» Маркова убедительно доказала на основе изучения наследия Саммаккини, поисков в его творчестве произведений, анало-

гичных по сюжетам, характеру образов и художественным приемам. Таким образом, «Благовещение» — единственное в нашей стране полотно кисти Саммаккини — заняло в экспозиции искусства Италии XVI века достойное место.

Орацио Саммаккини. Италия. Благовещение. 1560-е годы

В музее хранятся работы венецианского художника конца XVI — начала XVII века Леандро Бассано, одного из сыновей известного мастера Якопо де Понте Бассано. В своих произведениях художники семьи Бассано запечатлели жизнь крестьян венецианских провинций. Кисти Леандро принадлежит цикл картин под общим названием «Двенадцать месяцев», созданный в восьмидесятые годы XVI века. В музее находятся авторские повторения всех двенадцати картин, вероятно, выполненные в мастерской художника в конце XVI — начале XVII века. Произведения поступили из бывшего имения графов Бобринских в городе Богородицке. Это единственная полная серия, так как не все работы из первоначального варианта цикла сохранились до наших дней. Часть из них находится в Венском художественно-историческом музее, часть — в собрании Национальной галереи в Праге. На каждом полотне Бассано мы видим аллегорические изображения месяцев, трактованные как сцены сельской жизни: крестьяне собирают урожай, готовятся к праздникам, свадьбам, карнавалам. Знаки зодиака символизируют тот или иной месяц года. Все двенадцать полотен одинаковы по размеру. Тема времен года была достаточно распространена в искусстве раз-

ных стран. Картины Леандро Бассано копировались и другими мастерами. Известны маленькие фламандские повторения цикла Бассано, находящиеся в замке Глубока (Южная Чехия), принадлежавшем роду Шварценбергов.

Среди работ художников Италии XVII века выделяются произведения Луки Джордано и Доменико Фетти. Творчество Луки Джордано связано с развитием в итальянском искусстве стиля барокко. Ученик испанского живописца Хусепе Риберы, Джордано известен как автор фресок, религиозных и исторических полотен. Сюжет его картины «Антиох и Стратоника» заимствован из греческой истории. Сын сирийского царя Селевка, влюбившись в свою молодую мачеху Стратонику, опасно заболел; придворный врач сообщает причину болезни царю и придворным. Многофигурная композиция поражает яркостью колорита, виртуозным и темпераментным исполнением, экспрессивностью. Эффектные позы, выразительные жесты, открытая патетика чувств, цветовые контрасты — все создает впечатление театральности. Сюжет произведения «Тарквиний и Лукреция» привлёк внимание художника своим драматизмом. И здесь проявилась любовь Луки Джордано к эффектным художественным приемам, что в полной мере соответствовало эстетике стиля барокко. О разнообразии направлений в искусстве Италии первой четверти XVII века свидетельствует произведение Доменико Фетти «Адам и Ева» (авторское повторение). Библейский сюжет, трактованный в идиллическом духе, разворачивается на фоне патриархального быта. Ева, как простая крестьянка, прядет пряжу в окружении своих сыновей, Адам пашет землю. Доменико Фетти наполняет сцену тишиной и покоем, окрашивает лирическим чувством.

Д. Фетти. Адам Ева. *Около 1622*

Коллекция работ голландских мастеров XVII века — «малых голландцев» — в музее весьма примечательна. Эти камерные полотна привлекают простотой бесхитростных мотивов, искренностью и теплотой. Характерно произведение Класа Моленара «Катание на льду» (1665). Доброжелательно, с юмором рассказывает художник о заботах и забавах жителей небольшого северного селения. Мягкий рассеянный свет, голубовато-серебристый колорит способствуют точной передаче воздушной среды — легкой дымки, в которую словно погружены дома, деревья, люди.

Творческую манеру Якоба Дюка отличает стремление к иллюзорности, точной передаче форм предметов, занимательности повествования. Изображая пирушку дам и офицеров в картине «Веселящаяся компания», художник необычайно внимателен к каждому лицу, костюму, интерьеру.

Широкое распространение в голландском искусстве XVII века получил натюр-морт. В музее представлены типичные произведения этого жанра с изображением фруктов, цветов, битой дичи. Неизвестный автор холста «Цветы в стакане» любит нежными лепестками, их удивительной формой, изысканной окраской. Тонкостью колорита восхищает большой натюрморт Яна ван Хейсума. В превосходном полотне Яна Вонка «Битая птица» ощущается материальность, весомость предметов.

Некоторые художники Голландии XVII века вошли в историю искусства как «итальянисты» — это Клас Берхем (в музее имеется его работа «Стадо на водопое») и Филипп Воуверман («Путники в дороге»). Их вдохновляли пышная природа солнечной Италии, идиллические пасторальные сюжеты. В музее хранится и полотно Говерта Флинка, одного из учеников Рембрандта, — «Вирсавия», поступившее в музей от Е. Гречениной в 1977 году. Следует отметить в разделе голландского искусства и «Портрет курфюрста Бранденбургского» (1666) работы известного портретиста Питера Насона.

Искусство Фландрии XVII века представлено в музее лишь несколькими именами: Франс Франкен II, Даниэль Сегерс, Корнелис Гейсманс, Давид Тенирс Младший, неизвестный художник школы Франса Снейдерса. Ученик Рубенса, Франс Франкен II известен произведениями на мифологические сюжеты. В картине «Шествие Вакха» художник изображает сцену пышного празднества, устроенного в честь бога вина. Многофигурная композиция несколько измельчена, художник лишь внешне следует традициям своего знаменитого учителя.

Пейзаж не получил во Фландрии такого широкого распространения, как в Голландии. Фламандские пейзажи — это чаще всего крупноформатные эффектные полотна, как, например, холст Корнелиса Гейсманса «Возвращение Иакова». Пышностью, монументальностью, декоративностью отличаются представленные в музее фламандские натюрморты («Убитая дичь» художника школы Снейдерса). Но наряду с парадным придворным искусством во Фландрии XVII века развивался и бытовой жанр, а также сельский пейзаж. Крупным фламандским жанристом был Давид Тенирс Младший. В музее хранится камерный «Деревенский пейзаж» этого мастера, полный свежести и непосредственности, а также полотно «Сельская сцена» — работа неизвестного художника школы Тенирса.

Коллекция французского искусства XVII—XVIII веков позволяет познакомиться с рядом художников, принадлежащих к разным творческим направлениям. Характерным представителем классицизма был Эташ Лесюер. В картине «Благовещение» он строго следует логически ясным канонам классицизма, достигая строгого равновесия композиции. В «Пейзаже с постройками и фигурками» работы неизвестного художника XVII века школы Клода Лоррена создан гармоничный образ природы, полной покоя и тишины. В середине XVIII века прославился своими декоративными классицистическими пейзажами Гюбер Робер. Его «Пейзаж с античными колоннами» и «Пейзаж с архитектурными развалинами» выполнены в свойственной художнику свободной манере, с использованием впечатляющих эффектов освещения, неожиданных ракурсов, стремлением вдохнуть жизнь в античные архитектурные формы. Серебристо-серая гамма этих пейзажей необычайно изысканна.

Среди произведений французских художников XIX века достойны интереса полотна «У придорожного распытия» Эжена Изабе, «Горе старика» Александра Гийомена, «Гугенот» Эрнеста Мейсонье и другие. Кисти яркого представителя барбизон-

ской школы Констана Тройона принадлежит «Сельский пейзаж», выполненный с удивительным мастерством, изящно и легко.

Искусство Испании, Бельгии, Германии, Австрии, Польши XVII—XIX веков представлено единичными произведениями, но обладающими достаточно характерными чертами той или иной школы и высоким уровнем мастерства. Хочется отметить великолепные по качеству произведения XVIII века: «Портрет дамы с голубой лентой» австрийского художника Ахаза Готлиба Ремеля а также новое полотно, поступившее в собрание в 2009 году, «Портрет дамы с гвоздикой» известного немецкого мастера, поляка по происхождению Кристофа Лисевски.

Завершая краткий обзор западноевропейского отдела Тульского музея, хотелось бы упомянуть о декоративно-прикладном искусстве. В музее хранятся прекрасные образцы мейсенского фарфора XVIII—XIX веков, севрский фарфор XVIII века, дельфтский фаянс XVII века, итальянская майолика XVI столетия, английский фарфор и фаянс XVIII—XIX веков, а также изделия из стекла различных зарубежных заводов. Собрана значительная коллекция произведений западноевропейской гравюры XVIII—XIX веков.

Юная невеста. Мейсен. *Около 1780 г.*

В разделе русского искусства — иконы XVI—XIX веков, произведения живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства XVIII — начала XX века. Многие работы получили широкую известность, экспонировались на выставках в нашей стране и за рубежом, вошли в научные каталоги и монографии, посвященные отдельным художникам, в частности А. Антропову, В. Боровиковскому, В. Тропинину, Г. Мясоедову, Б. Кустодиеву. В результате научных исследований были уточнены авторство и даты исполнения некоторых произведений, установлены личности портретируемых, определено место создания работ и источник их поступления в музей.

«Портрет императрицы Елизаветы Петровны» работы А. Антропова поступил в музей в 1968 году из коллекции С. Могилевского (Москва). Портрет подписан «А. Антропов. Писа. 175...»; он является одним из нескольких авторских повторений

портретов Елизаветы Петровны, хранящихся в Государственной Третьяковской галерее, Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике, Киевском музее русского искусства, Киево-Печерской лавре. Трудно сейчас найти аналогию композиции портрета из Тульского музея, так как он был когда-то обрезан в соответствии с фигурной рамой. Елизавета Петровна изображена в горделивой позе, блеск серебристой парчи парадного платья, меховая накидка, драгоценности еще ярче оттеняют ее импозантную внешность. Собрание портретов XVIII века в музее сравнительно невелико. Но и здесь есть свои оригинальные произведения: «Портрет И. А. Языкова», выполненный неизвестным художником второй половины XVIII века круга М. Колокольникова, «Портрет Е. М. Черкасовой» кисти И. Дарбеса, работавшего в России в 70—80-е годы XVIII века, парные портреты Репниных работы неизвестного художника.

Творчество В. Боровиковского представлено в музее «Портретом Г. С. Волконского» — отставного боевого генерала, пользовавшегося уважением и доверием Суворова, участника первой и второй русско-турецких войн, генерал-губернатора Оренбургского края. Портрет создан в 1806 году, когда Волконский приезжал в Петербург для получения Андреевской звезды, с которой и изображен. Год спустя этот портрет был повторен Боровиковским (хранится в Псковском художественном музее). Портрет, принадлежащий Тульскому музею, написан в манере, характерной для Боровиковского в начале XIX века, когда художник отказывается от пейзажного задника и изображает модель либо в интерьере, либо на нейтральном фоне. Красочная поверхность утрачивает отличающую более ранние вещи Боровиковского светоненосность, цветовая гамма строится на сочетании сдержанных глубоких тонов темно-зеленого, коричневого. Основное внимание художника направлено на передачу личных качеств портретируемого — достоинства, благородства.

С середины XVIII века значительную роль в русском искусстве заняла историческая живопись. Полотно И. Тупылева «Александр Македонский перед Диогеном» (1787) выполнено на сюжет из греческой истории. Обращение к античности было характерным явлением для русского классицизма. Несмотря на отвлеченность темы, идеализацию образов, условность атрибутики, Тупылев стремится выразить свое представление о духовной и физической силе человека.

Экспозиция искусства первой половины XIX века включает произведения В. Тропинина, А. Иванова, Н. Чернецова, П. Орлова, В. Садовникова. Работы В. Тропинина знакомят с различными сторонами его творчества. «Этюд украинки» и «Этюд украинца» созданы в 1820-е годы, в период, когда художник был крепостным графа Маркова на Украине. К 1820-м годам относится и отмеченный романтичностью «Портрет князя С. И. Гагарина». В «Портрете В. И. Бибикова» (1838) художник изображает героя в домашнем халате, в расстегнутом жилете. Без всякой идеализации написано лицо благодушного и доброжелательного пожилого человека. Личность портретируемого подтверждает его правнучка Н. Бибикова, у которой и было приобретено это полотно в 1949 году в Симферополе. Вероятно, портрет хранился в имении Бибикова в Тульской губернии, а затем переходил из рук в руки по наследству. Можно предположить, что произведение было создано непосредственно в имении, куда неоднократно приезжал Тропинин. В начале 1830-х годов художник создал и ряд портретов тульских помещиков — Раевских, Бегичевых и других.

Творчество А. Иванова представлено в музее этюдом «Голова апостола Андрея» к картине «Явление Христа народу» (1837—1857). Этюд был приобретен в Москве в 1969 году в частной коллекции Н. Черкес.

В музее хранится натюрморт «Цветы и фрукты» (1855) В. Садовникова, живописца первой половины XIX века. Рассматривая его, невольно удивляешься, как вер-

но художник следует натуре, стремясь создать полную иллюзию реальности предметов, точно передать их цветовые и фактурные свойства.

Искусство середины и второй половины XIX века представлено в музее довольно полно и разнообразно. Примечательны произведения художника А. Попова, уроженца Тулы, чье творчество сформировалось в 1850-е годы. В его искусстве нашла отражение тема крестьянской жизни, характерная для русской живописи того времени. Полотно «Богомолки» (1861), экспонировавшееся на выставке Академии художеств в Петербурге, отличается простотой мотива. Группа женщин, бредущих на богомолье, расположилась у дороги отдохнуть. Скупой пейзаж, низкий горизонт, приближающаяся гроза наполняют картину ощущением грусти. В музее хранится и несколько портретов работы этого художника. Два из них — «Портрет М. А. Языкова» (1871) и «Портрет Г. Г. Писарева» (1873) — написаны Поповым в тульских имениях этих помещиков, откуда они поступили в музей в 1919 году.

Жанровые произведения середины XIX века, посвященные русской деревне, представлены в музее работами П. Соколова. С целью изучения быта и уклада жизни крестьянства художник совершал длительные поездки по деревням России. В полотне «Спор о земле» ярко раскрываются типичные характеры и судьбы русских крестьян. Известным художником-жанристом 60-х годов XIX века был Л. Соломаткин. Три его работы принадлежат музею: «Шарманщики», «Уличная сценка», «Пирушка дельцов» (1850). Просто, с мягким, а порою и горьким юмором трактует художник эти сюжеты. Его герои выглядят то веселыми, то грустными, то комичными и неуклюжими. Мастер тонко ощущает состояние людей, к которым испытывает сочувствие и симпатию.

Развитие искусства второй половины XIX века вплотную связано с появлением нового творческого объединения — Товарищества передвижных художественных выставок (1870). Один из инициаторов его создания и организаторов Г. Мясоедов родился в 1834 году в селе Паньково Новосильского уезда Тульской губернии в небольшом имении, куда неоднократно возвращался, живя в Петербурге и будучи уже известным художником. В музее хранятся пять произведений Мясоедова. Среди них — «Портрет жены художника Е. М. Кривцовой», выполненный в 1861 году в родной деревне. Образ Елизаветы Михайловны послужил прототипом молодой барышни, изображенной на картине «Поздравление молодых в доме помещика» (1861), за которую художник получил золотую медаль Академии художеств. Музею принадлежит и «Автопортрет» Г. Мясоедова, появившийся во время пребывания мастера в Италии в 1867—1868 годах. Энергичный разворот фигуры, благородство позы, контрасты света и тени создают романтическую окраску образа.

С Тульским краем связано и творчество И. Крамского. В 1870-е годы он неоднократно посещал Ясную Поляну с целью создания портрета Льва Толстого. В этот период им написан «Портрет князя А. К. Имеретинского» (1873), принадлежащий музею. Он был начат в имении князя, неподалеку от Ясной Поляны.

В 1870-е годы в Тульской губернии, недалеко от Ясной Поляны, в деревне Козловке-Засеке работала группа художников — К. Савицкий, И. Крамской, И. Шишкин. Несколько рисунков И. Шишкина, сделанных в эти годы, хранятся в собрании музея. Частым гостем Ясной Поляны был И. Репин. В музее находится его полотно «Женщина с кинжалом» — этюд к картине «Садко». В этом образе воплотилось представление художника о горделивой восточной красавице.

Достойное место в экспозиции занимают произведения В. Сурикова («Портрет А. И. Емельяновой», 1903; «Гайдамак» — этюд к картине «Степан Разин»). Обе вещи отличаются высоким мастерством, великолепный колорит. С особой теплотой и вниманием написан «Портрет А. И. Емельяновой». Как известно, существует несколько ее портретов, созданных Суриковым в разные годы. В тульском портрете художник воплощает свой идеал русской женщины, скромной и поэтичной.

Суриков В. И. Портрет А. И. Емельяновой. 1903

Коллекция пейзажей позволяет познакомиться с историей развития этого жанра, с различными его направлениями. В экспозиции показаны работы Н. Чернецова («Вид Амальфи», «Церковь Воскресения в Иерусалиме»), отличающиеся еще некоторой сухостью, жесткостью колорита; пейзажи М. Воробьева («Морской залив со скалой»), С. Щедрина («Неаполь ночью»), И. Айвазовского («Сигнал бури», 1851; «Приближение бури», 1877; «Морской пейзаж»), наполненные вдохновенным чувством. Тульскому музею принадлежат пять произведений Айвазовского. Художник мастерски изображает море в различных состояниях — от бурного шторма до еле уловимого движения волн.

Айвазовский И. К. Приближение бури. 1877

Творчество известного живописца середины XIX века А. Боголюбова, ученика М. Воробьева, выполнившего за свою жизнь большое количество превосходных пейзажей, представлено в собрании полотном «Венеция ночью» (1856), которое является, пожалуй, одним из лучших созданий художника. Умело, тонко разработана в нем световоздушная среда: все, что мы видим на картине — собор, лодки у причала, здания, погружено в мягкую дымку.

Л. Лагорио, страстный путешественник, тонко понимавший природу, достойно представлен в музее. В период пребывания в Италии им созданы произведения «Вид Капо ди Монте в Сорренто»; «Итальянский дворик», «Дорога среди пиний», в которых точно переданы колорит южной природы, своеобразие итальянской архитектуры.

В пейзажной живописи второй половины XIX века возникает правдивый, неприукрашенный образ русской природы. Общеизвестна огромная роль И. Шишкина, В. Поленова, И. Левитана в становлении реалистического пейзажа. Картина «Лес в Мордвинове» (1891) И. Шишкина написана в мордвиновском парке в Ораниенбауме и являет собой пример внимательного отношения художника к натуре, детальной передаче всего, что хорошо ему известно и любимо. Музею принадлежат несколько работ В. Поленова — «Река Оять», «В Назарете», «Мечеть Омара», «Вид на реку Оку с восточного берега» (1898), наполненных светом, воздухом, отличающихся непосредственностью восприятия. Тишину и покой излучают два небольших выразительных полотна И. Левитана «Деревня Хотьково» и «Зима» (оба созданы в конце 90-х годов XIX века). Следует отметить также своеобразные пейзажи С. Жуковского («Старая деревня» (1908), «Заброшенная терраса», «Последние астры»), П. Петровичева — «Осенний пейзаж» (1900-е годы), К. Юона «Загорск» (1903), А. Рылова «Глубокая река» (1902) и другие.

Русское искусство конца XIX — начала XX века дало миру множество выдающихся творцов и смелых художественных открытий. Среди мастеров этого времени ярко выделяется В. Серов. В музее хранятся два произведения живописи и несколько рисунков Серова. «Феб Лучезарный» (1887) — ранняя работа художника, пример монументально-декоративной живописи. Плафон выполнен по заказу тульских помещиков Селезневых, чье имение было расположено в нынешнем Ефремовском районе Тульской области, откуда произведение и поступило в музей. Уже в этой ранней работе ярко проявился живописный дар художника, умение цветом передать ощущение радости, ликование жизни. В музее хранится «Портрет С. И. Мамонтова» (1891) В. Серова, приобретенный в частной коллекции Т. Данцигер в 1965 году. С присутствующими художнику раскованностью и артистизмом воплощен образ незаурядного человека с богатым внутренним миром.

Новаторские искания в искусстве конца XIX века ярко проявились в творчестве первого русского импрессиониста К. Коровина. Его картины «Лунная ночь» (1900), «Сараи» (1900-е годы), «На террасе» написаны темпераментно и свежо. В музее хранится и необычайно яркое, насыщенное по цвету произведение Б. Кустодиева «Красавица» (1918, авторское повторение). Полотно поступило в музей в 1965 году из собрания Г. Маликова (Чернский район Тульской области).

В отделе русского искусства хранятся и ценные произведения графики: рисунки и акварели XVIII — начала XX века таких художников, как П. Соколов, В. Гау, И. Крамской, И. Шишкин, И. Левитан, Ф. Малявин, и многих других. Музею принадлежит своеобразная коллекция декоративно-прикладного искусства XVIII—XIX веков — изделия русских фарфоровых заводов Гарднера, Попова, Императорского фарфорового завода. В последние годы собрание музея пополнилось уникальными образцами народного искусства Тульского края — вышивкой, ткачеством, народным костюмом, глиняной филимоновской игрушкой.

Кустодиев Б. М. Красавица. 1918

Отдел русского искусства XX века начал формироваться в 1920-е годы. Различны источники поступления произведений в музей: одни переданы Министерством культуры СССР и Министерством культуры РСФСР, другие приобретены непосредственно у художников и в частных собраниях. Более трех тысяч произведений насчитывает в настоящее время коллекция советского искусства. Одним из крупнейших советских художников старшего поколения, несомненно, является К. Петров-Водкин. В его искусстве нашли яркое отражение идеи революции, героические события нашей истории. В музее имеется эскиз К. Петрова-Водкина к картине «Семья командира» (1936). Значительное место в советском искусстве всегда занимал портретный жанр, блестящим представителем которого был М. Нестеров. Музею принадлежит «Портрет сына художника, А. М. Нестерова, в испанском костюме» (1933), приобретенный в 1971 году у дочери художника Н. Нестеровой. В этом произведении Нестеров выступает как тонкий психолог, умеющий передать внутреннее состояние человека. Успехи портретного искусства связаны и с творчеством С. Малютина. Утверждение характерных черт современника — целеустремленного, энергичного — ощутимо в его «Автопортрете» (1920).

Куприн А. В. Натюрморт. 1920-е годы

В экспозиции музея представлены работы художников, примыкавших к различным творческим группировкам, объединениям 1920—1930-х годов. Музею принадлежат также несколько работ С. Герасимова. Среди них полотно «Деревенский комсомолец» (1929). Образ юного комсомольца, энергичного, порывистого, очень выразителен. Эта работа экспонировалась на выставке Общества московских художников (ОМХ), состоявшейся в 1929 году в Москве, и была репродуцирована в журнале «Искусство в массы» (1929, № 3). Творчество С. Рянгиной представлено пейзажем «На промыслах Баку» (1929). В развитии советского искусства огромную роль сыграли художники А. Куприн, В. Рождественский, А. Осмеркин, П. Кончаловский, А. Лентулов, Р. Фальк, А. Шевченко, творчество которых сформировалось еще в 1910-е годы. В первые послереволюционные десятилетия эти мастера продолжали искать новые пути в искусстве. В музее представлены «Натюрморт с искусственными цветами» (1920), «Бахчисарай. Цыганская слободка» (1932) А. Куприна, «Портрет Басняцкой» (1945) А. Осмеркина, прекрасный натюрморт П. Кончаловского (1919), переданный в музей самим автором, «Портрет актрисы» (1912), «Судак. Вечер» (1930) А. Лентулова, «Женский портрет» (1920-е), «Бретань» (1930-е) Р. Фалька, «Натюрморт» А. Шевченко (1920).

Достойное место в советском отделе занимает творчество художников-земляков. С Тулой связано начало творческого пути П. Покаржевского, Г. Шегалю, которые принимали самое непосредственное участие в создании Тульского музея, являлись в начале 1920-х годов организаторами городских изостудий, Государственных свободных художественных мастерских. Их произведения хранятся в музее. Уроженцем Тулы был В. Рождественский. В его работах «Пейзаж» (1919), «Крым. Отузы» (1923), «Автопортрет» (1924) и других ощущаются восторженное отношение к натуре, восхищение щедростью и многообразием красок окружающего мира.

Моисеенко Е. Е. Из детства. 1977

С утверждением новой тематики, новых живописных приемов связано творчество А. Дейнеки. В музее имеется полотно «Кросс» (1932), в котором художник пере-

дал стремительный ритм времени. О характере последних лет творчества Ю. Пименова дает представление картина «Влажная весна» (1975). Примечательно полотно одного из крупнейших советских живописцев А. Пластова «Колхозный базар» (1936). В экспозиции советского отдела музея можно увидеть также пейзажи Г. Нисского и Н. Ромадина.

Каждое десятилетие выдвигает новые творческие задачи, а вместе с ними и новую плеяду художников. Искусство 1960—1970-х годов в музее представлено работами братьев А. П. и С. П. Ткачевых («Семья Пакетовых», 1964), Ю. Кугача («Молодая хозяйка», 1972), А. Лактионова («Портрет старого большевика Петрова», 1964), В. Стожарова («Муфтыга. Белая ночь», 1970), Б. Угарова («Июнь 1941 года», 1975), Е. Зверькова («Зимний день», 1972), В. Иванова («Переславль-Залесский. Вечер», 1969), Д. Жилинского («Лето. Семья художников Ивановых», 1976), Е. Моисеенко («Из детства», 1977) и многими другими. Как упоминалось выше, музею принадлежат многочисленные работы П. Крылова разных лет и совместные работы Кукрыниксов.

В музее хранится небольшое, но довольно интересное собрание русской и советской скульптуры, включающее работы таких художников, как С. Коненков, А. Голубкина, А. Матвеев, С. Лебедева, М. Аникушин, М. Воскресенская, О. Кирюхин и ряд других. Сложилась за время существования музея и коллекция народного и декоративно-прикладного искусства, а также советской графики.

Голубкина А. С. Портрет Л. Н. Толстого. 1927

В заключение хотелось бы сказать, что Тульский областной художественный музей вырос в крупное собрание, которое далеко не исчерпывается названными автором произведениями. Богатейшая коллекция музея, широко известная не только в нашей стране, но и за рубежом, позволяет вести разнообразную научно-исследовательскую работу, интересную выставочную и широкую просветительскую деятельность.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. В. ВОРОГУШИНА (1913—1965)

Вспоминая художника

Особой значимости культурное событие состоялось в середине ноября в Тульском областном художественном музее, где экспонируется выставка произведений знаменитого тульского художника-графика, Заслуженного художника РСФСР Юрия Владимировича Ворогушина, приуроченная к 100-летию со дня его рождения. Прямо в пространстве выставки, в окружении его произведений прошла встреча, на которую собрались художники, краеведы, сотрудники музеев, студенты художественного училища, представители тульской интеллигенции, чтобы вспомнить об этом замечательном человеке, неординарной личности, талантливым и многогранным мастере.

Открытием для всех собравшихся стал визит племянника Ю. В. Ворогушина Владимира Ивановича Лазарева, в семье которого бережно хранят память о своем знаменитом предке. Там собирается архив публикаций и материалов, связанных с жизнью и творческой деятельностью художника, осуществляется уход за его могилой на Всехсвятском кладбище. А недавно благодаря вниманию и старанию сына Владимира Ивановича Михаила, а также помощи сотрудников музея «Тульский некрополь» была восстановлена мемориальная доска на доме, в котором располагался прежде магазин «Букинист», сбитая в ходе ремонта нового кафе. В этом доме жил и там же в мастерской работал Юрий Владимирович Ворогушин. Судьба деда у Михаила вызывает преклонение, а человеческие качества его личности являются высоким примером.

Владимир Иванович передал в дар музею раритетное издание — книгу «Русские сказки» с рисунками Ю. В. Ворогушина, выпущенную в Туле в 1946 году.

Гости встречи живописец Эмма Васильевна Шурлапова, скульптор Арнольд Иванович Чернопятков, архитектор Владимир Васильевич Куликов, краевед Вячеслав Иванович Боть непосредственно были знакомы с художником, а потому их воспоминания с особым вниманием и интересом воспринимались собравшимися. Каждый из них поведал свою историю, но все неизменно отмечали, что Ю. В. Ворогушин был удивительно доброжелательным и улыбчивым человеком, разносторонне одаренным и творчески увлеченным, необычайно порядочным и ответственным. Он внимательно и цепко наблюдал происходившие вокруг события и с тонким юмором, а иногда и с острой сатирой отражал их в своих рисунках, шаржах, карикатурах. Областью, в которой талант художника раскрылся с особенной силой, стала книжная графика. Его иллюстрации к роману М. Е. Салтыкова-Щедрина, созданные в 1956—1957 гг., уже тогда были признаны выдающимися, а позднее причислены к классике этого вида графического искусства. Тульский художник-график Анатолий Семенович Макаров, которому довелось работать с Ю. В. Ворогушиным, отметил присущие его произведениям виртуозный рисунок, смелые композиции, тонкую тональную разработку в офортах, глубину и выразительность образов. Еще одним открытием стал тот факт, что «авторский» станок Ю. Ворогушина для печати офортов спустя некоторое время после смерти художника был буквально спасен Анатолием Семеновичем и с тех пор служит ему, продолжая привычное дело...

Важность для молодых художников знакомства с творчеством больших мастеров подчеркнул директор тульского художественного училища художник Константин Игоревич Евтеев, пришедший на встречу с группой своих воспитанников. Следует внимательно и вдумчиво изучать их наследие именно в музеях, ибо воздействие подлинных произведений не в состоянии заменить никакая, даже очень качественная цифровая репродукция. И художественный музей с его обширным собранием произведений изобразительного искусства высокого уровня обязателен для посещения и изучения студентами, будущими творцами.

Говорят, что человек живет, пока о нем помнят. Вот и на прошедшей встрече

сложилась такая искренняя, добрая и теплая атмосфера, что в какое-то мгновение возникло ощущение незримого присутствия в зале самого Мастера...

P.S. В эти дни выставку посетила родная дочь Ю. В. Ворогушина Надежда Юрьевна. Она выразила благодарность музею за устройство юбилейной выставки, поделилась своими бесценными воспоминаниями об отце и изъявила желание передать в дар музею часть принадлежащих ей работ.

Выражаем Надежде Юрьевне, а также всем, кто принял участие в Вечере памяти нашего выдающегося земляка огромную благодарность и признательность.

Вспоминая художника Юрия Владимировича Ворогушина

*Елена Ивановна Оленич, заведующая
Тульским областным художественным музеем*

ЗНАК МАСТЕРА

Автограф, монограмма, вензель, клеймо — все это знаки, которые ставят художники на своих творениях. Приходя в музеи, зрители с любопытством, а иные со знанием дела отыскивают их в картинах, скульптурах, произведениях графики и ювелирных изделиях. Некоторые удастся обнаружить сразу же, другие приходится внимательно поискать, так как они могут быть скрыты в самой композиции, располагаться на какой-либо неприметной детали или иметь необычный вид.

И если авторский знак на произведениях изобразительного искусства — дело довольно привычное, то о «подписных» произведениях архитектуры такого не скажешь. И, тем не менее, если внимательно рассматривать здания — храмы, дворцы, особняки, доходные дома, общественные постройки, то можно обнаружить разнообразные надписи. На аттике, фронтоне, в картуше над порталом часто указан год постройки здания; вензель владельца, монограмму донатора (спонсора) можно увидеть в узоре кованой решетки балкона, перил, воротах ограды, лепных элементах; за аббревиатурой часто скрывается название организации, для которой было возведено здание, и располагаться она может на деталях фасада или в мозаике каменного пола вестибюля, а в узоре витражного окна нам может встретиться чей-то личный или корпоративный девиз. Все это довольно пышные, заметные элементы, говорящие о статусах и вкладах, а подчас и об амбициях тех или иных личностей.

Но вот знаки зодчих, чьи талант и вдохновение создали произведение архитектуры, клейма искусных каменщиков и резчиков редко когда удастся найти — в очень уж неприметных местах они располагаются, если вообще были ими оставлены. Памятники архитектуры по масштабам не сравнить с произведениями изобразительного искусства, и можно много раз возвращаться к ним, рассматривать, но так и не встретить знака Мастера, если только кто-то из посвященных не укажет вам на него.

Именно такое событие и произошло в середине октября, когда в музей пришла Марина Григорьевна Баланюк и привела с собой Юлию Павловну Зайцеву и ее сына Егора — дочь и внука архитектора Павла Михайловича Зайцева, автора здания художественного музея. Они показали нам, ничего до этого момента не подозревавшим музейщикам разных поколений, знак автора. Прямо в вестибюле первого этажа, слева от парадной лестницы, на полу возле окна — латунный вензель «ПЗ» — «Павел Зайцев». Это было невероятно и очень волнующе! В 2014 году мы будем отмечать 50-летие нашего здания, специально спроектированного Павлом Михайловичем для музея, завершеного в 1964 году и ставшего, по сути, первым собственным домом для ценнейшей художественной коллекции, положившей начало художественно-историческому музею в Туле.

Величественное здание, гармоничное в своих пропорциях, с выверенными архитектурными деталями, соразмерное с окружающим его пространством — оно доминирует на площади Искусств. Элементы дворцовой архитектуры в интерьере — просторные светлые залы, парадная лестница с тремя маршами, залы с колоннами и, конечно, роскошные анфилады — словно дань памяти о тех временах, когда дворцовые коллекции монархов и аристократии были превращены в общедоступные музеи.

И в этом современном дворце — неприметный вензель скромного создателя...

П. М. Зайцев. Авторский знак. Ковка, латунь. Пол — брекчия
Фото Егора Кудинова

*Елена Ивановна Оленич, искусствовед,
заведующая Тульским областным
художественным музеем*

**К 50-ЛЕТИЮ ЗДАНИЯ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ И ПРОЕКТА ВЫСТАВОЧНОГО ЗАЛА**

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

Заслуженный архитектор РСФСР

Павел Михайлович Зайцев

12.12.1927 — 16.08.2005

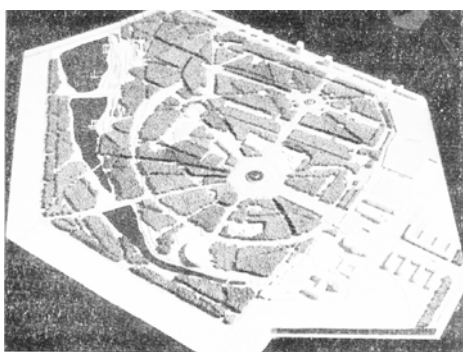
Замечательный человек, творец, десятки лет служивший образцом в искусстве зодчества в любимом городе, с добрым, отзывчивым сердцем, Павел Михайлович Зайцев родился 12 декабря 1927 года в Туле. Сначала вскоре после его рождения умерла мать, затем в 1936 г. был репрессирован отец — техник патронного завода. Павел Михайлович, как и многие его сверстники, начал трудный, нелегкий жизненный путь. 14-летним юношей поступил на работу токарем на машиностроительный завод. 1945 год — учился в коммунально-строительном техникуме, а в 1950-м закончил его, защитив на «отлично» дипломный проект «Архитектура жилого дома» по специальности техник-архитектор. Начиная с 1951 года работал в «Тулоблпроекте», в архитектурной мастерской И. П. Грызлова, с которым познакомился еще в техникуме, где Иван Порфирьевич преподавал. Зайцев всегда с большой теплотой отзывался о своем первом учителе-наставнике — Заслуженном архитекторе РСФСР и почетном гражданине Тулы, с которым они долго и плодотворно работали.

Первая самостоятельная работа Зайцева — это здание пожарного депо по улице Демонстрации. В 1964 г. на площади перед восточным входом в Центральный парк было закончено строительство здания Тульского областного художественного музея. Спокойная, строгая архитектура здания с подчеркнуто вертикальными членениями, выступающей центральной частью, образующей как бы портал входа с витражами и получившая высокую оценку не только тульских, но и московских специалистов. В послевоенной России это был первый объект такого рода. Далее по проектам П. М. Зайцева строятся здания ТГПИ имени Л. Н. Толстого, больничный комплекс с поликлиникой на улице Кирова, жилой дом на углу улиц Красноармейской и Фрунзе. Совместно с архитекторами П. А. Шатохиным и Л. Н. Бедриной он разрабатывает проект Диагностического центра. 50-летие советской власти было отмечено двумя мемориальными сооружениями. В 1967 г. на кладбище Коммунаров по проспекту Ленина, к востоку от могил, был сооружен высокий четырехгранный обелиск с барельефами на революционные темы, завершивший архитектурную композицию этого священного для города места. На уложенной плите увековечены имена борцов, отдавших жизнь за победу. Южнее этого монумента был открыт памятник тулякам — Героям Советского Союза. На фоне прямоугольной стены-стелы с именами героев, погибших в Великую Отечественную войну, стоит монументальная бронзовая фигура Матери-Родины. Авторы памятника скульптор С. Семенов, архитекторы Н. Громов, П. Зайцев. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в тульском парке был

создан уникальный зеленый мемориал по проекту архитектора П. Зайцева — на земляной насыпи было высажено 100 лиственниц. Проект Тульскгражданпроекта (авторский коллектив: руководитель архит. И. Грызлов, архитекторы В. Мокшанин, В. Илларионов при участии архитекторов А. Папшева, П. Зайцева, А. Андреева и П. Спасибова) решал задачу формирования нового центра Тулы на основе идей, заложенных генпланом с минимальными изменениями сложившейся исторически планировки левобережной части города. С 1965 года П. М. Зайцев занимается промышленным проектированием. Под его руководством выполняются проекты интерьеров промышленных зданий в Туле, Свердловске, Кургане, Орске, Анапе и других городах. После перехода на работу в Тульский художественный фонд он совместно с художниками и скульпторами разрабатывает целый ряд интерьеров и малых архитектурных форм для ДК Metallургов, гостиницы «Москва» и фабрики-кухни в Туле, для профилакториев, административных и культовых зданий (ограда храма Сергия Радонежского и др.). По его проекту в 1995 году реконструируется бывший кинотеатр «Заря» под музей художника Порфирия Никитича Крылова. Есть еще одна памятная страница в жизни мэтра тульской архитектуры. На смотрах-конкурсах ВДНХ СССР (1977—1980 гг.) его проекты по развитию Центрального парка Тулы занимают призовые (I и III) места, а сам Зайцев удостоивается двумя серебряными медалями. В 2000 году архитектор был награжден почетным знаком «За заслуги перед городом» I степени, а через год — медалью Союза архитекторов России. Не оставался в стороне архитектор и от военной темы. Бомбежки, баррикады в центре Тулы, окопы в парке хорошо запечатали детская память, а впоследствии помогла выполнить долг перед ветеранами. По проектам П. М. Зайцева возведены мемориальный комплекс во Всехсвятском некрополе, памятники боевой славы в Ефремове, Куркинском, Каменском, Ленинском районах, на Новомосковском шоссе и близ деревни Большая Еловая.

В 2005 году, последнем в его жизни, Павел Михайлович занимался разработкой проекта памятника Дмитрию Донскому возле храма Сергия Радонежского в Туле. По замыслу он должен быть выполнен из бронзы на гранитном основании.

Дело отца продолжила его дочь Юлия Павловна, которая также посвятила свою жизнь архитектурному проектированию.

Эскизный проект реконструкции парка. Макет, архит. П. Зайцев. 1973 г.

Тульский областной художественный музей. Площадь Искусств. Архитектура П. Зайцева. 1964 г.

Гостиница «Москва», 1971 г. Зал ресторана. Архит. П. Зайцев

Евгения Сумарокова. «Тулеский парк»

Начало проектирования Тульского областного художественного музея относится к 1954 году двадцатого века.

Его исходными данными послужили: заказ на проектирование Тульского областного управления культуры за № 11/19 от 11 декабря 1954 г., задание на проектирование, утвержденное Министерством культуры РСФСР от 27 августа 1954 года и архитектурно-планировочное задание городского архитектора. Решение Горисполкома и все соответствующие технические условия, необходимые для разработки проекта. Задание на проектирование отражало набор помещений, в нем было также оговорено, что задание должно иметь объем не свыше 10 — 12 тыс. м³, а стоимость не должна превышать 2,5 млн. рублей. В такие условия были поставлены проектировщики при разработке проекта. Участок для строительства первоначально был отведен в центре города на ул. Гоголевской. Задание было запроектировано с учетом возможности дальнейшего расширения музея в правую сторону. Строительством первой очереди объем здания предусматривался ассиметричным. Проектное задание было выполнено в следующих показателях: объем здания — 11338,0 м³; полезная площадь — 1683,9 м²; площадь экспозиций — 1400 м². Стоимость здания согласно сметно-финансовому расчету равнялась — 2836,4 тыс. рублей.

Заседанием архитектурной комиссией при Тульском областном отделе по делам архитектуры проектное задание было рассмотрено и согласовано. «Протокол № 20 от 28 июня 1955 г.» В августе 1955 г. Управлением капитального строительства Министерства культуры РСФСР проектное задание Тульского областного художественного музея было утверждено со сметной стоимостью 2530,6 тыс. руб. Протокол № 92 от

2 августа 1955 г. утвержден заместителем министра культуры РСФСР М. Пашковым. При дальнейшем проектировании в стадии рабочих чертежей был учтен ряд замечаний, отмеченных экспертизой Управления капитального строительства Министерства культуры РСФСР. К концу 1955 г. рабочие чертежи здания музея были закончены, но строительство на указанном участке осуществлено не было из-за отсутствия финансирования. В последующем на этом участке было выстроено здание плавательного бассейна.

В 1957 году Тульским Облпроектom был принят новый заказ на срочную привязку разработанного проекта здания художественного музея на новом месте — в квартале № 50, рядом со зданием Обкома КПСС. Вновь были представлены: программное задание заказчика, Областного управления культуры, архитектурно-планировочное задание от 28 июня 1957 года, решение Горисполкома за № 2 Т 15—18 от 17 июня 1957 года и необходимые технические условия. В короткое время, проект, без какой-либо переработки, был привязан на новом участке. Несмотря на то, что новые условия постановки здания на новом участке требовали некоторого пересмотра проекта, Тулоблпроектu не было представлено такой возможности. Строительство на участке в квартале № 50 также не было начато.

В 1958 году решением Тульского Горисполкома от 9 июля 1958 г. за № 3Т 16—18 был отведен третий по счету участок для строительства художественного музея — на свободной территории возле молодого парка Культуры и Отдыха. Вместе с новым решением было выдано и новое архитектурно-планировочное задание, в котором предлагалось произвести очередную перепривязку проекта музея без какой-либо переработки и изменения, но в увязке с решением площади перед входом в парк. Необходимо особо отметить, что здание музея явилось первым зданием и вообще сооружением, формирующим новую, очень важную в системе города предпарковую площадь. В виду срочности работы и неопределенности характера сооружений на этой площади она была решена в самой общей схеме. На основании этой схемы, здание музея было расположено на северной стороне площади, слева от предполагаемого главного входа в парк Культуры и Отдыха. Музей был привязан в единственном разработанном ассиметричном варианте, причем глухой кирпичный торец предполагаемого примыкания второй очереди был обращен к ул. Коммунаров — главной магистрали города. В конце 1958 года на основании этого проекта были заложены фундаменты, а затем строительство опять было прекращено из-за задержки финансирования.

Так как проект музея был разработан в 1954—55 годах, в нем были заложены устаревшие конструкции, но архитектурно он был решен в классических формах. Весной 1960 г. в связи с конкретной застройкой кварталов № 100 и № 101, связанных с предпарковой площадью, Тулоблпроектom был поднят перед заказчиком вопрос о необходимости пересмотра как архитектурного, так и конструктивного решения проекта. Предлагалось, прежде всего, довести здание до законченного объема с пристройкой недостающей трети объема, переработать внешний облик музея в связи с новыми требованиями современных архитектурных решений и, наконец, приложить действующие и изготавливаемые современные конструкции. На совещании у главного городского архитектора с участием заказчиков — УКСа Горисполкома, представителей отдела культуры и подрядчика было принято решение о переработке проекта. В течение 1960 г. проект был коренным образом переработан. Прежде всего, был увеличен габарит здания с созданием симметричного и законченного объема, ликвидирован спецподвал, изменен внешний облик здания.

Но ввиду того, что на момент перепроектирования фундаменты ранее запроектированной части были выложены с укладкой части подвального перекрытия, принципиальная схема здания не претерпела изменения.

Как было сказано выше, здание музея располагается на одной из важных, в градостроительном отношении площадей. К этой площади с главной магистрали города — ул. Коммунаров — с восточной стороны) ведет бульвар шириной 80 м. В западной стороне площади на оси бульвара будет организован главный вход в Центральный парк Культуры и Отдыха. На северной стороне площади запроектировано здание музея. Отведенный участок свободен от застройки и каких-либо посадок. Проектом предусмотрено озеленение участка и прилегающей к молодому парку территории. Проходящая между бульваром и предпарковой площадью улица Ф. Энгельса на отрезке между улицами Агеева и Стадионным проездом расширяется до 45 метров и будет максимально озеленена. Таким образом, озеленный участок здания художественного музея и улицы Ф. Энгельса, будут вливаться в зеленый массив парка. Светлый объем здания музея будет хорошо восприниматься на фоне парковой зелени. Площадь перед главным входом в парк должна быть вся асфальтирована за исключением центра, где будет бассейн в небольшом обрамлении цветников.

Здание музея имеет протяженность 66,68 метра, ширина корпуса 13,55 метра. По оси здания на 2 метра выступает портал шириной 13,64 м. Лестничная клетка вынесена из остального объема и имеет форму прямоугольника шириной 6,82 м и выступает на 7,67 м. Здание музея имеет три этажа и подвал. Высота этажей в чистоте 4,45 метра. Подвал имеет высоту 2,85 м. Планировочная система здания: на первом этаже размещены — вестибюль площадью 168,8 м²; гардероб площадью 45,4 м²; кабинет директора 14,75 м²; хозяйственная часть 10,7 м²; реставрационная мастерская 14,75 м²; комната научных работников 30,4 м²; библиотека 37,8 м²; экспозиционные залы прикладного искусства 102,6 м²; четыре экспозиционных зала для передвижных выставок 303,5 м². Второй этаж включает в себе экспозиционные залы для размещения русского дореволюционного искусства общей площадью 609,8 м²; лекторий 94,7 м² и холл 75,9 м². На третьем этаже предусмотрены залы для экспозиций западно-европейского искусства — 304,9 м² и залы для размещения советского искусства общей площадью 399,6 м². Имеющийся холл площадью 75,9 м² может быть использован для выставки скульптуры. В залах для увеличения площади под экспозицию намечается установка передвижных стендов, которые могут быть размещены перпендикулярно к простенкам между окон. Все залы анфиладно соединены между собой и дают возможность организовать нормальный поток посетителей для осмотра выставленного материала.

Связь с этажами осуществляется через парадную лестницу, которая запроектирована распашной с шириной маршей: средний 2,4 метра и боковые по 1,7 метра. Подвал предназначен в основном для хранения дополнительного экспозиционного материала. Общая площадь хранилищ составляет 401,4 м². Помимо хранилищ в подвале размещены: столярная мастерская 109,9 м²; фото-лаборатория 11,48 м²; электрошитовая 11,48 м²; помещение для установки кондиционирования воздуха с вентиляционной камерой общей площадью 146,7 м². Небольшой холл для курения 35,2 м² и мужской и женский туалеты. В качестве вспомогательного хозяйственного помещения для музея служит запроектированный на участке сарай площадью около 80 м². Настоящую планировку здания художественного музея можно считать первой очередью строительства.

Расширение экспозиционной площади можно вести путем пристройки большого выставочного зала. На генеральном плане участка показана возможность строительства зала, размеры которого могут быть 18,0 × 30,0 м. Выставочный зал музея должен быть повышенной высоты и иметь верхний свет. Связь с выставочным залом и зданием музея может осуществляться через небольшие одноэтажные коридоры галереи, пристроенные с обеих сторон лестничной клетки. Проемы лестничной клетки в существующем проекте решены с учетом строительства галерей и выставочного зала.

В окончательном варианте главный фасад здания художественного музея запроектирован в совершенных простых формах с четким ритмом вертикальных пилястр, идущих от цоколя на всю высоту трех этажей. Торцовые фасады решены тем же методом, что и главный. Основным акцентом здания, направленным на предпарковую площадь, является его центральная часть, которая решена в виде большого портала с главным входом в здание музея. Заполнение проемов в портале предусматривается из стеклоблоков. На верху портала и в нишах, идущих по парапету главного и боковых фасадов, запроектированы барельефы из белого цемента. Отделка фасадов осуществляется цветной терразитовой штукатуркой светлого тона с расшивкой поверхности на русты. Цоколь здания, главная входная лестница, импосты и обрамление входа в портале предусмотрены с облицовкой гранита красного оттенка. Вестибюль проектируется с облицовкой колонн и пилястр мрамором темного цвета. Полы в вестибюле типа брекчия из кусков мрамора красного цвета. В экспозиционных залах и холлах полы предусмотрены паркетные. Лепные карнизы и цельнопотолочные розетки устанавливаются в лекционном зале, холлах и вестибюле. Стены всех помещений штукатурятся и красятся масляными красками спокойных тонов на всю высоту.

Заключение о несущих свойствах грунтов на участке строительства художественного музея в г. Туле: в июне месяце 1958 года изыскательским отрядом Тулоблпроекта проводились инженерно-геологические изыскания с целью определения несущих свойств грунтов. На участке было пробурено три скважины общим метражом 24/ п/м по 8 п/м каждая скважина. Из скважин через погонный метр отбирались пробы на определение естественной влажности и монолиты для определения физико-механических свойств грунтов. Определения проводились в лаборатории Тулоблпроекта. В комплекс лабораторных определений входят определения естественной влажности, объемного веса, пределов числа пластичности, коэффициента пористости, показателя консистенции и компрессионные испытания.

Геологическая и физико-механическая характеристика грунтов: участок строительства, предназначенный под строительство художественного музея, располагается в г. Туле по третьему проезду. Поверхность участка ровная. Вскрытая восьмиметровая толща грунтов представлена породами четвертичного возраста.

Геологический разрез составляет породы: растительный слой мощностью 0,3 мт и коричневый, плотный, тугопластичный, слюдистый и суглинистый слой первой скважины. Распространен по всему участку с глубиной залегания 0,3 мт мощностью 1,2—1,7 метра. Естественная влажность его 19,6 % — 22,9 %. Предел текучести 30,4 %. Предел раскатывания 21,5 %. Коэффициент пористости 0,681. Показатель консистенции 0,158. Общая осадка грунта при нагрузке 3 кг/см² составляет 6,0 см/м. Коричневато-желтая, средней плотности, в почве желто-серая, пластичная и мягкопластичная, тонкозернистая слюдистая супесь по всему участку подстилает суглинки первого слоя на глубине 1,5—2,0 метра мощностью 3,0 — 4,5 метра. Естественная влажность 21,3 % — 24,4 %. Пределы текучести 26,0 % — 28,2 %. Пределы раскатывания 19,0 % — 21,5 %. Коэффициент пористости 0,598—0,672. Показатель консистенции 0,616 — 0,525. Общая осадка грунта при нагрузке 3 кг/см² составляет 6,2 см/м. Второй слой суглинка — серо-желтый плотный в почве бурый, очень плотный тугопластичный, тяжелый, слюдистый. По всему участку подстилает супесь на глубине 4,5 — 6,5 метров, вскрытой мощностью 1,5 — 3,5 метра. Естественная влажность 18,7 % — 23,2 %. Пределы текучести 31,3 %. Пределы раскатывания 16,6 %. Показатель консистенции 0,143. В процессе бурения всеми скважинами были встречены грунтовые воды. Установившийся их уровень в период изысканий находился на отметках 205,06 / скважина 1119 /; 205,02 / скважина 1118 / и 205,04 / скважина 1117/. Грунтами, пригодными в качестве основания под фундамент здания, будет служить

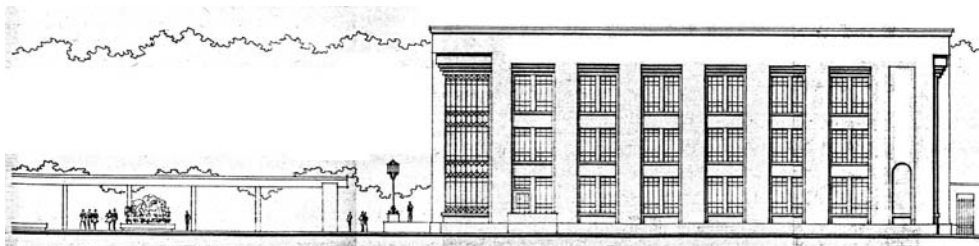
супесь, распространенная по всему участку, с глубиной залегания 1,5—2,0 метра, мощностью 3,0 — 4,5 метра. Допускаемая нагрузка на данный грунт согласно НИ ТУ - 127 - 55 г. и при коэффициенте пористости 0,7 будет равна 2,0 кг/см². В процессе бурения были встречены грунтовые воды на глубине 4,0 метра. Установившийся уровень их в период изысканий в июне 1958 года составлял 3—4 метра от дневной поверхности на отметках: скважина 1117/205,04/; скважина 1118/205,02 / и скважина 1119/205,06/. В паводковые периоды уровень грунтовых вод может подниматься на 0,5 — 1,0 метра от ранее установившегося.

Фундаменты запроектированы бутобетонные из бетона марки «75» и буто марки «200» для допускаемого напряжения на грунт 2 кг/см². Гидроизоляция выполняется выше уровня тротуара на 15—20 см. из 2-х слоев рубероида на клеемассе, в уровне полов подвала из слоя цементного раствора состава 1:2, толщиной 3 см. Поверхности стен подвала, соприкасающиеся с грунтом, покрываются горячим битумом за 2 раза. Внутренние стены подвала запроектированы из полнотелого красного кирпича марки «100» на растворе марки «50» толщиной 51 см. Стены первого и вышележащих этажей возводятся из штучного полнотелого красного кирпича марок «100» и «75» на теплом / наружные/ и холодном / внутренние / растворах марок «50» и «25». Толщина наружных стен принята 51 см., внутренних 51—38 см. Перекрытия — сборные железобетонные. Колонны, прогоны и импосты в центральной части здания запроектированы из монолитного железобетона. Перекрытия приняты из крупных панелей ПТК 64-12 и ПТК -63-12 с круглыми пустотами. Полы в экспозиционных залах предусмотрены паркетные по настилу с прокладкой строительного картона. В вестибюле пол — брекчия — из кусков мрамора красного цвета. В санузлах, курительном холле, в фотолаборатории и в помещениях с установкой для кондиционирования воздуха — полы из метлахских плит на лестничных площадках — мозаичные. Перегородки приняты гипсобетонные, из легких гипсовых плит толщиной 10 мм, запроектирована распашная лестница из сборных железобетонных ступеней по металлическим косоурам и балкам, площадки — из монолитного железобетона. Односкатная кровля принята из трех слоев рубероида на битумной мастике по цементной стяжке. Несущие конструкции кровли приняты крупнопанельные железобетонные плиты с армированными полами для покрытий производственных зданий. Плиты укладываются на металлические двутавровые балки и привариваются к ним. Оконные переплеты и двери для здания разработаны индивидуальные. Парадная дверь предусмотрена максимально остекленной в дубовой обвязке. Внутренние двери выполняются из дуба с последующей полировкой. Оконные переплеты выполняются из сосны и красятся в темный цвет, как из помещения, так и снаружи.

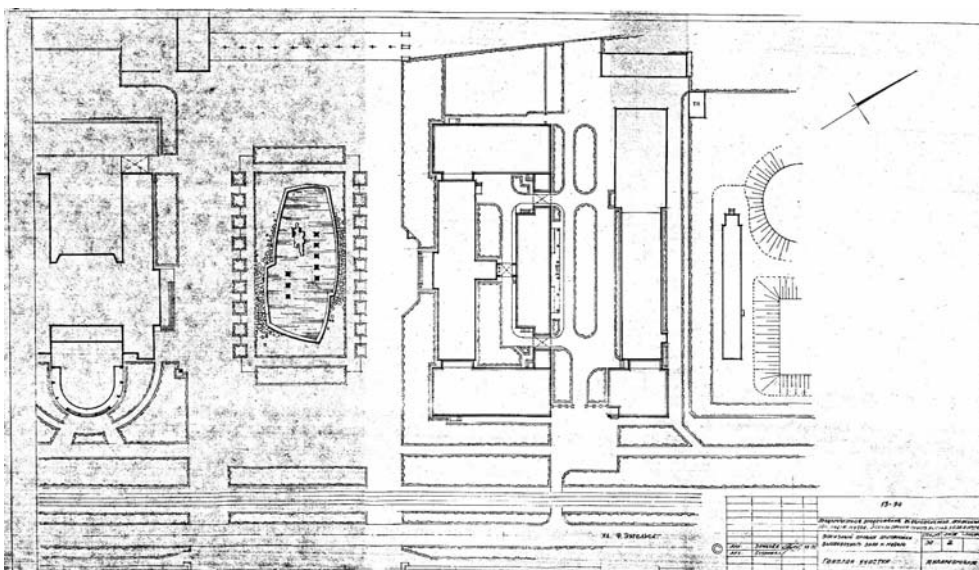
ЭСКИЗНЫЙ ПРОЕКТ КОМПЛЕКСА МУЗЕЯ И ВЫСТАВОЧНОГО ЗАЛА.

Фасад

Вид сбоку со стороны ул. Ф. Энгельса

Генеральный план участка. Площадь Искусств.

РСФСР
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РАЙОН

СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
Дирекция высоковольтных воздушных сетей
МОСЭНЕРГО

Тульский район электросетей
24 июля 1958 г. № Т/36

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
тов. ЛАВРОВУ К.

Копия; НАЧАЛЬНИКУ ТУЛЬСКОГО РАЙОНА ЭНЕРГОСБЫТА МОСЭНЕРГО
тов. ДУДАРЕВУ В.Н.

ГРУППА ПРИСОЕДИНЕНИЙ ВВС МОСЭНЕРГО
На Ваше письмо от 26/ VI -58 г.

Для электроснабжения вновь строящегося художественного музея рядом с парком К и О разрешаем подключение трансформаторной мощности 100 кв. при выполнении следующих технических условий:

1. Построить и смонтировать трансформаторное помещение по типовому проекту Гипрокоммунэнерго за К-432 и установить один трансформатор 180 кв. с вторичным напряжением 380/220 вольт.

2. Проложить и смонтировать кабель марки СБ-бкв сечением 3х70 мм² от Тп 10 до вновь строящегося ТП и от него до ТП № 33.

Длина кабеля будет определена после представления выкопировки из плана г. Тулы в масштабе 1: 500.

3. Электроснабжение от ТП выполнить кабелем согласно проекту.

4. Проект ТП месторасположение ТП, трассу прокладки кабеля согласовать с ТКС Мосэнерго и соответствующими организациями.

5. Проект внутреннего электроснабжения и учет согласовать с энергосбытом Мосэнерго.

Заключение разрешенной мощности будет допущено энергосбытом Мосэнерго после выполнения технических условий и сообщения о готовности установки к эксплуатации.

Настоящее разрешение действительно до конца 1959 г.

Гл. инженер
Тульского района электросетей

ПРОТОКОЛ

технического совещания при главном архитекторе города Тулы по вопросу рассмотрения проекта привязки Тульского областного художественного музея на площади у молодого парка

от 17 июля 1959 года

присутствовали:

1	Главный архитектор города	тов.	Мокшанин В.Н
2	От Тулоблпроекта	тов.	Смирнов Д.Д.
3	— —	тов.	Зайцев П.М.
4	от УКСа Горисполкома	тов.	Сентюрин В.Ф.
5	— —	тов.	Мелехин И.И.
6	Областное управление культуры	тов.	Некрасов Е.Н
7	От СУ-3 треста Тулметаллургуглестрой	тов.	Балдашев И.П.

После обмена мнениями — ПОСТАНОВИЛИ:

1. Строительство здания художественного музея на данном участке по очередям не по полному проекту, а с обрезанным правым крылом считать нецелесообразным.

2. Предложить УКСу горисполкома и Областному управлению культуры допроектировать здание художественного музея и, не прекращая начатого строительства, приступить к строительству полностью всего здания.

3. Тулоблпроекту до 15 августа с.г. выдать чертежи на полный объем здания художественного музея, осметить отдельно допроектируемую часть здания, а также составить общую сводную смету.

4. Учитывая, что лестница здания художественного музея имеет неравную высоты марки и является индивидуальной, рекомендовать сделать ее по металлическим балкам с гнутыми металлическими косоурами.

Председатель технического совещания — Мокшанин В. Н.
Верно:

Управление культуры исполкома Тульского
Областного Совета депутатов трудящихся
8 февраля. 1960 г
Начальнику тульской Проектной конторы «Тулоблпроект»
тов. Немцову П. М.

В дополнение к заданию УКС-а Горисполкома по проектированию здания художественного музея в г. Туле областное управление культуры сообщает, что оно дает свое согласие на пристройку правого крыла здания музея и увеличение высоты 3-го этажа до размера высот других этажей, согласно замечаний архитектурного совета.

Начальник Областного
управления культуры
Верно:

/М. Лобанов /

Литература:

1. *Зайцев П. М.* Проект Тульского областного художественного музея. Пояснительная записка, архитектурные и строительные чертежи, схемы. Эскизный проект комплекса музея и выставочного зала. Тульская областная проектная контора ТУЛОБЛПРОЕКТ. Тула. 1961 г. На правах рукописи. Из архива семьи архитектора.

2. *Савченко В. Н.* Город-герой Тула.— М.: Стройиздат, 1979.—192с., ил.— (Архитектура городов — героев), с. 63, 65, 84, 85, 87, 88, 90, 110.

3. *Зайцев П. М.* Доблестным предкам нашим: [О создании памятного знака тулякам — доблестным предкам. Беседа с создателями памятника — тульским архитектором и скульптором] / П. М. Зайцев, А. И. Чернопятков; Вел В. Варфоломеев // Тула вечерняя.—1994.— 17 мая.

4. *Зайцев П. М.* Призвание — зодчество: [Беседа с тульским архитектором] / Вел Э. Коротков // Тула вечерняя.— 1996.— 2. 1 авг.

О себе, о деятельности по благоустройству г. Тулы

5. Тульский биографический словарь в двух томах, т. 1(А-Л), Тула, изд-во «Пересвет», 1996 г., с. 217.

6. *Зайцев П. М.* Как и сорок лет назад. [Беседа с тульским архитектором, автором проекта реконструкции тульского кинотеатра «Заря», где создан музей художника Порфирия Никитича Крылова] / П. М. Зайцев // Тула вечерняя,— 1997.— 16 дек.— С. 1, 5.

О себе, о своей работе, об архитектурном облике г. Тулы.

7. О награждении государственными наградами Российской Федерации: указ Президента РФ № 244 от 04.03.98 // Собрание законодательства Российской Федерации — 1998.— № 10.— Ст. 1.180. В том числе о присвоении звания «Заслуженный архитектор России» П. М. Зайцеву, главному архитектору проекта ТАПП «Туларх-проект».

8. Наш современник: [Фото П. М. Зайцева, заслуженного архитектора РФ] // Тульские известия.— 1999.— 20 февр.

- Строил Тулу десятки лет, автор ряда проектов тульских зданий-памятников.
9. *Коротков Э. В.* Дом, где поселилось Прекрасное // Тула вечерняя.— 1999.— 30 дек.— С. 12.
- Об истории Тульского областного художественного музея, отмечающего свое 80-летие;
- об истории строительства здания музея, о П. М. Зайцеве, архитекторе, авторе проекта здания; о праздновании юбилея.
10. Первые лауреаты // Тула.— 2000.— 23 сентября — С. 1.
- О присуждении городской награды — Почетный знак Управы Тулы «За заслуги перед городом» известным деятелям города.
- Смотрите также: Поздравляем! // Тула вечерняя.— 2000.— 26 сент.— С. 3.; За заслуги // Молодой коммунар.— 2000.— 26 сент.— С. 2; «За заслуги перед городом» // Тула.— 2001.— 14 февр.— С. 14.
11. Зодчий // Тула.— 2002.— 11 дек.— С. 3: ил., фото.
- О тульском архитекторе и скульпторе П. Зайцеве, отмечавшем 75-летний юбилей.
12. *Изосина О.* Зодчий / О. Изосина // Тула.— 2002.— 18 дек.— С. 6: ил., фото.
- О тульском архитекторе П. М. Зайцеве, отмечавшем 75-летний юбилей; о тульских зданиях, построенных по проектам Зайцева.
- См. также. Куликов В. Соединяя красоту и пользу / В. Куликов // Тульские известия.— 2002.— 19 дек.
13. *Зайцев Павел Михайлович*: [Некролог] // Тульские известия.— 2005.— 18 авг.— С. 4.
- Заслуженный архитектор РФ, председатель тульского отделения организации Союза архитекторов.
14. *Куликов В.* Да будешь памятью в делах своих! / В. Куликов // СОЮЗ.— 2006.— № 2 (январь-февраль).— С. 14. О П. М. Зайцеве (р. 12.12.1927 — ум. 16.08.2005), туляке, Заслуженном архитекторе РФ, лауреате Почетного знака Управы г. Тулы «За заслуги перед городом»; одна из его работ — здание областного художественного музея.
15. Мастера строительных дел: книга очерков о тульских строителях/ ред. Р. В. Черноусенко.— Тула: Гриф и К, 2010.— Многогранность таланта большого мастера. (Павел Михайлович Зайцев), с. 314—316.
16. *Оленич Е. И.* Знак Мастера // Тульская правда.— №44 (57)(782) 22.11.2013 г. с. 8.
17. Тульский Белоусовский парк / Авторы — составители: Т. Г. Шилова, М. В. Майоров.— Тула: ООО «Борус-Принт», 2013 г., Зайцев П. М., с. 44, 45, 70, 106, 153, 155, 265.
18. Баланюк М. Советский метод архитектора, // Тульская правда.— № 47(60) (785) 13 дек. 2013 г., с. 8.

Публикация подготовлена М. Баланюк

Наталья Квасникова
(г. Москва)

**ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ
«НЕ ХВАТИТ ЛИ СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»?
(ЧТО НАМ СЛЕДУЕТ ВЗЯТЬ ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)»**

Наша историческая действительность в течение ближайших ста двадцати лет складывается таким образом, что мы с большим увлечением избавляемся от своего прошлого, в том числе недавнего. В Библии сказано: «Время разбрасывать камни...», и, хотя потери ощущаются уже не только душой, но и каждой клеточкой усталой плоти, никак не унимаемся. Не задумываясь, сносим исторические здания, на их месте возводим серый безликий бетон и радуемся — до тех пор, пока не ощущаем внезапно, какой холодной и промозглой становится наша жизнь. Вы не чувствуете порывов затхлого ветра из Средневековья? Лично я замечаю их все чаще. В странах Востока заметно усилились гонения на науку и достижения цивилизации, возросла дискриминация женщин, кое-где запрещено телевидение, музыка и даже шахматы. Задумалась, — чем же старинная индийская игра не ко двору пришлась? Размышления оказались недолгими, — развивает логику. Понятно, — там, где стремятся замутить чистые воды естественного развития человечества, способность здраво мыслить и рассуждать становится вредной крамолрой.

У Запада свои крайности. Разрешено вроде бы все, но навязчивое выпячивание и реклама телесных радостей явно и демонстративно затмевает ценности культуры и духа, тем более что для восприятия последних требуется недюжинный подготовительный труд, а первые заложены в инстинктах и легкодоступны на самых разных уровнях материального благополучия. В мегаполисах типа Сан-Пауло вообще на досуге нечего делать, кроме как перебираться из бара в ресторан, а оттуда в ночной клуб, — и обратно.

И тот, и другой варианты представляют собой способы искусственной деградации интеллекта, торможения гуманитарной прогрессивной сферы. Оба бесчеловечны и в своем роде крайне жестоки. Зато, очевидно, кажутся очень удобными определенному кругу лиц, которые, к слову сказать, обладают прочным и узкоэгоистичным софистическим мышлением, подобно малому ребенку, желающему завтракать, обедать и ужинать исключительно тортом и конфетами и не желающему есть суп. Не скоро, судя по всему, эти люди интеллектуально дотянут, в вопросе даже собственной настоящей пользы, хотя бы до младшего подросткового возраста лет двенадцати, не говоря уже о подлинной взрослости, — а, возможно, и никогда. Правда, в последнем случае, как говорил Буратино из известной сказки Алексея Толстого, я за продолжительность жизни разумного человечества «не дам и дохлой сухой мухи».

Впрочем, обратимся к России, к ее новейшей истории. В первом номере «Приокских зорь» за 2013 год Алексей Яшин каверзно «запустил» новую дискуссию о степени нужности для нас литературы советского периода. Вопрос этот, как нарыв, созрел уже давно, и теперь на его месте наблюдается отвратительный гнойный свищ, лечение которого может потребовать времени жизни не одного поколения.

В наш век Интернет до такой степени упрочил позиции, что на его просторах люди не только предаются роскоши обыденного общения, но и советуются друг с другом по различным житейским вопросам, в том числе о проблемах воспитания и приобщения своих чад к чтению. Недавно одна из мам в контакте спрашивала совета о том, какие русские и советские книги предложить ее тринадцатилетнему сыну. Тот ничего не желал читать до тех пор, пока неожиданно, по совету одноклассника (вкусы родителей не котируются) не ознакомился с романом Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (не приучены мы ценить свое, так и тянет на иностранщину). В ответ маме посыпались предложения дать мальчику «Доктора Живаго», «Собачье сердце», стихи Бродского, «Архипелаг Гулаг» и, слава Богу, «Тихий Дон». «Ни в коем случае» не позволять ему читать «Мальчиша-Кибальчиша», «Судьбу барабанщика» и вообще Аркадия Гайдара (!!), «Поднятую целину» и другие шолоховские произведения о Великой Отечественной войне! Особо агрессивные граждане, войдя в раж, требовали полного уничтожения данных ПРОПАГАНДИСТСКИХ книг.

То ли, перефразируя Ленина, народ нынче «страшно далек» от понимания собственной литературы и восприятия языка, то ли еще имеются некие теневые причины, но у таких советчиков даже не возникает и мысли, насколько уникальна по слогу, ритмике и стилю гайдаровская революционная сказка — настоящее чудо, подлинное сокровище, вне зависимости от идеологической направленности. Кроме того, воспитание патриотизма и веры в человеческое достоинство отнюдь, на мой взгляд, не вредит воспитанию молодежи, особенно в противоречивые и смутные времена. Аркадий Гайдар — несомненно, великий советский писатель. Только одно его произведение вызывает у меня желание промолчать — внук, о котором — или ничего (исключительно из уважения к деду), или много чего, но с большим количеством нецензурных выражений — тот редкий, при моем трепетном отношении к родной речи, случай, когда они допустимы и даже желательны.

Давно хотела сказать несколько слов и о романе «Собачье сердце». Возможным рассерженным оппонентам сообщаю, что Булгакова люблю и ценю, но это не основание, по моему мнению, чтобы во всем безоговорочно соглашаться с любой фразой из его творческого арсенала. Прошу прощения, — имею привычку анализировать читаемое и просмотренное.

Напомню часть исторически своеобразного диалога из упомянутого произведения.

«...— Вам известно, что... моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений?

— Известно, — ответил Швондер, — но общее собрание, рассмотрев Ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом Вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах...»

Булгаковский Швондер — персонаж одиозный, смешной и словно бы презренный. То, что он говорит, автор заведомо выставляет анекдотом и глупостью. Но в наше время, как и в описываемое Михаилом Афанасьевичем, никто не застрахован от возможности оказаться за бортом и без жилья, в том числе и вы, если обитаете в России. О других странах говорить не могу, так как не имею точных сведений, но, по слухам и теленовостям, и там не лучше, а то и хуже. У нас множество людей, неожиданно для них и негаданно, оказывается проданным вместе с домом частному владельцу, который назначает невозможные квартплаты в шестьдесят и более тысяч

рублей в месяц за какие-нибудь однокомнатные 30 кв. метров, где живут пенсионеры или те, кто зарабатывает за указанный промежуток времени вдвое-втрое меньше. Суды разводят руками — дескать, у нас частная собственность.

Во времена Швондера — Преображенского стремились утвердить социальную справедливость, уничтожить нищету и дать всем крышу над головой — возможно, не всегда просторную и в высшей степени удобную. Неужели подлинная забота о людях настолько смешна? Тогда предлагаю осмеять и размещение эвакуированных в жилищах тыловых городов и деревень страны — пусть бы дошли в оккупации и под бомбами в прифронтовой зоне. Революционная ситуация не менее критична, чем война, значит, несмотря ни на что, явно одобряемый Булгаковым профессор Преображенский неправ.

«Почему,— возмущается образованный и высококультурный герой,— пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает мрамор?»

Нелепый и, да простит меня общественность, не слишком умный вопрос для такого человека. Кто научил пролетария, кто его правильно и достойно воспитал, чтобы тот имел подобную привычку? Никто. Напротив, до обруганной и оплеванной революции 1917 года законы усердно препятствовали попыткам отдельно взятых самородков из рабочих или крестьян получить даже общее гимназическое образование. Я могу понять брезгливость и нелюбовь профессора Преображенского к пролетариату, но не то, что он всерьез может об этом спрашивать.

«...Я займусь исследованием мозга и докажу, что вся эта социальная кутерьма — просто-напросто больной бред...»

Конечно, если профессор лично в тепле и при академическом звании, один за счет МНОГИХ других людей, чей удел вычищать Авгиевы конюшни ради удобства НЕКОЛЬКИХ, то любой протест или недовольство снизу, из помойки — возмутительное безумие, так как нарушает приятный уклад жизни наверху. И наглый беспардонный Полиграф Полиграфыч Шариков оказывается неисправим в силу именно социальных причин, а доктор Преображенский глубоко аморален в своих философских воззрениях на народ, хотя не притязает на тело Зины и не душит котов. Конечно, это не отменяет яркой, хотя порой софистической меткости булгаковских характеристик, необычайного своеобразия и остроты прозы Михаила Афанасьевича, художественной ценности его произведений.

Скажу несколько слов о творчестве Горького, Шолохова и Алексея Толстого. Учитывая величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне и затем в скорейшем восстановлении разрушенного хозяйства огромной страны, стыдно, по-моему, в нынешние времена продолжать утверждать социальное неравенство человеческой общности, поскольку сама история доказала, что подобное разделение и безнравственно, и неверно. Пропаганда, говорите вы? Не буду спорить. Однако пропаганда такого рода ведет к воспитанию лучших и прекраснейших человеческих чувств, которые стимулируют созидание и взаимное уважение членов социума, а не примитивный животно-агрессивный эгоизм, отупляющий и разрушающий личность.

Взять один только рассказ А. Толстого «Русский характер»: героине даже не приходит в голову отвергнуть любимого человека из-за того, что его лицо, красивое до войны, обезображено в бою снарядами. Никогда не забуду острейшие эмоции, испытанные мной в школьном возрасте при прочтении. *«Егор, я с Вами собралась жить навек...»*

Какую горькую иронию ассоциативно вызвали во мне спустя много лет строки из турецкого (в целом неплохого) романа «Королек — птичка певчая» о том, что в такой ситуации молодому мужчине одна дорога — погибнуть в бою или отправиться на корм рыбам — ни одна, дескать, девушка его не полюбит. И в том, и в другом произ-

ведении пропаганда, разве нет? А результат прямо противоположный, соответственно смыслу. Выбор за вами.

Горький — еще один гигант нашей литературы и, хотя многие, свои и чужие, пробовали «бросить в него камень», убеждена — для тех, кто способен воспринимать русскую письменную литературную речь, он никогда не утратит своего значения.

Не то, чтобы я не видела недостатков эпохи социализма — то есть того варианта его построения, который нам довелось наблюдать, но возмущает прежде всего омерзительная неразборчивость — не критики — примитивного огульного оплевывания любых отличительных черт данного исторического периода, вплоть до высочайших и уникальнейших достижений, до сих пор являющихся поддерживающим фундаментом нынешней российской действительности.

Настойчивые попытки подрывать и обрушить скалу по имени Михаил Шолохов тоже не дали — и не могли дать! — никакого весомого эффекта. Считаю, что в «Поднятой целине» не меньше, чем в «Тихом Доне», мастерство писателя очень точно отразило всю сложность изменений в психологии людей, живших в разгар событий начала XX века, и сравнивать, противопоставлять эти произведения — искусственная натяжка.

Теперь, когда я внесла и собственный вклад в обсуждение темы дискуссии, пора перейти рассмотрению присланных в редакцию материалов.

К сожалению, вынуждена согласиться с безрадостным для российского читающего и пишущего содружества выводом Сергея Прохорова, главного редактора журнала «Истоки», издаваемого в Красноярском крае: *«нынешние руководители просто-напросто литературой не интересуются»*. С иной точки зрения невозможно объяснить бесконечные и безобразные эксперименты, проводимые над нею и русским языком, откровенно глумливые: сначала дичайшие для слуха нормального человека публичные предложения упразднить правила орфографии и рассуждения на эту тему, затем беспрепятственные урезания часов изучения данных дисциплин в школах и прочих учебных заведениях, наконец, на фоне самого настоящего кривлянья по поводу объявления «года русского языка» назначается комиссия во главе с Ольгой Голодец, которая у нас, очевидно, «и швец, и жнец, и в дуду игрец», универсальная женщина, кандидат экономических наук. То ей поручают медицину и фармацевтику, то Пенсионный фонд, то цветные металлы и драгоценности, а нынче и восстановление статуса русского языка и литературы. Правда, всегда почему-то ненадолго. Похоже, главная суть этих назначений состоит отнюдь не в достижении публично объявленной цели, особенно — если первое, что предложено сделать в указанном направлении — слить две дисциплины, литературу и русский язык, в одну. Поистине — гигантский шаг в сторону полного уничтожения российской культуры.

Знаете ли, я всерьез начинаю опасаться того, что подлинные ревнители и сберегатели наших с вами истинных ценностей — эмигранты, живущие за пределами страны. Игорь Карлов из Мозамбика больше тревожится о судьбах советских классиков, нежели те, кому это надлежит делать по определению.

«Если трезво взглянуть в лицо суровой действительности,— пишет он,— то отчетливо понимаешь, насколько обоснованны тревоги людей, болеющих душой за русскую культуру, за будущее нашего народа, принудительно лишаемого этой культуры. Но при всем цинизме современных рыночных варваров вряд ли оказалось бы возможным единым махом смести в мусорное ведро отечественную литературу. Потребовался переходный этап. Потребовалось продемонстрировать нечто, не имеющее ни художественной, ни интеллектуальной ценности, нечто такое, что и выбросить было бы не жалко. В качестве такого суррогата литературы было выбрано одно из течений в беллетристике: постмодернизм...»

Мы нынче потрясающе организовали свою жизнь, граждане! У нас везде суррогаты: в материнстве, в еде, в любви, в счастье и в семье, в труде, а в довершение всего — еще и в культуре. Невозможно понять всю глубину недалечности и алогичности мышления тех, кто сегодня стоит у руля. Неужели им неясно, что праздник жизни на помойке кончается быстро и безрадостно? Детская надежда, загадив все здесь, уехать на Канары с украденными банковскими билетами — мыльный пузырь, не более. Протрите глаза, повертите головой хорошенько — любому здравомыслящему человеку уже понятно, что с тех пор, как разрушили российскую культуру, весь мир стал быстро погрязать в невежестве и бездуховности, стремительно разворачиваясь к Средневековью.

«Забвение человеческого образа, помрачение ума, добровольное сладострастное самоуничтожение, постоянное расчесывание своих болячек, потрава всего, о чем можно было бы сказать звенящим нравственной высотой русским языком — это и есть постмодернизм».

Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!» Плюнем в Горького презрительно-глупым словечком «совок» — и готово: замороченные люди, к сожалению, даже не только молодежь, обсмеют цитату. «Над чем смеетесь», несчастные? «Над собой смеетесь!» И побредет по мощеной или асфальтовой дороге очередной убогий постмодернист Иван Бадхи с раздолбанной гитаркой, вообразив себя поэтом:

*«Закрывшись на щеколду утром,
Он наслаждается собой.
Духовную или другую пищу
Он исторгает из себя,
Одну в трубу, другую в книгу...»*

А. Н. Толстой мечтал: «Наши дети будут ходить... с гордо поднятой головой». Эх, Алексей Николаевич, не получилось. В XXI веке они на родном языке не могут связать и 2—3 слов без запинки, если это не мат, а их кредо: «Мне что, больше всех надо?» Стремления не идут дальше материального благополучия и потребительства. Нечем гордиться, стыдно и больно. Дипломированные журналисты, редакторы пишут и говорят с телеэкранов с позорнейшими ошибками в языке. После стольких полетов в космос, постоянно озвучиваемых в СМИ, после эпохи Королева и Гагарина, наши девушки и парни неуверенно отвечают на соответствующий вопрос, что, наверно, все-таки Солнце вращается вокруг Земли. Если бы я оказалась в числе руководителей страны, то сгорела бы со стыда перед всем миром, когда бы у меня хоть один человек сказал с экрана телевизора что-нибудь подобное.

А наши правители — ничего, слышат и не краснеют.

«...К сожалению, пока наши дети учатся жизни на... непонятных переводах книг о Гарри Поттере и на другой мистической литературе о вампирах и вурдалаках. В основном зарубежных писателей...» — с горечью констатирует Сергей Лебедев из Тольятти.

Хочу добавить — хоть переводы делались бы на высокохудожественном уровне! Да вот беда — все наспех, не на русском, а на коекаковском языке...

«Всегда любил и люблю русскую литературу, — пишет московский профессор Рудольф Артамонов. — Мой бог в литературе Чехов. Совершенно «безыдейный» писатель».

Так ли это? Убеждена, — среди классиков нет безыдейных. Перечтем «Ваньку» или «Спать хочется», «Горе» или «Кошмар». Где же тут безыдейность? Вполне определенный протест по поводу социальной несправедливости. А в рассказе «Невеста»

явственно проступает идея посвятить свою жизнь борьбе с этой самой социальной несправедливостью.

«Писатель, мое глубокое убеждение, должен быть безыдейным». Думаю, автор этих строк, несмотря на профессорское звание, очень однозначно понимает смысл слова «идея».

По-видимому, он связывает его с принадлежностью к какому-либо политическому течению или к партии. Но,— и это не моя мысль, хотя я с ней полностью согласна,— существуют идеи добра, прогресса цивилизации, идея любви к Родине, миротворчество, наконец, идея сохранения и развития русского языка и родной литературы, развиваемая и в статье А. Яшина *«Не хватит ли сбрасывать Пушкина с корабля истории?» (Что нам следует взять из русской литературы советского периода)»* Следовательно, Чехов, как ни крути, очень идейный писатель — именно поэтому он и остается в памяти мыслящего читателя. При всем том его никак не назовешь советским, хотя бы по времени жизни.

Рудольф Артамонов сам противоречит своему утверждению «безыдейности» великих писателей. *«Любая высокохудожественная литература — интернациональна»*,— пишет он. Разве это — не идея? Еще какая! — и очень близкая к коммунистическому направлению, против которого автор осторожно, в основном между строк, протестует. И, по-моему, напрасно. В том времени немало хорошего. Во всяком случае, побольше, чем в нашем.

О Маяковском — я люблю читать его партийные стихи, вполне понимаю чувство гордости за «серастый, молоткастый». Моя дочь, 25 лет, восхищается этим стихотворением и знает его наизусть. Ей понятны гражданские эмоции поэта. ВСЕ величайшие достижения страны, хочет это признавать кто-то или нет, остались в советском прошлом. Чем вы, уважаемый профессор, предлагаете гордиться сейчас? Ироническими детективами Донцовой? Утопленной в океане станцией «Мир»? Внедрением ЕГЭ? Или, быть может, грядущим в скором времени окончательным уничтожением бесплатной медицины?

Солженицына не люблю. Фамилию считаю говорящей сама за себя. Его «нобелевское лауреатство» — просто хорошо оплаченное своевременное предательство. В данном конкретном случае. В отличие от Бунина, который просто не принял революции, но остался великим русским писателем.

«Наш главный редактор «Приокских зорь» прав, когда пишет, что литература 90-х и нулевых находится в глубоком моральном кризисе»,— это единственное замечание, где я полностью согласна с Р. Артамоновым и, конечно, с А. Яшиным. Однако добавлю, что кризис не только в низком качестве книг, изобильно продаваемых книжными магазинами, но и в искусственно возводимых препятствиях на пути к читателю для талантливых авторов, действительно владеющих русским языком.

С большим интересом ознакомилась с мнением Владимира Трусова из г. Мончегорска Мурманской области. Не могу возразить против его выводов о том, что *«...безоглядная хула, равно как и хвала, бесперспективны, ибо не дают возможности объективной оценки любого явления»*. А советская литература — мощнейшее явление в судьбе нашей страны, думаю, с этим никто не решится спорить. *«...Нам нельзя быть столь беспечными и расточительными по отношению к русской советской литературе. О ней можно и нужно спорить, ее необходимо изучать и просто читать, ... уважать и ценить. Иначе мы вновь наступим на канонические «грабли», отказавшись от значительной части своего же культурного наследия... Разрушение никогда и никому не приносило пользы...»* Здесь, пожалуй, поспорю — разрушение чужой культуры и чужого наследия может принести временную пользу не слишком умному и недальновидному врагу, не понимающему, что творение любой культуры

суть наследие всего мира. Фашисты в Карелии так варварски вырубали ценную карельскую березу, вывозили ее в Германию на мебельные фабрики, что советским биологам пришлось восстанавливать полностью погубленный вид дерева клонированием. Завоевателям и в голову не пришло побережь ее хотя бы для собственных потомков,— если исходить из предположения, что карельские земли остались бы под властью немцев.

Конечно, когда не завоеватель, а сам народ рубит под корень свое же собственное достояние, то это преступление особого рода, что мы наблюдаем сейчас, так сказать, в текущий исторический период. В виде стремления уничтожить родной язык, сведя его к ничтожному минимуму, по возможности подменяя американизмами типа о`кей или уродующими слова вкраплениями латинских букв между русскими (магазин и прочее). В виде нападков на советскую литературу, подарившую нам богатейший спектр речевой палитры, а также обладающую мощнейшим положительным воспитательным эффектом. Именно последнее качество и вызывает у определенной прослойки социума столь большое желание ее уничтожить.

Ольга Пономарева-Шаховская кратко прошла по историческим этапам развития российской литературы. «Золотому веку» наследовал «серебряный», а затем пришел черед литературы советского периода. Все это были времена качества, а не количества, и никак не погони за прибылями. *«Детальную проработку темы может себе позволить человек не только талантливый, но и умеющий работать над словом, понимающий необходимость этой работы, отдающий себе отчет в том, что он делает и с какой целью.... Такой писатель может перевернуть всю рукопись многократно в желании вставить одно-единственное слово в нужное место для того, чтобы мысль заблестела и стала понятной каждому»*,— справедливо пишет она.

Нельзя не согласиться с Ольгой в вопросе уважительного отношения автора к своему труду. Сейчас, взяв в руки известный толстый литературный журнал, нередко можно встретить стихи, не содержащие знаков препинания, не разделенные даже на отдельные предложения. При ближайшем рассмотрении обычно оказывается, что таким образом малограмотный автор обезопасил себя от неизбежных ошибок в пунктуации, громко заявив о своем якобы новаторстве в области стихосложения. *«Казнить нельзя помиловать»* — и вся недолга. Даже новая «философия» на этой почве, как плесень, завелась — называется «сотворчество поэта и читателя». Дескать, каждый, прочтя, расставит запятые и точки по своему усмотрению (и степени грамотности, наверное). Так собственное невежество выворачивается наизнанку — вдруг сойдет? К сожалению, это безобразие поощряется редакторами. Наводит на мысль — может, они тоже... малограмотны? Или просто сознательные вредители? Но тогда и Сталин не был так уж неправ.

С автором следующих материалов, Иосифом Руховичем, я всласть поспорю — на правах давнего товарища. Впрочем, под заголовком его статьи *«Нечтение — угроза национальной безопасности»* готова подписаться обеими руками, хоть и не являюсь амбидекстером. В самом деле — буквально культивируемая ныне массовая безграмотность, невзирая на демонстрационную суету и звучные образовательные лозунги, приводит не только к усыханию и гнилоственному речевому и моральному разложению, но и стремительному оглуплению людей. Подобная общность не способна на сознательный патриотизм и солидарность, на трудовые свершения, она может проявлять только темные инстинкты толпы. Ею легко управлять в самых грязных и агрессивных целях. Мне, правда, трудно понять, каким образом это может в чьих-либо глазах перевесить пользу и удобство существования разумной личности в просвещенном и творчески организованном социуме. *«Привычно считать,— рассуждает И. Рухович,— что искусство — факультатив, непосредственно в производстве материаль-*

ных благ не участвующее. А, стало быть, хочу — читаю, хочу — нет... И в самом деле для того, чтобы читать, нужно изучить художественный язык... затратить немало времени и сил. Довольно сильно умственно напрячься. Стоит ли? Пользы вроде бы никакой и денег явно не принесет...»

Ответить на такой стереотип мышления можно только одним: глубина мысли оформляется в слове, слово укрепляется только чтением, без чтения нет сознательно-го творчества, а без творчества не прогресса. Во всем вышесказанном я с И. Руховичем согласна вполне. Но следующие строки явно спорны. *«Считается, и совершенно справедливо, что если стихи можно пересказать прозой, то это не поэзия».*

Не все стихи легко пересказать прозой, но очень многие. «Евгения Онегина», к примеру, запросто. Лично я читала очень поэтичное переложение в прозе «Слова о полку Игореве». Сказки Пушкина. При некотором умственном усилии и поэму «Мцыри», которую Рухович приводит в пример. Утверждение это не только не справедливо, но и такая же стандартная редакторская отговорка, как, например, «неформат». Никто, даже сам редактор не знает, что под этим подразумевается, зато звучит умно и категорично, бедному начинающему поэту как будто нечего и возразить.

Еще об одном речевом аспекте. Нецензурщина затопила наши улицы, дома и даже кино, театр, литературу, подобно содержимому лопнувшей канализационной трубы. Прочитую понравившиеся мне выводы И. Руховича по этому вопросу: *«Мат, как и стихи, тоже инобытие языка. А свято место пусто не бывает. Не читаем стихи, потребность в выразительности замещается матом и искажением слов. Когда пришла к нам эта нынешняя оснащенность устной и письменной речи? Правильно, когда пришло нечтение. И прежде всего стихов. До этого Екатерина Великая, внедряя литературу, сумела очистить хотя бы письменный язык. И не надо говорить, что мат существовал всегда. Да, конечно, но в читательские времена употреблялся по назначению — как ругательства... Ныне же ненормативная лексика выродилась в сквернословие...»*

К сказанному хочу добавить мое собственное маленькое исследование. Как-то раз мне в руки попал томик, содержащий стихи классиков с использованием ненормативной лексики, причем выбранные образцы буквально изобиловали этой самой лексикой. Сначала, открывая книгу, я подумала: «Неужели они смогли даже из такого мусора создать шедевры?» Могу сообщить сразу — чуда не получилось. Вирши, прочитанные мной, не несли ни малейших признаков не то, что гения, — самой простенькой незаурядности не проглянуло ни в одной из этих рифмованных строчек. Слезливые гитарные песенки эзков, сочиненные на нарах без применения мата, показались подлинной поэзией по сравнению с содержимым этого сборника.

Даже великие люди несвободны от пороков и недостатков, можно простить им грехи ради того прекрасного, что они создали в периоды настоящего вдохновения, но стоит ли хранить и распространять грязь, которую им случилось выплеснуть не в лучшие моменты их жизни?

Однако вернемся к литературе советского периода. Мы уже выяснили ее несомненную ценность и необходимость не только в развитии российской культуры, но и в судьбе нашего народа. Вспоминали титанов — Шолохова, Горького, А. Н. Толстого. Я хочу дополнить список еще двумя именами, которые неотъемлемы от эпохи социализма.

Александр Грин, романтик, певец моря и любви, полностью лишенной эгоизма. *«Этот совершенно чистый, как алая утренняя струя, полный благородного веселья и царственности цвет являлся именно тем гордым цветом, какой разыскивал Грэй. В нем не было смешанных оттенков огня, лепестков мака, игры фиолетовых или лиловых намеков; не было также ни синевы, ни тени — ничего, что вызывает сомнение. Он рдел, как улыбка, прелестью духовного отражения»...*

Константин Паустовский, волшебник слова. *«Каких цветов только тут не было!.. Поздняя иранская сирень. Там в каждой чашечке скрывалась маленькая, как песчинка, капля холодной влаги... Густая акация с отливающими серебром лепестками. Нежная синяя вероника, бегония и множество разноцветных анемон... Взмолнованная Маргарита, еще ничего не понимая, быстро оделась. Она надела свое самое лучшее... платье... Потом она засмеялась, потом слезы появились у нее на глазах... Она догадывалась, что этот праздник устроен для нее...»*

Печальная и горькая любовь Пиросмани. А «Кота Ворюгу» читала неоднократно, и ни разу глаза не оставались сухими.

Чудеса, сделанные своими руками...

Тот, кто рискнет сказать, что это безыдейные писатели или — что они не нужны современной России, пусть первый бросит в меня камень.

Николай Струна
(г. Тула)

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ежегодно издаваемый сборник произведений тульских писателей «Иван-озеро», можно сказать, является визитной карточкой нашей писательской организации, или, образно выражаясь, визитной карточкой нашей литературы.

Действительно, по содержанию и по качеству произведений, помещенных в «Иван-озеро» можно судить об уровне нашей тульской поэзии и прозы, о направлениях развития тульского литературного творчества. К сожалению, в прошлом 2012 году не удалось выпустить очередной номер сборника из-за финансовых и организационных затруднений. А поэтому в сборнике «Иван-озеро — 2013» фактически помещены материалы двух писательских лет и поэтому он оказался достаточно объемным по содержанию (474 с.).

В чем еще особенность сборника «Иван-озеро — 2013»? За счет большого объема помещенного материала удалось увеличить тематику как прозаических, так и поэтических произведений. Широко представлены произведения различных литературных жанров, включая литературную критику, исторические очерки.

Среди прозаических произведений я бы отметил рассказы Н. Парыгиной, А. Яшина, В. Маслова, Н. Смирнова, Г. Маркина, Э. Георгиевского, С. Крестьянкина, Т. Белицкой, А. Вишневецкого, В. Пашутина.

Удивительно, как умудряется Наталья Парыгина так просто, убедительно и, в то же время, мудро напомнить известную истину: «яблоко от яблони недалеко падает». В ее рассказе «Цепочка» нашла свое отражение судьба, по современным понятиям, многодетной семьи: кроме трех дочерей появляется еще один ребенок — мальчик. Н. Парыгина показывает, как отец постепенно, исподволь «воспитание» сына подменяет втягиванием его в алкогольную зависимость. Григорий, классный механик завода, своих дочерей не любил, не обижал и не наказывал, поэтому их не коснулось его «воспитание». А вот из своего единственного сына он решил сделать настоящего мужика. Недостаток воли, потакание поступкам мальчика и потеря авторитета отца привели, в конечном итоге, к моральному падению сына, совершению им преступления и тюремному заключению. Наталья Деомидовна очень точно передает всю гамму настроения основных персонажей, в первую очередь Григория и его сына Вадима. От рассказа веет какой-то необратимостью, приводящей к такому финалу.

Рассказ Алексея Яшина «Растерялись» увлекает образностью своего сюжета, колоритом морских причалов Североморска, миром коротковолновой связи. Во времена, описанные в рассказе, радиолубительская коротковолновая связь в военных и гражданских училищах была распространена. «Николка с Серегой проходили трудо-

вое обучение по радиотелеграфному делу — «морзисты» на ключе, то есть не выходя за пределы школы — в радиоклассе. А практиковались в школьном же радиоклубе, работая на коллективной радиолюбительской коротковолновой станции...».

В то время радиолюбители пользовались карточками-квитанциями (QSL-карточками), высылаемыми в подтверждение проведенных радиосвязей. Случайная, казалось бы, встреча с Юрием Гагариным, конечно, стала своеобразной изюминкой в сюжете, окрасила его особым смыслом.

Кстати, рассказ Алексея Яшина «Растерялись» стал первым лауреатом Первого Каверинского международного конкурса (2011 г., Северный флот, Полярный) в почетной номинации «За верность Северу и Северному флоту».

От прозы Валерия Маслова впечатление двойственное. Его притча «Господь нас слышит!» хоть и короткая, но от нее исходит какое-то неуловимое тепло и спокойствие, как будто сам читатель побывал на Святой земле. А вот идею второго рассказа я, честно сказать, не понял. Сюжет обыденный, можно сказать, банальный, связан с извечной истиной: «седина в голову, а бес в ребро». Такой дачный роман, или курортный роман, или служебный роман — все это отражение одной и той же ситуации: уже пожилой, но «интересный» человек влюбляется в жену своего сына — «сношеньку». И мне показалась в этом сюжете неестественной сцена, когда сын достает пистолет и направляет его на отца. Но при этом «дачный поселок продолжал жить летней жизнью, полной внезапной страсти, быстрых любовных романов и душераздирающих интриг». Мелодрама какая-то.

Неизгладимое впечатление оставляют рассказы Николая Смирнова «Путешествие из Москвы в Полубабино». Очень натурально звучит речь «плечистого, небритого мужика в шахтерской спецовке и заляпанных ссохшимся цементным раствором резиновых сапогах». Вникая в его простодушную смачную речь, веришь словам, веришь поступкам людей труда, шахтерам, которым приходится иметь дело с жуликами и проходимцами. В наше беспокойное время, время хозяйничанья варварского капитализма в руководящие органы, как правило, выходят именно жулики и проходимцы. И, может быть, нетипичный случай, когда могильщик подменил в могиле «братка» на убитого кобеля (рассказ «Гроб с музыкой»): «ночью гроб выкопал, братка выкинул, гроб вместе с музыкой на мотоцикл в коляску и сюда. В нем Бобика и схоронил». И все-таки противодействие бесчинствующим бандитам в наше время становится повсеместным. Вспомним, хотя бы, нарастающее стихийное движение в молодежной среде против педофилов.

Как всегда, в хорошем стиле выдержан рассказ Геннадия Маркина «В городе». От его рассказа действительно веет «свежестью деревьев, скошенным сеном, медом и спелыми наливными яблоками». Читая рассказ, понимаешь, как мы далеко ушли от природы, от земли нашей, которая и составляет наше естество, наши корни, наше духовное и физическое здоровье. И начинаешь понимать, куда катится такая цивилизация, в которой «писком» моды являются «рванные штаны», или «перстни в губах, как у дикарей». Цивилизация, при которой так силен чиновничий аппарат, где жалобы передать возможно только почтой, которая также является колесиком в громадной бюрократической машине. Цивилизация, при которой наши начальники, подчас нами же выбранные, отгораживаются от народа комиссиями, почтовыми отделениями, секретарями, кабинетами и другими препонами. Цивилизация, при которой «слуги народа лучше хозяев живут».

В рассказах Эдуарда Георгиевского я отметил повторение ситуации с блужданием человека по лесу, с тревогой за человека, оставшегося наедине с природой. Аналогичная ситуация произошла с героем Вадимом в рассказе «По грибы» («Иван-озеро», 2010 г.). И в рассказе «Круглое озеро» Вадим также долго ищет свое озеро и в

повествовании изложены все подробности этого поиска. Рассказ написан уверенным языком беллетриста со всеми классическими атрибутами: завязка рассказа, развитие, кульминация и благополучное окончание. Но рассказ получился слишком пресным, в нем недостает одного элемента — социальной коллизии. Ситуация с героем довольно напряженная, но абсолютно бесконфликтная, потому что в нем отсутствуют другие действующие персонажи.

В рассказе Сергея Крестьянкина «Поломанный прибор или русская смекалка», написанном с легким юмором, в сюжетной линии имеется недосказанность, которая и составляет интригу повествования. Рельефно переданы образы водителей транспортного предприятия, в особенности Лехи — «тридцатилетнего мужичка невысокого роста, сидящего на подножии автомобиля и нервно курящего (одну за одной) папиросы «Беломорканал»».

Рассказ Тамары Белицкой «Палочка Караяна» вводит нас в яркий мир большой музыки, и вместе с ним в невидимый мир соперничества, интриг и подлости. И мне вспомнилась тема «Моцарта и Сальери», в основе которой лежит достижение цели любым путем, даже в таких областях, как музыка, искусство, литература. Неужели высокое искусство могут сопровождать низкие помыслы и поступки? Мне ближе сфера литературы, и применительно к ней я могу ответить — да, это так, и тому мы часто видим подтверждение. Конечно, чаще всего эти помыслы не приводят к смертельным исходам.

Александр Вишневецкий, опытный беллетрист-рассказчик, представил два сюжета — «Светлый путь» и «Дрова от Ворошилова». Первый рассказ это по существу небольшая зарисовка деревенского пейзажа, заметное место в котором занимает деревенское кладбище и сама деревня, которая «смотрела на дорогу темными закрытыми окнами». Само название — «Светлый путь» автору представляется как насмешка над чаяниями и устремлениями людей, надеждам которых не суждено сбыться. И в то же время, образ девочки «на бугорке возле куста шиповника» вселяет надежду: «Она что-то кричала, радостно улыбалась, а русые кудряшки метались по ветру, завивались и путались...» Надежда в наших детях.

Второй рассказ «Дрова от Ворошилова» посвящен дореволюционному времени прошлого века. Место действия — город Луганск, «старый каменный дом почти в центре Луганска». События, произошедшие здесь, описаны по-отечески тепло, с хорошей проработкой деталей. С исторической достоверностью отображены деревенские нравы того времени.

Понравились рассказы Владимира Пашутина. От обоих рассказов исходит аромат детства, нелегкого детства военного времени. Особенно впечатлил меня неожиданный поворот сюжета в рассказе «Как я в плен немца взял». Такие рассказы не могу читать без улыбки, без воспоминаний своего детства, которое тоже было нелегким в материальном плане, но светлым, безоблачным и бесшабашным.

В поэзии хотелось бы остановиться на стихотворениях классического направления с преобладанием патриотической тематики и на стихотворениях, в которых часто преобладают эмоции, настроение, а подчас юношеский задор. Среди поэтов первого направления я бы отметил В. Пахомова, В. Ходулина, Г. Иванова, Г. Красникова, Н. Рачкова, С. Куняева, В. Маеренко, В. Савостьянова, Б. Голованова. А среди поэтов второго направления отметил бы В. Сапожникова, К. Струкова, И. Агибалову, Ю. Лукаша, И. Пархоменко, В. Ткач, И. Мельникова, Е. Баранову, В. Киреева, Н. Сорокину, Е. Трещева, О. Пономарева, А. Новгородского, Н. Боева, В. Родионова, С. Куликова, В. Тимохина, Е. Барткевич, А. Ланцова.

Не буду касаться стихотворений москвичей Геннадия Иванова, Геннадия Красникова, Николая Рачкова и Станислава Куняева. Бытует мнение, что эти поэты —

наши ориентиры в поэзии. А поэтому не смею оценивать ориентиры, по ним надо просто равняться. И все же возникает вопрос, с какой стати в нашем тульском сборнике помещены стихи поэтов другого региона, в качестве ориентиров, что ли? Но об этом лучше спросить редактора сборника.

Читая Виктора Пахомова, я хотел бы остановиться на стихотворении «Последний рубеж». Интересная сама идея стихотворения: «России душа — душ людских отражение...» Но с таким выводом, какой делает при этом автор, я в корне не согласен:

*И коль всюду идет наших душ разложение,
Ничего не мешает России пропасть.*

Считаю, что душа России впитала в себя не только души живых, но и души наших предков, а это и душа Пушкина, и Блока, и других великих поэтов, и души погибших на полях сражений, отдавших свои жизни за нашу Родину... И эти души не дадут «России пропасть». Россия должна подняться с колен, с глубины своего падения, в самой генной природе русских заложено возрождение России. Вообще мне показалось, что стихи В. Пахомова отдают меланхолией и неоправданным пессимизмом.

Валерий Ходулин, как всегда, «на своем коне». Стихи у него добротные, четко выверенные, выражаясь его же языком — «крепко сбитые, ладно скроенные». По его стихам можно изучать историю Тульского края, его знаменитых земляков.

У Виктора Маеренко в стихотворении «У вечного огня» есть такая реприза:

*Я бы всех вас вернул — не могу
.....
Я бы всех помянул — не могу
.....
Сколько вас — сосчитать не могу
.....
Я построил бы вас — не могу
.....*

Такое построение стихотворения способствует нагнетанию (в хорошем смысле) психологического напряжения у Вечного огня. И заключительный аккорд — четверостишие об оставшихся в живых фронтовиках:

*Я стою на коленях сейчас
У огня, где живут ваши души,
И молюсь, чтобы не было хуже
Тем, кто выжил и Родину спас.*

Все стихотворения В. Маеренко проникнуты безграничной любовью к Родине, к родным местам.

*Шла тропинка возле речки,
По тропинке в тихий час
Я шагал. А жил в местечке,
Где Макар телят не пас.
Глухомань. Тропинка к лесу,
Я — за ней, она в траве
Убегает, куролесит,
Будто память в голове.
Это детская привычка
Бегать лесом, по полям,
Где жила моя синичка,*

*Не подвластна королям.
Я мальчишка, я не знаю,
Кто кому был наречен,
Бегал к ней я теплым маем,
Как за солнечным лучом.
Я — мальчишка и не верил
В журавлей и сладкий край,
Я синицей счастье мерил,
Убегая сердцем в рай.
«Тропинка»*

Поэт Валерий Савостьянов очень ответственно отнесся к своей подборке стихов, к их тематике, к их качеству. Из 11 его стихотворений — семь новых, не печатавшихся в книгах автора ранее. В том числе «Орден Блокады» — в память о Туле 1941 года. И сегодня, когда мы приближаемся к 70-летию Победы, об этом особенно важно написать и напомнить о Подвиге туляков-ополченцев и вообще всей Тулы в 41-ом году.

Касаясь поэзии В. Савостьянова, хочется привести отрывок из стихотворения «Желание», показывающий его жизненную позицию как «поэта и отца»:

*Нет, я не Пушкин, я иной.
Вся жизнь, похоже, за спиной —
И вряд ли что она к судьбе
Еще прибавит.
Но я хотел бы до конца
Свой путь поэта и отца
Пройти в надежде и борьбе —
Как подобает.*

И в то же время в поэзии В. Савостьянова, на мой взгляд, недостаточно стихов о нашей молодежи, о ее проблемах, о современных язвах общества. Думаю, что такому опытному поэту, как В. Савостьянов, следует активнее переключаться на современные темы.

Владимир Сапожников представил в сборник хотя и небольшую подборку (всего два стихотворения), но она выделяется глубиной лиризма, своей задушевностью. Читая его стихотворения, я каждый раз ловлю себя на том, что хочется их перечитывать, находя каждый раз новые нотки в настроении:

*Я встретил осенью тебя,
Когда листва зазолотилась,
И что-то в сердце оголилось,
Жизнь беспросветна — не любя!
Кружилась, набегала тьма,
В пустынном парке вечерело,
И мы гуляли ошалело,
Как убегали от себя...
Но от себя не убежать!
И, если сердце не остыло —
Жизнь не покажется постылой...
Тебя вновь хочется обнять!
Твое дыханье ощутить,
И, как когда-то загореться,
В наряды юности одеться —*

*Тебя, прекрасную, любить!
А под ногами лист шушит,
Твои глаза луны светлее,
Мы затерялись в той аллее,
Где бродят призраки души...*
«Аллея»

В поэтической подборке Изольды Агибаловой в целом стихи неплохие, проникнутые переживаниями любящей и, возможно, любимой женщины. Мне показалось, что большинство представленных ею стихотворений на осеннюю тему, а это тема прощания, а, может быть, прощания:

*Обнаженные ветви березы,
В легком танце кружит листопад,
И как памяти горькие слезы
Льется дождь из небесных заплат.
О тепле и любви грезит осень,
Бабым летом тихонько грустит,
Мы прощенья за что-то попросим,
И она нас, конечно, простит.
Мягко стелются желтые травы,
Мокрым птицам не хочется петь.
По утрам ледяные оправы
Лужам в небо мешают смотреть.
Каждый год так случается снова —
Летних снов неизменный уход;
Промелькнет отраженьем былого
Лист последний, что ветром несет.*
«Осень»

Но мне кажется, в представленном стихотворении встречаются не очень удачные определения. Например, режут слух такие сочетания: «небесных заплат», «ледяные оправы».

В стихотворении «Вот и осень в гости заглянула» есть такие строки

*Листья замечает ветром встречным,
И блестит дождем промытый люк.*

При чем тут люк? С ним возникают совсем другие ассоциации. Отнюдь не лирические.

Стихотворения Юрия Лукаша, как всегда, впечатляют своим тонким, прочувственным осмыслением действительности. Считаю, по последним публикациям, его стихи достаточно высокого уровня, уровня сформировавшегося поэта. А подчас нисколько не уступают стихам членов писательской организации.

Читая стихи Ирины Пархоменко, каждый раз убеждаюсь, какие поэтические способности заложены в этой яркой неординарной женщине! Казалось бы сейчас много стихов о России, о Родине. Однако, таких проникновенных стихов, как у Пархоменко, я не слышал:

*Последние дни уходящего лета
Я в памяти долго хотел сохранить:
Те дни, озаренные солнечным светом,
Холодно-бодрящим и красным рассветом,
И паутинки летящую нить...*

*И стай отлетающих сети густые,
Мониста янтарные в ветках берез.
Мой край ненаглядный, Россия, Россия!
Мне в жизни не встретить любимей, красивой,
Тех мест, где родился, учился и рос.
«Моя Россия»*

И все же «ложку дегтя» придется добавить (чайную). И в приведенном стихотворении, и в некоторых других изложение идет от мужского имени: «...хотел сохранить», «...очарован, влюблен так, что даже сердца стук замирает в груди». Непонятно, в чем смысл изменения пола. Может быть от имени, допустим, *Андрея Пархоменко* стихотворения звучат более убедительно?

Валерий Кулешов — поэт не просто своеобразный, но и по очень звучный, напевный, как настроенный музыкальный инструмент. Я слушал стихотворения В. Кулешова в исполнении самого автора и поддавался какому-то гипнозу его выступления. Впечатляют, например, такие строчки из сборника «Иван-озеро»:

*Жизнь отстучит свое,
отзвук останется:
шелест былья на остывшем пороге,
странною строчкой в новом прологе
старая грусть...
Становая — лишь станция
неисточимой железной дороги.*

* * *

*...В мире, исполненном Словом,
присные имена
откликом, смыслом, основой
были и есть для меня.
Жизнь — чтобы прозвучало
Славою о Творце
Божественное Начало
в каждом земном конце.*

Стихи Виктории Ткач, представленные в сборнике, выполнены на хорошем профессиональном уровне. Свои личные мотивы она рассматривает через призму мироощущения, поэтического осмысления «вселенства, вечности, тишины...».

Заметен творческий рост поэта Игоря Мельникова. Я сравниваю его подборку стихов в сборник «Иван-озеро» с его стихами из журнала «Приокские зори», № 1, 2013 г. Очень глубоко и актуально звучит его стихотворение «Народ»:

*Страх душит, душит! Но отпустит.
Мол, поживи еще денек,
Что напоен щемящей грустью
И тлеет, словно уголек.
А ты закуришь папиросу
И нервно так заявишь мне:
«Нет, лучше впроголодь и босым,
Но жить в своей Родной стране...»
И я скажу в ответ: «Дружище!
Среди богатств страны твоей,*

*Ты был и остаешься нищим.
Но не сдавайся и не пей».
Пусть наши предки нам помогут,
И наша правда нас спасет.
Мы не сдаемся, слава Богу.
А значит — жив еще народ!*

Из молодых поэтов хочется отметить Елизавету Баранову. Она умело сочетает научную и преподавательскую деятельность (работая в ТулГУ доцентом) с творческими успехами. В 2001 году она заняла первое место по результатам отборочного тура, проводимого редколлегией альманаха «Мы с реки Есенина», в 2002 году заняла второе место на городском конкурсе поэтов. Она — дипломант областного литературного конкурса, посвященного 50-летию Союза писателей России.

В ее стихотворениях известные, казалось бы, понятия и явления высвечены под другим ракурсом и поэтому приобретают новый смысл, новые краски:

*Я в поисках Доброго Слова скитаюсь,
Найду и — клянусь — буду вечно дружить с ним.
Расправило небо свой облачный парус.
И мерно плывет по течению жизни.
И я впопыхах, задыхаясь — на гору,
Бегом — на возвышенность — к чистому небу,
Мне кажется, там — возле самого Бога —
То Слово, искомое мною по свету.
Вот-вот прикоснусь и возрадуюсь...
Тицетно —
Здесь — в небе, увы, абсолютно безмолвно,
Безлюдно, безгрешно и даже — бессмертно,
И только последствия Доброго Слова...
На землю — обратно — к реальности ближе,—
Скажите, хоть кто-нибудь, Доброе Слово!
Но мир Доброты основательно выжжен,
Раздавлен, распорот, распят, колесован,
Но жив... И уста наши сомкнуты, словно
За миг доброты будет кто-то наказан...
И только застрявшее Доброе Слово
Подкатится к горлу мучительным спазмом
И вырвется все же на волю...
Нам надо послушать себя и к себе присмотреться,
Ведь Доброе Слово — оно — где-то рядом,
Точнее — внутри нас, у самого сердца.
«Доброе слово»*

Теплые, искренние стихотворения в подборке Валентина Киреева. Это поэт, который одинаково сильно пишет на любые темы — от личных, любовно-лирических до философских, мировоззренческих. И, несмотря на солидный возраст, он для поэзии еще молод и душой, и телом:

*Пройдя крещение голодом и холодом,
Хлебнув воды в избытке и огня,
Я чувствую, что сердце бьется молодо,
Что старость не касается меня.
Что дурости во мне еще наверчено*

*И бес не в ребрах, а во всех местах,
Что милая еще волнует женщина,
Причем не только в мыслях и мечтах.
Еще я не умею долго хмуриться,
Когда мне неудача бьет под дых,
Еще под ношей не спешу сутулиться,
Которой бы хватило на троих.
Пусть годы мчатся птицей-колесницей,
От жизни я пока не устаю,
Расцветен быт мой дорогими лицами
И счастлив я — на этом и стою.
«На том стою»*

В подборке у В. Киреева стихотворения о детстве («Ботинки»), о деревне, о силе чувственного воздействия поэзии («Живые стихи»), о памяти, воплощенной в обелиски. Прочитав стихотворение «У обелиска» хочется постоять и подумать о тяжелых последствиях войны, о необходимости памяти военного периода нашей истории.

*Поклонились, молча постояли,
Положили скромные цветы,
У обоих на груди медали,
Рукава, по одному, пусты.
Выжили, перетерпели горе —
Каково безруким вековать!
Но приходят к обелиску в поле,
Чтоб вот так, склонившись, помолчать.*

В Щекино и Щекинском районе Евгения Трещева знают не только как известного поэта, но и как видного краеведа, педагога, автора многочисленных литературно-краеведческих книг, учебников и пособий, ветерана газификации родного края, главного редактора альманахов «Приупские просторы», «Солова», инженера-строителя, члена Союза писателей России, члена Петровской Академии наук и искусств.

Евгений Трещев — поэт, достигший заметных успехов не только в поэзии, но и бизнесе, предпринимательстве. И он знает цену не только абстрактной лирике, но и вполне реальной борьбе в мире рынка, конкуренции, производства. И в деловом мире так же кипят страсти, так же зло сталкивается с добром. В наше время в любом деле ценится сила:

*Совещания — разборки,
Отношения очень тонки.
Дипломатию разводят,
С камнем друг за другом ходят.
Здесь всегда закон один,
Кто силен — тот господин.
Слабость будешь проявлять,
Все начнут тебя кусать.
Лучше всех медведь сидит.
Важно смотрит и сопит.
Если лапой шевелит,
Стая сразу вся молчит.
Ситуацией владеешь,
Значит козыри имеешь.
Не владеешь — тут беда,*

*Будут рвать в куски тебя.
Совещания — разборки,
Отношения очень тонки.
Дипломатию разводят,
С камнем друг за другом ходят.
(«Надо зубы показать»)*

Владимира Сапронова на сегодняшний день можно считать одним из тульских классиков. Подборка стихов у него хорошая, достойная уровня сборника, искренняя, как и почти все у Сапронова. Однако, несколько слабее три первых стихотворения: в них можно отметить излишнюю прямолинейность...

У Александра Новгородского стихи своеобразные, не каждый читатель может их оценить в полную меру. Своеобразие его стихов заключается в ритмике, которая соответствует былинным песням. Такие песни раньше исполняли барды, поэтому можно считать, что А. Новгородский продолжатель песенных традиций бардов. Его стихи как будто частушки среди стихотворений классического стиля.

*Бродит по полю Ивашка.
В поле — лебеда.
Хоть за пивом, хоть за бражкой
Парень хоть куда!
Брандахлыст и бедолага.
Сам себе во страх.
Не один такой Иваха
В брошенных полях.
(«Чудо»)*

Поэт Николай Боев в сборник представил стихи об охоте и свои поэтические раздумья о вселенной, о превратностях судьбы. Причем первые два стихотворения написаны давно (1960, 2000 гг.) и характеризуют замечательного поэта Боева тех лет. Создается впечатление, что к современным стихам требования автора снижены. В стихотворении «На даче» встречаются неточные по смыслу словесные сочетания («дачной гарантии соль», «достаточна шалость»). И, надо сказать, получилось не очень удачное четверостишие, к каждой строчке которого я бы поставил знаки вопроса:

*Где-то пьют ресторанные люди,
Коньяком запивают икру
И тасуют рекламные блюда
Те, что нам не пришлись ко двору.
(«На даче»)*

От стихов Сергея Куликова я ожидал лучшей проработки затронутых тем. Сравнивая представленные в сборнике стихи с ранее опубликованными (например, в альманахе «День Тульской поэзии 2013»), мне показалось, что в этот сборник автор поместил не самые лучшие свои стихи. Я, например, не согласен с его такими строчками:

*Родина — всего лишь только искра
В переливах Вечного огня.*

Пожалуй, несколько отдельно стоит стихотворение «Возвращайся!». В нем целая гамма чувств: и искренняя тревога, и сострадание, и надежда.

Поэтесса Елена Барткевич представила хорошую подборку стихов. Впечатляют, например, такие строки:

*Вспоминаю: августом лучистым
Полыхнул напротив синий взгляд
Как под небом ясным в поле чистом
Я попала в грозовой разряд.
(«Разряд»)*

*Третий год я горю в огне,
Пусть незримо — но наяву.
Третий год по ночам во сне
Я бессильно Тебя зову.
Исчезаешь — и дни пусты.
Виновата ли в том сама? —
Много способов знаешь Ты,
Чтоб надежно свести с ума.
(«Незримо»)*

Считаю, что Е. Барткевич — поэтесса перспективная и способна на большие свершения на поэтическом поприще.

Литературно-критические очерки и очерки на краеведческую и историческую тематику заметно оживили сборник «Иван-озеро», хотя, по сравнению с другими направлениями, авторов, принявших в них участие, гораздо меньше. В их числе Николай Дронов, Марк Дубинский, Николай Мых-Степняк, Вячеслав Боть, Марина Баланюк, Борис Роганков, Олег Каширин, Вячеслав Михайлов.

Из литературных исследований, пожалуй, наиболее яркий очерк писателя, кандидата исторических наук, доцента Николая Мыха-Степняка «А был ли мальчик-то?» (Солженицын — в апреле 1964-го). Очерк посвящен беседе полковника внутренних войск Ткача Романа Семеновича и уже знаменитого в те годы писателя Солженицына, живо помнившего годы, проведенные им в лагерях «Архипелага Гулаг». Интрига заключается в том, что вдова писателя Н. Д. Солженицына тогда еще не была женой Александра Исаевича и не могла подтвердить или опровергнуть поездку Солженицына в Крым. А вот биограф писателя Л. Сараскина сомневается в том, что Солженицын был в апреле 1964 года в Крыму. В ее картотеке нет никаких данных на этот счет. Автор доказывает, основываясь на рассказе Ткача и на ряде других материалов, что это был именно Солженицын, который жил тогда полуподпольно, боясь, что собранные им документы, воспоминания бывших заключенных тюрем и лагерей попадут в руки госбезопасности, а он сам может быть даже арестован. Потому-то мало кто и знал о поездках писателя по стране. Очерк написан живым языком, читается с интересом и представляет малоизвестную страницу биографии писателя — лауреата Нобелевской премии по литературе.

200-летию начала Отечественной войны 1812 года, Бородинского сражения и полного изгнания неприятеля из России посвящены очерки Вячеслава Ботя и Николая Дронова. А 300-летию создания в Туле первого в России казенного оружейного завода посвящены очерки Марка Дубинского и Олега Каширина.

Вячеслав Боть напомнил в своем очерке «Отечественная война 1812 года и тульский край» о причинах войны 1812 года, о стратегическом плане Наполеона «разгромить русские войска в одном или двух больших сражениях, овладеть Москвой и Тулой и обезоружить Россию. Наполеон рассчитывал уже в пограничных сражениях первого месяца войны добиться победы». Фактически тот же самый блицкриг, на который рассчитывал Гитлер в другой Отечественной войне, 1941—1945 гг. И начало войны также отмечено схожими датами: 24 июня в войне 1812 года и 22 июня в войне с фашистской Германией.

О сходстве этих войн обстоятельно подчеркивает в своем литературном анализе событий Николай Дронов («Почему в России мороз — рядовой, а в Европе — «генерал»»).

Согласно листовкам, выпускаемым французскими завоевателями, «внезапно выпавший снег и мороз в шесть дней расстроили дух его (Наполеона) армии и отняли мужество у солдат, хотя русские мало тому способствовали». Однако русский генерал Крейц свидетельствует: «Французы погибли больше от голода, изнурения, беспорядка, грабительств и потери всякой дисциплины, а кавалерия — от тех же причин и от весьма дурной и безрассуднойковки лошадей». Интересный вывод делает Н. Дронов:

«Внимательный читатель, конечно, спросит, а в чем при таком разговоре юмор? Юмор, оказывается, в другом: Наполеон был авантюристом!

Вторгшийся в Россию Бонапарт не имел для большого похода своих войск достаточного количества провианта, полевых кухонь, палаток, нормально обеспеченных медикаментами и перевязочным материалом полевых лазаретов... Уже в Смоленске на перевязки ран французы использовали пергаменты из городского архива!

Уверенный в скором успехе, Наполеон ограничился обозом с продовольствием (в Данциге) из 10 тысяч фур».

Такая же сказка о влиянии «генерала-мороза» на результаты сражений с нашими войсками «оказалась на Западе очень живучей, повсюду известной и до сих пор востребованной!»

«Оказывается, если бы не морозы, то немцы выиграли бы Ледовое побоище, имевшее на Руси место быть 5 (12) марта 1242 года!

Ну, конечно же, всех вместе переплюнули фашисты, «объяснив» миру свое поражение под Москвой в 1941-м и под Сталинградом — в 1942-м только морозами, снегами, бездорожьем, грязью и русскими просторами».

Однако, как указывает автор, «по свидетельству наших фронтовиков и просто очевидцев, фашисты, захватив любой населенный пункт, немедленно отбирали у населения все нужные им теплые вещи. Точно так же они поступали и по отношению к нашим пленным воинам, тут же снимая с них шинели, телогрейки, сапоги, валенки, шапки».

И в конце своего очерка Николай Дронов делает сильное и очень глубокое по смыслу заключение о выполнении обещаний, которые выдают завоеватели России своим верноподданным:

«Наполеон, был уверен в скорой победе и в его армии, помимо маркитанток, офицеры везли с собой жен, детей, гувернанток и горничных: всем было обещано, что зимовать они будут в новых имениях. Но и эта «интеркадра» вместо теплых московских поместий получила пепелища, а вместо обильной еды — голод, болезни и смерть!..

Более «оригинальным» по части русского пряника для своих войск был Гитлер. Взятые в плен под Тулой в 1941-м году его рядовые «супермены» на допросах в один голос признавались, что фюрер соблазнил их гарантией — в случае победы, каждый его солдат получит 1000 гектаров нашей земли и 50 рабов!..

Но и здесь оказалось, что большинству коричневых завоевателей («фермеров») хватило, как и шведам, и французам, неглубокой ямки с горсткой (сверху) вожденной земли, а вместо рабов — каждому достался номерной березовый крест!»

Олег Каширин обстоятельно и увлеченно рассказывает в своем очерке «В начале славных дел» о рождении в 1712 году Тульского оружейного завода, о значении нашего тульского оружия в войне со Швецией, в Отечественной войне 1812 года, о развитии Тульского оружейного завода при Петре I, при Екатерине II, при Павле I и Александре I. История завода тесно пересекается с событиями войны 1812 года и другими войнами:

«Потом были кампания войны с Турцией, Крымская война. Двадцатый век начался с позорной войны с Японией; изнурительная Первая Мировая бойня, Гражданская война... Но это уже темы других рассказов.

Жизнь продолжалась, и все это время безопасность Отчизны защищало тульское оружие!»

Приятно удивила Марина Баланюк. Ее очерк «О Стечкине Игоре Яковлевиче» изумил как подробностями биографии известного конструктора оружия, так и анализом конструкций автоматического оружия, им разработанного. Стечкин И. Я. прославил Тулу разработкой современных пистолетов, пулеметов, малогабаритных автоматов. «За заслуги в создании 9-мм пистолета АПС в 1952 году он удостоен звания лауреата Сталинской премии 2 степени. В дальнейшем его конструкторская деятельность была отмечена награждением в 1962 году медалью «За трудовое отличие», в 1971 году — орденом Трудового Красного Знамени, в 1997 году — орденом Почета, ему присвоено почетное звание Заслуженный конструктор Российской Федерации».

Следует отметить, что М. Баланюк не первый и, надеюсь, не последний раз приятно удивляет своим творчеством и, можно сказать, что это удивление перешло в признание ее заслуг в краеведческих, исторических и литературных исследованиях. Ее очерки (например, «Творчество Натальи Парыгиной» в журнале «Приокские зори» № 2(15) 2009 г. и «Героическая оборона Тулы» в книге «Ежи» на площади Победы») отличаются подробным, обстоятельным анализом фактического материала, объективной оценкой жизни и деятельности замечательных людей.

Неожиданно для меня, в сборнике «Иван-озеро» прочел очерк Бориса Роганкова «Память» о творчестве и безвременной кончине Светланы Георгиевны Микушкиной. К сожалению, в журнале «Приокские зори» Б. Роганков публикуется редко. Дело все в том, что я хорошо знал всю семью Микушкиных — саму Свету, ее мать Валентину Васильевну и ее отца Георгия Климентьевича, ведь мы с этой семьей были соседями. И наши встречи с этой семьей «по-соседски» проходили, как правило, за дружеским столом, за чашкой чая, с чтением стихов и беседами о творческих судьбах наших писателей. Иногда в этих беседах принимал участие и писатель Владислав Аникеев.

Светлана занимала заметное место в литературном движении Тулы и Тульского края. Жаль, что так рано прервалась ее насыщенная, деятельная жизнь. Думаю, что память об этой замечательной, талантливой, красивой женщине останется навсегда в сердцах, знавших ее.

Не буду повторяться о достоинствах сборника «Иван-озеро 2013». Для объективности оценки следует отметить и некоторые его недостатки, понижающие общее впечатление о сборнике.

Редактор и составитель сборника Пахомов В. Ф. — в единственном лице. К сожалению, он не волшебник и один не в состоянии отредактировать и издать такую объемную книгу. Произошло явное обезличивание целого коллектива людей, принявших участие в выпуске сборника.

Желательно разделение материала на три части: проза, поэзия, публицистика и литературоведение.

В сборнике отсутствует предисловие, это непозволительно для такой большой книги.

Желательно рядом с фотографиями авторов помещать краткие сведения о них.

Что ж, надеюсь, что в будущем году сборник «Иван-озеро» выйдет с учетом всех изложенных замечаний, в нем появятся новые имена, новые таланты и его выход станет заметным явлением в Тульской литературе.

Нина Попова
(г. Москва)

ЕДИНЕНИЕ СУДЕБ — ПЕРЕКРЕСТΙΑ СТРОК

Нина Попова — член Союза писателей России и Академии российской литературы. Автор книг поэзии «В душе несем мы прожитого след...», «На Земле все Любовью согрето!» и музыкально-поэтического альбома «Я научу слова летать...». Лауреат литературных премий им. Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина.

Все мы — как реки, в которых облаками отражаются души ушедших. А тем более — души поэтов, чьи судьбы трагически прерваны, безвинно распяты палачами истории. Их недопетая песня звучит в своей скорбной недоговоренности, невыплеснутой звездной силе, стремясь возродиться в новом сердечном слове. Пробиваясь, озябнувшая, через миры и года, она ищет родственную себе душу и, если находит, — расцветает в ней.

Гумилевские традиции в творчестве Владимира Федорова

Когда я думаю о Николае Гумилеве, гневная тоска охватывает меня — грубым, кованым сапогом красного террора была раздавлена такая жизнь, такой блистательный солнечный талант. Столько сокровенных строк не отзвенело, не отплакало и не отрадовалось!

Как и чем восполнить все украденное и вырванное из наших сердец, чем заменить радость творческого дружелюбного откровения, поэтического предвидения, небесного опьяняющего полета?... Ловлю себя на том, что прозорливо пытаюсь разглядеть его след во всем талантливом, ярком, дерзком и вдохновенном. А Судьба, напутственно и отечески наблюдая за этими поисками, всегда помогает мне.

Таким вот судьбоносным образом я и прикоснулась к творчеству Владимира Федорова, русского писателя из Якутии, ныне живущего в Москве. Страницы его книг открыли свои объятия и впустили в мир красочный, насыщенный грозной, огненной ритмикой, мир зрительный и осязаемый, мир поиска и устремления. И в этом мире я сначала лишь почувствовала, а затем подтверждающе увидела это солнечнородное соединение их судеб. Слово судьба Гумилева пунктиром отметила заданный, но загубленный и прерванный свой путь в «карте памяти» жизни Владимира Федорова, которого, без сомнения, можно назвать одним из современных поэтов, развивающим и поддерживающим гумилевские традиции в русской литературе.

Владимиру Федорову, как и Николаю Гумилеву, свойственна природная, генетическая, сущностная память. Еще в начале его творческого пути это пророчески заметил мастер современной поэзии Юрий Кузнецов: «...А теперь о главном. Это память. Не детская, а такая, которая преодолевает детскую и вообще идет дальше рождения и

смерти каждого отдельного человека. Такая память называется народной. Она живет в каждом из нас, но подспудно. Если с ней утратить связь, то человек дичает, глохнет и, как пережаты-поле, обречен блуждать по мертвым просторам духовного космополитизма. Владимиру Федорову дано ее ощущать. Его поэтическая память вызывает из могилы прадеда, она же вызывает из небытия перезвон гуслей. Она же присутствует в других стихотворениях. В такой памяти живо все. И никогда не умирало, никогда не умолкало. И прорвалось во Владимире Федорове. Для молодой русской поэзии такой прорыв — предзнаменование. А что будет дальше, покажет время...»

Юрий Кузнецов разглядел и благословил во Владимире Федорове те же самые качества, которые ранее Валерий Брюсов почувствовал в Николае Гумилеве: способность к мгновенным ощущениям и озарениям, сверхчувствительную интуицию, межчувственный перенос, редкий феномен слияния реальных ощущений, преображенных, благодаря сверхчувствительным функциям мозга, в слово — синестезию.

«У него редкий дар: осязать поверхность недостижимых вещей. Он обладает внутренним зрением, которому открыты уже не оттенки и виды, а видения», — так писал Юрий Кузнецов о Владимире Федорове в 1980 году, подводя итоги совещания молодых писателей Якутии.

А о синестезических способностях и потенциале Николая Гумилева не раз говорил Валерий Брюсов, который также провидчески заметил: «...он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые».

Благодаря присущей Николаю Гумилеву и Владимиру Федорову синестезии, основной чертой напевных, поющих стихов поэтов является наполняющая их музыка.

Потрясающие по языку и характеру стихи Николая Гумилева положил на музыку кумир эстрады XX века, киноактер, поэт, композитор и певец Александр Вертинский, а у него был безошибочный вкус на стихи. В его исполнении прозвучали песни на стихи М. Цветаевой, С. Есенина, И. Северянина, А. Блока, И. Анненского, Г. Иванова, И. Мятлева и других известных поэтов.

И неудивительно, что образ и поэзия Николая Гумилева оказался столь притягательным и для наших современников — отечественных рок-музыкантов, также жаждущих Подвига как в творчестве, так и в жизни. К этому вполне располагает слог поэта — кристально-чистый, ясный, экспрессивный.

Самые лучшие рок-интерпретации наследия великого поэта, без которого немислима история поэзии Серебряного века, это работы следующих музыкантов: Александр Вертинский/Борис Гребенщиков — «Китай»; группа Ва-Банкъ — «Путешествие в Китай»; группа Плюмбум — «Жираф»; Наталья О'Шей — «Ольга»; Константин Кинчев — «Волшебная скрипка».

Стихи Владимира Федорова тоже находятся в неразрывном единении с музыкой — известные композиторы: Виктор Климин — талантливый пианист и композитор, прошедший школу великого мастера Арама Хачатуряна; Сергей Белоголов, Ольга Кузьмина и Сергей Великий написали музыку к стихам «Дилижанс», «Вновь музыка поет...», «Соловей», «Гусарский романс», «Синеглазый гусар», «Снова на исходе лета...», «Волк», «Мелодия дождя», «Лунный вальс», «Вуаль», «Возвращение на родину», «Где цвела она — не ведаю...».

Как прекрасна мелодика стихотворения «Соловей», ставшего романсом:

*Он такие выводил коленца, —
Не постигнуть никогда уму!
Девки ночью задыхались в сенцах
И, босые, сами шли к нему.*

Работа композиторов над стихами продолжается. А цикл стихов про волков — просто кладезь материала для рока:

*А уйти от тоски
Потрудней, чем от дикой погони.
И когда-нибудь сам
Ты подставишь свой бок
Под дулет...
Погоди еще миг,
Я сложу в треугольник ладони,
И в ночи поплывет
Мой тревожный
гортанный
ответ.*

«Дело величавое войны»

Самый наглядный пример наследия и проявления гумилевских традиций в творчестве Владимира Федорова — это военная тема. Поэзия Николая Гумилева — это поэзия воина. Он идеализирует войну, показывая ее как религиозно-значимое действо:

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы грозны и крылаты
За плечами воинов видны.*

Гумилев восхищался ратным ремеслом, воспевал его. Не жестокость, не политические цели войны, а именно красоту военной бури, пробуждение на поле боя высочайшей духовности, героизма. Война интересовала его как нравственный опыт, ставший частью собственного существования. Он знал, о чем пишет, ибо сумел максимально реализовать себя в качестве воина: официально освобожденный от военной службы, записался добровольцем в Лейб-гвардии Уланский полк, заслужил двух «Георгиев» 2-й степени, «Владимира с мечами», был контужен. По воспоминаниям его сослуживцев, не существовало такой опасной разведки, в которой он не пожелал бы участвовать. Сам поэт, воссоздавая и переживая заново свою жизнь в замечательном стихотворении «Память», так сказал о себе:

*Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.*

Что касается В. Федорова, то он тоже офицер запаса, почетный есаул Якутского казачьего полка, награжден казачьими крестами и медалями за походы под парусом в Арктику и свои литературные произведения о казаках-землепроходцах. Так что эта тема ему близка. И в 2012 году вышла его книга стихов «Такова судьба гусарская», в которой отражена судьба одного из рядовых героев-ротмистров Отечественной войны 1812 года. За эту книгу Русская Православная церковь наградила автора медалью, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года. Поэтическое слово книги звучит пронзительной нотой и порой бьет в набат о событиях давно ушедших времен:

*Мы летим между звезд,
В наших душах пылают пожары,
Мы срываемся вниз
С перебитым судьбою крылом.
Мы воители грез,*

*Мы поэты, а значит — гусары,
И звенят, как клинки,
Наши строки, сшибаясь со злом.*

В каждой строке пульсирует жизнь, стремительна скорость летящих строк, заметна неистовая ярость, бурление слов и смыслов, некоторое их перемещение, что только усиливает апофатику произведения, его волшебность. Во всех стихотворениях книги явственно выражен высокий героический настрой, и рождается необыкновенное ощущение, что написана она не о героях, а ими самими — гусарами и поэтами — написана, воскресшими какой-то высшей волею для разговора со своими потомками. Звучат в ней и грозные ноты войны, и нежные оттенки минут затишья, и различные только сердцем прощальные слова отважного воинства, улетающего на небесные поля:

*Мы не сразу умчим,
Мы три круга проскачем под тучей,
Чтоб последних дождать,
Прокричав с высоты: «Догоняй!»
Эскадрон наш не зря
Называли при жизни лутучим:
Нам сегодня лететь
Прямо к Богу в сияющий рай.*

Муза дальних странствий

Не раз говорилось, что муза Гумилева — это муза дальних странствий. Гумилев открыл русскому читателю до него неизведанный мир Африки, культуру племен, считавшихся дикими и отсталыми. Совершив несколько экспедиций по восточной и северо-восточной Африке, он привез в Музей антропологии и этнографии Санкт-Петербурга богатейшее собрание экспонатов, записал множество песен и легенд, создал прекрасную коллекцию красочных снимков.

Для него словно не существовало несбыточного. Ему в принципе была неведома не преступаемая обычно грань между мечтой и ее претворением в жизнь, намерением и поступком, сладкой романтической грезой и явью. Гумилев стремился открыть мир и новые пространства для себя и для русской поэзии. А черный колдовской материк манил его всегда, очаровывал своей культурой, своим девственным языком:

*Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дым,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорит Серафим.*

Гумилева влечет к изображению экзотических стран, где в красочных и пестрых видениях он находит зрительное, объективное воплощение своей грезы, вырывается на простор истинной, вольной и свободной поэзии:

*На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель.*

*Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.*

Вполне обоснованно Гумилева называют поэтом сакральной географии. Ведь обычные географические описания в его текстах, приобретая дополнительные культурно-исторические, мифопоэтические, геополитические факторы, перерастают реалии, становятся геософией.

Владимир Федоров так же, как и Николай Гумилев,— страстный путешественник, странник по своему духу. Геолог по первому образованию, он прошел дальними маршрутами самые заповедные места Якутии и соседних областей, работал на побережье Северного Ледовитого океана, на печально знаменитой гулаговской Колыме, поднимался на вулканы Камчатки и на главные вершины Северо-востока, искал золото, алмазы, изумруды. Естественно, что он уже в своих самых первых стихах, рожденных у таежных костров, писал о природе и диких зверях («Волк», «Лось», «Шатун», «Песец», «Сумерки в тайге...» и др.), как и его знаменитый предшественник, а также о землепроходцах и путешественниках, открывших Сибирь, Дальний Восток и Русскую Америку (стихи, посвященные Семену Дежневу, Петру Бекетову, Витусу Берингу, Никите Шалаурову, Якову Санникову и многим другим героям Севера).

Когда границы в западные страны открылись, Владимир Федоров проехал на машине через всю Аляску, побывал в джунглях Камбоджи, на ледяном куполе Гренландии, забирался внутрь египетских пирамид, был в Японии и Сингапуре. Все эти путешествия он описал в своих очерках.

В 2010 году Владимир Федоров смог осуществить свою давнюю мечту и совершить первым из сибирских и, видимо, одним из немногих нынешних российских поэтов сафари в Африку — в Кению и Танзанию. Помня о четырех путешествиях Николая Гумилева на Африканский континент, он посвятил ему стихотворение «Африканская сюита», где в каждой строке, как на тропе, осталась невесомая звериная поступь, где слышен свирепый дикий рык, обжигает лицо знойное дыхание огромного африканского солнца и обволакивает черный бархат ночи:

*Затерявшись в этом мире, где смешались быль и небыль,
Вместе с ними я сегодня леопардом в ночь уйду.
Где-то там, пониже рая, Южный крест прочертит небо
И заменит на неделю мне Полярную звезду.*

*А потом мне будут сниться битвы, схватки и набеги,
Но среди звериных хроник вдруг обнимет светлый сон:
Отцветающих акаций фиолетовые снега
Тихо падают на плечи темно-бронзовых мадонн...*

В Африке Владимир Федоров сделал большую серию фотографий, за которые получил впоследствии диплом «Лучший фотограф 2010 года» Союза журналистов Якутии.

Николаю Гумилеву и Владимиру Федорову свойственны черты перфекционизма*, но в его «нормальной», самосовершенствующей, самокорректирующей форме. Это перфекционизм, обращенный, прежде всего, к себе, в настойчивом устремлении к идеалу, к высочайшим нравственным и художественным критериям.

Природа сильной личности обоих поэтов, не доводя эти устремления до патологических форм, дарит неиссякаемые источники сил и вдохновения.

И здесь необходимо отметить пассионарность и самих поэтов, и героев их произ-

* Перфекционизм — настойчивое убеждение, что наилучшего результата можно (или нужно) достичь. Может быть ярко выраженной чертой характера.

ведений. Они словно обладают врожденной способностью получать из внешней среды энергии больше, чем это нужно для самосохранения, и, как следствие, возможностью направлять эту энергию в духовное и творческое русло.

Пассионарность, как теория разработанная сыном Николая Гумилева — известным историком Львом Гумилевым, присутствует и в жизни, и в творчестве Гумилева-поэта, он прославляет тех, кто бесстрашно смотрит смерти в лицо. У его героев, как и у него самого, чувство риска, пассионарности во имя идеи постоянно преобладает над инстинктом самосохранения, и поэтому они отвергают спокойную, тихую жизнь. Для них важнее всего — жажда жизни и жажда славы во имя преобразования этой самой жизни:

*Но всего прекрасней жажда славы;
Для нее рождаются короли,
В океане ходят корабли.*

Наиболее ярко пассионарность поэта проявилась во время путешествий по Африке и позже, в годы Первой мировой войны. О его бесстрашии в полку ходили легенды. Он, как Дон Кихот, следовал поставленной цели и с блеском преодолевал трудности, встававшие на пути:

*Я не раз в упованье великой борьбы
Побеждаем был вражеской силой.
И не раз под напором жестокой судьбы
Находился у края могилы.
Но отчаянья не было в сердце моем,
И надежда мне силы давала,
И я бодро стремился на битву с врагом,
На борьбу против злого начала.*

Примеров перфекционизма и пассионарности достаточно и в судьбе Владимира Федорова. Например, в 17 лет начав заниматься стрельбой, он через три года уже стал чемпионом Якутии, членом сборной, а на тренировках показывал такие результаты, с которыми можно было стать призером на чемпионате мира. В 18 лет, получив не любительские, а профессиональные права на вождение автомобиля, через год уже принял участие в авторалли «Москва-Якутск» под флагом «Олимпиады-80», проходившей в Москве.

Будучи молодым геологом, которому все пророчили быструю и успешную карьеру, он принес свой первый материал в молодежную газету, и этот материал был признан «материалом месяца». Занимаясь параллельно с «письменной» журналистикой еще и фотографией, никогда не пользовался услугами фотокорреспондентов, и его фотографии были оценены по достоинству — в 2010 году он был признан фотографом года.

Работая над книгами по шаманизму, так погрузился в тему, что эти книги в научном мире дважды предлагали оформить в виде диссертаций по этнографии или философии.

То же самое и с литературными жанрами: Владимир Федоров пишет стихи, рассказы, очерки, романы, пьесы детские и взрослые, киносценарии, по одному из них поставлен художественный фильм, а по либретто — балет. Многоплановость и разнообразие тематики присуще творчеству Федорова, но его темы при этом словно сами «находят» для себя подходящий жанр. И в каждом из представленных жанров происходит вдохновенная обогащающая трансформация — в них вкрапляются яркие и талантливые «представители» других жанров и направлений. Но самое дорогое для Владимира Федорова, и в этом он абсолютно солидарен со своим великим предшественником, — это стихи!

Анализируя явную схожесть интересов Николая Гумилева и Владимира Федорова, следует сказать об их притяжении к языческим религиям.

Оккультные учения и антропософия, христианство и экзотические религии Востока — такие как буддизм, зороастрийские учения и анимизм — специфически преломляясь, играли большую роль в поэтическом мире Николая Гумилева. Ностальгия по чужим, экзотическим культурам — важный импульс и движущая сила, выражающаяся во всей жизни и творчестве поэта. Это стремление, эта тоска имеет глубинную, чувственную природу. Особенно интересен в этом смысле его интерес к фольклору северо-восточной Африки, его занятия философией и поэтикой древнего Ирана.

Владимиру Федорову также интересна история языческих религий. Он написал о шаманизме северных и других народов мира несколько научно-популярных книг («Тайны вуду и шаманизма» М.: Вече, 2002, переиздание 2005, «Служители трех миров» Якутск: Бичик, 2003, «Воители трех миров» Якутск: Бичик, 2004). В этих книгах Владимир Федоров цитирует стихотворения Гумилева «Консул» и «Дагомея», которые органично вписываются в ткань повествований. После выхода книг он был приглашен на всемирный съезд шаманов и исследователей шаманизма в Гренландию. И с той поры ежегодно получает подобные приглашения...

«Весь мир — театр...»

Николая Гумилева неудержимо привлекал процесс драматургического воплощения его многомерной творческой вселенной. Особое его внимание и любовь заслуживал театр марионеток, притягивая своей образностью и условной природой. Итогом стала пьеса-сказка «Дитя Аллаха», достойная переливчатого, многопланового, тончайшего искусства марионеток.

В ней тот же мотив, как и в предшествующих пьесах — «Актеон», «Гондла» и в последующих — «Отравленная туника», «Дерево превращений», «Охота на носорога» — рассвет человеческой личности, пробуждение ее в безликом сером мире, выход из доисторического младенчества в историческую юность.

Театр марионеток многообразно обогатил драматургический кругозор Гумилева, позволил изначально заданной и непрерывно развивающейся исторической и личностной тематике, поэтическому провидческому вдохновению вознестись над повседневностью и проникнуть в суть вещей, начало начал.

Читая пьесы Гумилева, мысленно вплетаясь в их полотно, захлебываешься от радости или от горя, от всех тех чувств, с которыми они идут служить миру искусства.

В. Федорова, так же, как Н. Гумилева, влечет к себе театр, он автор более десяти пьес, лауреат Государственной премии Якутии. Следует отметить, что историческая тема тоже очень близка и любима В. Федоровым. Об этом свидетельствуют все его пьесы, о которых можно с уверенностью сказать, что они написаны рукой опытного драматурга. Пьесы и спектакли по ним превращаются в памятники великим людям, оставившим свой след в истории становления Российского государства.

Истоки духовной и творческой основы его пьес проистекают из бережного сохранения национальных традиций, целостного ряда важнейших сюжетных линий, в конце концов, органично соединяющихся в единое целое, динамичного развития событий. Пьесы В. Федорова, как и пьесы Н. Гумилева, обладают огромным потенциалом для сценического воплощения в различных театральных жанрах и форматах.

А такие блистательные драматургические произведения Владимира Федорова, как «Одиссея инока якутского», «Апостол государев» и «Созвездие Марии», верится, непременно войдут в золотой фонд драматургии и Якутии, и России.

Вера и правда горящих строк

Оба поэта правдивы и искренни, они сердечно открывают в своей поэзии все самое сокровенное, самое глубинное. И это честное отношение к своим читателям, такой подход к своему творчеству их еще больше объединяет. Правда — очень тяжелая ноша, огромная ответственность... Нет места в их жизни и творчестве фальши, черновому варианту, возможности перечитать и переосмыслить заново. Нет! Они живут в полный рост, говорят в полный голос, горят правдой, поют от сердца, а не по нотам. Как здесь не вспомнить слова русского поэта и критика Константина Батюшкова: «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь: иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы».

Владимир Федоров, словно следуя завету Николая Гумилева: «...не хочу выдавать читателю векселя, по которым буду расплачиваться не я, а какая-то неведомая сила», не допускает даже тени лжи или полуправды. Эти поэты всегда помнят о Божием Суде, считая себя поэтами не только по призванию, но и по званию, по высшему повелению. Когда Гумилева спрашивали, кто он, отвечал: «Я — поэт». И в списках смертников он был обозначен: «Гумилев, поэт».

Он готов держать ответ перед Богом по всей строгости, ставя себя в ряд с разбойником, мытарем и блудницей:

*И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.*
*Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай».*

Светлые и строгие, чистые и молитвенные слова слышны и в колокольном звоне поэтической души Владимира Федорова. Он постоянно обращается к горним мирам, к Богу:

«И поплывет моя душа / Навстречу ангельскому хору...» или: « Попрошу у Господа прощенья / Я у тихо плачущих свечей...».

И великой верой о христианском конце жизненного пути струятся исповедальные строки из книги «Красный ангел»:

*И в награду, вставив свечку в руки,
Среди диких, не приветных мест
Вскинут в небо надо мною други
Златосмольный лиственничный крест*

Оба поэта идут по одной дороге — дороге к Богу. И даже фамилии их в этом созвучны: «Федоров» — Богом данный, а «Гумилев» — в средневековой латыни означало «смиранный», и была в этом своя правда — в конечном итоге оказалось, что этот болезненно самолюбивый и гордый перед людьми человек перед Богом действительно имел «сердце сокрушенно и смиренно».

Осуществляя круговорот всего сущего, Природа осязаемо и неосяземо сохраняет и преобразует ранее существовавшее. Она — великий хранитель и творец. Только этим мы можем объяснить такой живой и непосредственный пример воплощения и продолжения гумилевских традиций в творчестве Владимира Федорова. Кто же первым заметил их необычное сходство? О, эта удивительная история заслуживает, чтобы о ней рассказали подробно!

Как ни странно, но впервые это авторитетное утверждение прозвучало не в России, не в родной поэту Якутии, а в Америке, в начале 1990-х годов. Тогда в нашей стране основательно знакомы с творчеством Гумилева были немногие, в то время как русскоязычные литераторы за океаном знали и помнили его достаточно хорошо. И когда сборник стихов Федорова «Красный ангел», изданный в Якутии, промыслом Провидения попал в знаменитый Клуб Русских Писателей Нью-Йорка, старейшего русскоязычного литературного сообщества, основанного в феврале 1979 года на базе кафедры славянских языков Колумбийского университета, он сразу привлек к себе пристальное внимание.

В газете «Новое русское слово» вышла рецензия на целую полосу, где прямо в заголовке Владимир Федоров был назван продолжателем гумилевских традиций, а в тексте — «гумилевцем, наверняка тайно хранившим и читавшим в годы запрета его томик». Автором рецензии был известный представитель второй волны русской эмиграции в Америке, человек нелегкой и интересной судьбы — Вячеслав Клавдиевич Завалишин, талантливый искусствовед, журналист, поэт, литературный и художественный критик, автор многих материалов о ранней советской литературе, тонкий знаток и почитатель Гумилева, издавший собрание его сочинений в 4-х томах еще в 1947 году, когда Гумилев был запрещен в СССР.

Согласитесь — такой отзыв дорогого стоит! Это признание четкой и чистой наследственной поэтической линии «Гумилев-Федоров» Вячеслав Завалишин сделал незадолго до своей кончины в 1995 году, можно сказать, что это было одно из его последних литературоведческих исследований и открытий. (Тем более что у Федорова, родившегося при Советской власти в далекой Якутии, просто не могло быть такого томика, да и Гумилева он тогда знал лишь по машинописным перепечаткам отдельных произведений.)

Такая параллель, конечно же, возникла из-за тематической схожести их стихов, творческих принципов и устремлений, переклички биографий, бесподобной музыки слов, в стремлении к гусарскому дерзкому броску через вражеские редуты, навстречу огненным вихрям и звездным ветрам...

В молодые годы Николая Гумилева считали своим учителем и Анна Ахматова, и Осип Мандельштам, и Георгий Иванов, хотя потом они пошли другим путем.

Можно также сказать, что гумилевские поэтические традиции прослеживаются и в поэзии Эдуарда Багрицкого и Михаила Светлова с их военно-революционной тематикой («Контрабандисты», «Гренада» и т. д.). В более поздний советский период у Николая Гумилева и не могло быть последователей осознанных, поскольку он был запрещен и почти неизвестен. Если кто-то и шел по его пути — то, скорее, интуитивно, в силу соприкосновения творческих судеб и принципов. Примером этого может быть ранняя поэзия Егора Исаева и Ярослава Смелякова, творчество Станислава Куняева и других поэтов разных поколений.

Но, в данном случае, проводя параллель Николай Гумилев — Владимир Федоров, еще раз хочется отметить именно их кровное, братское родство и в обостренной гражданственности — отличительной черте русского поэта, и в любви к Родине, и в осененности светом природы.

Поэт должен с отвагой нести в своем сердце имя впереди идущего, солнечной силой своей поднять оброненный меч собрата! Иначе он глух, слеп и беззвучен.

Дай Бог, чтобы это поэтическое родство и органичное единение, достойное и благородное дело наследования традициям Николая Гумилева воплотились в крылатые творческие откровения и открытия Владимира Федорова, в его восприятие природы и мира, в зов и тайну его поэтического чувства!

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтить и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются бесплатнопреимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотеку работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);
- 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла,

поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru Интернета, а также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «День литературы», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Орла, Калуги, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культурно-просветительских учреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно зав. редакцией (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

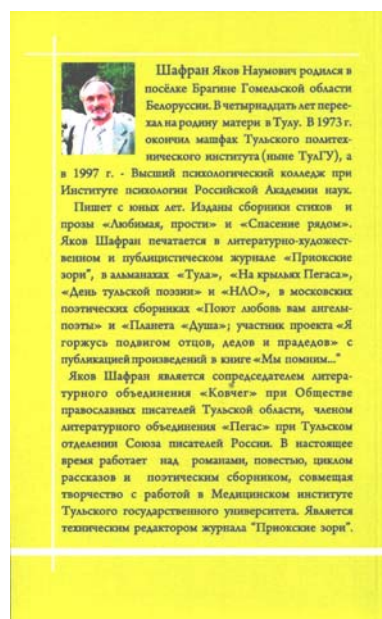
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в

начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, вы-

сылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2013.— №№ 5, 6.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский альманах (г. Бийск Алтайского края). — 2013.— № 4 (40).
3. *Истоки*: Литературно-художественный и публицистический журнал (Красноярский край).— 2013.— № 22.
4. *Роман-журнал XXI век*: Путеводитель русской литературы.— 2013. № 4 (158).— В данном выпуске опубликованы стихи члена редколлегии «Приокские зори» Владимира Сапожникова.
5. *Зеленкина Г.* О жизни насекомых и не только.— Красноярск: Изд-во «Буква Статейнова», 2013.— 128 с., ил.
6. *Макаров А. Н., Макаров Н. А.* Медики земли тульской: Справочно-биографическая литература. 2-е изд., доп., перераб. и испр.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та. 1013.— 328 с.
7. *Ксенофонов В. И.* Старотульские тайны.— Тула: Неография, 2013.— 136 с., ил.
8. *Кедрова И.* Берегиня — душа избранная.— М.: Изд-во «Авторская книга», 2013.— 192 с.
9. *Квасникова Н. В.* От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина: Художественно-документальная повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 71 с. (Серия «Созвездие России»).
10. *Алло*: Литературно-музыкальный альманах: Алексинское любительское литературное объединение.— Тула: «Тульский полиграфист», 2013.— 256 с.
11. *Безр А. С.* Продолжение семейной хроники.— М.: Изд-во ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса», 2013.— 84 с., ил.
12. *Дронов Н. Н.* Тогда и становится город героем... Военно-историческое исследование.— Тула: ООО «Промпилот», 2013.— 235 с.
13. *Дронов Н. Н.* Тайны для печали и скорби.— Тула: ООО «Промпилот», 2013.— 209 с.
14. *Альбом Московского общества любителей художников*. Каталог музейной коллекции / Вступ. Ст. Е. Г. Корнаухова.— Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013.— 52 с. (Из коллекции Дома-музея Л. Н. Толстого).
15. *Макаров Н. А.* Алексей Чириков: хроника жизни.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 96 с.
16. *Макаров Н. А.* Тульские медики в жизни Льва Николаевича Толстого.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 95 с.
17. *Макаров Н. А.* Афганцы Тулы.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 452 с.
18. *Макаров Н. А.* Артиллеристы Тулы.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 217 с.
19. *Макаров Н. А.* Знаменитые десантники 106-й гвардейской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 72 с.

20. Макаров Н. А. Полинкины рассказы.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 129 с.

21. Макаров Н., Седошенко Т., Тишкина О. Пока я ходить умею...— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 160 с., ил.

22. Норильский С. Л. Время и звезды Николая Козырева. Заметки о жизни и деятельности астронома и астрофизика.— Тула: Гриф и К, 2013.— 148 с., ил.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. Ковчег: Литературно-музыкальный альманах: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 3.— Тула: Изд-во «Папирус», 2013.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. Алексей Яшин. Дэкаф: Северные повести (Шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л. В. Ханбекова; Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 300 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. Евгений Залесский. На святом, родимом берегу: Стихотворения, песни, рассказы.— Тула: Гриф и К, 2013.— 392 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. Струков К. В. Искры из камня: Стихи.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 124 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. Лебедев С. А. Исповедь: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «КуйбышевАзот», 2013.— 174 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут

принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместитель, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2012-го года уже объявлены в № 1, 2013 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2014-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, НАМ ПИШУТ

**ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ
В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

46 (6439) 20.11.2013

<http://www.lgz.ru/article/-46-6439-20-11-2013/litinformbyuro-46/>

ЛИТПРЕМИИ

Объявлены лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» за 2013-й год: в жанре прозы — Яков Шафран (Тула); в жанре поэзии — Олег Пантюхин (Щекино); в жанре литературоведения — Игорь Герасимов (Донецк, Украина); в жанре публицистики — Владимир Резцов (Калининград) и Александр Субетто (Санкт-Петербург).

Объявления о присуждении премии также были опубликованы в других литературных газетах, представлены на порталах электронных средств информации, в частности, на порталах (сам текст не приводится, ибо он идентичен приведенному выше):

ЛИТПРЕМИЯ ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА

http://moskvaweb.ru/articles/?k=wos_1384337971&b=12

**ЛАУРЕАТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША»
ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА**

<http://71ru.info/arsenal/culture/3471-laureaty-vserossiyskoy-literaturnoy-premii-levsha-im-n-s-leskova.html>

Примечание: на сайте «Тульский арсенал» также приведено Положение о все-российской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (см. выше в настоящей рубрике).

**«ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ». ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
№ 8 (202) 2013
ИНФОРМБЮРО. ХРОНИКА ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ**

**Приокские зори
(№ 2, 2013, г. Тула)**

Номер журнала посвящен 65-летию гл. редактора, всероссийски известного писателя, известного ученого, североморца Алексея Яшина. Свое интервью «Среди долины ровныя...» юбиляр предварил словами ап. Павла: «Не нам, не нам, а имени Твоему», что наиболее полно выражает целеполагание А. Яшина и содержание его деятельности. Юбиляр награжден орденом А. С. Грибоедова (Московская организация СП России), орденом «Трудом и знанием» (Европейский научно-промышленный консорциум), ему присвоено звание «Почетный изобретатель Европы» с вручением медали и диплома (Европейская академия естественных наук). Рубрику инициировал зав. редакцией журнала Я. Шафран.

Читая колонку гл. редактора, мы вновь убеждаемся в энциклопедической эрудиции автора. Но более всего у литераторов находит отклик крик души А. Яшина — а будет ли место литературе в будущем глобализованном мировом сообществе? Ведь что еще можно так выразить потребность человечества в умозрительном исправлении реальности, заставлять задумываться над ней, как не литература? В статье подняты темы групповщины в писательских кругах, свободы и самоцензуры, традиций литературы, профессионализма, отсутствия авторитета писателя в наши дни и другие.

Проза в номере представлена как новыми, так и известными авторами. В рассказе Е. Богданович «Иерусалимский пирог» с юмором говорится о необходимости правильного формирования желаний и целей. Замечательна художественная разработка известной темы — прописки в Москве — в рассказе мастера пера В. Маслова «ПровинциАлка». Как всегда радует проза Н. Квасниковой — на этот раз рассказ о жизни от лица маленькой девочки. В номере и новый цикл рассказов А. Яшина «Картинки с выставки» — несколько талантливо выполненных художественных срезов современной действительности. В «Образах и тропах поэзии» находим «Personalia» Я. Шафрана.

К 60-летию кончины И. В. Сталина дана подборка посвященных ему стихотворений юных М. Алигер, А. Тарковского и В. Высоцкого. В частности, последний писал: «Имя Сталина в веках будет жить, // Будет реять оно над землей, // Имя Сталина будет светить /// Вечным солнцем и вечной звездой».

Алексей Афанасьевич, здравствуй!

Прошу прощения за долгое молчание.

Журнал «ПЗ» 2-ой номер и два экземпляра книги о годах нашей школьной молодости получил в августе. Спасибо. 18 сентября получил и электронное письмо.

Постоянно следил за выпуском очередного номера журнала на сайте «Приокских зорь», длительное время второй номер не появлялся. Начал волноваться и вдруг получил бандероль. Задержка выхода журнала стала понятна и уважительна. А сейчас и третий номер вышел.

В июле (как и в прошлом году) ездили с женой в Мурманск. Посетили мемориал «Долина славы», проехали в сторону п-ва Рыбачий (сколько смогли по грунтовой дороге). После отставки министра обороны «Табуреткина», возможно, военные вернутся на север. Восстановили погранпост у ст. Титовки, а по дороге к п-ву Рыбачий встретили пару военных грузовиков, в кабинах которых были водители в форме десантников.

Начался учебный год и занятия в университете. Втягиваюсь в учебный ритм.

С наилучшими пожеланиями. Юра (*Юрий Черняков, Петрозаводск*).

29.09.2013

Несколько летних снимков с севера.

Мурманск. У известного памятника Анатолию Бредову на пр. Ленина рядом со стадионом. Этот памятник мы посещаем каждый раз, когда бываем в Мурманске. Своеобразная дань памяти нашим родителям и родственникам, участникам ВОВ.

Это вид с грунтовой дороги на полуостров Средний, а за ним уже п-ов Рыбачий. Скалы, камни, песок, стелющаяся вдоль земли растительность, изредка встречаются низкорослые кустарники. Много маленьких озерков (луж) на скалах.

Примерно в том же месте вид на Средний (слева) и Рыбачий, прямо Мотовский залив.

Озерки на скалах.

300025, Тула, а/я 920
Баланюк М. Г.

Уважаемая Марина Григорьевна!

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше постоянное внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная поляна», за интересные материалы, которые Вы любезно передали в дар музею: выпуски журнала «Приокские зори» за период с 2005 по 2012 г., за книгу Г. И. Баланюк «Толстой — педагог, учитель, ученик», за текст Вашего интервью, опубликованного в газете «Московский комсомолец в Туле» (16—23 января 2013 г.).

Книга Г. И. Баланюк представляет большой интерес, содержит статьи, посвященные проблемам воспитания и образования детей, анализу педагогических взглядов Л. Н. Толстого.

Спасибо Вам огромное за Ваш благородный труд, за прекрасную возможность

общения с Вами! Желаем Вам здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью:

Научный сотрудник отдела книжных фондов: Бочарова И. А.

День литературы denlitera@yandex.ru

ПРОСЬБА передать Якову Шафрану о публикации его статьи «Свидетельство о возрождении» в сентябрьском номере «Дня литературы». Переадресуйте, пожалуйста, и нашу благодарность ему. Всегда рады сотрудничеству. Гонорар, к сожалению, только живыми газетами в редакции (или в вестибюле нашего здания Правления СПР).

Спасибо!

Валентина Ерофеева, «День литературы»

«День литературы». Газета русских писателей

№ 9 (203) 2013-12-15

(в бумажном варианте и на сайте)

http://denlit.at.ua/publ/9_203_2013/jakov_shafran_svidetelstvo_o_vozrozhdenii/ 23-1-0-367

Яков Шафран

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВОЗРОЖДЕНИИ

Об интеллигенции сказано уже достаточно много, но заголовок статьи Александра Щипкова «Интеллигенция. Свидетельство о смерти» привлек своей безапелляционностью. Поводом написания статьи, как это видно из текста, послужило выступление литератора Дмитрия Быкова. Его слова: «Кроме интеллигенции, давно уже ничего действующего, мыслящего, шевелящегося попросту нет...» по сути верны. Потому что интеллигенция всегда больше всех «мыслит и шевелится». Вопрос только в том, какое направление мыслей имеет место быть? И в чем вина народа, если эта «самая умная часть» оторвана от него? Вообще, давайте определимся, о какой интеллигенции идет речь. О той, что с Болотной, которая запустила «разведгруппу «Pussy Riot», чтобы проверить, легко ли будет взять храм Христа Спасителя? Так разве это хоть в какой-то мере соответствует чаяниям народа? Нет, конечно. В народе-то как раз внутренне живет глубокое уважение к традиционным ценностям, и всегда можно определить наличие таковых в тех или иных конкретных личностях, в том числе выдающих себя, подчас, за их, ценностей, носителей.

Интеллигенция разделена. И чем дальше, тем это разделение все увеличивается. Критериями его стала реформа образования, образовательный стандарт и ЕГЭ. Часть интеллигенции всеми силами убеждает нас, что эти преобразования вовсе не приведут к чему-либо плохому, как то: роботизации людей, превращению их в полиграф полиграфычей или того хуже — в разного рода зомби. Таким образом, они поддерживают, как правильно говорит А. Щипков, «многочисленные культы этого «дивного нового мира» (А. Щ. Cit. op.).

В этом мы с автором статьи согласны. Но что же автор статьи пишет дальше? «Интеллигенция уходит в прошлое», она «была явлением глубоко почвенным и провинциальным». «Европейские интеллектуалы именно что создавали <...> Российская же интеллигенция жила тем, что пыталась продавать на внутреннем рынке ценности, созданные этими интеллектуалами...» (А. Щ. Cit. op.). На рынке, продавать, контрафакт и пр. — слова, несмотря на более чем двадцатилетнюю новокапиталистическую историю России, все еще чуждые подавляющему большинству населения. Но даже если и опустить эти термины, так и хочется воскликнуть — неужели вся русская

культура XIX—XX вв.— литература, музыка, живопись, философия, публицистика и наука были лишь подделкой под Запад для удовлетворения местного спроса? Неужели Запад не преклонялся и до сих пор не преклоняется перед произведениями великих писателей и поэтов, художников и композиторов России, перед гением великих наших ученых, одно перечисление которых может занять несколько страниц? Они ли были «вторичными» и не имевшими навыков духовного «самостояния»? А в чем вторичны наши писатели-почвенники и философ А. Зиновьев? Хотя есть и такие деятели современной российской культуры и науки, которые «симулируют свою былую идентичность» (А. Щ. Cit. op.). Да, это так, но они в меньшинстве. Русская культура и наука не могут погибнуть по определению так же, как не может погибнуть Россия, ибо она — душа мира, его сердце. Как известно, остановка сердца ведет к летальному исходу. И если по Божьему замыслу мир наш еще должен жить, то будет жива и Россия, и ее культура, и ее наука. Речь может идти только о степени жизненности на данный момент, но уж никак не о смерти.

А если есть зерно, то будет и урожай, дайте время. Была бы почва цела, а генотип возродит и крестьянские руки, и рабочее мастерство, и культуру с наукой. Вот только противостояние будет серьезным, противостояние с «новыми», которых А. Щипков правильно определяет как «креативный класс <...> новая примитивная общность, паразитирующая социальная прослойка», которая «продает и навязывает массам не идеологию и мировоззрение, <...> а готовые стандарты потребления и модели поведения...» (А. Щ. Cit. op.). С этим трудно не согласиться. Но, извините, противостояние — это еще не поражение!

Таким образом, мы видим, что А. Щипков совсем не противник Дм. Быкова, как можно было судить по первым строкам статьи. Если Быков переживает за интеллигенцию (читай, за ультрапрозападно настроенную ее часть, ибо другую он просто не признает), за ее неприятие народом и властью, то автор статьи спокоен и, идя еще дальше, говорит о необходимости просто «похоронить усопшего со всеми полагающимися почестями» (А. Щ. Cit. op.) (т.е. всю интеллигенцию, включая и ту, которая защищает Быкова, и ту, которую защищает Быков, и ту, которую он не признает). И получается, что данная статья замыслена А. Щипковым не просто статьей, пусть и острого жанра, а, ни больше и ни меньше, как свидетельством о смерти всей интеллигенции (о чем и заголовок), то бишь русской культуры, науки и духовности как таковых. Были вторичны, да и те сошли на нет, а «болотная» часть, не без активной роли Гельмана и «пусек», полностью дискредитировала себя в глазах народа и власти.

Заканчивая, хочется сказать — должно произойти возрождение интеллигенции, возрождение до того уровня, который она должна и обязана занимать (в широком смысле, ибо отдельные ее представители живы и активно действуют). Это еще возможно. Нужен новый слой интеллигентов, живущих национальными ценностями, принципами социальной справедливости, нравственными нормами, а не просто уважающих их. Чтобы на трех основах — вере, слове и семье взрастить новый народ — народ Божий, для людей которого здоровье, здравомыслие, духовная свобода и одновременно духовная дисциплина, нравственность, высокая ответственность, разумное рациональное начало и несклонность ко злу, греховной жизни, преступлениям и антисоциальным действиям станут в совокупности своей не идеалом, а нормой жизни. Вот какая нужна интеллигенция, способная вывести народ из трясины олигархического капитализма, всеядного нигилизма, деградации, потребительства, лишения нравственных ориентиров, разрушения традиций, культуры и истории, повреждения слова и уничтожения национального достоинства. Интеллигенция, которой будет явлено свидетельство о прохождении очередного этапа возрождения. Когда ее представители явятся преемниками и продолжателями великой русской культуры, а не

продажными, с российской окраской, интеллектуалами, далекими от народа и от его интересов. Вот они-то, продавая на российском рынке заведомо прозападные ценности в российской лубочной упаковке, есть и еще более будут вторичны. Не дай Бог, если такие люди возобладают, вот тогда-то и наступит конец. А пока мы живем — будем надеяться, верить, любить и противостоять.

* * *

Александр Рюмин okio-clib.yar@mail.ru

Здравствуйте, уважаемые сотрудники редакции журнала «Приокские зори»!

Выражаем Вам благодарность за книги Наталии Квасниковой, Леонида Фадеева и Леонида Ханбекова, высланные безвозмездно на адрес Центральной библиотеки им. Лермонтова. Желаем авторам дальнейших творческих успехов! Надеемся, что их книги найдут своих читателей среди пользователей нашей библиотечной системы.

Зав. отделом комплектования МУК «ЦБС г. Ярославля»: Рюмин Александр Иванович

* * *

С удовольствием и радостью познакомился со вторым выпуском литературно-художественного альманаха «Наука с музами дружит», который прислал мне мой друг журналист и писатель Сергей Львович Щеглов (Норильский).

Издание. Осуществляемое Тульским государственным университетом, одним из самых замечательных в России, свидетельствует об особенной стати этого учебного заведения и культурного центра,— его гуманитарной направленности, неразрывно связанной с научной работой. Именно эта связь выражена в заглавии альманаха.

Глубоко сочувствую деятельности главного редактора и составителя альманаха — писателя и ученого Алексея Афанасьевича Яшина, который является также издателями и главным редактором великолепного журнала «Приокские зори», одного из заметных периодических литературно-художественных и публицистических изданий новой России.

Вспоминаю, как в 1956—57 годах студент Тульского политехнического института, из которого впоследствии вырос теперешний государственный университет, я был инициатором и составителем двух литературно-художественных сборников. Издать их типографским способом тогда не удалось, они остались в машинописных экземплярах. И вот теперь, полвека спустя, мечта молодых энтузиастов осуществляется в Тульском государственном университете благодаря усилиям таких людей, как А. А. Яшин и его соратники. От всей души желаю успешного продолжения этого славного дела!

Владимир Лазарев, Моунтин Вью, Калифорния, США

От редакции: Владимир Лазарев — известный поэт и прозаик (книга «Тульские истории») из Тулы, автор текстов песен ко многим советским кинофильмам, в том числе знаменитых «Берез». Сейчас живет и работает в США. Наш частый автор. В «ПЗ» № 4, 2013 впервые опубликована его поэма «Егор Таланов, тульский мастер» (С. 118-141), над которой автор работал несколько десятков лет.

* * *

Прохоров Сергей proh194216@yandex.ru

Здравствуйте, дорогой Алексей Афанасьевич! О получении награды вашей я Вам сразу сообщил.* Жаль, что материал Юрия Розовского у вас рассыпался. Это пре-

красный поэт и писатель, уважаемый в Иркутской писательской организации. Хотя за перо его взяться принудил рок судьбы. Отслужил стране здоровый парень и в двадцать с небольшим лет оказался прикованным к инвалидной коляске. Хотя он благодарит за это судьбу. «Иначе,— говорит,— я бы не стал писателем, не открыл в себе заложенные природой способности владеть Словом». На Вас я ни в коем случае не могу обижаться. За что? Виноват, что не подготовил новых авторов. Думал, что есть еще у вас Юрий Розовский и моя новая подборка стихов, которые вы обещали напечатать в четвертом квартале. Подготовлю вам, как освобожусь, материал Анатолия Казакова о его поездке на Алтай к Шукшину и Евдокимову. Материал весьма интересен и писатель не без божьей искорки, хотя обычный сторож. Но его труды оценил Василий Иванович Белов. И, ради Бога, не сердитесь на мое молчание и бездеятельность. На меня тут нагрузилось столько издательской работы: дела, большую юбилейную книгу к 90-летию своей малой родины, подготовил по просьбе одного германского издательства книгу прозы, очередной номер журнала, где и ваш материал, и ежемесячно выпускаю литературно-художественное приложение «Литкультпривет». А тут еще включили в жюри международного конкурса, который будет проходить в марте будущего года в Симферополе, и уже завалили меня конкурсными работами. Надо читать, ставить баллы. Так что не ругайте меня. Я вообще-то дисциплинированный, но уже не юнга, избегающий по трапу. Годы берут свое. Всего Вам доброго, дорогой Алексей Афанасьевич. Жму краба!

Сергей Прохоров, Нижний Ингаш, Красноярский край

***Примечание:** по представлению журнала «Приокские зори» Сергей Прохоров, зав. отделом литературы Сибири в нашем журнале, был награжден памятной медалью «В ознаменование 90-й годовщины образования СССР».

* * *

ТАКОВА ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

16 ноября в Ростове-на-Дону презентация книги стихов и поэм Ефима Гаммера* «ЗАМКОВЫЙ КАМЕНЬ ИЕРУСАЛИМА».

Рецензия на стихи из этой книги Арье Юдасина — поэта, философа, олимпийского чемпиона в составе сборной СССР по шахматам — в прикрепленном материале. Была напечатана в израильском журнале «РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЭХО» в октябре 2013 года. Стихи из этой книги, вошедшие в шорт-лист конкурса «Лужарская полночь». Поэтическая номинация «Мы можем делиться дыханьем и голосом», Москва, 2013, представлены в прикрепленном материале.

7 ноября 2013 года Ефим Гаммер стал в очередной раз чемпионом Иерусалима по боксу, уже в 68 лет.

***Примечание:** Ефим Аронович Гаммер — член редколлегии и постоянный автор «Приокских зорь».

* * *

В газете «Тульская правда» № 36 (49) (774) от 27 сентября 2013 г., С. 6 опубликован анонс «ПЗ» № 3, 2013: содержание номера и фотографии с подписью: Центральная тульская городская библиотека им. Л. Н. Толстого организовала 21 мая 2013-го года творческий вечер известного современного русского писателя-прозаика и публициста, главного редактора «Приокских зорь» Алексея Афанасьевича Яшина.

* * *

В газете «Тульская правда» № 37 (50) (775) от 4 октября 2013 г., С. 7 опубликованы стихи автора «Приокских зорь» Геннадия Гоманчука: «Страшный человек» и «О вреде и пользе стихосложения».

КОММЕНТАРИИ ЧИТАТЕЛЕЙ
К МАТЕРИАЛУ Я. ШАФРАНА «К НОВОМУ ЗОЛОТОМУ ВЕКУ!»
ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ
«НЕ ХВАТИТ ЛИ «СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»?
(ЧТО НАМ СЛЕДУЕТ ВЗЯТЬ ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)»

Интересная статья с выкладками, анализом процессов. Психология личности здесь важна, роль в истории. Но если все пустить на самотек, толку не будет... И о поколениях нужно добавить: либо связь, либо отрицание, чтобы двигаться вперед.

Николай Палубнев

http://www.litlive.ru/topics/recenzii/viewpost/3475.html#comment_4579

Спасибо за оптимистичную статью, Яков! Только вот знаете, что... Да, именно так: читал я ваши строки, а промеж тем где-то на периферии зрения видел показанную на ТВ встречу... с литературной братией. Года три назад, вроде, было это... Признаться, даже просмотрев половину передачи, я так и не понял: а зачем собрались-то, братки? Языками почесать или же на экране помелькать? ...Так и не поняли наши высоколобые, что спрашивают не у них, Васиных-Пупкиных, а у всей пишущей братии... Даже у таких «безымянных» писателей, вроде нас с вами. Не захотели они это понять, ибо это означало бы одно: слом существующей системы книгоиздательства, основанной на голимом барыше. А ломать надо.

Ежели я еще не слишком надоел, проиллюстрирую свою точку зрения сравнительно успешным случаем. Как это ни парадоксально, но мне повезло, и моя книжка получила федеральный грант. Да, ее худо-бедно напечатали, но что дальше? Несмотря на то, что она стоит в магазинах «от Москвы до самых до окраин», но... Сами посудите: у нас в Екб она стоит около 400-т, в Москве — более 500-т рублей, и при этом — никакой рекламы! Во-первых, почему так дорого, ежели грант-то как раз на печать и пошел? Ее цена должна составлять лишь логистические расходы, да стоимость места на полке! Мой гонорар не в счет: он копеечный. Далее, сколько я ни предлагал книжным супермаркетам провести встречу с читателем, с чтением лекции (книжка историческая, основана на архивах, но — художественная) по истории двухсотлетней давности, те — ни в какую. Дескать, будет нам команда из Москвы — хоть завстречайтесь, а так — низзя. Издательство так же смотрит на меня, когда я им талдычу об рекламе, как на помешанного. И вправду: на кой это им? Денежки уже получены, чего суесться да тратить? А через год дармовой тираж разоидется или через два — фигня война. Маразм.

Впрочем, я разболтался, прошу простить. Успехов!

Дмитрий Криушов

<http://parnasse.ru/prose/essay/literarycriticism/k-novomu-zolotomu-veku.html#c967893>

Со многими положениями статьи можно было бы поспорить, но нет ни времени, ни охоты. С некоторыми — например, о пагубности разобщенности, нетерпимости — соглашусь охотно.

Конечно, никак не могу претендовать на собственную безошибочность суждений.

Но вот последний абзац вызывает особое отторжение.

По мне — первейший ДОЛГ хорошего, а, тем более, гениального писателя — а оценку даст лишь будущее, история! — ПИСАТЬ. А не возиться, простите, с «литераторами» или мнящими себя таковыми.

И снова позволю себе вспомнить Марину Цветаеву: «...большим поэтам готовые формулы поэтики не нужны, а небольших нам не нужно. Больше скажу: плодить маленьких поэтов грех и вред. Плодить чистых ремесленников поэзии — плодить глухих музыкантов. Провозгласив поэзию ремеслом, вы втягиваете в нее круги, для нее не созданные, всех тех, кому не дано. «Раз ремесло — почему не я?» Читатель становится писателем, а настоящий читатель, одолеваемый бесчисленными именами и направлениями (чем меньше ценность, тем ярче вывеска), отчаявшись, совсем перестает читать.

Поэтические школы (знак века!) — вульгаризация поэзии, а формальную критику я бы сравнила с «Советами молодым хозяйкам». <...> Но, для полной параллели, и там и здесь жестокий закон неравенства. Равно тому, как неимущий не может вбить в ведро сливок двенадцати дюжин желтков, залив все это четвертной ямайского рома, так и неимущий в поэзии не может выколдовать из себя неимеющегося у него матерьяла — дара. Остаются пустые жесты над пустыми кастрюлями».

Нет, если «большие» могут совместить — прекрасно, и надо быть им низжайше благодарными. За то, что заметили, помогли расцвести истинному таланту. Но и тут: а сколько своего, сильного, необходимого людям, стране не написано из-за этого «совмещения» — кто сосчитает?

Конечно, и возомнить себя хорошим, гениальным даже, сегодня ничегошеньки не стоит. Ибо утрачена основа основ — сопричастность ВЕСТИ — СО-ВЕСТЬ. Торжествует, мягко говоря, завышенная самооценка. И до «великолитературного» периода — далековато. К сожалению.

Людмила Владимировна

<http://www.rospisatel.ru/shafran1.htm>

Уважаемый Яков, мне нравится, когда о литературе, как и об Отечестве, думают раздольно, а не ограничиваются каким-то конкретным периодом, пусть даже Золотым веком. Мы удивительная страна. И не зная, как складывалась наша историческая судьба, можно было бы отчаяться. А зная исторический путь России, становишься спокойнее. Ибо все встало на свои места. Полюса определены. Задачи неизменны. Добро и зло открыто встали друг против друга. Кому чем заниматься, так это — на что кого хватит. Мне кажется, именно назначение писателя сегодня вновь обрело свою вневременную суть — возвращение слову его духовной и нравственной силы. Спасибо за ваши размышления по стоящему поводу. Надежда Мирошниченко

Надежда

<http://www.rospisatel.ru/shafran1.htm>

Здравствуйте, Яков Наумович! Очень точно подметили: «Полное отсутствие читателей — это гибель для литературы». Будем надеяться на лучшее.

С уважением, Рагим

Рагим Мусаев

<http://www.proza.ru/2013/10/12/1295>

* * *

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич!

Получила Ваше письмо по корейской теме, но задержалась с ответом, так как наслось одно мероприятие на другое.

Но первое, что хочу Вам сообщить, что прошли несколько встреч по случаю национальных праздников Тайваня, и я хочу переслать Вам по факсу приглашение от главы представительства в Москве г-на Антонио Цзюнь Сянь Чень на прием. Он

состоится в среду 9 октября 2013 г. с 18 часов в Большом банкетном зале Гранд-Отеля «Мариотт» на Тверской, 26.

Алексей Афанасьевич, подтвердите возможность Вашего участия, чтобы нам встретиться перед началом приема.

Прошел первый радио-мост Русской службы Международного радио Тайваня, в котором мы с мужем принимали участие. Он как ученый-востоковед, советник по международным вопросам, а я с циклом стихов, посвященных этому удивительно красивому острову, названному португальцами, открывшими его в 16 веке, Формоза, что значит Прекрасный. Часть стихов и рассказов издана в сборнике «Разнотравье», который я Вам отсылала, а теперь подготовила книгу «страна, согретая любовью». Так что будем рады Вас увидеть, так как тайваньская сторона очень заинтересована в развитии культурных, в частности, литературных связей. В Тайбэе работает «Русский клуб» и есть издательство «Вишневый сад», так как Чехова там особенно любят, ставят и драматические спектакли и удивительные балеты, которые неоднократно привозили в Москву на Чеховский фестиваль. Немало российских авторов перевели на китайский язык, хотя, на мой взгляд, далеко не самых лучших, но зато «модных» в современных условиях. Да и изучению русского языка уделяется в вузах большое внимание, так как в последние годы развивается бизнес с Россией.

15 сентября будет специальный выпуск программы «Мир путешествий» на канале «Доверие», правда поздно, в 23 часа 50 мин, где выступит прекрасно владеющий русским Николай Ван (все приезжающие в Россию берут русские имена), подготовивший премьеру. Он обязательно будет на приеме и можно будет Вам тоже познакомиться. К сожалению, у меня нет экз. «ПЗ» для передачи, хотя о журнале они хорошо осведомлены.

Задержалась с ответом еще и потому, что начался учебный год, готовила и проводила литературную программу памяти жертв Беслана (9 лет со дня трагедии), потом День города (моя студия делала программу и сама выступала со стихами). Одновременно приехала писательская делегация из Ирана, как раз ко дню рождения Льва Николаевича Толстого. Посещали музей в Москве, где прошла научная конференция. 9-го сентября состоялась еще и продолжительная встреча в Литературном институте им. Горького, на которой популярный иранский романист Реза Амир-Хани прочитал интересную лекцию «Иранская проза эпохи перемен». Он представил также свой новый роман «Ее Я», который 36 раз издавался в ИРИ и переведен на многие восточные и европейские языки. На русский язык произведения этого прозаика переводятся впервые. Выступление Амира-Хани, надо сказать, заинтересовало не только студентов, задававших много вопросов, но и присутствовавших специалистов-востоковедов, переводчиков, писателей.

Роман посвящен 70—80-ым годам, периоду исламской революции, ирано-иракской войны и преобразованиям в стране, но автор отличается очень своеобразным мышлением, можно сказать, «проверяет гармонию алгеброй». Он применяет математические схемы для раскрытия взаимосвязей своих персонажей, его ум человека, получившего техническое образование и даже занимавшегося в юности проблемами самолетостроения, откладывает своеобразный отпечаток на изложение материала. Кроме того, он как писатель-психолог много рассуждает о женском и мужском начале страны — Персия и Иран и использует как реалистический метод, так и обращение к мистическим моментам, сюрреализму. Поэтому переводчикам было нелегко, и привлекали научных консультантов для перевода. Но в Иране он один из самых издаваемых и читаемых писателей, которому известность далась большим трудом. Первые публикации относятся к 1974 году, но вплоть до середины 80-х литературный труд не был его кормильцем, и ему пришлось сменить много профессий, чтобы

содержать семью. Сейчас тиражи каждой книги не менее 100 тыс. экземпляров, но он отметил, что все равно прибыли достаются издателям. Отчисления писателям не превышают 20 % от продаж. Так что у всех пишущих одни проблемы.

К слову, Реза Амир-Хани поклонник Льва Толстого и Достоевского и уверенно заявил, что без них вообще в мире не было бы полноценного современного романа. Он досконально изучал творчество Льва Николаевича и, в частности, роман «Анна Каренина», который также в своих трудах и в экранном варианте, представленном в институте, разложил на схемы, в центре которых образ Анны. Различные геометрические фигуры — кружки, треугольники, квадраты разных размеров характеризуют значимость других персонажей и их влияние на ход событий. При этом он отметил, что считает этот роман самым нравственным произведением русской литературы. В заключении очень тепло выступил ректор Борис Николаевич Тарасов, с легкой руки которого Культурное Представительство Посольства ИРИ в Москве уже второй раз проводит встречи с иранскими писателями. Первая встреча была в конце прошлого учебного года и посвящена творчеству Анны Ахматовой, которую в Иране знают, переводят и даже подражают ее матерее письма. Я, наверное, писала Вам о той встрече, на которой тоже выступала с небольшим обзором современной литературы Ирана и своими стихами.

Теперь насчет КНДР. Как раз 6 октября был в посольстве прием по случаю 65-годовщины образования КНДР. Чтобы еще раз напомнить об издании в «Приокских зорях» корейского материала, я сделала короткую копию журнала (обложка с двух сторон со всеми знаками отличия, содержание, страница Вашего юбилея, моя поэма «День солнца длится дольше века» и страница с фотографиями — Вашей, Лебедева, Прохорова и моей с сообщением о награждении медалью к 90-летию СССР). Мне все это скрепили, и получилось внешне, как самостоятельное издание. И когда приглашенные вручали послу, товарищу Ким Ен Дже, свои поздравления, я передала наш материал. Через корейского переводчика поздравила с праздником от имени редколлегии журнала и главного редактора, сказав, что Вы — ровесник народно-демократической республики, и что журнал и авторы с большим вниманием следят за событиями в стране и стремятся к дальнейшему культурному сотрудничеству. Посол встретил мои слова радостно, с широкой улыбкой, а с его супругой мы даже обнялись и расцеловались. Этот материал находится у советника товарища Суна, с которым прошел более предметный разговор, так как он хорошо владеет русским языком. Все культурные, в том числе литературные вопросы, они решают через Комитет по культурному сотрудничеству с зарубежными странами, который находится в Пхеньяне. Таких запросов, чтобы издательская деятельность была отмечена, у них не было, хотя с посольством плотно многие годы сотрудничает целый ряд наших патриотических и обычных изданий, представители которых всегда бывают на приемах. Так что надо подготовить подробную справку о журнале и публикациях, посвященных корейской теме.

Товарищ Сун должен подъехать для встречи в Институт мировых цивилизаций, чтобы подробнее обсудить поставленный вопрос о знаке внимания журналу.

Среди постоянно сотрудничающих с посольством издательство и газета «Патриот». Главный редактор Михаил Земсков, первый зам. Николай Литвинов. К 65-ой годовщине КНДР они выпустили небольшую книжку со статьями и стихами сотрудников и авторов газеты. В газете были опубликованы и некоторые мои «корейские» стихи и статья «Телеложь».

От газеты «Завтра» бывает на приемах Александр Проханов и его сын журналист-политолог Андрей Проханов, постоянно присутствует издатель «обществ сотрудничества с зарубежными странами» Александр Михайлович Семенов. В его из-

дательстве выходила моя первая книга корейской тематики «Вечное солнце надежды», за которую я в Пхеньяне в 2012 году стала лауреатом премии Ким Ир Сена. Постоянно бывает Сажи Умалатова, в партийной газете которой тоже уделяется внимание КНДР. Из авторов регулярно присутствуют много пишущие о КНДР поэты Александр Брежнев, Лаврентий Гурджиев, Геннадий Шарин и другие. Вас бы тоже были рады видеть на приеме, так что если Вам не тяжело ехать из Тулы, то на следующий прием можно направить Вам приглашение. Возможно, в декабре будет День памяти Ким Чен Ира и рождение Ким Чен Сук — жены Ким Ир Сена, а в 8 января день рождения товарища Ким Чен Ына. У меня написаны новые поэмы, посвященные каждому из них, которые находятся в посольстве. Конечно, сейчас положение у них сложное и политически, и экономически, и жуткая ложь «сочится» из южнокорейских и американских газет. Чего только стоит «Дело музыкантов», раздутое и по непроверенным данным поданное и нашим ТВ и СМИ, смакующими фальшивки о расстрелах и лагерях. Но стойкости северокорейцев можно позавидовать. На приеме было представлено много новых книг, материалов выступлений товарища Ким Чен Ына, прозы и поэзии, посвященной Корее, новые номера журнала «Корея сегодня» на русском языке, и в выступлениях всегда звучит мысль, что «будущее страны будет лучезарным». Дай-то бог. Когда состоится разговор с советником, я Вам сообщу. Короткую справку о «ПЗ» подготовлю или у Вас, уважаемый Алексей Афанасьевич, есть какие-то мысли. Встречи с корейскими друзьями будут обязательными, тем более что с их стороны проявлено внимание к моему юбилею, который (2 октября), я не собиралась как-то публично отмечать, и никаких попыток что-то устраивать в СП не предпринимаю. Достаточно того, что некоторые издания дают подборки стихов в рубрике «Наши юбилеры» или просто мои публикации к дате. Но зарубежные друзья оказались внимательнее и предлагают встречи в культурных центрах, в том числе в Представительстве ИРИ, в афганской диаспоре, что, конечно, приятно, хотя и хлопотно. Время покажет, что получится, но как говорил Евгений Баратынский, гостей должно быть ровно столько, сколько Муз, то есть 9, тогда получится интересное для всех общение. Ну, я как всегда, «разговорила».

Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич, так что все, что от меня зависит по корейскому вопросу, постараюсь сделать и представить журнал, как достойного партнера для развития культурного сотрудничества с КНДР. Запасемся терпением, исходя из тех правил, что сложились у наших корейских друзей. Примите самые искренние добрые пожелания Вам лично и всему коллективу.

<Далее дополнение к письму>

Что касается КНДР, то товарищу Суну, советнику посольства, передала данные о журнале «Приокские зори» и сведения о главном редакторе, т.е. о Вас, взятые из аннотации и библиографической справки в Вашей книге «Сны и явь полковника Хмурова» во всех деталях.

Составленное письмо в Пхеньян в Комитет по культурным связям с границей товарищ Сун будет направлять после согласования с послом. У них сверхответственный подход к знакам отличия, вплоть до значков...

Теперь насчет Вашего романа «Катехизис идеалиста». Вы мне его присылали, и я писала на него рецензию, которая была опубликована в «ПЗ» № 4, 2011 г. («Уроки правды», размышления над романом А. Яшина). Статья была опубликована не под моей полной фамилией, а под инициалами Л. А.

Конечно, Алексей Афанасьевич, Ваш роман о Сталине был бы для них интересен, и было бы неплохо его им подарить. Они бы книгу направили в Комитет. К слову, в этом году в издательстве «Алгоритм» издал свою книгу в серии «Проза великих» «Сталин шутит» Лаврентий Гурджиев, политолог, публицист, с которым мы

ездили в Пхеньян, где получали лауреатские дипломы им. Ким Ир Сена за написанное о КНДР. Он уже долгие годы поддерживает связи с посольством, печатает материалы о стране в газете «Патриот», выступает с лекциями. Его новую книгу приняли в подарок с удовольствием. К ней эпиграфом взяты слова Черчилля: «Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма», что и доказывает материал книги, в которой автор приводит сотни высказываний, афоризмов, изречений Сталина, народных анекдотов, частушек, подчеркивающих остроумие вождя, используя данные периодических изданий, архивов, авторских книг. Книга хорошо распространялась, в том числе среди постоянных гостей посольства (тираж 3000 экз.) Но, тем не менее, разговор о переводе на корейский язык не состоялся из-за финансовых трудностей в стране.

Так что Ваш роман можно, а может быть, и нужно, передать. Но мой экземпляр (единственный) зарегистрирован в библиотеке, а другого нет. Поэтому, если Вы, Алексей Афанасьевич, решите направить, то можно или мне переслать для передачи и беседы или непосредственно в посольство, или же, если у Вас получится приехать, на какой-то из приемов (приглашение будет), то сами сможете передать послу и далее в Комитет.

Людмила Авдеева, Москва

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

НОВОСТИ | Общество

09.09.2013 08:12 Финал первого краевого конкурса чтецов прошел в Чите
Лариса Савина, Зоригто Батуев, Максим Лобачов

Любители русской поэзии юные и не только в стихах признались в любви к своей Родине! — Финал I краевого конкурса чтецов «Словом прекрасным — прекрасное в мире творим!» — прошел в зале Забайкальской краевой филармонии.

Конкурс стартовал еще в марте 2013 года. Всего в нем приняли участие более 120 человек, не только из Читы, но и со всех районов края. После двух отборочных туров в финалисты вышло только 34 участника. Причем самому старшему из них больше 75 лет, а вот самому младшему всего 7. Таня Колодезникова читает с ран-

него детства. Позади у нее уже два этапа конкурса и вот теперь финал, но она почти не волнуется.

Таня Колодезникова, участница конкурса чтецов: «Я уже привыкла к сцене. Я и пою давно, и рассказываю стихи, танцую. Я уже давно везде выступаю. И в Новоорловске, и на «Музыкальном дожде» была. Мне уже не страшно на сцене быть».

Александр Блок, Эдуард Асадов, **Яков Шафран**, Арсалан Жамбалон — со сцены в течение нескольких часов почти в полной тишине и взрослые и дети слушали стихи:

Работу чтецов оценивали представители краевого министерства культуры, актеры, преподаватели. По их словам, литературную жизнь в Чите необходимо развивать, выявлять больше талантливых, творческих людей. Между тем таких конкурсов сегодня все еще очень мало.

Екатерина Рябова, председатель жюри, актриса Забайкальского краевого драматического театра, заслуженная артистка РФ: «Действительно мало! Это вот первый такой конкурс. Я часто сижу на чтецкой среди школьников, а вот такой, он, конечно же, впервые. Я сомневалась, а нужно ли это. А сейчас вижу, что очень нужно. Просто нужно и для нас, кто слушает, и для выступающих, и для зрителей, которые приходят, — это очень приятно».

По завершению конкурса состоялось награждение дипломантов полуфинала конкурса на тему «Война. Народ. Победа». А вот абсолютными победителями I краевого конкурса чтецов стали: Цыцык Чултумова из Могойтуйского района, на втором Кирилл Новиков из Карымского района и 1 место у Марины Лозебных из Читы. Награждать победителей будут 2 сентября в краевой филармонии. Им вручат памятные знаки и планшеты.

Президенту
Академии российской литературы
Л. В. Ханбекову

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

по повышению качества работы Академии

1. По структуре Академии:

— структурирование по территориям, то есть ввести три-четыре отделения: Московское, Сибирско-Уральское, Европейской России (кроме Москвы и Подмосковья) и Русского Зарубежья; это не отменяет коллегии, то есть территориальное и коллегиальное (жанры) никак не заменяют друг друга;

— ввести две должности вице-президентов — из числа членов Правления Академии; один — по организационным вопросам, другой — по теории и идеологии современного литературного процесса;

— учредить коллегию писателей историков, этнографов и краеведов.

2. В рамках (активного) участия в общероссийском литературном процессе:

— занять принципиальную позицию по объединению всех (многочисленных) писательских союзов в единый Союз писателей России, но не под патронажем и диктатом нынешнего СРП;

— «присоединиться» к активному лоббированию принятия ГД ФС РФ «Закона об общественных объединениях (организациях)»;

— принять (открытым голосованием) «Манифест современного русского критического реализма» (с дополнениями, изменениями и пр., высказанными в дискуссии, организованной журналом «Приокские зори») за литературно-идеологическую основу современного литературного процесса;

— наладить (укрепить) неформальные творческие контакты с другими литературными академиями России и Зарубежья (русскоязычными).

3. Другие предложения:

— унифицировать (как то принято во всех академиях) наименования членства: убрать кандидатов, а ввести только два звания: член-корреспондент и действительный член (академик);

— официально на съезде (собрании) Академии утвердить «Московский Парнас» и «Приокские зори» в качестве официальных органов печати АРЛ; рассмотреть в дальнейшем предложения других изданий;

— учитывая, что провинциальные литераторы «нищи аки церковные крысы», то есть Академия в основном пополняется своими членами за счет более богатой Москвы, изменить форму оплаты за членство в Академии, а именно: максимально снизить вступительный взнос до 2...2,5 тыс. рублей, но увеличить ежегодный членский взнос, ибо $1+4 = 5$ равнозначно $5+0 = 5$.

— официально признать полезной инициативу «Приокских зорь», уже третий год проводящих дискуссии по актуальным вопросам литературы; усилить интерес членов Академии к этим дискуссиям. Публиковать «забойные» к дискуссиям «Колонки главного редактора» («Приокские зори») также в «Московском Парнасе» и (по возможности) в близких по духу к АРЛ журналах.

*С уважением, член Правления АРЛ,
главный редактор «Приокских зорь»*

А. А. Яшин

ЖУРНАЛ — ПОМОЩНИК В РАБОТЕ

В рамках дня Тульской областной детской библиотеки зав. сектором краеведения Татьяна Сергеевна Митина участвовала в проводившемся Дне знаний для детских библиотек области и библиотек, обслуживающих детей. В Дубенской, Одоевской и Чернской районных библиотеках, где присутствовали и работники сельских библиотек данных районов, работниками детской областной библиотеки была представлена программа — «Методический краеведческий материал для занятий с детьми «Тульские усадьбы — жемчужины России». А для детей был организован урок экотуризма на основе той же электронной программы, адаптированной для детского возраста. Библиографы рассказали о судьбе известных памятников культуры и истории области и о людях, которые жили в этих усадьбах. С большим интересом был воспринят рассказ Т. С. Митиной о богородицкой усадьбе, ее управляющем, известном тульском энциклопедисте Андрее Тимофеевиче Болотове и основанном им первом в России детском драматическом театре. Большим подспорьем для Татьяны Сергеевны в этом стал журнал «Приокские зори», в № 4 за 2009 год которого опубликованы в рубриках: «К 270-летию со дня рождения писателя, ученого и просветителя Андрея Тимофеевича Болотова» — статья Валерия Ганичева «Тульский энциклопедист»; и «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников» — работа Алексея Логунова «Агроном всея Руси: Сказания». А в № 2 за 2008 год в рубрике «Музеи Тулы и Тульской области» — статья Светланы Полищук «Богородицкий дворцово-парковый ансамбль». Много полезного Т. С. Митина почерпнула из материала, опубликованного, еще до выхода № 3 за 2013 год из печати, но размещенного в электронном виде на сайте «Приокских зорь» <http://www.pz.tula.ru/>, к 275-летию А. Т. Болотова — статьи Рагима Мусаева «Репертуарная политика первого детского театра России». Рассказ с большим интересом был воспринят слушателями. Как отметила Митина, журнал «Приокские зори» неоднократно помогал и помогает ей и другим работникам библиотеки в работе, в несении людям знаний и культуры. Публикации журнала имеют широкий диапазон как по географии авторов, так и по тематике и жанрам произведений. По праву журнал носит звание всероссийского литературно-художественного и

публицистического журнала, продолжающего традиции великой русской и советской литературы.

*Яков Шафран,
Тула*

* * *

**Литературно-общественный журнал «Голос Эпохи», выпуск 4, 2013
(г. Москва)**

В очередном выпуске журнала опубликованы произведения членов редколлегии «Приокских зорь»:

— Алексей Яшин. Последний граф Империи (повесть)

— Яков Шафран. Краски осени (стихи)

Журналы «Голос Эпохи» и «Приокские зори», начиная с 2012-го года, активно сотрудничают, постоянно обмениваются «портфелями» редакций.

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
Юбилейные мероприятия,
посвященные 80-летию Литературного института им. А. М. Горького**

2 декабря, в 11:00 — *Международная научная конференция «Литературный институт в истории страны и отечественной литературы»* (Литинститут, ауд.3)

3 декабря, начало в 15:00 — *Поэтический фестиваль* выпускников и преподавателей Литинститута разных поколений с участием музыкантов и вокалистов. (Большой зал ЦДЛ)

Ведущие — О. Николаева, Г. Красников

Перед началом фестиваля в 14:00 — презентация.

4 декабря, начало в 17:00, встреча гостей с 15:00

Торжественное собрание и Съезд выпускников с участием представителей творческих союзов, государственных органов, общественных организаций, дипломатических ведомств, деятелей искусства. (Большой зал ЦДЛ)

Ведущий — Б. Н. Тарасов, Ректор Литературного института им. А. М. Горького

Афиша фестиваля

Литературный институт им. А. М. Горького
при поддержке Министерства Культуры Российской Федерации

Созвучие времен

80-летию Литературного института посвящается

**Всероссийский Фестиваль искусств для детей и юношества
ноябрь**

«Под сенью дружных муз» (в различных видах искусств: художественное слово, танец в контексте литературного произведения, авторская песня, вокальное исполнение на стихи поэтов-выпускников Литинститута) — **6—30 ноября**;

«Театральная осень», памяти В. Розова (100лет со дня рождения) — **11—30 ноября**;

Литературный конкурс в номинациях: короткая проза, поэзия, художественный перевод, портрет писателя (деятеля искусств) — **1—30 ноября**;

Открытый мир медиатворчества — **1—16 ноября**;

Подведение итогов — **30 ноября**, 11:00 Литературный институт, ауд. 3.

Мастерские искусств

ноябрь

Круглые столы для участников фестиваля — **16—30 ноября**;

Творческие встречи — **15 ноября — 4 декабря**;

Семинары для педагогов дополнительного образования — **15 ноября — 10 декабря**;

Творческие мастер — классы: (гитара, вокал) — **15 ноября — 8 декабря**;

Гитара — суббота с 13:30 ауд.30; вокал — среда с 17:00 ауд.35 (Литинститут).

Литературные мастерские

30 ноября — 1 декабря (Литературный институт)

Литературные мастер-классы: проза, поэзия, драматургия, художественный перевод;

Циклы лекций-презентаций: «Выпускники Литинститута в книгах», «Детский автор», «Жизнь замечательных людей — юношество»;

Медиамир: презентация детских сайтов и сайтов для детей и детских авторов («Оранжевый верблюд» и «Капитошкин дом»), альманаха («Енисейка»), детских литературных клубов и объединений («Рыжий кот» и «Белая мышь»);

Презентация альманаха «Новый Енисейский Литератор» — 1 декабря (Литинститут);

Экскурсии: «Легенды и тайны Москвы», «Литературные памятники Москвы».

Литературный фестиваль

2—4 декабря

Встречи с писателями, выпускниками и преподавателями института:

Международная научная конференция «Литературный институт в истории страны и отечественной литературы» — **2 декабря** в 11:00 (Литинститут, ауд. 3);

Презентация Литературного журнала «Аргмак» (Татарстан) — **2 декабря** в 19:00 (Библиотека им. Н. А. Некрасова);

Литературная экскурсия: «Шестидесятники — громкие лирики XX в.: Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Рождественский» — **3 декабря** в 11:00 от Литературного института — Тверской бульвар-25, завершение в 14:00 у ЦДЛ (экскурсия автобусная, по предварительной записи — museum@litinstitut.ru)

Презентация альманаха «Тарусские страницы» — **3 декабря** в 14:00 (ЦДЛ);

Поэтический праздник с участием выпускников и преподавателей разных поколений, музыкантов и вокалистов. — **3 декабря** в 15:00 (Большой зал ЦДЛ)

Ведущие — поэты *О. Николаева, Г. Красников*;

Торжественное собрание и Съезд выпускников с участием представителей творческих союзов, государственных органов, общественных организаций, дипломатических ведомств, деятелей искусств — **4 декабря** в 17:00 (Большой зал ЦДЛ)

Ведущий — *Б. Н. Тарасов, Ректор Литературного института им. А. М. Горького*

* * *

museum@litinstitut.ru

Уважаемый Алексей Афанасьевич, приглашаем Вас на юбилей Литературного института, высылаем общую программу, сложившуюся на сегодняшний день. Всего доброго.

* * *

rectorat@litinstitut.ru

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

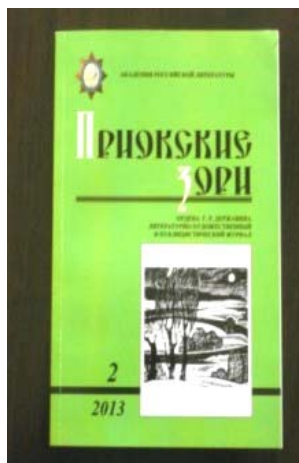
Приглашаем вас принять участие в международной конференции и торжествен-

ных мероприятиях, посвященных празднованию 80-летия Литературного института им. А. М. Горького, которые будут проходить 2—4 декабря 2013 г.

Всего доброго,

Ректор Тарасов Б. Н.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ —
СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА
ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ РОССИИ В МОЗАМБИКЕ**
<http://schoolmozambik.edusite.ru/p45aa1.html>

Нам было очень приятно увидеть знакомые лица своих одноклассников на страницах серьезного журнала. Посмотреть, как все это выглядит в интернете, ознакомиться с содержанием всего номера и архивом журнала «Приокские зори» можно по электронному адресу: www.pz.tula.ru А «бумажный» экземпляр журнала И. В. Карлов передал в нашу библиотеку.

Я привез в Мапуту юбилейный «яшинский» номер «Приокских зорь», в котором и дети, и родители, и учителя с удовольствием рассматривали фотографии, читали строки о себе. Небезынтересным оказалось для многих и знакомство с самим журналом, многими оценен факт его существования...

Оценил и изменения интерфейса сайта журнала. Сайт стал как-то мобильнее, современнее.

**Игорь Карлов,
г. Мапуту, Мозамбик**

ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» В «ВИКИПЕДИИ»

Приокские зори [править исходный текст]*

Материал из Википедии — свободной энциклопедии.

Текущая версия.

Специализация: литературно-художественный и публицистический.

Периодичность: 1 раз в 3 месяца.

Язык: русский.

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920. Главный редактор: Алексей Яшин. Учре-

* Специфика энциклопедии «Википедия» материал может с течением времени пополняться; отсюда и указания в квадратных скобках [...].

дители: ООО Издательство «Неография». Издатель: издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России. Страна: Россия. Дата основания: октябрь 2005 года. Тираж: 500. Веб-сайт: <http://www.pz.tula.ru/>

«Приокские зори» — российский ежеквартальный литературно-художественный и публицистический журнал, издающийся в Туле с 2005 года. Содержание: 1. История 2. Главный редактор 3. Авторы 4. Редколлегия 5. Примечания 6. Ссылки.

История Журнал «Приокские зори» был основан в октябре 2005 года. Изначально редакция (редколлегия) состояла из восьми человек: главного редактора и его заместителя, ответственного секретаря и пяти членов редколлегии — все из Тулы и Белева.

В четвертом томе своих «Сочинений» президент Академии российской литературы Леонид Ханбеков пишет: «Вовсе не случайно то, что местная писательская организация доверила ему возглавить первый тульский литературный журнал «Приокские зори». И, сам редактор, вижу, что с «портфелем» у «Приокских зорь» нет проблем... Едва стартовав в 2005 году «пилотными» выпусками, уже в 2007 году журнал всерьез заявил о себе четким ежеквартальным выходом» [1]. Само же название журнала далеко не случайно: во-первых, «зори» — символ непредвзятости литературной жизни; во-вторых, Тульская область расположена «при Оке» — западная и северная граница области проходят как раз по течению великой среднерусской реки. «Литературная газета» пишет о № 1, 2009 г. журнала: «Свой мини-юбилей у «Приокских зорь» — пятый год издания. За это время журнал стал подлинно межрегиональным, вырос тираж. В постоянной практике журнала — издание тематических номеров...» [2].

Первоначально журнал «Приокские зори», как межрегиональный, ориентировался на публикации авторов Тульской, Калужской, Орловской и Курской областей, но уже вскоре приобрел статус всероссийского, а де-факто и международного издания. С этого времени среди постоянных авторов журнала — литераторы России, Украины, Латвии, Китая, Германии, США, Израиля, Англии, Италии и других стран.

С самого начала журнал печатается попечительством Тульского госуниверситета (ректор М. В. Грязев) и благодаря общественной работе редколлегии и редакции журнала. Учредитель журнала «Приокские зори» — ООО Издательство «Неография». Журнал зарегистрирован Управлением ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области. Свидетельство о регистрации от 5 марта 2009 года ПИ ТУ 71-00079.

Журнал выходит ежеквартально тиражом 500 экземпляров. Полный текст также представляется на официальном сайте журнала, а также на сайте Содружества литературных проектов «Русское поле». По эгидой «Приокских зорь» издается литературно-музыкальный альманах «Ковчег» и две книжные серии: «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори».

Редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова». [3].

Журнал содержит следующие рубрики: «Колонка главного редактора», «Юбилей выдающихся русских классиков», Проза (подразделяется от номера к номеру по подразделам: «Роман», «Повесть», «Пьеса», в каждом номере: «Современный русский рассказ»), «Образы и тропы поэзии», «От Волги до Амура: Современная литература Поволжья и Сибири», «Русское литературное Зарубежье. Переводы», «Тверской бульвар — 25 в «Приокских зорях», «Публицистика», «Литературоведение, литературная критика, рецензии», «Хроника литературной жизни», «Personalia», «Актуальное интервью» и другие («разовые») рубрики. В рубрике «Актуальное интервью» в разные годы представлены интервью с известными людьми: Тимуром Зульфика-

вым [4], Митрополитом Тульским и Ефремовским Алексием (Кутеповым) [5], Валерием Масловым [6], Павлом Басинским [7], Виктором Пахомовым [8], Валентином Сорокиным [9], В. В. Жириновским [10], [11], а также с гл. редактором Алексеем Яшиным [12], [13].

Информационную поддержку «Приокским зорям» осуществляют: «Литературная газета» [14], «День литературы» (Москва) [15], журнал «Подъем» (Воронеж), «Истоки» (Красноярск) [16] и «Московский Парнас» [17], газеты «Слобода» (Тула), «Тульская правда» и «Щекинский вестник».

География авторов — широкая; в журнале «Приокские зори» представлены произведения писателей, поэтов и литературных публицистов Тулы и Тульской области, а также (и по преимуществу) творчество литераторов из многих областей России, ближнего и дальнего Зарубежья.

Вот что сказал в своем выступлении по радио ГТРК «Тула» журналист Виктор Щеглов: «Удачным выдался 2011 год для регионального литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Интерес к изданию проявили две крупнейшие библиотеки — Конгресса США и Сизэла, пожелавшие иметь у себя номера журнала...» [18].

Главный редактор. Главным редактором с момента основания журнала и по настоящее время является прозаик Алексей Яшин (Тула).

Авторы. Имена авторов, наиболее известных в России, в ближнем и дальнем Зарубежье, в Тульской области и, как правило, сотрудничающих с журналом на протяжении всех лет его издания, приводятся в порядке первых публикаций в журнале. Николай Дружинин, Иван Еронин, Наталия Парыгина, Владимир Сапожников, Ирина Пархоменко, Вячеслав Алтунин, Александр Хадарцев, Валерий Ксенофонтов, Иван Рыжов, Николай Дронов, Николай Минаков, Николай Милонов, Петр Сальников, Виктор Пахомов, Валентин Киреев, Геннадий Маркин, Олег Кочетков, Константин Струков, Владислав Аникеев, Сергей Галкин, Николай Любин, Николай Боев, Валерий Савостьянов, Виктор Греков, Алексей Корнеев, Алексей Логунов, Гюлаб Мартиросян, Сергей Норильский, Иван Панькин, Михаил Крышко, Борис Голованов, Виктор Дронников, Вячеслав Боть, Валерий Маслов, Александр Зиновьев, Николай Макаров, Геннадий Иванов, Николай Переяслов, Юрий Орлов, Аркадий Шипунов, Рудольф Артамонов, Василь Симоненко, Владимир Суворов, Валерий Ходулин, Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов, Александр Проханов, Роман Тишковский, Владимир Резцов, Феликс Кузнецов, Олег Пантюхин, Наталья Шубникова-Гусева, Ирина Кедрова, Вячеслав Дудка, Леонид Ханбеков, Марина Баланюк, Саймон Себаг-Монтефиоре, Владимир Мирнев, Наум Ципис, Яков Шафран [19], Наталья Квасникова, Игорь Золотусский, Тамара Булевич, Чжао Хуань, Джульетто Кьеца, Игорь Карлов, Валерий Ганичев, Борис Тарасов, Диана Кан, Сергей Лебедев, Сергей Прохоров, Валентин Сорокин, Игорь Нехамес, Игорь Лукьянов, Людмила Авдеева, Кирилл Усанин, Вячеслав Лютый, Геннадий Красников, Тимур Зульфикаров, Лев Дуров, Ефим Гаммер, Сергей Гора, Всеволод Кузнецов, Владимир Бояринов, Лариса Яшина, Митрополит Тульский и Белевский Алексий (Кутепов), Федор Ошевнев, Рагим Мусаев, Ольга Пономарева-Шаховская, Нина Попова и многие другие.

Редколлегия. Авдеева Л. Е. Баланюк М. Г. Боть В. И. Гаммер Е. А. Ганичев В. Н. Греков В. Я. Квасникова Н. В. Курова И. Н. Ксенофонтов В. И. Лебедев С. А. Маркин Н. Г. Нехамес И. М. Пантюхин О. В. Парыгина Н. Д. Пахомов В. Ф. Прохоров С. Т. Резцов В. В. Сапожников В. Г. Сорокин В. В. Хадарцев А. А. Ханбеков Л. В. Шафран Я. Н. Янгол О. В.

Примечания. ↑ Показывать компактно ↑ Леонид Ханбеков. Сочинения. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.— С. 80—81. ↑ «Литературная газета», 8—14 июля 2009 г., № 18 (6232) ↑ лауреатами литературной премии журнала «Приокские зори»

«Левша» им. Н. С. Лескова становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам: проза, включая драматургию; поэзия; публицистика, включая историко-политическую; литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию ↑ Интервью с Тимуром Зульфикаровым «Степень мертвенности нашего общества сегодня очень велика» «Приокские зори», № 1, 2011 г. ↑ Интервью с Митрополитом Тульским и Ефремовским Алексием (Кутеповым) ↑ Интервью с Валерием Масловым, Председателем межрегионального СП и Директором Тульского областного Фонда поддержки творческой интеллигенции «Любая нация берет духовные силы из собственной культуры» ↑ Интервью с Павлом Басинским «Сегодня серьезному писателю очень трудно выйти к читателю» ↑ Интервью с Ответственным секретарем Тульского отделения Союза писателей России Виктором Пахомовым «Как часть русской литературы» ↑ Интервью с Валентином Сорокиным «Высшие литературные курсы» ↑ Интервью с председателем ЛДПР В. В. Жириновским «Главное — позиция автора» ↑ Интервью с председателем ЛДПР В. В. Жириновским «Сохранить величие русской литературы...» ↑ Интервью с главным редактором журнала «Приокские зори» Алексеем Яшиным «Среди долины ровныя...» ↑ Интервью с Алексеем Яшиным «Десять вопросов главному редактору» ↑ «Литературная газета», 2006—2011 гг. — регулярные сообщения-аннотации о выходе очередных номеров «Приокских зорь» ↑ «День литературы», архив, с 2011 г. по настоящее время — подробный анализ содержания выходящих номеров журнала ↑ Информация о журнале «Приокские зори» в журнале «Истоки» (Красноярск) ↑ Информация о журнале «Приокские зори» в журнале «Московский Парнас» ↑ Текст выступления Виктора Щеглова на сайте «Вести» ГТРК «Тула» ↑ Яков Шафран

Ссылки. Официальный сайт литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»; Архив журнала «Приокские зори» на сайте Содружества литературных проектов «Русское поле»; «Литературная газета», 2006—2011 гг. — регулярные сообщения-аннотации о выходе очередных номеров «Приокских зорь»; Наталия Кириленко, «Тоска по идеалу», 2006 г. «Тульская областная научная библиотека»; «Великороссъ: Сетевой литературно-исторический журнал» 2012/03/15; Журнал «Тульский Арсенал»; «Проза. Ру» Литературный обзор «Приокских зорь»: Авторский альманах «MagRet» и персональный сайт Ефима Гаммера (Израиль); «Хронос» Информация о журнале «Приокские зори» в «Литературной газете», «Российском писателе» и др. в 2008—2013 гг.

Категории. Журналы по алфавиту Журналы на русском языке Литературные журналы России Публицистические журналы Журналы России по алфавиту.

...В «Википедии» помещена и статья-персоналия об А. А. Яшине.

* * *

14-го сентября 2013-го СУК «Тульская библиотечная система» провела на базе Центральной городской библиотеки им. Л. Н. Толстого творческий конкурс «Я вновь открываю Толстого» — к 185-летию со дня рождения нашего великого земляка. В различных номинациях дипломантами конкурса стали члены редколлегии, редакции и читатели «Приокских зорь»: Марина Баланюк, Лариса Чусова, Александр Хадарцев, Яков Шафран, Алексей Яшин.

Там же 14 декабря 2013-го года состоялась творческая встреча редколлегий журналов «Приокские зори» и «Золотая Ока» (Калуга).

*Редколлегия и редакция «Приокских зорь»
поздравляет победителей конкурса
и желает им дальнейших успехов в творчестве.*

ПОСОЛЬСТВО КОРЕЙСКОЙ
НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

119590, г. Москва,
ул. Мосфильмовская, 72
тел.: (499) 143-62-31
факс: (499) 143-63-12

№ 494

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ
ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Г-ну ЯШИПУ А. А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Посольство Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации свидетельствует свое уважение Вашему журналу «Приокские зори» и имеет честь выразить благодарность за публикацию к 65-й годовщине образования Народно-Демократической Республики поэмы Людмилы Авдеевой «День Солнца длится дольше века», посвященной великому вождю Ким Ир Сёну.

Публикация на страницах Вашего уважаемого журнала поэмы талантливой московской поэтессы Л. Авдеевой, в которой выражены искренние чувства глубокого уважения к великому вождю Ким Ир Сёну. Внимание Вашего журнала к героической истории корейского народа за свободу и независимость страны, способствует развитию и укреплению российско-корейского культурного сотрудничества, укреплению дружбы, взаимного уважения и добрососедства между нашими странами и народами.

Высоко ценя Ваши усилия в оказании содействия российской интеллигенции в сохранении и приумножении исторических связей наших стран, отвечающих духу сохранения мира и спокойствия в Северо-Восточной Азии, Посольство желает Вам и всему творческому коллективу больших успехов в работе и роста читательского интереса к публикуемым материалам в Вашем журнале.

С уважением,

Москва, 19 сентября/100 года чучхе (2013)

Благодарственное письмо от имени Посольства КНДР подписано Чрезвычайным и Полномочным послом КНДР в РФ товарищем Ким Ен Дже.

ПРИГЛАШЕНИЕ К КУЛЬТУРНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ
С ТАЙВАНЕМ

**Факс 8(4872) 33-13-05,
Тульский государственный университет,
Медицинский институт, профессору А. А. Яшину,
главному редактору журнала «Приокские зори»**

*In celebration of
the Double Tenth National Day
the Representative of the Representative Office in Moscow
for the Taipei-Moscow Economic and Cultural Coordination Commission
and Mrs. Antonio C. S. Chen
request the pleasure of your company at a Reception
on Wednesday, 9 October, 2013 18:00 to 20:00 at Grand Ballroom
Marriott Grand Hotel
26 Tverskaya Street, Moscow*

*По случаю празднования
Национального Дня Двух Десяток
Глава Представительства в Москве
Тайбэйско-Московской координационной комиссии
по экономическому и культурному сотрудничеству
г-н Антонио Цзюнь Сянь Чэнь с супругой
имеют честь пригласить Вас на прием,
который состоится в среду,
9 октября 2013 года с 18:00 до 20:00 в Большом Банкетном Зале
Гранд-Отеля «Мариотт»
Москва, Тверская ул., д. 26*

«ЕНИСЕЙ» И «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Редакция «Приокских зорь» получила письмо от Тамары Булевич из Красноярска. Долгое время Тамара Анатольевна возглавляла в нашем журнале отдел литературы Сибири. В настоящее время она является зам. главного редактора одного из самых солидных сибирских журналов «Енисей», однако не прекращает творческих связей с «Приокскими зорями». Публикуем ниже ее письмо и фотографии полученных ею наград.

Добрый день, дорогой Алексей Афанасьевич!

Спасибо за такое теплое, дружеское письмо. Я часто вспоминаю Вас. Ваше письмо, наконец-то, нашло адреса. Меня все лето не было дома: в Германии стала лауреатом международного конкурса «Ее величество книга!» и получила Нику за книгу «Плач рябины», потом учеба в Хорватской академии русской Литературы и Памятная медаль за ту же книгу ХАРЛи /г. Опатия/, презентация «Плача рябины» — повести о сибирском фронтовике Егоре Демине — в Коломые /Украина/, в г. Кустанае и в

станции Пресногорьковской /Казахстан/. Конечно же, с отдыхом и рыбалкой, встречами с моими гостеприимными казаками, застольями, банькой, ухой и шаньгами, длинными беседами у нежаркого, степного, костра. Предвидя длительное турне, ключ от почтового ящика отдала племяннику, ключ особый, в единственном экземпляре. Почта только бросает в ящик корреспонденцию, а открыть его... ни-ни! Племянник недавно вернулся с Ямала, и я второй день разбираю два мешка корреспонденции.

...С «Енисеем» много проблем (замена типографии, верстальщика), но главная — впереди. Мы с главным редактором В. Я. Шаниным уже знаем, что министерство культуры нашего края с января прекращает финансирование «Енисея», ссылаясь на отсутствие дотационных средств из Москвы. Вышло всего три номера. Журнал пользовался большим спросом у читателей, имел приличный авторский диапазон от севера до юга и вот... тупик. Мы принимаем, конечно, меры по его спасению, но пока никто не спешит дать нам миллион... Идет верстка январского (14 г.), думаю, последнего... А мою душу больно царапает навязчивая мысль: губернатор, министерство душат «Енисей» за четкую гражданскую направленность, патриотизм, ностальгически добрые воспоминания и чувства к утраченному былому... Без рукоплесканий сегодняшнему дню, его деяниям...

Собственным нутром и кожей прочувствовала, как нелегко приходится Вам, Алексей Афанасьевич, вытягивать на дорогу жизни, дорогу признания «Приокские зори». Да еще оказаться, в наше-то время, с орденом Державина! Низкий поклон Вам за это мужество и от меня, давнего автора «ПЗ»!

Спасибо на добром слове, оно всегда ко времени... А вложенные файлы — это мои летние трофеи в Германии и Хорватии.

С уважением, Тамара Булевич, г. Красноярск

...Мы также отметили творческие успехи Тамары Анатольевны: по представлению редакции «Приокские зори» она награждена памятной медалью «100 лет газете «Правда».

НАШИ НАГРАДЫ

По представлению журнала «Приокские зори» ряд членов его редколлегии, редакции и технических служб награждены юбилейной медалью к 95-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Вне всякого сомнения, ВЛКСМ имел самое прямое отношение к развитию и поддержанию литературного процесса в СССР: комсомольские издательства, литературно-художественные и публицистические журналы, литературные страницы комсомольских газет, проводимые под эгидой ЦК ВЛКСМ и Союза писателей СССР всесоюзные совещания и семинары молодых писателей... Всего вкратце не перечесть; подлинно в те годы ВЛКСМ дал путевку в жизнь не одному поколению писателей, составивших гордость советской литературы. Поздравляем наших награжденных:

Комсомолка Н. В. Квасникова, ныне зам. главного редактора «Приокских зорь», лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Комсомолка И. Н. Кедрова (Дружинина), член бюро ВЛКСМ в Московском педучилище № 3, МГПИ им. В.И. Ленина и УДН им. П. Лумумбы, ныне зав. отделом журнала

Комсомолка М. Г. Баланюк, секретарь организации ВЛКСМ в Тульском высшем артиллерийском командном училище, ныне зав. редакцией журнала

Комсомолец А. А. Яшин, зам. зав. сектором Совета молодых ученых и специалистов Тульского обкома ВЛКСМ, лауреат премии Тульского комсомола в области науки и техники

Комсомолец С. В. Никитин, член бюро ВЛКСМ в Таганрогском радиотехническом институте; ему журнал уже восемь лет обязан профессиональной версткой

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО!

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляет бывшего зав. редакцией, а ныне ответственного секреторя журнала Якова Шафрана с приемом в члены Союза писателей и переводчиков при Московской городской организации Союза писателей России.

Также поздравляем наших тульских авторов Ирину Пархоменко из Плавска, Галину Лялину из Донского и Татьяну Шеленину из Алексина с приемом в члены Академии российской литературы.

УТРАТЫ

Академия российской литературы сообщает о безвременной кончине критика, руководителя коллегии критики и литературоведения ЛЕОНИДА МОЛЧАНОВА

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.03.2014
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы, исключая поэзию, представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. Поэзия представляется по e-mail: sensei419@yandex.ru зав. отделом поэзии Резцову Владимиру Вадимовичу.

С признательностью — редколлегия журнала

**К ЮБИЛЕЮ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ**
(См. статьи в тексте)

*Тулский областной художественный музей, 1964 г.
(Архитектор П. М. Зайцев)*

*Серов В.А. Феб Лучезарный, 1887 г.
(Из собраний Музея)*

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н.С. ЛЕСКОВА
ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
В 2013 ГОДУ**

Яков Наумович Шафран — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикации — рассказы и повесть — 2013-го года по их совокупности («ПЗ» №№ 1—4, 2013). Главный редактор литературно-музыкального альманаха «Ковчег» (Библиотека журнала «Приокские зори»). Живет и работает в Туле.

Олег Викторович Пантюхин — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» №4, 2013) и сборник избранных стихотворений, вышедший в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Живет в Щекино, работает в Тульском государственном университете.

Игорь Григорьевич Герасимов — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за первый в мировом литературоведении стихотворный перевод (не переложение!) «Слова о полку Игореве» («ПЗ» №3, 2013). Доктор биологических наук, кандидат химических наук, профессор, научный работник. Живет и работает в Донецке на Украине.

Владимир Вадимович Резцов — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за документально-историческую повесть «Юра, Сережа и бессмертие» («ПЗ» № 2, 2013) — К 70-летию подвига молодогвардейцев: о Сергее Тюленине и его друге Юрии Виценовском — дяде В. В. Резцова. Живет и работает в Калининграде.

Александр Иванович Субетто — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за философский очерк «Ноосферно-социалистическая миссия XXI века» («ПЗ» № 3, 2013). Президент Ноосферной общественной академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, полковник Космических войск в отставке, строил военный космодром в Плесецке. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

